

1893.

VII

VII

ХАРЬКОВСКИЙ СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „Харьковскому Календарю“ на 1893 годъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ

В. В. Иванова.

Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ 7-й.

Цѣна вмѣстѣ съ Календаремъ 1 р. 50 к.

ХАРЬКОВЪ,
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1893.

ЛА
КАФЪ
ЛКА

18/16
3/6

39/2

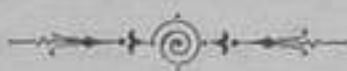

с 591 Хар
А 32

с 595 Хар
X 23

ХАРЬКОВСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“
на 1893 годъ.

ВЫПУСКЪ 7-й.

ИЗДАНИЕ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

В. В. Иванова.

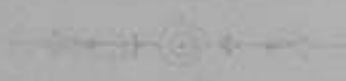
ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 16.
1893.

ХАРЬКОВСКИЙ

ВЪ ОФИСѢ ПЕЧАТАНИИ

1893 г. 15-го числа
№ 22

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВЪ ПЕЧАТАНИИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ НАСТАВНИКА ПЕЧАТАНИИ

В. В. НВАНОВА.

ХАРЬКОВЪ

1893

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отъ редакціи	I
1.—Современная деревня въ Харьковской губерніи. <i>В. В. Иванова.</i>	1
2.—Харьковъ по переписи 1892 года. <i>А. А. Русова</i>	29
3.—О сбереженіи почвенной влаги и возвышеніи доходности зем- ли. <i>В. И. Мезенцова</i>	67
4.—Матеріалы къ столѣтію Харьковской каѳедры. Христофоръ— первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. <i>Прот.</i> <i>Н. А. Лашенкова</i>	121
5.—Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. <i>А. Д. Твердохлѣбова.</i>	263
6.—Очерки растительности Харьковской губ. и прилегающихъ къ ней мѣстностей. (Продолженіе). <i>Л. О. Павловича</i>	320
7.—Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Харьковскомъ краѣ (XVII—XIX в.). <i>Д. И. Багалъя</i>	356
8.—Значеніе обычнаго права въ народномъ судѣ. <i>Н. С. Илларио- нова</i>	387
9.—Матеріалы для изученія обычнаго права въ Харьковской губ. Гл. I. О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда	395
10.—Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губ. Слобода Кабанье. <i>А. В. Ивановой</i> и <i>П. Марусова</i>	413
11.—Программа для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обы- чаяхъ	461

Подобное «уравнивание» замѣчается и въ разныхъ сферахъ народной жизни. Въ одной сферѣ сближеніе совершается быстро, въ другой медленно. Традиціонная вражда, напр., между «хохлами» и «москалями», коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаютъ смягчаться. Эти «совсѣмъ разные народы», столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими, «національными стѣнами», начинаютъ «переглядываться», оказывать обоюдное вліяніе. Уравниваетъ ихъ и общее теченіе помимо ихъ воли. «Крутая» рѣчь хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ—«жупаны-ківъ». «Русскіе» начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводятъ въ свою рѣчь хохлацкія слова. Представители разныхъ національностей еще мало «берутся»: хохоль не женится на москвкѣ, такъ какъ она «кислая», но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушекъ. Прежніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество, прежніе отщепенцы-сосѣди изъ русскихъ, среди которыхъ вообще слабо развиты промыслы въ Харьковской губ., прибѣгаютъ къ услугамъ хохлацкихъ ремесленниковъ. Обычай не пересаживаются, но характерные обычаи временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая сліянію,—эти «плахты», «запаски», эти «сарфаны», «юпки»—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричнаго ситца. «Русскій» устойчивѣе хохла: «москаля хоть въ ролі вары, все винъ...—москаль». Но у мѣстныхъ «москалей» замѣчается уже «выщелачиваніе» національныхъ особенностей. Вырабатывается нѣчто нейтральное, общее.

Не менѣе враждебными «мірами» были помѣщичьи и государственные крестьяне. Вѣчная ссора, насмѣшки, ругань сопровождали ихъ отношенія. Общенія почти не было. По развитію, взглядамъ, особенностямъ, по своимъ бытовымъ и экономическимъ устоямъ, они отличались не менѣе, чѣмъ представители разныхъ національностей. «Вольные» смотрѣли на «панскихъ», какъ на людей дикихъ, оголенныхъ, поголовныхъ воровъ и грабителей. Истощенные много-дневной «панщиной», крѣпостные дѣйствительно совершали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые набѣги на вольные хутора, опустошали ихъ бакши, огороды, воровали въ полѣ, изъ хатъ, на базарахъ, изъ лавокъ государственныхъ крестьянъ. Хвастаясь своими подвигами, они имѣли сильную защиту со стороны своего «пана», хотя и жестоко преслѣдовавшаго воровство дома. «Рогы»,—какъ дразнили вольные панскихъ за ихъ привычку ню-

хатъ изъ рожка свой домашній курительный табакъ перетертый съ золою,—находились въ постоянной враждѣ съ «люльками»,—какъ обмѣнивались панскіе съ вольными «куріями». Теперь вражда уничтожилась и завязались добрыя отношенія; сглаживаются пріемы, обычаи, замѣчается во многомъ полное тождество. Обнаруживается явное подражаніе государственнымъ крестьянамъ, играющимъ вообще роль просвѣтителей.

Правовая грань рухнула, національныя «стѣны» разбираются, но съ этимъ процессомъ уравниванія замѣчается другое движеніе, процессъ противоположнаго характера. Являются новыя особенности, возникаютъ новыя различія. «Міры» сближаются, но увеличивается пропасть, раздѣляющая «классы». Центръ тяжести перемѣщается. Національная и правовая сила уступаетъ силѣ экономической. Нити, соединявшія людей общей племенной группы, разрываются подъ давленіемъ новой разобщающей силы, а «мода», удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ, отмѣчаетъ новую кристаллизацию населенія по «духу» и состоянію.

Въ современной деревнѣ замѣчается мало солидарности, мало общихъ интересовъ и наблюдается много фактовъ, выражающихъ борьбу. Постоянно слышится: «И ты, бісівъ сынъ, чортивъ голякъ, рівняйся до мене! Я тебе куплю и продамъ. У тебе одна душа при тілі, кішки нема въ хаті, а я хозяинъ».—«Да чорты твого батька беры! Я хоть и бідный, да чесный. Ты мене своимъ богатствомъ не годуешь, а самъ не найсысь николю зъ другихъ дерешь. Воно тобі випадкомъ вынаде коли небудь. Пропадешь ты, и все твое богатство згине, або пожаромъ підниметця: бо ше бога за бороду не взявъ. Э,—знайте его, шо винъ богатый! Не бушуй же, не бушуй, гордію,—бо якъ здавлю такъ напляшешься».

Интересно посмотрѣть на народную жизнь глазами самаго народа, прислушаться къ его взглядамъ, выслушать его собственное мнѣніе о своей жизни. Далеко не однородною массою представится тогда наше крестьянство. Своеобразные классы съ разными взглядами, обычаями и интересами замѣчаются среди этого съ виду однороднаго люда.

Въ промысловомъ, напр., селеніи государственныхъ крестьянъ, по мнѣнію самыхъ крестьянъ, существуетъ четыре опредѣлившихся класса: «жупаныкы», «дукачи», «мужыкы» и «голь». Народ-

ныя названія эти еще не ясны; признаки классификаціи населенія оказываются различными, такъ какъ одни названія указываютъ на внѣшній видъ, другія на занятіе или состоятельность. Названія не настолько общи, чтобы охватить всѣхъ, принадлежащихъ къ данному классу,—ремесленники стоятъ какъ бы внѣ классовъ или всѣ они могутъ быть причислены къ первому, такъ какъ ходятъ большею частью въ «панскій одежі». Но этими названіями мѣтко обозначается общій духъ каждаго класса. Чѣмъ выше слой, тѣмъ яснѣе проглядываетъ стремленіе его выдѣлиться, внѣшнимъ видомъ показать свое обособленіе, рѣзче обозначить «линію»; чѣмъ ниже классъ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ экономическая его основа, тѣмъ не замѣтнѣе «грань» его. Названіями этими ясно отмѣчается общественно-психологическая идея каждаго класса.

Во главѣ крестьянской жизни стоятъ люди, занятые «торговымъ промысломъ». Это—«купцы», платящіе «госцeve»; «торговцы», торгующіе «крамомъ», «шинкомъ», «товаромъ шевскимъ», «бакалейей»; «дворныкы», т. е. содержатели постоялыхъ дворовъ. Лица эти занимаются еще «отарами» (овецъ), «гуртамы» (скота), «сыпкою» (хлѣба), арендами и бакшами въ большихъ размѣрахъ. Обыкновенно они наиболѣе богаты, хотя не всѣ. Рядомъ съ такимъ, который «на 100 тысячъ не голоденъ», живетъ и «пузырь»; «дворныкы», жившіе нѣкогда какъ помѣщики, теперь совсѣмъ обѣднѣли, разбрелись по сторонамъ, перешли большею частью въ другіе классы или занялись другими промыслами. Представители этого класса носятъ сюртуки, картузы, пальто, шубы, крытыя сукномъ; женщины ходятъ въ ситцахъ, шелковыхъ платкахъ, дѣвушки носятъ платья по городскимъ фасонамъ, поютъ романсы. Рѣчь ихъ чистая, во взаимныхъ отношеніяхъ они на «вы», дѣти подходятъ къ ручкѣ родителей, и это обыкновеніе «бить ручку» переходитъ въ другіе слои. Они грамотны, интересуются и слѣдятъ за событіями «внѣшней» жизни, ѣдятъ разныя «блюда», хорошо приготовленныя, живутъ въ домахъ каменныхъ, иногда двухъэтажныхъ, крытыхъ желѣзомъ, о нѣсколькихъ комнатахъ съ разною мебелью. Встрѣчаются, конечно, въ этомъ классѣ лица, еще сохранившія народную рѣчь или, вѣрнѣе, говорящія на двухъ нарѣчіяхъ—«панскомъ» и «мужыцкомъ», употребляющія простую пищу, живущія въ «хатахъ».

Большую противоположность во многихъ отношеніяхъ представляетъ второй классъ. Если первый является представителемъ

городской культуры, миссіонируя въ качествѣ моста, соединяющаго городъ съ деревней, то «дукачи» являются представителями стараго хозяйственнаго типа. Живя большими семьями, они, говоря вообще, все имѣютъ свое, все сами для себя изготовляютъ. Занятіе «дукачей» одно— «коло хліба». Живутъ они особняками, сохраняя «старовину». Носятъ все мужицкое, но лучшаго качества; «жінки» ихъ, однако, одѣваются также какъ и «супруги» торговцевъ перваго класса, отличаясь простотою покроя своего платья, и носятъ на шеяхъ рублей на 50 и больше червонцевъ, дукатовъ, намыста. О пищѣ они не заботятся: «кочья и вовна,—абы кишка повна», «аже не покрашаешъ, якъ зъисы луче». Пища у нихъ «зельцемъ пахне, перцемъ посваритця», каша «хозяйська, а не прикащицька: така крута, шо зерно зерна догоняе». Живутъ они трезво; чай у нихъ— «мерзена забава: тілько время гаять»; сѣрники они держатъ, но освѣщаются каганцемъ, добывая огонь изъ кремья на губку изъ старой тряпки, натертой въ золѣ изъ гречневой соломы. Отличаются скупостью; нѣкоторые собираютъ кости даже отъ чужой дохлой скотины; дома ходятъ не чисто: «попа й въ рогожі видно», «за канальскимъ «помагай Бігъ» днемъ шапку отрипавъ». Работаютъ много; отличаются деспотизмомъ, гордостью, сознаниемъ своего достоинства: «видно пана по походу; якъ и панъ ходе». Школу они не любятъ, къ грамотѣ относятся съ недовѣріемъ или прямо враждебно: «якъ-бы меньше знали, то далі (на дольше) бѣ стали». У нихъ встрѣчаются иногда оригинальныя молитвы: «Око на небі, око на земли, буды мене грішнаго, буды мене праведнаго», а передъ обѣдомъ говорятъ: «О мья, о мья, о мья—гречана, вивсяна, просяна,—всяка пашныця для скотины. Будьте здоровы, съ пятницей, давайте снідать».—Между «дукачами», конечно, бываютъ разновидности и въ настоящее время довольно большія, но, представляя нѣкоторые переходы къ третьему классу, рѣдко къ первому, они остаются вѣрными своимъ традиціямъ.

Про третій классъ можно сказать, что здѣсь «всяко буває». Встрѣчаются и богатые, которые «химеры наводятъ», и бѣдные, подходящіе къ классу настоящей «убижи», и исключительно «хліборобы», убѣжденные, что «мужыкъ мужыкомъ во віки вікомъ»; и лица, бросающіяся «на всі штуки», и полные индифферентисты, говорящіе: «Богъ создавъ мыръ, Богъ зъ нымъ», и люди, подъ вліяніемъ которыхъ совершались крупныя перемѣны въ мѣстной жизни. Трудно представить себѣ занятіе, которымъ не занимался бы середнякъ. Кромѣ «хліборобовъ», встрѣчаются здѣсь

всевозможные «рукомесныки»: «шевци», занимающіеся шитьемъ обуви, «кравци» — шитьемъ платья, «чымбари» — дубленіемъ кожъ, «кушнарѣ» — чиньбою овчинъ, «ковали» — кузнечествомъ, «шапувалы» — выдѣлкою полстей, «вѣбойщыкы» — набойкою холста, «лымари» или «шворныкы» — шитьемъ сбруи, «скляри» — изготовленіемъ рамъ, «крыльщыкы» — кровлею хатъ, ткачи, «колѣсныкы», телѣжники, плотники, бондари, столяры, «скрыныкы», веревочники, шапошныкы, свитники, «олійныкы», «серебляныкы». Тутъ занимающіеся разными промыслами и «торгивствомъ»: «рѣзныкы», «крамари»; шинкари, бакшари, «вугельщыкы» и всевозможные барышники: «рыбасы», «соляныкы», «скотари», «куритныкы», «прасолующѣ» землю, «кулаки» («кагака»), т. е. барышующіе хлѣбомъ и проч. Одни говорятъ: «весна—рѣдна сестра, святе літо—рѣдна маты, осень—мачуха, зима—батрачка», а «хто літомъ не робывъ, той зимою штаны загубывъ»; «прійшло літо,—вздыхають другіе,—померла наша шевска или красавецька маты, настала осінь,—радуются одни,—ожила наша красавецька-шевска маты». Разныя занятія и разные, повидимому, интересы. «Хлѣборобы» подсмѣиваются надъ «ремесныками»: «де не взявъсь преудалый молодець, да къ тому-жъ и кравецъ—заступомъ свыту скроивъ, до подушки коміръ прышивъ», «колесныкъ—дурный ремесныкъ: вертыть, довба, та впѣять и забыва», дразнятъ ихъ «сиднями», «шевелами», «цвентухами», «налышкурками», «табелками», «турыцей»; вмѣстѣ съ ремесленниками смѣются надъ барышниками, называя ихъ «крутыхвостами», «курощупами», «білымы цыганамы», «базарнымы собакамы». Надъ «чернымъ мужикомъ», неразвязнымъ съ «крутою» рѣчью, въ историческихъ «чоботахъ», ремесленники въ свою очередь подсмѣиваются, называя ихъ «мугирями», «мугиряками», «мурмулямы», «мурмулякамы», дразнятъ ихъ: «мурмулю ту-лю-лю, старшій братъ капралю,—сякый, такый, перетакый». Существуетъ масса рассказовъ, гдѣ осмѣивается «мугиряка», традиціонно сохранившій завѣтъ старинныхъ взглядовъ и отношеній, рассказовъ, рассчитанныхъ на рисовку, хвастовство культурными привычками и понятіями. «Входе мугирь въ лавку и каже: «продай паноче сахмарю». Винъ давъ свѣчокъ півъ-фунта. Иде мужикъ и йість, а солдатъ встрівъсь и каже: чи «ловко»?—«Ловко то ловко да по середыни верѣвка». Бачъ, гніть міша, а то иде плавко». И т. п. Разныя занятія даютъ болѣе или менѣе разный заработокъ. У коваля—«стукъ-грякъ и пятакъ», у «шевця», особенно занимающагося чиньбой кожъ, дратва

поеть: «сытъ и пьянъ, сытъ и пьянъ», у «кравця», живущаго однимъ портняжествомъ, игла съ ниткой плачуть: «чуть-живъ, чуть-живъ». Ремесленники въ общемъ отличаются отъ земледѣльцевъ своимъ истощеннымъ видомъ, «панскимъ» костюмомъ, лучшей пищей, разговорнымъ языкомъ, взглядами, развитіемъ. Барышники отличаются отъ нихъ «нравомъ», общественными инстинктами. Но всѣхъ ихъ соединяетъ общее положеніе, всѣхъ ихъ связываютъ общіе интересы. Всѣ они середняки по своей зажиточности, всѣ они «хозяева-работники» и всѣ они такъ или иначе тяготеютъ къ земледѣлію. «Барышники» въ то же время и «хлѣборобы», «фукомесныки» тоже «ходятъ около хлѣба» или получаютъ «скипщину» отъ своего надѣла. Разныя отклоненія представляютъ собою незамѣтный переходъ въ другіе классы, и середнякъ служитъ матеріаломъ для расширенія всѣхъ классовъ, особенно послѣдняго, съ которымъ онъ совершенно сливается.— Отдѣльнымъ слоемъ, характернымъ и—кто знаетъ—весьма важнымъ быть можетъ въ будущемъ представляется особая категория лицъ, уже отмѣченная насмѣшкой. Насмѣшка обыкновенно сопровождаетъ все новое, какимъ бы оно ни было грознымъ въ послѣдствіи. Это «пыжики», гордые «скоробогатьки», мечущіеся «во всѣ стороны», рвущіе со всего, въ виду рубля все ставящіе на карту, изъ ничего выскакивающіе и въ «бездну» проваливающіеся. Являясь симптомомъ новаго движенія, они служатъ въ то же время ферментомъ, усиливающимъ экономическое броженіе той категоріи «мужыцтвующихъ», которая причастна «торгивству» и «барышству». Духъ же торговый охватилъ крестьянство и вызвалъ за послѣднее время массу мелочныхъ торговокъ.

Разнообразныя занятія встрѣчаются и среди крестьянской «убіжи», среди того класса, который нѣкогда вмѣстѣ съ частью середняковъ богатыми мужиками назывался «чернью», такъ какъ «бѣдности» такой прежде не чувствовалось, а теперь отдѣльно отъ нихъ называется «голю» и «батраками». Самый характеръ «бѣдности» измѣнился. Если третій классъ говоритъ о себѣ: «робы до поту, а не солоно йіжъ»,—то этотъ классъ стонетъ: «робышъ, робышъ и ни сзади, ни зпереду», «до поту робышъ, а босый ходышъ», «все літо хлѣбъ робы, а зимою зъ мішкомъ на базаръ ходы», «сію та ору, а зъ базару хлѣбъ несу», «торгую, торгую, а смаку не чую», «шыю, шыю, а въ долгахъ по шыю», «нанявсь якъ продавсь, отслуживсь—выкупивсь». Здѣсь тотъ-же «мужикъ», только безъ «хозяйскаго» устоя, тотъ-же «швецъ»,

только «шкарбуны» латающій; тутъ и «дровяныкъ», но продающій «хамло» и «крутыхвость», но въ качествѣ «купецкаго подлокотныка». Существуютъ и спеціальныя занятія этого класса. Это поденщики— «щипурныкы», «косари», «сокирныкы», «пыльщыкы» и отходящіе на заработокъ— «забродчыкы», «заборяне», «гайдари», «линейцы». Отъ середняковъ «убіжъ» отличается внѣшнимъ видомъ, образомъ жизни, душевнымъ настроеніемъ. Ъдятъ они плохо, питаюсь не рѣдко, какъ поденщики, въ теченіи цѣлаго «тыжня» однимъ хлѣбомъ, живутъ часто въ сырости и въ холодѣ, не зная никакихъ удобствъ и приспособленій, не имѣя въ своихъ хатахъ ничего, кромѣ «осліна». Не удивительно, если здѣсь говорятъ: «ходимъ пропьемъ, аже не прокоштуеся» и существуютъ лица, о которыхъ говорятъ: «винъ якъ запье, такъ и ворота забье». Среднякъ «самоваръ пьетъ»¹⁾, удерживается своимъ «мужицкимъ» общественнымъ мнѣніемъ, останавливаясь передъ упрекомъ: «луче пропыты, чімъ дегтю купыты»; онъ такъ или иначе сытъ, ежедневно ѣстъ горячее, воодушевленно работаетъ. А у «голи» одно утѣшеніе: «заробышь кревно, пропьешь певно,—никому ни въ нижку». Нечего удивляться, если рядомъ съ полной апатіей здѣсь существуютъ затаенная злоба и непримиримая ненависть, хотя «убіжъ» и не вмѣшивается въ «общество», помня басню о синицахъ, поспорившихъ съ орломъ²⁾. Разновидность этого класса составляетъ переходъ отъ абсолютнаго нищенства къ относительному достатку середняковъ, отъ «мужишковъ», занимающихся, кромѣ хлѣборобства, ремесломъ или торговлею, къ лицамъ, не имѣющимъ «въ рукахъ» ни земли, ни ремесла. Этотъ классъ составляютъ главнымъ образомъ «міщане:—одно мішокъ на базаръ тягне». Земля сдается ими «съ копы», за деньги или просто за подати, отъ «безнадежныхъ» и главнымъ образомъ отъ вдовъ она отбирается въ общество; «николаевскіе» лишь въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣютъ надѣлы, такъ какъ во время ревизіи были на службѣ. Общество имѣетъ безземельныхъ, «приписанныхъ» изъ бывшихъ дворовыхъ и проч.

1) Крестьяне пьютъ чай съ цикоріей или „цвѣтъ“—материнку, шавлію, буквицу, или просто горячую воду, забѣленную молокомъ. Крестьяне любятъ чай:

„Пье панъ—два, а то одынь стаканъ,

Купецъ пье пока чай соше,

Начавъ пить мужыкъ, выше самоваръ, якъ бы не бувъ великъ“.

2) „Дві синиці вздумали съ орломъ сражатця: „ты шо одынь,—одынь, а насъ якъ два,—такъ два“. Орелъ одну схватывъ и задавивъ, а одна осталась и каже: „ащо, ты такы шо одынь, то одынь, а насъ шо два, то два“. Яка умна!“

Таковы слои крестьянства, таковы «классы» въ современной деревнѣ. Выдѣливъ по нѣсколько десятковъ семействъ на долю перваго и втораго, остальные сотни почти равномерно распределяются между третьимъ и послѣднимъ классомъ.

Два признака лежатъ въ основѣ народной классификаціи крестьянства: работа и зажиточность. Первый классъ, по мнѣнію народа, составляютъ люди, которые «своими жылами не тянутъ», лица, про которыхъ говорятъ: «на легкой хлѣбъ пѣшли, а роботы не хотятъ», «цѣлый день хлопоче, а не робе». Взглядъ на этотъ классъ, какъ на людей не работающихъ, выражается въ насмѣшкахъ и брани. Представителей этого класса въ запальчивости называютъ: «дуріями», «дурисвітами», «драчами», «дерунами», «миройідами», «горланами», «глотарями», «ватухами». У нихъ «копійка не трудова». Остальные классы принадлежатъ къ трудящимся. Представители послѣдняго класса—это «чужіе работники»: «челядники», «батраки», выполняющіе «чужую» работу, нанимающіеся «до людей»; второй и третій классъ состоятъ изъ «хозяевъ», имѣющихъ «свое діло» и затрачивающихъ на него личный трудъ. У середняковъ чѣмъ больше этого «діла», тѣмъ больше имъ затрачивается своего труда,—середнякъ работаетъ прямо пропорціоноально своей зажиточности: сдѣлавъ «свою» работу, онъ отдыхаетъ, на чужую рѣдко идетъ, не желая ронять своего «хозяйского» достоинства. Богатые мужики уже имѣютъ годовыхъ работниковъ и эксплуатируютъ наемный трудъ въ объемѣ ихъ «діла», участвуя лишь въ нѣкоторыхъ процессахъ этого «діла»: «на то коваль и клещи держе, щобъ рукъ не пекты».

Не только выраженіемъ, но и самыми мотивами хозяйственной дѣятельности отличаются между собой эти группы. «Личный интересъ», какъ стимулъ труда, представляется формой, въ которую вкладывается разное содержаніе:

„Бідный зъ крайности бѣгця,

Середній, щобъ не дойти до неї печетця,

Высчій, щобъ порівнятця зъ богатимъ хлопоче,

Богатый, щобъ не бувъ хто рівнимъ, уйти хоче“.

Такова схема импульсовъ на разныхъ ступеняхъ довольства. Однихъ заставляетъ трудиться личная нужда, у другихъ «заведенный кругъ» хозяйства требуетъ опредѣленной работы, третьихъ руководитъ зависть или честолюбіе. Личныя потребности, хозяйственныя потребности, а затѣмъ страсти руководятъ хозяйственною дѣятельностью человѣка. Вообще люди, по понятію народа, на-

ходятся подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ, смотря по своему положенію. Положеніе крестьянъ иное, чѣмъ положеніе высшихъ слоевъ общества, «панивъ», и мотивы ихъ дѣятельности совершенно разные. Жизнь народа протекаетъ въ «работѣ», т. е. въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, жизнь высшихъ слоевъ протекаетъ въ «хлопотахъ». Жизнь народа основана на *раздѣленіи труда*, жизнь высшихъ слоевъ на «*раздѣленіи хлопотъ*». Группировка людей высшихъ слоевъ совершается по ихъ способностямъ «къ услугамъ» или по значенію уже оказанныхъ «услугъ» обществу. Отношенія высшихъ слоевъ и крестьянъ—не экономическія, такъ какъ здѣсь не происходитъ обмѣна «матеріальными» цѣнностями, непосредственнымъ производствомъ которыхъ высшіе слои не занимаются.

Иллюстраціей трудового принципа можетъ служить отношеніе разныхъ «классовъ» народа къ праздникамъ. Первый классъ обвиняетъ «чернь» въ праздности, настойчиво пропагандируетъ идею труда, разрушая суевѣрія, связанныя со многими праздниками и заставляя работать своихъ работниковъ въ эти дни. Последній классъ, наоборотъ, наиболѣе сочувствуетъ всѣмъ народнымъ праздникамъ и крѣпко ихъ держится. Празднуетъ онъ потому, что ему дѣлать у себя нечего. Остальные классы придерживаются особыхъ праздниковъ. Среднякъ создалъ особую литературу, которой порицается праздность и осмѣивается чело-вѣкъ лѣнивый и «невдалый».

Вообще праздники дѣлятся народомъ на двѣ категоріи: на «грѣшные» и «сердитые». Къ грѣшнымъ относятъ общепринятыя большіе праздники и нѣкоторые изъ малыхъ, на которые грѣшно работать, подъ сердитыми праздниками разумѣютъ тѣ, святыя которыхъ отличаются мстительностью за непочтеніе къ нимъ. Тѣ и другіе въ свою очередь дѣлятся на крѣпко грѣшные и сердитые праздники и мало грѣшные и сердитые. Первая категорія обыкновенно празднуется, на вторую воздерживаются отъ нѣкоторыхъ видовъ работы. На сердитые праздники, кромѣ того, часто постятъ. «Ягорій» завѣдываетъ волками, и если есть въ хозяйствѣ мелкій скотъ, то одинъ изъ семьи поститъ; существуетъ коровячій праздникъ «Власса», его празднуютъ бабы, хотя бѣдовая баба заставляетъ праздновать и своего «чоловіка»; на «Руфу», когда «травы рушатся и гадюки выползаютъ» и на «Здвыжень» нельзя въ лѣсъ ходить; на «Чернаго Ивана» не все можно дѣлать, такъ какъ работа почернѣетъ; на «Головосіка» нельзя круглаго рѣзать. Если работать на «Царяграда»,—градъ выбьетъ

поле, на «Палія», — пожаръ будетъ, на «Михайлові чуда», — какое нибудь «чудо» совершится, на «Благовісника», — родится «благовісный»¹⁾. Встрѣчаются крестьяне, которые еще празднуютъ «великій день росальчинъ», «розыгры», «пятинки», двѣнадцать знаменитыхъ пятницъ и проч.²⁾ Но ремесленники не празднуютъ «сердитыхъ» и малыхъ праздниковъ. На «мало грѣшныя» празд-

1) Приведемъ нѣсколько характерныхъ рассказовъ, которые намъ удалось собрать.

„Однѣй чоловікъ взявъ жыто въ праздникъ та кинувъ лопатою вгору, а тамъ была гадюка та й впала ему на плечи; укусила, обвилась коло ши, — такъ и вмеръ нещасный.—Одна жінка беременна шила въ праздникъ та й родила дитя зъ шитыми пальцами на рукахъ и на ногахъ.—Одна дівка пішла въ лісь прохотыця та й заблудыла. Ходыла, ходыла та й впала въ ту яму, шо гадюкы злязця на Здвиженъе всі до міста на зиму. И гадюкы її такъ ушлелы одна за другу, шо неззя було вылизты,—тамъ и вмерла.—Однѣй богатый чоловікъ не чтивъ малыхъ праздниківъ, и на Палія оставсь однѣй визъ сноівъ не скиданныхъ. Винъ ихъ скидавъ, довершивъ стога, не успівъ злизты,—якъ отъ летыть птыця и несе головешку вогню, а зъ неі такъ искры и сипятця, та й кинула на той стігъ шо довершувавъ. И вразъ весь твкъ его зъ хлібомъ загорився и згоривъ до гла. Не дай Богъ роботы на Палія,—непреміно хлібъ погорыть.—А то однѣй чоловікъ поіхавъ сіяты, ему люде и кажутъ: „куды ты йдешъ“?—„Куды? хйба не бачешъ: сіяты“.—„А сегодня праздникъ Михайлові чуда“.—„Э,—чудно жъ буде якъ засію ныву“. Отъ и прыйіхавъ на ныву, ставъ борону зниматы та задівъ голову мижъ быльця бороны, щобъ на плечи її взаты и звесты на ныву,—та такъ зъ бороною цілый день по ныві и прохотывъ до вечора, ажъ покы смеркло. Та ажъ тоди опомывсь. Тоди положывъ борону на визъ та й прыйіхавъ до дому, та й дітямъ заказавъ на Михайлово чудо ничего не роботы“.—

2) Въ рукописи „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, сильно распространенной среди крестьянъ, идея отдыха настойчиво пропагандируется. Рукопись эта знаменательна во многихъ отношеніяхъ: нѣкоторые по наивности своей ея молятся и до настоящаго времени, ея кладутъ подъ голову родильницъ для облегченія родовъ, прикосновеніемъ ея лечуть нѣкоторыя болѣзни. Въ ней предписывается не работать въ воскресный день и во дни праздниковъ Господнихъ. „Ежели, сказано въ рукописи, сего моего писанія не будете слушать, то буду васъ карать злымъ повѣтріемъ и побужу царя на царя, короли на короля, князя на князя, пана на пана, сосѣда на сосѣда, брата на брата, отца на сына, сына на отца, и будутъ между вами великія кровопролитія, и всѣхъ васъ оскорблю, и пищу отниму; еще буду карать васъ градомъ и блистаніемъ, дабы познали гнѣвъ мой и сираведливость мою. Еще приказую дабы въ субботу послѣ вечерни не робылы для Пресвятыя Богородицы матери моей“. Въ „поученіи паны римскаго о двѣнадцати пятницахъ“, входящемъ въ общую рукопись, предписывается поститься въ эти дни, а по другимъ спискамъ поститься и не работать. Кто чититъ 1-ую пятницу, на первой недѣлѣ великаго поста, „отъ незанія смерти избавленъ будетъ“, 2-ую, передъ Благовѣщеніемъ, „отъ неприятели сохраненъ будетъ“—а по другому списку, „отъ напраснаго убивства сохраненъ будетъ“, 3-ью, на страстной недѣлѣ, „отъ пагубы сохраненъ будетъ“, „отъ великой муки

ники и мужики обыкновенно уже работают. Празднуются дни церковнослужения: «чи воно завтра дуже грішний празныкъ,— чи будуть звоньты, чи ні? Треба-бъ ото и ото зробыты та й не знаю чи роблять де? Якъ люди роблять, нехай Богъ простыть». Слышится протестъ: «якъ будемъ савыты да варварыты да не будемъ починка кувбаньты, то й останемся безъ сорочки», и ропотъ на праздники, столкнувшіеся вмѣстѣ: «оці мені ще праздныкы! Тутъ діла по горло, ажъ крычыть, а тутъ празднуй». Работаютъ иногда и на большіе праздники половину дня. Молодое поколѣніе не признаетъ многихъ праздниковъ стараго поколѣнія, работаетъ и на сердитые праздники.

Народъ возбуждаетъ себя въ работѣ пословицами: «хто дбае, той и мае», «хто трудытця—не кучытця», «ледачій чоловікъ—плохій хозяинъ», «білы руки—чужій трудъ», и т. п. Лѣнливыхъ и неумѣлыхъ называютъ «легами», «баглаями», «нехлюями», «вайлами», «лутаями», «неклюгами», «пришелепуватыми», «недотепными», «невдалюгами», «долдонами», «мішкомъ прыбытыми», «не дотека—не кукебами»: «вона нехлюя и кішці хвоста не завяже», «пришелепа недотіпный, винъ до воза и килочка не затеше». Надсмѣхаются: «гей—цабе! сіемо, оремо, а зъ базару хлѣбъ йімо», «умомъ робы, а кровью на двіръ ходы», «о, той швецъ якъ пошые, такъ якъ разъ будутъ на собаку велики, а на кішку ма-

сохраненъ будетъ», 4-ую, передъ Вознесеніемъ, «на судѣ нерушимъ будетъ», «отъ потопленія сохраненъ будетъ», 5-ую, передъ Сошествіемъ Св. Духа, «отъ страшнаго меча сохраненъ будетъ», 6-ую, передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи, «отъ недостатка сохраненъ будетъ», «отъ великаго и недоступнаго грѣха сохраненъ будетъ», 7-ю, передъ Ільей, «отъ грома сохраненъ будетъ», 8-ую, передъ Успеніемъ, «отъ всякія трясовицы сохраненъ будетъ», 9-ую, передъ Козьмою и Демьяномъ, «отъ болѣзни сохраненъ будетъ», «отъ смертнаго грѣха сохраненъ будетъ», 10-ую, передъ Михаиломъ, «увидитъ имя свое у Пресвятой Богородицы на престолѣ», 11-ую, передъ Рождествомъ Христовымъ, «Пресвятую Богородицу передъ смертію узритъ» и 12-ую, передъ Богоявленіемъ, «увидитъ имя свое у самаго Господа нашего І. Х. въ животныхъ книгахъ».—Извѣстно, что бабы вообще по пятницамъ не придутъ, бѣлья не бучать, въ 12-ую пятницу не шьютъ, мужики по пятницамъ не пахутъ землю. Въ каждомъ мѣсяцѣ, читаемъ въ той же рукописи, должно опасаться двухъ дней злыхъ: генваря 2 и 26, февраля 2 и 24, марта 3 и 28, апрѣля 3 и 12, мая 2 и 21, іюня 4 и 8, іюля 6 и 28, августа 6 и 18, сентября 2 и 21, октября 8 и 29, ноября 19 и 22 и декабря 2 и 21. Кто въ оные дни женится, тотъ человекъ не обрадуется, а кто заболѣетъ, не встанетъ, хотя и встанетъ, нездоровъ будетъ; если родится въ человекѣхъ или въ скотѣ, то своей горести не избудетъ. Кто домъ построитъ, не будетъ въ немъ жить, кто въ путь пойдетъ, прибытка не будетъ или смерть является; кто посадитъ или посеетъ, не взойдетъ».

лі!» «видно, каже, пряху по підтеци», «тай скемзаль дядя на себя глядя», «сіла прясты якъ чередныкова Химка», «торгували и кирпичомъ, та остались не причомъ», «ни швець, ни мнець,—ни чортъ зна що». Народъ знаеть цѣну сатири и прибѣгаеть къ ней для осмѣяннїя праздности и неумѣлости, для увеличенїя труда и усиленїя его производительности ¹⁾).

Вторымъ признакомъ народной классификаціи населенїя яв-

¹⁾ Приводимъ нѣсколько собранныхъ нами образцовъ народної сатири.

„Жінку мужикъ ругае: „та ты стерво ні знєкты, ні зварыты“.—„Та й тільки-жъ“.—„Та ты ні шыты, ні прясты“.—„Тай тільки-жъ“.—„Та ты и хаты не підметешъ“.—„Та й тільки-жъ“.—„Та ты й танцюваты не вмієшь“.—„Э, ні! За сковы—въ боки—побью матери вашій чортъ и щокы“.—„Тільки танцювать и вміла“.

„Одна жінка запустила діжу шо вона и на діжу не похожа: около и въ середці вершка на три позасыхало тісто, хлїбъ не удаеться. Мужъ її ругае: „чого такий плохій хлїбъ, не такъ якъ у людей“? Вона оти́чає: „Э, бїсь батькови твоему! У людей святять діжу на годъ разивъ десять, а у насъ и зъ роду не святылась“.—„Такъ треба покликаты та посвятиты“.—„Ну и покликаны. Шїнь кадыть діжу и приговорює: „дїжа, дїжа! треба тоби выхтя та ножа, а хозийци батожа“.—„Чоловікъ: „ты чуєшь жінко“? Вона: „Эге,—молись чоловіче та бий поклони“.

„А то одна жінка задумала палыныцами торгувать. „Купы, каже, чоловіче куль муки, буду пекты палыныцы та на базари торгувать“.—„Чоловікъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ ути́ла,—вынесла на базаръ, нікому и дурно не нужно. Приносе назадъ. Ні, чоловіче, на палыныцы нема ходу, люде—бублыкївъ та й бублыкївъ. Иды чоловіче товчи на ступі палыныцы, а я буду сіиты та бублыкы пекты“.—„Напекла, понесла,—тоже нікому не нужно. Приносе назадъ. „Ні чоловіче и на бублыкы нема ходу, люде—квашы та й квашы. Иды товчи, я наварю квашы“.—„Наварыла діжку, привязала ему за плечи. „Ну несы-жъ на базаръ, торгуй, та гляды у тебе родичївъ до чорта, ты ще дурно пороздаєшь“.—„Взяла кочергу та на землі нацїсала хрестъ. „Цїлуй, бїсївъ сынъ, божысь, шо нікому дурно не дасы“.—„Винъ дурный и нахмыльсь цілувать крестъ, а кваша черезъ голову до долу й вылилась. Вона и давай крычатъ: „Отъ бїсївъ сынъ, зъ такимъ чоловікомъ и поживы на світі,—якъ схотївъ, такъ мішокъ муки и перевївъ“.

„А то якъ коваль зъ пуда залїза зробывъ шыкъ. Одынъ хлїборобъ, каже ковалю: „вийде зъ пуда залїза лемїшь“?—„Вийде та ще й добрый“.—„Ну, на залїзоробы“.—„Отъ винъ робывъ, робывъ,—„ні, каже, не вийде лемїшь, а вийде чересло“.—„Ну робы чересло“.—„Робывъ, робывъ,—„ні, каже, не вийде чересло, а вийде сокира“.—„Ну робы сокиру“.—„Робывъ, робывъ,—„ні, каже, не буде сокира, а буде долото“.—„Ну робы и долото“.—„Робывъ, робывъ,—„ні, каже, не буде долото, а буде шквайка“.—„Робы шквайку“.—„Робывъ, робывъ—„ні, не вийде шквайка, буде шыло“.—„Та робы й шыло“.—„Запискавъ, востромывъ въ воду загортувать,—оно й зашыло. Мужикъ: „Эге! бачъ, каже, шо воно вышло—шыкъ! Ну прихоть же за грїшмы“.—„Бузнецъ пїйшовъ и хлопця взявъ. „Гляды-жъ, каже, якъ буду гроши просыты, а ты кажы: прибавте панъ-отець и на мальчыка, бо работы було богато“.—„Приходють. Мужикъ понавъ кузнеця за верхивъ и давай ему метельцы давати. А хлопець за дверми крычть: „прибавте панъ-отець и на мальчыка, бо работы було богато“.

ляется богатство. Чѣмъ зажиточнѣе человекъ, тѣмъ выше классъ, къ которому онъ принадлежитъ. «Хозяйственность» есть существенный атрибутъ второго и третьяго класса, денежная сила характеризуетъ первый классъ. «Полный хозяинъ» тотъ, у кого «заведень кругъ», кто имѣетъ «худобу» и деньги. О бѣдныхъ земледѣльцахъ и ремесленникахъ, хотя вполне самостоятельныхъ, обыкновенно говорятъ: «та зъ его никола не буде хозяинъ, винъ до віку чужый робітникъ». Такъ переплетаются два принципа работы и богатства,—имѣя одни и тѣже термины для своего выраженія. «Чужый робітникъ», «хозяинъ», «полный хозяинъ», «купецъ» — таково, по существу, обозначеніе классовъ.

Если подъ «работой» народъ разумѣетъ усилія, производящія матеріальныя цѣнности, то съ богатствомъ соединяется у него мысль о нравственномъ паденіи: «не отдавши чортамъ душу, богатъ не будешь», «богачу ти помогають, шо пидъ мостомъ сыдять», «богачу чортъ дытну колыше, а бідный и няньки не найде», «шо мужыкъ богатый шо чортъ рогатый—міжъ собой братья ридні». Тотъ богатѣетъ, кто отдаетъ черту свою душу. Получивъ душу, чортъ заставляетъ чертенятъ работать и черезъ нихъ посылаетъ деньги ¹⁾. Неопредѣленная и слишкомъ общая

1) „Мы, каже, молоды на мельниці, отъ дывимся, каже, што около мосточка загрузло,—гійка, гійка, ніякъ не вытягне. А мы и кажемъ: „а ну, ходимъ, шо воно за чортъ“? Приходимъ, колы везлы люде тачку зъ здоровеннымъ ящыкомъ на двухъ колесахъ и поввисенькій грошій,—самого серебра. „Поможить, каже, добри люде намъ вытаскаты ящыкъ,—ніякъ не вытягнемъ. Мы вамъ, каже, дамо по пригоршни грошій“. Давай. Помоглы вытаскаты, воны намъ всыпали въ шапку по прыгоршни серебра. Мы таки раді, прійшлы въ млинъ до вогню—дывимся: колы воно вугилья. „Бодай тебе чорты взяли! Дывысь,—давали гроши, а зробылось вугилья“. А мирошныкъ каже: „Шо тамъ таке“?—Але, оттаке и таке. „Эге, вы думали то люде везлы гроши, то чорты везлы нашему хозяину. Отто якъ-бы віддали чергямъ свои души, такъ якъ нашъ панъ-отець, то и у васъ булы-бъ гроши, а не вугилья. Мені, каже, хозяинъ велить тоже орудовать чортамъ, щобъ скорішь молоды“. Мы й напались на его: „а ну скоман-дуй“.—„А купыте півъ-кварти“? „Купемо“. Тутъ збоку недалеко и шинокъ, ишлы, вышылы. Идемъ изъ шинку, а воно тільки, тільки шо движатця. Винъ пидійшовъ до локотивъ та й каже: „а що це таке! Хиба такъ мелютъ! А не хочете, каже, потягты назадъ, а ну-те-ка попробуйте якъ воно, чи легче буде тягты противъ воды, чімъ за водою“. Дывимся,—пійшлы колеса проты воды тільки „скрынь, скрынь, скрынь“. „Ну глядите же,—валий да хорошенько“! Якъ же воно зажарило, такъ и чорты его батька зна, ну прямо-жъ страшно и въ млини сидиты. Отъ воно шо“.

„А то идуть у двоохъ въ темну ничъ зъ шинку на гору, а воно душъ 20 тягнуть на гору таку-жъ тачку червонцивъ поввисеньку и ніякъ не вытягнуть.

идея «работы чорта», выраженная въ народныхъ легендахъ, принимаетъ болѣе конкретное очертаніе въ разговорной рѣчи: «це зъ чого винъ нажився? Це винъ зъ насъ, изъ нашихъ трудивъ», — «о такій бувъ головою, нажився, а той писаремъ, а того-то батько бувъ полісовщыкомъ, нажився, а такому-то зъ монастыря братъ натаскавъ, а такій-то скарба (кладъ) выкопавъ» и т. п. Существуютъ указанія на промыслы: «цей нажився изъ ліса, а «изъ ліса, якъ изъ біса», той зъ торговли—отъ лавкы, той изъ шинка, а той землю державъ, а у того батько чумакувавъ; теперъ кажуть: «чумакую, чумакую, а смаку не чую», а тоди смакъ бувъ». — Трудъ не считается источникомъ богатства, а лишь условіемъ существованія, средствомъ пропитанія чловѣка. Люди богатѣють не отъ труда, а отъ «занятія». Богатѣють не мужыки или «рукомесныкы», а «занятельщыкы». «Занятіе» — это предпріятіе, спеціально рассчитанное на барышъ. «Занятіе разрабатывается» не личнымъ трудомъ, а «чрезъ посредство нанятаго труда»: «въ занятіи успіває, хто чужій трудъ покупае».

Имѣя нѣкогда количественное значеніе, богатство является въ настоящее время качественнымъ факторомъ и теряетъ свой филантропическій атрибутъ. Зажиточные считали прежде своею нравственною обязанностью помогать бѣднымъ. Разные были виды помощи. Бѣдные, видя, что у богатыхъ есть какое-нибудь дѣло, приходили, работали и уходили. За это имъ присылали двойное вознагражденіе. При свяченіи пасокъ, около церкви оставлялось принесенное. Миски и «рушники» поступали на церковь, а пасхи и съѣстное раздавали бѣднымъ. На другіе праздники зажиточные пекли хлѣбъ и раздавали его или разносили. Въ извѣстные дни разносили по «призьбамъ» зерно въ мѣшкахъ и незамѣтно уходили. Въ полѣ оставляли «для прохожаго» хлѣбъ недокошеннымъ, чаще скошеннымъ, но не сгромаженнымъ, иногда уже сложеннымъ въ копны съ вѣхами, чтобы отличить ихъ отъ хозяйскихъ. Этотъ хлѣбъ назывался «пайками для бѣдныхъ». И не мало было лицъ, которыя на вопросъ: «у тебе свій хлѣбъ?»

Пидійшы и кажуть: „шо це вы добри люди?“—„Та веземо оттому проклятому шевцеви гроши. Веземъ, веземъ и ніякъ не настачемъ; де винъ ихъ дива, чорты его батька зна. Поможите пожалуста“. Вони помогли вытигты на гору та й шлы слідкомъ прислідиты куды повезуть. Прямо, кажуть, и повезлы до шевця въ двирь,—ше покойного шевця—та, кажуть, до двора близько нейзя й пидійты: стукотнява, грюкотнява,—ті дубь товкуть, ті гроши носять, бряжчать. Прямо циле, кажуть, пекло. Коло его и люде боялись селитця,—такъ самъ соби и живъ за слободою“.

отвѣчали «ні, пайковий». — Въ настоящее время представители богатства стали глухи къ народнымъ нуждамъ. Гордые сознаниемъ своей силы («есть рубль—есть и умъ, а два рубля и два ума»), они замѣняютъ прежнюю филантропію вмѣшательствомъ во всѣ случаи нужды въ цѣляхъ личной наживы, говоря: «по совѣсти жыть—по міру ходыть». Игнорируя народные «розказни», они оправдываютъ себя ссылкой на «законъ», вызывая затаенный ропотъ и общій упрекъ: «якій тамъ законъ, — зачипывсь за колъ».

Велико вліяніе богатства на человека. «Есть рубль, есть и умъ. Богатый человекъ и дурной стане разумнымъ и веселымъ и морда стане білиша и світлиша, мало того шо одежда лучша и чистиша. Коли богатый шо робе въ поли або дома,—и бідный такъ-же стараетця, такъ бачъ винъ разумнишій,—въ ёго и сіно пидъ дождемъ не було, знавъ коли скосыты и выгромадыты, усе робытця вразъ, а бідный помы зберетця, дывысь—и тамъ, и въ другімъ місти зробывъ не въ попадъ, ну значить и дурнишій. Богатый никого не боитця, ни десятика, ни старосты, ни старшины, ни станового, за подушне его не тянуть, на панщину не поженуть, а бідный ото всего боитця и ховаетця. Богатый, каже, хоть якъ бреше, а все кажуть: «правда, паноче», а бідный хоть яку ширу правду скаже: «та бреше, кажуть, собачій сынъ». Богатый каже громади: «а шо господа повірите, яка мені прывиденція случилась. Я, каже, взявъ здуру та й помазавъ лемишъ на зиму саломъ, щобъ ржа нейіла, коли кинѣ Псы оце весною, а винъ зъ дирками,—такъ зубы и знаты,—прокляты мыши пойіли. Я такы здорово накващовавъ его саломъ». — «Та шо паноче, пожалуй и случитця. Якъ дуже намазанный, то залізо саломъ и прошло, а воны, прокляті мыши, на все падки». Ходе богатый красивый, гладкій, моложавый, а якъ забідниша, вразъ постариша, де той и толкъ динетця, голова зақудлатиша, подурниша. Святі оци карбованци: лучше святыхъ помогаютъ». Богатство—сила, а силой можно злоупотреблять. Не регулируемое сознаниемъ долга, не обставленное внѣшней репрессіей, оно обуздывается идеей небеснаго возмездія. «Убіжъ» создала массу легендъ, которыми возбуждается въ душѣ богатыхъ чувство страха конкретными образами. Разные виды несчастья постигаютъ богатыхъ за угнетеніе бѣдныхъ. То на нихъ нападаютъ физическія боли, то ихъ обуреваютъ душевныя муки, въ домѣ поселяются духи, парализующіе всѣ удобства, доставляемые богатствомъ, подъ конецъ жизни появляется страшное, но уже позднее раскаяніе.

Указанные принципы «работы» и «богатства», говоря вообще, находятся въ обратномъ отношеніи. Силою, установившею такое отношеніе ихъ, является «доля». Доля у каждаго своя. У однихъ «доля мохнатая, шастлыва», у другихъ «доля гола, нешастлыва». Можно находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ людямъ, но ругать долю также нелѣпо, какъ и роптать на Бога.—

Было уже замѣчено, что ремесленники вообще составляютъ особый «міръ» въ крестьянствѣ. Ихъ обособленность, жизнь, основанная на «живій копійци», исключительная работа на другихъ отдѣляютъ ихъ отъ остального населенія, отъ котораго они отличаются и внѣшнимъ видомъ. Разная работа, соединяя людей общественно, лично разъединяетъ ихъ. Къ общимъ отношеніямъ заказчика и исполнителя, продавца и покупателя, присоединялись спеціальныя условія, вызывавшія взглядъ на ремесленниковъ, какъ на людей жмущихъ, эксплуатирующихъ. Посторонній челоуѣкъ всегда былъ чужимъ и до известной степени враждебнымъ. Прибѣгая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ «странникамъ», пришлымъ «чужеземнымъ» ремесленникамъ, населеніе относилось къ нимъ недоброжелательно. Во времена крѣпостнаго права, крестьяне еще пользовались услугами «панскихъ» ремесленниковъ. При дешевизнѣ хлѣба, бѣдные помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, смотрѣли на своихъ ремесленниковъ, какъ на выгодную статью дохода. Дозволяя имъ работать на «вольныхъ», они назначали высокую таксу, къ которой ремесленники присоединяли еще нѣсколько процентовъ для себя.

Но, представляя отдѣльный «міръ», ремесленники не составляютъ особаго «класса». Они входятъ въ составъ разныхъ классовъ, хотя болѣе или менѣе и отличаются отъ другихъ представителей этихъ классовъ. Степень отличія опредѣляется родомъ ремесла и классомъ, къ какому ремесленникъ принадлежитъ. Чѣмъ сельскохозяйственнѣе промыселъ или выше классъ, тѣмъ меньше этого классоваго отличія. Бѣдный «олійникъ» живетъ также, какъ остальные мужики, богатый «швецъ» такъ, какъ торговцы. Ремесленниковъ перваго класса и называютъ «торговцями», торгующихъ ремесленниковъ третьяго и послѣдняго классовъ называютъ просто «ремесныками». Сами ремесленники называютъ себя еще «здільщиками», «заняательщиками» и рѣзко отдѣляютъ «большихъ здільщиківъ» отъ «малыхъ». Крестьяне вообще отличаютъ тѣ разнородные и разнохарактерные элементы, которые обволакиваются у насъ общимъ терминомъ «кустарная промышленность». Не придавая самостоятельнаго значенія работѣ на рынокъ, какъ

ницы, въ большихъ черныхъ и малопроездныхъ въ то время лѣсахъ и пасѣкахъ», юридическою основою—царская грамота, пожалованная *цѣлымъ полкамъ или товарищамъ*. Займанщина индивидуальная или коллективная, какъ основа народнаго землевладѣнія слобожанъ, не исключала займки, какъ способа пользованія общественной землей. Изъ поколѣнія въ поколѣніе не передаваемые, «старо-займки» были то способомъ пользованія общественной землей, то видомъ индивидуальной собственности. Займка «оранкою», «хуторомъ» полковой земли, купля-продажа «пайковъ» или «старыхъ займокъ» общественной земли были въ духѣ «черкасскихъ обыкностей». Займанщина какъ основа землевладѣнія имѣла въ XVIII в. разныя формы: общественную, частную и смѣшанную. И послѣдняя, повидимому, преобладала ²⁾.

Общинное землевладѣніе нашего времени уменьшило чрезвычайную клочковатость прежнихъ «старыхъ займокъ», расширило площадь воздѣлываемаго поля, ограничило истощеніе почвы, часто ежегодно обрабатывавшейся, вводя обязательный трехпольный правильный сѣвооборотъ, равномерно распредѣлило народную землю среди крестьянъ, подняло общее благосостояніе, умень-

²⁾ Для иллюстраціи формъ народнаго землевладѣнія Слободской Украины, приведемъ изъ имѣющихся у насъ документовъ XVIII в. нѣкоторыя типическія выдержки.

1. „Оная деревня Леонтьевка (Валковскаго уѣзда) поселеніе свое имѣетъ въ месте съ Коломакомъ и владѣніе землями и лѣсами было вообще и какая именно часть земли принадлежитъ къ деревнѣ Леонтьевкѣ узнать не можно потому больше что казенные обыватели и Леонтьевскіе подданные какъ бы поочередно *распахиваютъ земли и потомъ одинъ друіого на захватъ законы паирутъ*“.

2. „Которою землею сл. Козацкой (Богодуховскаго уѣзда) *всѣ, раздѣля на пайки, хотя съ нуждою и довольствуются, а безземельныхъ между ними, равно проданныхъ и уступленныхъ (земель) не имѣется*“.

3. „Въ оныхъ обывателей показанные земли доставшіеся отъ предковъ ихъ еще въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ сначала населенія сл. Бѣлокъ (Ахтырскаго уѣзда) по займкамъ, а потомъ и по покункамъ другъ отъ друга до запретительнаго въ 736 г. указа... коею они *всякъ своими участками владѣетъ... а безземельныхъ 217 душъ*“.

4. „Сл. Печенегъ (Зміевскаго уѣзда) пользующихся вообще общественною землею 2751 душа, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ свои отдѣльныя земли 2551 душа, не имѣющихъ вовсе въ землѣ никакого участія 461 душа“.

5. „Оный черный лѣсъ сл. Асоевки по приговору общества дабы общественною порубкою въ скорѣ истребится не могъ въ 775 году на общество каждой душѣ по одной десятинѣ раздѣленъ“.

6. „Оная земля изстари состоитъ для общественныхъ тарановскихъ (Зміевскаго уѣзда) надобностей къ снятію лѣса... Оныя лѣса изстари отдѣлены для общаго обывательскаго въѣзду къ рубкѣ дровъ и селидобнаго лѣсу“.

шило пьянство, давъ занятіе безземельнымъ и ремесленникамъ, сильно «гулявшимъ» лѣтомъ. Оно объединило крестьянскіе классы, создало общіе интересы. Но оно не въ силахъ бороться съ движеніемъ разъединяющаго свойства, поддерживаемымъ и вызываемымъ совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни. Это станетъ очевиднымъ изъ общаго обзора его функцій.

По приговору «сходки», вслѣдствіе заявленія отдѣльной семьи, желающей устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, къ какому бы классу она ни принадлежала,—изъ участковъ общей земли отводится, «нарізаецтя» для нея дворовое мѣсто,—«плець». Приговоръ выполняется старостой и писаремъ при участіи «громады», хотя бы изъ нѣсколькихъ лицъ. Измѣряемая прежде «кроковкою», циркулеобразнымъ сажнемъ, земля измѣряется теперь цѣпью. Обнесенный «тыномъ» плець обращается въ «подвірье». Обстроенный «подвирокъ» представляетъ три отгораживаемыя части: «двиръ», «тикъ» и «огородъ». Каждая часть имѣетъ свое назначеніе. Во дворѣ ставится, смотря по зажиточности новаго хозяйства, одинарная хата или «хата-кѣвната, а чрезъ сѣни другая хата», комора съ «засиками» и «всыпищами» и проч. На «тикъ» свозится хлѣбъ, гдѣ его молотятъ и вѣютъ. Свезенный хлѣбъ ставится на «пидъ» изъ бревенъ. Такъ какъ молотьба требуетъ гладкаго, твердаго, утолченнаго мѣста, то, очистивъ небольшое пространство на току, поливаютъ его водою, посыпаютъ ржаной половой и выравниваютъ, т. е. убиваютъ «толокомъ», дугообразнымъ полѣномъ съ ручкой. Огородъ раздѣляется на «плеса», «грядки» и «капустникъ». Если огородъ находится на высокомъ, сухомъ мѣстѣ, то капустники нарізаются отдѣльно въ низкихъ, мокрыхъ мѣстахъ. Для капустниковъ, если окажется необходимымъ, раздѣляютъ и «сагу», болотистое мѣсто, заросшее камышемъ и осокою. Въ такомъ случаѣ каждый, прокапывая межи, унаваживая, самъ осушаетъ свое мѣсто. На низкихъ мѣстахъ нарізаютъ еще необходимые въ хозяйствѣ конопляники, «пидметы». «Плесо» въ огородѣ—это широкое, продолговатое мѣсто, «грядка»—узкое, длинное, высокое. Грядки накладываются землей и унаваживаются обыкновенно «товарячимъ» навозомъ. Отдѣляются онѣ «межами». На нихъ сажаютъ капусту, цыбулю, чеснокъ; на плесахъ—огурцы, бураки, картошку. Плеса обсаживаются пшеничкой гарбузами ¹⁾.

¹⁾ „Огородъ—бабинъ доходъ“,—это арена ея личныхъ заботъ и трудовъ. „То не хозяйка, шо овощъ покунае, а то хозяйка, шо продае“. „Огородъ для семьи

За усадьбою слѣдуетъ выгонъ. Требуется нейтральное мѣсто, гдѣ можно было бы стать возомъ, поставить «вѣтряки», привязать свинью, коня, попать скоть на время. «Выгинъ» не настоящее пастбище, а мѣсто, куда можно выгнать скотину на короткое время, такъ какъ, выгнавъ ее на отдаленное пастбище, хозяинъ лишается услугъ рабочей силы на продолжительное время. Богатые мужики имѣютъ иногда еще частные, обыкновенно огораживаемые «пастивныки». Смотря по расположенію угодій, бываетъ одинъ выгонъ, если поле лежитъ по одну сторону селенія, и два, если селеніе стоитъ въ центрѣ угодій. Гдѣ паровое поле, на той сторонѣ и выгонъ, перемѣщается «толока», перемѣщается и выгонъ, а прежній обращается въ поле, «збій», особенно цѣнимый крестьянами. Если нѣтъ свободнаго мѣста для выгона, часть кустарника отводится подъ понасъ, обращается въ «вильне». Но настоящее пастбище—это паровое поле, «толока», на которой постоянно толчется скоть. Кромѣ того, скоть пасутъ еще на «стерняхъ», скошенномъ полѣ, на отавахъ, пускаютъ на «луки» въ началѣ весны, на осеннюю «зеленю», поросль озимаго хлѣба. Скоть заставляетъ утилизировать и раздѣленную, частнымъ трудомъ уже обработанную землю по принципу общаго вольнаго пользованія¹⁾.

Для своего существованія крестьянинъ нуждается въ землѣ: «пастбище для скота, для мужыка поле». Община гарантируетъ ему это поле. Въ полѣ обыкновенно три поля въ трехъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ «рукахъ»: — «толока», «царина» и «ярина». Въ каждой «рукѣ» бываетъ по очереди всѣ три поля. Поднятая «толока», но еще не засѣянная, даетъ «рѣлю», осенніе всходы ржи и иногда засѣваемой пшеницы—«зеленя», тѣже всходы лѣтомъ—«царина»; снятая «царина» оставляетъ «стерню», съораная «на зябь» стерня эта засѣвается яровымъ хлѣбомъ, всходы лѣтомъ—«ярина».

1) Рогатая скотина «благословена»: «и робить, и на харчъ иде»; свинья «огнемъ благословитца»: «не присмоливъ, йісты нейзя»; лошадь «хоть ике дороге мясо, а все таки собаче». Воля, конь—«тягло»; корова, свинья, «вивця»—«пид-помога». «Горе безъ своего тягла, безъ скотыны якъ безъ рукъ», «якъ будутъ коровки, то будутъ и бычкы,—не голодни й діточкы», «десятокъ овечокъ—въ хозяйстві свитка й кожушокъ», «якъ своя свинка—свое сальце»: «добра година якъ водятця во двори скотына». А между тѣмъ скотына «Божья роса»: «якъ солнце гліне—ничего не стане, якъ Богъ захоче уся скотына вразъ пропаде».

ды яровыхъ хлѣбовъ, ячменя, овса и проч. даютъ «ярину», а стерня яроваго хлѣба снова обращается въ «толоку». Отдѣльныя «руки» бывають порѣзаны на «гоны», «клинья», «стежки». Форма опредѣляетъ названіе. «Гоны» — ровныя широкія полосы обыкновенно разной длины, «клинь» — трехугольная площадь, а «стежка», дорожка, — продлиноватая неправильная полоска земли около лѣса, яра и проч. Эти части «руки» отдѣляются «зворотами» и нарѣзаются при передѣлѣ на душевые «пайки», отдѣляемые «обмижками».

Назначеніе полосы обусловливаетъ ея названіе и опредѣляетъ ея величину. «Обмижекъ» — узкая полоса земли, обращаема въ настоящее время просто въ межевую борозду, «звороты» — полоса, по которой можно проѣхать возомъ до пайка и завернуть плугомъ при оранкѣ. Орютъ двойкимъ способомъ: въ «розгинѣ» и въ «складѣ». Въ первомъ случаѣ начинаютъ съ межи своего пайка, проходятъ бороздою вдоль «обмижка», заворачивають на «зворотахъ» и проходятъ другою бороздою вдоль другой границы, затѣмъ заворачивають на другихъ «зворотахъ» и проводятъ третью борозду около первой. Такъ, «обходя гоны», доходятъ до середины пайка. Работая «въ складѣ», начинаютъ съ середины пайка и постепенно доходятъ до границъ его. При «розгинѣ» земля разваливается и по срединѣ пайка оказывается открытая борозда, которую нечѣмъ бываетъ заложить, при «складѣ» земля складывается, такъ что борозды посрединѣ не бываетъ¹⁾. Такъ какъ на яровыхъ стерняхъ земля мягкая, то на нихъ, преимущественно на «просыщахъ», на «гречькивахъ», сѣютъ рожь нерѣдко «наволокомъ», т. е. не пашутъ вновь землю, а лишь ралютъ ее, хотя и говорятъ: «насіявъ, каже, наволокомъ и вродыло якъ нарокомъ». Богатые мужики обыкновенно засѣвають большія пространства, цѣлыя «ланы» одного какого-нибудь хлѣба.

Общественная земля въ разныхъ мѣстахъ бываетъ неодинаковаго качества и лежитъ на разномъ разстояніи отъ усадьбы. Желая уравнять интересы сочленовъ, предпринимають передѣлы полей. Чѣмъ больше различія въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей

¹⁾ Работая, слѣдуетъ, чтобы не надѣлать «огрихивъ», не оставить не подрѣзаной земли. Прежде орали украинцы плугомъ, теперь многіе уже пашутъ сошками, а прежній «плугъ воливъ», три пары быковъ, замѣняются лошадей. Время работы измѣряется разстояніемъ. Дѣлая въ день определенное число бороздъ, говорятъ — столько-то разъ «обійшовъ кругомъ гоны». Опредѣляется время и «опругомъ». Говорятъ: «поорався опругъ, покосылся два-три опруга» и т. п. День имѣетъ четыре «опруга»: одинъ до «сиданья», другой «до обѣда», третій до «полудня», четвертый до «вечери»; осенніе короткіе дни имѣють три «опруга».

земли, тѣмъ напряженнѣе оказывается стремленіе передѣлять ихъ чаще и на большее число клочковъ дробить надѣлы. Передъ «поділомъ» пишутъ иногда «трактатъ на раздѣлъ земли» и «маршрутъ» этого раздѣла съ обозначеніемъ исходного пункта и постепеннаго чередованія отдѣльныхъ мѣстъ по урочищамъ. Въ «трактатѣ» обозначается рѣшеніе сходки о передѣлѣ на ревизскія или наличныя души, о выдѣлѣ отдѣльной части на «стороннія души» членовъ, проживающихъ внѣ данной общины, хуторянамъ и проч. Здѣсь же обозначаются результаты «жеребьевки», такъ какъ изъ каждаго «десятка», на которые раздѣляется поселеніе, кто нибудь беретъ жребій съ обозначеніемъ номера для опредѣленія порядка, въ какомъ должны чередоваться эти «десятки» при передѣлѣ. «Подільщики» отмѣряютъ «пайки» разной величины, смотря по количеству надѣловъ у каждаго, имѣя въ виду десятичкіе списки, гдѣ обозначены домохозяева десятковъ и «души» каждаго хозяина.

Въ эксплуатаціи лѣса замѣчается большое разнообразіе. Въ нераздѣльномъ лѣсѣ фруктами пользуются по принципу захвата. Въ назначенный день всѣ выходятъ въ лѣсъ и сколько отдѣльная семья отрясетъ деревьевъ или оберетъ ихъ, столько и пользуется. Въ лѣсѣ, раздѣленномъ между крестьянами на участки, срываніе орѣховъ, какъ роскоши, иногда дозволяется въ чужомъ участкѣ; собраніе же кислицъ (дикихъ яблокъ), идущихъ на варено, строго воспрещается. Вырубить дерево на «надобокъ» у кого бы то ни было, преступленіемъ не считается. Нераздѣленный лѣсъ эксплуатируется «засікой». Ежегодно отводимая «дѣлянка» раздѣляется, смотря по роду и состоянію лѣса, пайками, возами, отдѣльными штуками на дворы, ревизскія души или на работниковъ и вырубивается каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, а иногда цѣлой «громадой». Общественный лѣсъ, въ видахъ его сохраненія, дѣлится иногда на участки для постояннаго пользованія каждымъ домохозяиномъ отдѣльно съ преслѣдованіемъ лишь корчеванія. Стремленіе къ участковому пользованію лѣсомъ усиливается и фактически осуществляется, не смотря на существующее запрещеніе. Оно обусловливается убѣжденіемъ, что «землю нельзя уничтожить, а лѣсъ легко извѣсти» по желанію воротилъ общества.

Сѣнокосъ передѣляется на души обыкновенно ежегодно, иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ каждый пользуется своимъ «пайкомъ»; или нарѣзаются постоянные «пайки», а домохозяева только чередуются пользованіемъ ихъ. Иногда сѣнокосится всей «громадой» и затѣмъ раздѣляется уже копицами.

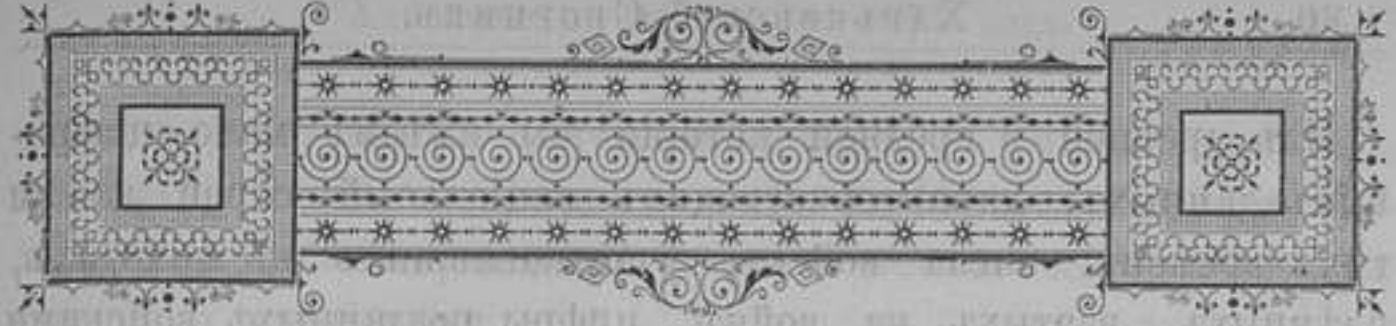
Земля, выходящая за черту удобнаго пользованія для главнаго поселенія, дѣлится на участки между хуторянами, входящими въ общину, или обращается въ «заполье», т. е. выдѣляется изъ общаго сѣвооборота. Скоту неудобно заходить далеко, — «заполье» не бываетъ пастбищемъ: не сбиваясь скотомъ, оно не бываетъ «толокой» и обрабатывается ежегодно. Чѣмъ ближе поле, тѣмъ напряженнѣе сказывается забота «уравнить» его частыми передѣлами; чѣмъ дальше оно, тѣмъ эта забота слабѣе. Удаленное отъ жилья «заполье» раздѣляется на душевые, рѣдко передѣляемые участки. Въ общинѣ, гдѣ оно существуетъ, оно составляетъ четвертую «руку». Здѣсь обыкновенно сѣется рожь и гречиха, вытѣсняемая другими хлѣбами изъ черты правильнаго трехпольнаго сѣвооборота, заводятся «облога», т. е. переставая обрабатывать землю, позволяютъ ей твердѣть, «облягать», и заростать травой. Здѣсь же встрѣчаются и не скашиваемыя пространства сорныхъ травъ.

Изъ общаго обзора функціи общиннаго землевладѣнія становится очевиднымъ, что оно стремится болѣе или менѣе равномерно распределить между крестьянами основные источники удовлетворенія насущныхъ потребностей народа. Но нельзя требовать отъ общиннаго землевладѣнія того, чего оно по своему характеру дать не можетъ. Подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ масса крестьянъ до того ослабѣла, что не въ силахъ пользоваться представленнымъ ей правомъ на землю и цѣлыя слои окрѣпли и выдѣлились изъ общей массы и, кромѣ общаго надѣла, имѣютъ свои частныя старозаимочныя и крѣпостныя земли. Стараясь удовлетворить насущныя потребности народа, общинное землевладѣніе представляетъ полный просторъ для дѣятельности самыхъ разнообразныхъ факторовъ жизни. ¹⁾

В. В. Ивановъ.

¹⁾ Предлагаемая статья была помѣщена въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ подъ другимъ названіемъ и, съ разрѣшенія редакціи этого журнала, перепечатана.

Харьковъ по переписи 1892 года *).

М. н. Тг.

Мнѣ предстоитъ сегодня сообщить Вамъ нѣсколько цифръ, которыми опредѣляется до извѣстной степени величина и характеръ города, въ которомъ мы живемъ. Большой или малый городъ, большое или малое государство—это понятія относительныя: то, что въ средніе вѣка называли у насъ большимъ городомъ, теперь едва-ли можетъ заслуживать такого названія; но если я знаю, что въ Вѣнѣ, во время Вѣнскаго конгресса, было жителей не болѣе, чѣмъ въ настоящее время въ Харьковѣ, то для меня яснѣе становятся передаваемые исторіею факты объ этомъ грандіозномъ съѣздѣ вершителей судьбы народовъ и государствъ. Какъ ни скучны цифры, но безъ нихъ мы не можемъ обойтись въ большей половинѣ нашихъ разговоровъ, ибо онѣ даютъ лучшее опредѣленіе предмета, о которомъ мы говоримъ. И уже очень давно, когда не было еще ни часовъ съ минутами, ни термометровъ и барометровъ для опредѣленія цифрами времени и состоянія погоды, отцы исторіи и географіи Геродотъ и Страбонъ прибѣгали уже къ помощи чиселъ для опредѣленія положенія человѣческихъ обществъ на территоріи, ими занимаемой.

*) Публичная лекція дѣйствительнаго члена Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета А. А. Русова, прочтенная 14 декабря 1892 г.

Изъ древней и средней исторіи мы имѣемъ мало цифровыхъ данныхъ, характеризующихъ соціальный строй жизни тѣхъ временъ: числа войскъ, участвовавшихъ въ походахъ, плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ, цифры розданныхъ войсками денегъ въ награду за побѣду и т. п. упоминаются историками очень часто; но сколько и какихъ классовъ людей было въ завоеванной, или поплатившейся даннымъ числомъ плѣнниковъ странѣ,—мы обыкновенно не знаемъ, а это до известной степени мѣшаетъ ясному представленію объ извлекаемыхъ нами знаніяхъ изъ исторіи.

Лишь въ послѣднія 100—150 лѣтъ въ помощь географіи и исторіи является статистика, родившаяся изъ описанія и счисленія государственныхъ достопримѣчательностей, а въ настоящее время дающая ряды цифръ относительно разныхъ явленій общественной и экономической жизни, сравнивая которыя, мы можемъ судить о прогрессѣ или упадкѣ даннаго общества.

Цифры, относящіяся къ области соціальной жизни, пока еще не такъ уяснены, какъ напр. цифры относительно физическихъ или физиологическихъ отличій человека; онѣ еще не на столько вошли въ наше сознаніе, чтобы по нимъ мы могли тотчасъ же дѣлать опредѣленіе предмета. Если я говорю, что Ивану 90 лѣтъ, а Петру 20, что Иванъ болѣе сажня ростомъ, а Петръ даже меньше двухъ аршинъ, то и хуторянинъ и житель столицы тотчасъ же отвѣтятъ мнѣ на вопросъ, кто изъ нихъ старій, кто молодой, кто высокій, кто низкій; не то относительно городовъ и государствъ: городъ въ 10, 20, 30 тысячъ—нѣчто громадное для жителя маленькой деревеньки, но для родившагося въ столицѣ и прожившаго тамъ полъ-жизни представляется чѣмъ-то маленькимъ, гдѣ едва ли, по его мнѣнію, можно прожить, удовлетворяя свои привычныя потребности общежитія. Археологи находятъ развалины старыхъ городовъ, гдѣ теперь разбросаны небольшія деревеньки, дѣлаютъ домыслы о томъ, какъ велико могло быть скопленіе людей на изслѣдуемомъ пространствѣ развалинъ; статистики считаютъ число жилищъ и жителей въ нынѣшнихъ селеніяхъ и городахъ: но мы еще не знаемъ того предѣла, болѣе котораго ростъ города былъ бы невозможенъ: наши понятія о величинѣ поселенія

ставить въ тупикъ концентрація людей въ такихъ пунктахъ, какъ напр. Лондонъ, гдѣ однихъ землевладѣльцевъ считается 486 тысячъ, а людей приходится считать не тысячами, а сотнями тысячъ и милліонами.

Если я скажу, что въ Харьковѣ—8 тысячъ дворовыхъ мѣстъ, 21 тысяча построекъ, 24 тысячи квартиръ, то этимъ сообщеніемъ еще не дамъ понятія о томъ, велики ли эти числа; если же я прибавлю, что въ Европейской Россіи только 5 городовъ превосходятъ Харьковъ по величинѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—18, въ Германской имперіи—такихъ городовъ 8, а въ Австро-Венгерской монархіи—только 3, такъ что въ восточной половинѣ Европы на СВ. отъ Рейна и Дуная есть всего 16 городовъ бѣльшихъ, чѣмъ Харьковъ,—это уже дастъ намъ лучшее представленіе о городѣ, въ которомъ мы живемъ. Если я еще прибавлю, что въ Харьковѣ 90 лѣтъ тому назадъ было только 11000 жителей, въ 1837 году—22 тысячи, въ 1863—52, въ 1873—82, въ 1879—102 тысячи, а теперь во всякомъ случаѣ болѣе 150 тысячъ,—скучныя цифры немного повеселяютъ, станутъ больше говорить нашему сознанию.

Пока статистика данныхъ, характеризующихъ соціальныи бытъ, только накапливаетъ факты для рѣшенія вопроса о томъ, какія количества зданій, людей, въ нихъ помѣщающихся, и въ какомъ сочетаніи этихъ людей по ихъ занятіямъ, богатству, значенію и т. п. существуютъ въ дѣйствительности,—до тѣхъ поръ сравненіе цифръ изъ этой области будетъ составлять одну изъ главнѣйшихъ задачъ этого отдѣла статистики.

Методъ сравненія даже и въ антропологии и демографіи имѣетъ большое значеніе; но подлежація изученію этихъ наукъ величины очень мало отличаются одна отъ другой и отъ средней, выведенной для всѣхъ изъ многихъ случаевъ измѣренія и счисленія. Эти науки занимаются такими предметами, какъ вѣсъ тѣла, мозга, костей, ростъ человѣка, отношеніе величины его суставовъ, продолжительность человѣческой жизни, плодовитость браковъ и т. п. Въ сферѣ же статистики экономической и соціальной, гдѣ на появленіе извѣстныхъ величинъ, кромѣ законовъ естественныхъ, вліяютъ еще и человѣческія

желанія, не даромъ называемыя поэтами и филосогами безграничными, цифры такъ разнообразны, что одно только сопоставленіе ихъ и сравненіе даетъ матеріалъ для цѣлаго словія статистиковъ, изучающихъ по собраннымъ даннымъ нашъ соціальный строй. Хотя послѣдніе и исповѣдуютъ то положеніе, что законы развитія соціальной жизни также неизблѣмы, какъ и законы, управляющіе движеніемъ небесныхъ тѣлъ, что естественныя причины, вліяющія на развитіе чело-вѣка, имѣютъ въ его жизни громадное и преобладающее значеніе, почему можно и должно найти типъ средняго чело-вѣка, какъ составной части общества; но они знаютъ также, что если такой средній чело-вѣкъ найденъ и статистически изученъ антропологами и демографами, то въ области экономической и культурной жизни мы еще находимся въ періодѣ собранія фактовъ, уклоненія которыхъ отъ законосообразныхъ среднихъ доказываютъ еще малознаніе наше, какое было и въ другихъ областяхъ, когда напр. вовсе еще не было посчитано число людей разнаго пола и не было выведено отношеній числа лю-дей разныхъ возрастовъ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, 100 лѣтъ тому назадъ взятки въ сотни и тысячи руб. назывались грандіозными и слово „милліонеръ“ казалось чѣмъ то фантастически громаднымъ; теперь, когда взятки умѣютъ давать сотнями тысячъ, какъ это мы видимъ въ дѣлѣ о прорытіи Панамскаго канала, а выдающіеся богачи мѣряются не числомъ милліоновъ, а десятками ихъ и сотнями тысячъ ежедневнаго дохода, статистики въ этой обла-сти имѣютъ дѣло уже съ другими числами, чѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ, тогда какъ антропологи, вѣроятно, навсегда оста-нутъ при тѣхъ же почти цифрахъ вѣса чело-вѣческаго мозга, какія имѣли и первые изслѣдователи, рѣшившіеся на его взвѣшиваніе.

Статистика беретъ цифры, относящіяся къ области соці-ологін, и сравниваетъ ихъ въ видѣ среднихъ величинъ и про-центныхъ отношеній, ею вычисленныхъ: въ этомъ ея задача. Но прежде, чѣмъ сравнивать цифры, нужно ихъ имѣть. За 100—150 послѣднихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ ученые за-мѣтили, что большія числа, относящіяся къ массѣ наблюда-

емыхъ фактовъ, помогаютъ намъ лучше понять предметъ, а политики стали утверждать, что „цифры управляютъ міромъ“, цифръ, относящихся до жизни человѣческой, накоплено уже довольно. Накопленіе ихъ идетъ по двумъ способамъ: по способу записей и способу переписей. Лучшимъ примѣромъ для объясненія того, въ чемъ состоитъ способъ записей могутъ служить метрическія книги, которыя ведутъ священники относительно каждаго отдѣльнаго случая: рожденія, брака и смерти людей. Изъ дня въ день, изъ года въ годъ такимъ образомъ накапливается о многихъ людяхъ много записей, сложивши и разсортировавши которыя, мы получаемъ главные данныя о жизни человѣческой. Но мало знать, что человѣкъ рождается, вступаетъ въ бракъ и умираетъ; прослѣдить, записывая относительно каждаго человѣка, какъ онъ бѣдовалъ или роскошествовалъ, что потреблялъ, какъ развивался, какъ и какіе строилъ себѣ дома, когда и чѣмъ болѣлъ и т. п. нѣтъ возможности. Нѣкоторыя учрежденія, больницы, торговыя, промышленныя заведенія, почтовыя, переселенческія конторы, судебныя учрежденія, учебныя заведенія, бібліотеки и т. п. ведутъ записи о тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ людей; но людей очень много, а дѣйствія ихъ—такъ многообразны, что для накопленія цифръ обо всѣхъ ихъ потребовалось бы пожалуй, чтобы каждый человѣкъ записывалъ, когда и сколько стакановъ чаю онъ выпилъ, когда что купилъ и по чемъ и т. д. Вотъ почему одновременная перепись всѣхъ людей, живущихъ въ данномъ пунктѣ или государствѣ, является наиболѣе возможнымъ и лучшимъ средствомъ привести въ извѣстность все, что показываетъ, какъ люди группируются въ извѣстный общественный организмъ, какъ и въ какихъ зданіяхъ живутъ, чѣмъ занимаются, что производятъ одни для другихъ, какъ эксплуатируютъ одинъ другого, какъ и что потребляютъ, какія совершаютъ преступленія противъ нравственности и т. д. Цифры ясно опредѣляютъ намъ степень развитія людскихъ потребностей въ данномъ пунктѣ, а сравненіе этихъ данныхъ съ добытыми въ другихъ пунктахъ, при другихъ культурныхъ условіяхъ, даетъ понятіе о томъ, какъ живетъ человѣкъ и чего домогается.

Что же такое есть перепись, при помощи которой мы узнаемъ

все перечисленное и многое другое, о чемъ я не упомянулъ? Наибольше популярный русскій писатель послѣднихъ лѣтъ графъ Л. Толстой, участвовавшій вмѣстѣ съ другими 2000 человекъ въ переписи Москвы въ 1882 году и желавшій воспользо-ваться этимъ случаемъ для пробужденія чувствъ братскаго общенія и любви между людьми, писалъ тогда, что цѣль переписи—не только узнать, чего не достаетъ для счастья людей, но и придумать, какъ помочь дѣлу: „Цѣль переписи научная, говоритъ онъ. Перепись есть соціологическое изслѣдованіе. Цѣль же науки соціологіи—счастье людей. Наука эта и ея приемы рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ наукъ. Особенность въ томъ, что соціологическія изслѣдованія не производятся учеными по своимъ кабинетамъ, обсерваторіямъ и лабораторіямъ, а двумя тысячами людей изъ общества. Другая особенность та, что изслѣдованія другихъ наукъ производятся не надъ живыми людьми, а здѣсь надъ живыми людьми. Третья особенность та, что цѣль всякой науки есть только знаніе, а здѣсь благо людей“.

Другого опредѣленія конечной цѣли каждой переписи и лучшей рекомендаціи для необходимости введенія ея въ обиходъ нашей жизни я не считаю нужнымъ приводить; я скажу только о техникѣ дѣла, т. е. о томъ, какъ производятся переписи, дающія намъ наибольше вѣрную фотографію дѣйствительности, а потому и доставляющія наибольшее количество цифръ для статистики.

Лучше всего это дѣло устроено въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ съ 1790 года аккуратно черезъ каждыя 10 лѣтъ производились общія переписи всего населенія. Сводъ данныхъ за эти 11 переписей, нанесенныхъ на карты и въ таблицы, даетъ подробную цифровую исторію этой страны, порядокъ заселенія ея людьми, передвиженія такъ называемаго центра населенія, появленія и разростанія городовъ, разныхъ видовъ промышленности, вліявшихъ на измѣненіе характера и естественныхъ отличій страны. Имѣя только таблицы и карты, относящіяся къ этимъ 11 переписямъ, можно видѣть и развитіе этого грандіознаго государства, не обращаясь къ трудамъ, гдѣ хронологически и въ причинной связи излагается его исто-

рія. Правильность, съ которою въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ повторяются переписи, сознание ихъ необходимости для культурнаго общества такой же, какова, напр., необходимость для культурнаго индивидуума въ известное время умываться и чесаться,—привели къ тому, что при изобрѣтательности, присущей гражданамъ Америки, переписи обставлены тамъ массою механическихъ приспособленій, облегчающихъ трудъ работающихъ. При переписи необходимо относительно каждаго человека, каждаго учрежденія, будетъ ли то частный жилой домъ, фабрика или университетъ, сдѣлать отмѣтки по известнымъ впередъ поставленнымъ вопросамъ на отдѣльныхъ карточкахъ. Американцы теперь уже не прибѣгаютъ къ помощи карандаша или пера для записей на этихъ карточкахъ: они только пробиваютъ на нихъ дырочки особымъ инструментомъ на известныхъ клѣткахъ, что и составляетъ отвѣтъ на данный вопросъ. Для подсчета карточки съ пробитыми на нихъ дырочками поступаютъ въ особую электрическую машину; здѣсь онѣ проходятъ черезъ приемникъ, снабженный металлическими палочками, могущими при давленіи на нихъ погружаться въ ртуть и тѣмъ прекращать электрической токъ; такимъ образомъ эти палочки, попадающія подъ отверстія счетной карточки, передаютъ счетъ на особые циферблаты, снабженные стрѣлками. Циферблатовъ столько, сколько на карточкѣ клѣтокъ, и потому они сразу считаютъ всѣ отмѣтки, какія были сдѣланы на ней при переписи, хотя бы ихъ было болѣе сотни.

Разъ карточка прошла черезъ машину, всѣ данныя, отмѣченныя на ней, посчитаны сразу отдѣльно, тогда какъ при ручномъ подсчетѣ каждую карточку приходится считать столько разъ, сколько на ней отмѣтокъ. При сложении, умножении и дѣленіи полученныхъ основныхъ цифръ янки употребляютъ также много механическихъ счетныхъ машинъ, облегчающихъ и ускоряющихъ работу.

Въ Европѣ нѣтъ такихъ приспособленій при производствѣ переписей. Здѣсь употребляютъ листки или такъ называемые формуляры, на которыхъ относительно каждаго предмета записываются тѣ или другія свѣдѣнія, вошедшія въ программу переписи. Обсужденіе вопросовъ, какіе нужно ставить при пе-

реписяхъ, происходить на международныхъ статистическихъ конгрессахъ, на очередныхъ съѣздахъ статистиковъ отдѣльныхъ государствъ, наконецъ, въ собраніяхъ изъ специалистовъ и администраторовъ передъ каждой данной переписью. Такъ какъ мнѣ прійдется говорить только о постройкахъ и жилищахъ города Харькова, то я считаю не лишнимъ сообщить о томъ, какъ напр. обсуждались вопросы, касающіеся этого отдѣла городской статистики и къ чему привело обсужденіе ихъ на съѣздахъ нѣмецкихъ городскихъ статистиковъ. Въ Германской имперіи послѣ объединенія мелкихъ государствъ въ одно, т. е. съ 1871 года, дѣло городской статистики получило опредѣленную и однообразную организацію и съ тѣхъ поръ по настоящее время произведено 5 переписей, слѣдовавшихъ одна послѣ другой черезъ пять лѣтъ (1871, 1875, 1880, 1885, 1890). Эти переписи касались всего государства, т. е. и городовъ, и сельскихъ округовъ, и производились всегда 1 декабря, когда населеніе городовъ находится въ наименьшей степени подвижности. Каждое отдѣльное государство Германской имперіи послѣ переписи обязано общее число жителей подсчитать къ 1 мая слѣдующаго года; къ 30 ноября—данныя о постройкахъ, домохозяйствахъ и жителяхъ въ нихъ; къ 1 іюля еще слѣдующаго года—дѣленіе жителей по религіямъ, избирательнымъ округамъ, полу, возрасту и семейному положенію, наконецъ къ 31 декабря втораго года дѣленіе жителей по полу и годамъ рожденія. Такимъ образомъ данныя каждой переписи въ Германіи подсчитываются въ теченіи 2 лѣтъ: теперь въ Нѣмецкомъ государствѣ слѣдовательно кончается подсчитка переписи 1890 года. Методологія по статистикѣ нѣмецкихъ городовъ выработывалась на съѣздахъ директоровъ городскихъ статистическихъ бюро, гдѣ была измѣнена создавшаяся до того времени классификація описываемыхъ предметовъ, выработавшаяся прежде при переписяхъ столицъ. Столицы, какъ извѣстно, по формѣ своихъ многоэтажныхъ домовъ, стоящихъ тѣсно одинъ возлѣ другаго безъ пустыхъ промежутковъ между ними, отличаются въ постройкѣ отъ мелкихъ провинціальныхъ городовъ тѣмъ, что среди одного большого столичнаго дома лежатъ нѣсколько дворовъ, которые и называются для отличія

первымъ, вторымъ, третьимъ и т. д. дворами одного и того же дома. Въ меньшихъ же провинціальныхъ городахъ, гдѣ простору больше, въ большинствѣ случаевъ бываетъ наоборотъ, что на одномъ дворовомъ мѣстѣ помѣщается нѣсколько небольшихъ домовъ.

Уже на 4-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ городскихъ статистиковъ въ виду невозможности дать ясное опредѣленіе понятіямъ „домъ“, „постройка“, основною единицею счисленія въ городахъ приняты были не дома, по которымъ производились прежде переписи въ столицахъ, а усадьбы или дворовыя мѣста, при чемъ постановлено различать между ними застроенныя, незастроенныя и застраиваемыя во время переписи. Такая единица счисленія болѣе соотвѣтствовала и полицейскимъ №№ на улицахъ, а также нотаріальнымъ, гипотечнымъ и страховымъ актамъ и даннымъ окладныхъ книгъ городовъ, отчего давала лучшую возможность сравненія переписи съ данными записей разныхъ учреждений.

За установленіемъ единицы счисленія на съѣздахъ статистиковъ были опредѣлены подробности классификаціи: 1) *владѣній* по владѣльцамъ имуществъ, по числу жилищъ, на нихъ находящихся, жилыхъ комнатъ и жителей; 2) *построекъ* по этажности и по назначенію ихъ (для приватнаго жилья, для промысловыхъ цѣлей, для публичныхъ цѣлей, частью для жилья, для холодныхъ службъ) и наконецъ 3) *отдѣльныхъ жилищъ* по высотѣ положенія ихъ въ томъ или въ другомъ этажѣ, по числу комнатъ, по числу жителей въ и т. д.

Обсужденіе признаковъ жилищъ, рядомъ съ практически указаніями опыта производившихся переписей, заставило и тутъ сдѣлать измѣненіе прежде существовавшей классификаціи на другую. Прежде комнаты дѣлились на жилыя и нежилыя; но переписи указали, что эти понятія довольно расплывчаты и требуютъ новыхъ подраздѣленій на комнаты, эксплуатируемыя съ цѣлью торговою, административною и т. д., а сверхъ того жилье людей встрѣчали и на судахъ флота, и въ подвалахъ, и въ пещерахъ и ямахъ, т. е. вовсе не въ постройкахъ и комнатахъ. Оттого и рѣшено было комна-

ты, въ собственномъ смыслѣ слова, дѣлится только на 3 вида: отопливаемые, неопотливаемые и кухни.

Вотъ вкратцѣ все то, что нѣмецкими статистиками установлено было принять за объекты изслѣдованія при переписяхъ городскихъ жилищъ. Въ основу классификаціи, слѣдовательно, положено то, что въ нашемъ климатѣ является главнымъ условіемъ для обитанія: съ одной стороны—право владѣнія участкомъ земли, а съ другой—отопливаемые и неопотливаемые пространства построекъ, будутъ ли онѣ назначены для жилья, или для такого или иного вида труда въ нихъ. Такими же основаніями въ древности руководились и южно-русскіе князья при своихъ примитивныхъ статистическихъ изысканіяхъ о числѣ „дымовъ“, на основаніи которыхъ они опредѣляли размѣръ дани. При одноэтажности и вѣроятномъ однообразіи тогдашнихъ жилищъ, число „дымовъ“ изображало очевидно и число отопливаемыхъ комнатъ, необходимыхъ для жизни и возможности труда въ нашихъ широтахъ.

Опредѣленіе содержанія городской статистики нѣмецкихъ городовъ дало возможность установить и опредѣленные вопросы пункты формуляровъ переписи и однообразныя таблицы для сводки въ нихъ цифръ, сравнивая которыя одновременно для разныхъ городовъ и хронологически для одного какого либо города, мы получаемъ представленіе о ростѣ и жизни этихъ городовъ за послѣднее время. Хотя періодъ, когда производились нѣмецкія статистическія изслѣдованія не захватываетъ болѣе 20 лѣтъ, но цифры ясно говорятъ напр., что, въ столицѣ королевства Баварскаго—Мюнхенѣ относительное число природныхъ баварцевъ уменьшается, а число иностранныхъ „нѣмцевъ“ (какъ называются въ таблицахъ этого города прочіе нѣмцы кромѣ баварцевъ) и особенно пруссаковъ увеличивается. Сравненіе цифръ 6-ти послѣдовательныхъ переписей въ Лейпцигѣ показываетъ, какъ рядомъ съ увеличеніемъ города возрастаютъ и цѣны на квартиры во всѣхъ частяхъ города и самая величина квартиръ: число квартиръ въ одну комнату здѣсь уменьшилось, число же квартиръ въ 3, 4, 5 комнатъ постоянно увеличивается, а съ 1885 года явились разряды квартиръ въ 8, 9, 10 комнатъ, какихъ до того года

ихъ разсматривала и составляла предположенія о способахъ производства переписи; въ маѣ 1890 г. дѣло поступило въ Статистическій совѣтъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ было разсмотрѣно; 25 октября 1890 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на перепись, которая и произведена была 15 декабря 1890 года. Городъ раздѣленъ былъ на 37 участковъ или отдѣловъ; завѣдующими въ отдѣлахъ были лица изъ разныхъ частей высшихъ управленій и спеціалисты по статистикѣ; переписчиковъ было 1699, изъ нихъ 1237, т. е. 72% принадлежали къ учащейся молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Портфели съ собраннымъ матеріаломъ, провѣряемые завѣдующими, поступали въ Статистическое отдѣленіе городской управы въ теченіи января и февраля 1891 года. Затѣмъ 20 человекъ съ февраля по іюль были заняты провѣркою и приведеніемъ матеріала въ порядокъ для сводки его и разработки. Сводка въ таблицы свѣдѣній изъ личныхъ карточекъ производилась 40 рабочими (18 на мужской половинѣ и 22 на женской) съ марта 1891 года по сентябрь, а свѣдѣній изъ квартирныхъ и домовыхъ листковъ — съ іюня по ноябрь 12 рабочими, при чемъ они работали по 6 и 8 часовъ въ день. Послѣ того изъ такъ называемыхъ „рабочихъ таблицъ“ свѣдѣнія были перенесены въ болѣе сокращенныя таблицы, редактированныя для изданія.

Тоже самое можно было бы рассказать и изъ практики послѣдней переписи въ Одессѣ, которая задумана была городской думою еще 2 года назадъ: первый годъ пошелъ на составленіе и обсужденіе формуляровъ переписи; разрѣшеніе было получено лѣтомъ нынѣшняго года; 28 ноября былъ первый обходъ съ раздачею формуляровъ, а 1 декабря произведена самая перепись при 1000 регистраторахъ. Но для нашихъ переписей въ сравненіи ихъ, напр., съ переписями нѣмецкихъ городовъ нужно отмѣтить нѣкоторыя особенности, вызываемыя прежде всего тѣмъ, что онѣ у насъ представляютъ случайное явленіе, а не производятся регулярно черезъ пять лѣтъ, какъ въ Германіи, или черезъ 10, какъ во Франціи. Для того, чтобы обезпечить правильность переписи, продолжающейся одинъ день, необходимо произвести предвари-

тельное счисленіе населенія безъ записи на карточку каждаго отдѣльнаго лица, но съ нанесеніемъ на планшеты кварталовъ города и съ составленіемъ подробнаго списка дворовъ и квартиръ, которые будутъ описываться. Тамъ, гдѣ предшествовавшая перепись была не далѣе, какъ 5 лѣтъ тому назадъ, это несравненно легче сдѣлать, чѣмъ у насъ, гдѣ зачастую раньше переписи вовсе не было. Въ Петербургѣ для обезпеченія успѣха переписи 1890 года было сдѣлано 5 предварительныхъ счисленій—два въ 1888 г., два—въ 1889 и одно въ 1890 году; въ Одессѣ весь нынѣшній годъ употребленъ былъ на то, чтобы заготовить планшеты отдѣльныхъ частей и кварталовъ и списки существующихъ домовъ и квартиръ съ указаніемъ числа жителей въ нихъ. Это несомнѣнно затрудняетъ производство переписи.

Но еще болѣе препятствій производство переписей у насъ встрѣчаетъ въ отношеніи самаго населенія къ дѣлу, имѣющему цѣли общественныя, соціологическія. У насъ въ большинствѣ наблюденіе и изученіе фактовъ текущей жизни, производимое ради интересовъ общихъ, считается не только излишнимъ, бесполезнымъ, но даже вреднымъ для личныхъ интересовъ отдѣльнаго обывателя; противопоставленіе личныхъ интересовъ интересамъ общественнымъ находятъ у насъ многихъ защитниковъ. Равнодушіе и безразличное отношеніе къ общей пользѣ, соединенное съ невѣжествомъ и подозрительностью, порождаетъ среди нашихъ обывателей страхи предъ мнимою опасностью, какая грозитъ каждому въ отдѣльности. Стремленіе воспользоваться приѣмами науки для упорядоченія обыденныхъ общественныхъ или экономическихъ неурядицъ считается не болѣе какъ фанфоронствомъ, заслуживающимъ если не высокомѣрнаго презрѣнія, то по меньшей мѣрѣ сожалѣнія. Оттого, когда зайдетъ рѣчь о переписи, большинство обывателей видитъ въ ней посягательство на свое право молчанія о своихъ и сосѣдскихъ дѣлахъ. Это право, даже больше сказать—какъ бы сознаваемая нами обязанность отвѣчать на всякій вопросъ, обращенный къ намъ, отвѣтомъ „не могу знать“, „не хочу доносить на сосѣда“ и т. п., а съ другой стороны презрительное отношеніе ко всему, что хоть сколько нибудь

соприкасается съ наукою, порождаетъ въ данныхъ нашихъ переписей массу ложныхъ, а также насмѣшливыхъ съ претензіей на остроуміе показаній.

Не говоримъ уже о ложныхъ показаніяхъ о числѣ лѣтъ, при сопоставленіи которыхъ по личнымъ карточкамъ оказывается напр., что мать старше своей дочери всего на 9 лѣтъ, о томъ, что „языкъ“ у опрашиваемаго лица красный, что оно паркетнаго „пола“, родилось на лунѣ, на земномъ шарѣ и т. п.; многіе стараются скрыть совсѣмъ свое существованіе, замолчатъ вовсе объ имуществахъ, принадлежащихъ имъ, о доходѣ, получаемомъ ими и т. п. Гдѣ причина такого отношенія къ переписямъ? Отчего молчаніе въ данномъ случаѣ считается золотомъ? Неужели пословица, что „брехнею свѣтъ живе“—правдива при всемъ безпощадно мрачномъ возрѣніи на свѣтъ Божій, выражаемомъ ею? Вѣдь есть у насъ и другая болѣе утѣшительная пословица: „брехнею свѣтъ пройдешь, та назадъ не вернешя!“...

Если мы прочтемъ, напр., недавнее воззваніе Одесскаго градоначальника къ жителямъ Одессы, въ которомъ онъ убѣждаетъ ихъ всѣми силами краснорѣчія ничего не скрывать, такъ какъ никакого вреда для каждаго въ отдѣльности, никакого повышенія налоговъ, или полицейскаго преслѣдованія за безпаспортность не послѣдуетъ,—то мы увидимъ главную причину—въ убѣжденіи, что всякая перепись влечетъ за собою увеличеніе налоговъ и административныя взысканія.

Всѣ старыя ревизіи наши имѣли фискальную цѣль—обложеніе записанныхъ душъ ревизскою податью; оттого въ старину ревизскія души старались избѣжать ревизіи, не смотря на предписанія рвать ноздри тѣмъ, кто скрывается, и также строго наказывать тѣхъ, кто ихъ скрываетъ. Въ низшихъ классахъ населенія преданіе объ этихъ наказаніяхъ и цѣли ревизій остались живы и до сихъ поръ; ихъ нѣсколько разсѣяли за послѣднее время земскія переписи, не имѣвшія за собою прямымъ послѣдствіемъ отягощенія населенія податями; косвенныя же подати, вводимыя въ послѣднее время, поддерживаютъ и въ извѣстныхъ классахъ городского населенія взглядъ на переписи, какъ на что-то крайне вредное для личныхъ ин-

терессовъ; оттого и отношеніе къ переписи удерживается до настоящаго времени почти враждебное. Устраняя себя отъ обсужденія текущихъ дѣлъ внутренней политики и общаго смысла ихъ, мы зачастую теряемъ правильное пониманіе причинъ и слѣдствій. Если возможно было, что причину появленія холеры видѣли въ постройкѣ бараковъ и пріѣздѣ врачей, то нисколько не будетъ удивительно, если составитя гдѣ нибудь мнѣніе, что причиною введенія соляного или другого налога изъ проектируемыхъ теперь, будутъ признаны произведенныя въ нынѣшнемъ году переписи въ Харьковѣ и Одессѣ. Невѣжество имѣетъ ту особенность, что оно не слушаетъ доводовъ, и дѣйствительно нельзя будетъ объяснить, что перепись въ Харьковѣ производилась для городской переоцѣнки имущества, а въ Одессѣ—по случаю приближенія столѣтняго юбилея этого города. Для статистики вредно какъ и появленіе мнѣній, которыхъ нельзя разсѣять никакими доводами, такъ и тотъ обѣтъ молчанія, который проявляетъ себя при переписяхъ. Здѣсь вышло нѣчто похожее на то, что замѣчается въ отношеніяхъ учениковъ нашихъ гимназій къ своимъ учителямъ, которымъ они при поступленіи въ низшіе классы готовы говорить все, которыхъ они спрашиваютъ обо всемъ, что ихъ интересуетъ, но подъ конецъ курса дѣлаются также молчаливыми, какъ и обыватели при переписи.

Во всякомъ случаѣ приходится до сихъ поръ принимать мѣры, чтобы была возможность добиться истины, которую намѣренно желаютъ скрыть. Критика матеріала здѣсь много значить: она указываетъ размѣры ложныхъ показаній; но такъ какъ желательно, чтобы ложныхъ показаній было какъ можно меньше, то у насъ предпринимаются предварительныя мѣры, предшествующія переписи. Онѣ не столько относятся къ техникѣ исполненія, не столько касаются инструкцій исполнителямъ и ихъ обученія, какъ въ Лейпцигѣ, сколько имѣютъ въ виду жителей и ихъ расположеніе отвѣчать правду: для этого въ газетахъ печатаются воззванія, спеціалисты читаютъ для образованной публики лекціи и сообщенія о цѣляхъ переписи, о способахъ ея производства, и всюду твердятъ о томъ, чтобы жители не опасались говорить правду. Въ Харьковѣ въ насто-

ящемъ году городское управленіе обращалось къ содѣйствию преосвященнаго владыки, который предложилъ священникамъ разъяснять своимъ прихожанамъ цѣль переписи для предупрежденія превратныхъ сужденій о ней.

Цѣль Харьковской переписи была спеціальная—приведеніе въ извѣстность числа имуществъ и ихъ доходности для одновременной ихъ переоцѣнки. Средства, которыми располагало городское общественное управленіе, были не настолько велики, чтобы можно было сдѣлать полную перепись имуществъ, населенія и его занятій. Описаны были только одни имущества, но описаны болѣе подробно, чѣмъ то обыкновенно дѣлается. Кромѣ обычныхъ свѣдѣній о характерѣ имуществъ, числѣ и родѣ построекъ, числѣ квартиръ и другихъ помѣщеній и комнатъ въ нихъ, были собраны свѣдѣнія о вмѣстимости помѣщеній жилыхъ и торгово-промышленныхъ, добытыя посредствомъ измѣренія длины, ширины и высоты по ихъ внутреннимъ стѣнамъ. Такія свѣдѣнія при переписяхъ собираемы были только въ Казани и въ городахъ Полтавской губерніи; но результаты изслѣдованій въ этихъ городахъ не были напечатаны; въ Москвѣ для цѣлей оцѣнки жилыхъ квартиръ была одновременно измѣрена только $\frac{1}{20}$ часть всѣхъ квартиръ этого города. Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году въ Харьковѣ были не только посчитаны, но и измѣрены жилыя, торговыя и промышленныя помѣщенія; при этомъ приняты были указанія, выработанныя практикою переписей въ нѣмецкихъ городахъ, именно: отопливаемые части помѣщеній, будь то прихожія или кухни, были считаемы за комнаты и измѣрялись; холодныя службы при жилыхъ квартирахъ и служебныя части торгово-промышленныхъ заведеній не измѣрялись. Не были измѣряемы и вовсе не описывались также неподлежащія обложенію городскимъ сборомъ церковныя, казенныя и общественныя имущества разнаго рода.

Порядокъ работъ состоялъ въ слѣдующемъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ городскою думою избрана была особая коммиссія изъ 11-ти гласныхъ, которая подъ предсѣдательствомъ гласнаго города и ректора Императорскаго Харьковскаго Университета М. М. Алексѣенка выработала основанія переоцѣнки иму-

щества и правила производства переписи для собранія необходимыхъ данныхъ для этой цѣли. Эти правила утверждены были думою 29 мая и тогда-же для распорядительныхъ дѣйствій по производству переписи былъ избранъ особый наблюдательный комитетъ изъ 5 душъ, открывшій свои дѣйствія 1 іюля. Составленные имъ формуляры переписи были разсматриваемы въ Губернскомъ статистическомъ комитетѣ, при чемъ, согласно рѣшенію послѣдняго, былъ опущенъ вопросъ о числѣ населенія, такъ какъ для приведенія его въ извѣстность потребовалось бы разрѣшеніе на перепись со стороны Центрального Статистическаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣднее обстоятельство могло-бы отдалить начало переписи до осени, т. е. до того времени, когда учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній не могла бы уже принять участіе въ работахъ; участіе же это, по проекту подготовительной комиссіи, было очень желательно.

Персональ переписчиковъ и составилъ главнымъ образомъ изъ студентовъ и окончившихъ высшія учебныя заведенія сначала въ количествѣ 48 душъ, раздѣленныхъ на 6 отрядовъ: во второй мѣсяцъ переписи число ихъ было увеличено до 70, при чемъ они группировались въ 8 отрядовъ. Во главѣ каждого отряда стоялъ завѣдующій, на обязанности котораго лежало изучать до переписи данный участокъ города и слѣдить, чтобы не было пропусковъ, разногласія въ способахъ записыванія отвѣтовъ и ошибокъ. Съ тою же цѣлью достиженія однообразія въ работахъ переписчикамъ, или регистраторамъ сначала городскимъ статистикомъ былъ прочтенъ курсъ о значеніи, цѣли переписи, приемахъ ея производства, затѣмъ они были ознакомлены съ подробностями инструкціи, содержаніемъ формуляровъ, дѣлали подробныя описанія и тогда только шли на дѣйствительную работу.

Хотя способъ описанія былъ принятъ тотъ, какой практикуется при однодневныхъ переписяхъ населенія, т. е. регистраторамъ вмѣнено было въ обязанность сначала раздать владѣльцамъ и квартирантамъ переписные листки, а затѣмъ по прошествіи недѣльнаго срока второй разъ явиться за полученіемъ ихъ, но перепись продолжалась довольно долго—почти

2¹/₂ мѣсяца. Успѣху ея въ смыслѣ краткосрочности мѣшало появленіе холерной эпидеміи, отвлекшей много рабочихъ силъ изъ студентовъ медиковъ, а затѣмъ даже и ветеринаровъ. Всѣхъ участвующихъ въ переписи за означенное время перебывало 96 душъ; изъ нихъ было: окончившихъ высшія учебныя заведенія—20 (въ числѣ которыхъ былъ одинъ спеціалистъ—бывшій директоръ Статистическаго отдѣленія Херсонской губернской земской управы), студентовъ университета—37, технологическаго института—16, ветеринарнаго института—19, прочихъ—4. Всѣхъ рабочихъ дней (при 8-ми часовомъ трудѣ въ день) на перепись ими употреблено около 2500, такъ что на 1 день пришлось около 10 описанныхъ каждымъ работавшимъ квартиръ.

Къ половинѣ сентября было окончено описаніе имуществъ въ натурѣ, послѣ чего производимы были лишь нѣкоторыя поправки и дополненія; съ августа уже начались работы въ счетчицкой, куда были приглашены нѣкоторые регистраторы изъ лицъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія и дѣвицы, окончившія среднія учебныя заведенія. Персональ ихъ состоялъ въ разное время отъ 16 до 20 душъ, а подъ конецъ работъ въ началѣ декабря—изъ 6 душъ; работы же ихъ, контролируемыя 3-мя столоначальниками и руководимыя городскимъ статистикомъ, были направлены на вычисленіе кубическаго содержанія измѣренныхъ жилыхъ и торговопромышленныхъ помѣщеній, вычисленія размѣра доходовъ и расходовъ получаемыхъ ихъ владѣльцами, т. е. на разработку только данныхъ, необходимыхъ для оцѣнки. Исчисленныя среднія величины и процентные показатели отношенія расхода къ доходу вмѣстѣ съ матеріалами, добытыми при переписи, послѣ разработки ихъ поступили въ распоряженіе и пользованіе оцѣночной комиссіи, избранной городской думою.

Обошлись все перечисленныя работы городскому управленію: перепись имуществъ—въ 7,814 руб. 92 коп. (81,8⁰/₀), а подсчетъ и производство вычисленій въ 1736 руб. 3 коп. (8,2⁰/₀), всего—9550 руб. 95 коп. Интересно теперь обратиться къ тому, что приобрѣтено городомъ въ возмѣщеніе этихъ расходовъ? Я не могу утруждать вашего вниманія сообщеніемъ

всѣхъ возможныхъ итоговъ, характеризующихъ состояніе недвижимостей города Харькова въ настоящее время и матеріальный бытъ его жителей, обусловливаемый этимъ состояніемъ, но и то, что будетъ возможно сообщить вкратцѣ, до известной степени уяснить намъ особенности Харькова, этого большого центра административной, экономической и умственной жизни Россіи. Какъ я сказалъ, особенности эти легче могутъ быть нами оцѣнены, если мы прибѣгнемъ къ сравненію Харькова въ настоящемъ его видѣ съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и съ другими городами, по величинѣ не очень отличающимися отъ него.

Когда мы говоримъ о какомъ нибудь городѣ, то прежде всего нужно условиться о томъ, что понимать подъ нимъ: или только то заселенное пространство, которое находится внутри такъ называемой городской черты, или то пространство, на которомъ встрѣчаются мостовыя, тротуары, фонари и другіе признаки, отличающіе городскую жизнь отъ деревенской, или наконецъ всю совокупность дворовъ съ деревнями и хуторами, обыкновенно прилегающими къ городу, жители которыхъ хотя и занимаются земледѣліемъ, но въ быту своемъ тѣсно связаны съ жизнью города и удобствами, имъ доставляемыми.

Если взять первое опредѣленіе, то намъ пришлось бы говорить только о небольшой центральной части города Харькова: всюду ростъ городовъ идетъ далеко за предѣлы утвержденныхъ для нихъ плановъ, и если утвержденіе плана состоялось давно, то всегда граница города, показанная на планѣ, лежитъ внутри дѣйствительнаго города. Послѣдній планъ для города Харькова Высочайше утвержденъ былъ 70 лѣтъ тому назадъ—въ 1822 году, и обозначенная на планѣ „черта“ въ настоящее время не можетъ считаться границею города ни въ какомъ смыслѣ. Граница Харькова, утвержденная въ 1822 году, какъ видно изъ плана его, помѣщеннаго въ Полномъ собраніи законовъ, шла слѣдующимъ образомъ: отъ земли Харьковскаго университета по нынѣшнему Сорокинскому переулку, далѣе по линіи отъ его конца къ Каплуновской церкви, гдѣ тогда отведена была земля для кладбища, по Садово-Куликовской ул., черезъ рѣку до Рыжовской набережной, че-

резъ Вознесенскій скверъ, Михайловскую площадь; затѣмъ спустившись съ горы противъ Михайловской церкви къ рѣчкѣ, по Нетеченской ул. и Ващенковскому переулку примѣрно до нынѣшней Воскресенской площади; далѣе рѣкою до Средне-Гончаровской ул., этою улицею, Жандармскою и Тюремною площадями до Базарной площади и рѣчки, по другую сторону которой лежитъ университетская земля. Въ этихъ границахъ находилось 102 строительныхъ квартала и 485 десятинъ земли. Тогда въ Харьковѣ было менѣе 20 тысячъ жителей; теперь же, когда населеніе его почти удевятирилось, площадь, застроенная усадьбами, расположенными въ 500 кварталахъ, занимаетъ въ пять разъ большее пространство; тамъ, гдѣ теперь встрѣчаемъ мостовыя, газовое освѣщеніе, паровыя заводы, 70 лѣтъ тому назадъ, по свидѣтельству мѣстнаго писателя, происходило „Сватанія на Гончаривци“ въ формахъ патриархальнаго сельскаго быта. Точныхъ статистическихъ подробностей о г. Харьковѣ того времени мы не имѣемъ.

Нынѣшній Харьковъ можно статистически сравнить только съ тѣмъ Харьковомъ, какимъ онъ былъ 13 лѣтъ тому назадъ, — на основаніи точныхъ данныхъ, собранныхъ при однодневной переписи 29 апрѣля 1879 года. Эта перепись произведена была спустя 7 лѣтъ послѣ проведенія черезъ Харьковъ первой желѣзнодорожной линіи изъ Москвы на Ростовъ и на другой годъ послѣ открытія движенія по послѣдней желѣзной дорогѣ, соединившей Харьковъ черезъ Сумы и Бахмачъ съ Кіевомъ; значить — время, отдѣляющее насъ отъ прошлой переписи, протекло при тѣхъ условіяхъ жизни города, въ которыхъ онъ находится и въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе измѣненій въ городѣ произошло за это время очень много.

По переписи 1879 года въ Харьковѣ, за исключеніемъ казенныхъ, монастырскихъ, церковныхъ имуществъ, вокзала желѣзной дороги, казармъ, больницъ и т. п., было насчитано 5900 дворовъ съ 14.128 квартирами въ нихъ. Въ нынѣшнемъ году оказалось болѣе 9 тысячъ имуществъ, съ 26 тысячами помѣщеній. Если изъ нашихъ цифръ мы исключимъ пустопорожнія мѣста, не считанныя при переписи 1879 года, отдѣльныя торговыя и промышленныя заведенія безъ всякаго жилья при

нихъ, наконецъ всѣ имущества, находящіяся на базарахъ г. Харькова и не посчитанныя въ 1879 г., то все же получимъ въ границахъ оцѣнки 7200 застроенныхъ и строившихся дворовъ, съ 24 тысячами помѣщеній (изъ послѣднихъ собственно жилыхъ квартиръ—21 тысяча). Эти цифры показываютъ возрастаніе за 13 лѣтъ числа дворовъ на 1300 или 22⁰/₀, а числа квартиръ на 7 тысячъ или на 49⁰/₀. По отдѣльнымъ частямъ города цифры его роста различны. Наибольшее увеличеніе числа застроенныхъ дворовъ (на 38,5⁰/₀) замѣчается въ 3-й части, среднее (на 17,8⁰/₀)—въ I части и наименьшее (на 14,3⁰/₀)—во 2-й. Въ общемъ мѣра увеличенія числа застроенныхъ дворовыхъ мѣстъ далеко меньше, чѣмъ квартиръ: тогда какъ число дворовъ увеличилось нѣсколько болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{5}$ часть прежней величины, число квартиръ стало въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе. Изъ этого ясно, что квартиры по размѣрамъ стали меньше. Это явленіе замѣчается во всѣхъ городахъ Европы и Америки, особенно въ теченіи послѣдняго вѣка: съ быстрымъ увеличеніемъ городовъ, совершенно несоразмѣрнымъ съ общимъ увеличеніемъ народонаселенія въ странѣ, квартиры во всѣхъ городахъ дѣлаются меньше; плата за нихъ также уменьшается до того, что и общая сумма доходовъ аренды уменьшается. Когда хозяева, заложившіе свои имущества въ банкахъ, замѣчаютъ это уменьшеніе доходовъ, они прибѣгаютъ къ перестройкамъ своихъ домовъ на многоэтажныя и многоквартирныя. Г. Харьковъ еще не дошелъ до необходимости повальной перестройки домовъ на многоэтажныя, но уменьшеніе размѣра квартиръ показываетъ, что онъ находится на пути къ такому необходимому явленію.

Очень жаль, что при переписи 1879 года не было посчитано число комнатъ и мы не можемъ указать дѣйствительными цифрами, какъ велика была по числу комнатъ средняя квартира въ то время. Подтвержденіе вывода объ уменьшеніи размѣра квартиръ и о наклонности города къ перестройкамъ въ многоэтажныя дома мы можемъ найти въ другихъ указаніяхъ, именно въ цифрахъ, показывающихъ, по сколько квартиръ приходилось на одно застроенное дворовое мѣсто, или имущество домовладѣльца тогда и теперь. Въ 1879 году на 1 дворовое

мѣсто приходилось по 2,₄ квартиры, теперь по 3,₅ вообще во всемъ городѣ; въ центрѣ города, если мы ограничимъ его чертою 1822 года, въ 1879 году на 1 дворъ приходилось по 3,₈ квартиры, а теперь—ровно по 5 квартиръ.

Конечно, величина квартиры не можетъ быть выражена только числомъ комнатъ, такъ какъ самыя комнаты могутъ быть или маленькія клѣтушки или громадныя залы. Но здѣсь мы не имѣемъ сравненія данныхъ, полученныхъ теперь, съ данными переписи населенія 1879 года, когда комнаты не измѣрялись. Я могу только сообщить то, что дала нынѣшняя перепись, тѣмъ болѣе, что она дала совершенно новыя и мало гдѣ имѣющіяся свѣдѣнія. Всякому извѣстно, что большія комнаты встрѣчаются въ центрѣ города, наименьшія—на окраинахъ; но мало кто обращаетъ вниманія на то, какова бываетъ вмѣстимость частныхъ жилыхъ квартиръ, что считается почему-то умѣстнымъ знать только относительно больницъ, учебныхъ заведеній, театровъ и др. публичныхъ учрежденій. Въ настоящее время мы имѣемъ данныя вмѣстимости относительно всѣхъ частныхъ домовъ города Харькова, служащихъ для жилья, торговли или промышленности, и можемъ сказать, какъ великъ домъ въ центрѣ и на окраинахъ города. Для опредѣленія центра и окраинъ возьмемъ историческое нарастаніе города; за центръ примемъ то, что было городомъ лѣтъ за 150 назадъ, т. е. горку, лежащую между обѣими Харьковскими рѣчками примѣрно до Театральнаго спуска, Театральной площади; среднею полосою назовемъ все остальное, что лежитъ вокругъ центра до старой городской черты 1822 года и кое-гдѣ переходитъ эту черту, а окраинами—что лежитъ за этою чертою, за исключеніемъ лучшихъ участковъ по Екатеринославской улицѣ, Сумской и Ново-Сумской и вокругъ Коннаго базара. При такомъ дѣленіи города мы можемъ вычислить среднюю величину комнаты для центра и двухъ колецъ, его окружающихъ.

Нужно при этомъ замѣтить, что при измѣреніяхъ и описаніи квартиръ и торговыхъ, промышленныхъ и общественныхъ заведеній принято было за правило всѣ переднія комнаты (т. е. отапливаемые прихожія) считать за комнаты; комнатами же посчитаны и кухни по способу счисленія нѣмецкихъ статис-

тиковъ. Результаты измѣренія всѣхъ этихъ недѣлимыхъ помѣщеній дали свыше 515 тысячъ кубическихъ сажень въ 84.393 измѣренныхъ комнатахъ. Такимъ образомъ средняя величина одной комнаты во всемъ Харьковѣ получилась въ 6 съ лишнимъ куб. саж. Но эта величина измѣняется по мѣстностямъ города значительно; въ центральной части она составляетъ 12—15 куб. саж. на 1 комнату, въ среднемъ кольцѣ 4—8 куб. саж. при средней—въ 5,3, а на окраинахъ—только 3¹/₂ куб. саж. Замѣчено при этомъ, что на самыхъ окраинахъ, гдѣ хаты крестьянскаго типа состоятъ въ большинствѣ случаевъ изъ одной комнаты, величина такой комнаты нѣсколько больше, чѣмъ въ домикахъ мѣщанскаго типа, гдѣ комната больше, но онѣ меньше по величинѣ и доходятъ до 2¹/₂ куб. сажень и менѣе. Въ Москвѣ, гдѣ были измѣрены 3.434 квартиры, среднiе размѣры комнатъ въ разныхъ мѣстностяхъ города получались также отъ 2¹/₂ до 15 куб. сажень, что показываетъ, что быть въ Харьковѣ и Москвѣ разныхъ классовъ населенiя одинаковъ. Очень жаль, что нельзя сравнить по величинѣ кубической вмѣстимости наибольшихъ и наименьшихъ домовъ въ Харьковѣ и Москвѣ, такъ какъ въ послѣднемъ городѣ не были измѣрены всѣ имущества. Въ Харьковѣ наибольшiй домъ частнаго владѣнiя оказался величиною до 7600 куб. саж., а наименьшiе дома—въ 2 и даже 1¹/₂ куб. саж.

Въ связи съ величиною комнатъ и величиною квартиръ находится, конечно, и наемная плата за нихъ. Въ центрѣ города есть мѣстности, гдѣ средняя плата въ годъ за 1 комнату доходитъ до 200 руб. и болѣе; въ отдѣльныхъ же случаяхъ тутъ встрѣчаются платы за 1 комнату подъ торговое помѣщенiе магазина даже въ 2500 руб. На окраинахъ годовая плата за квартиру понижается до 20 руб. и меньше, а за комнату до 14 руб., а есть конкретные случаи найма квартиры за 3 руб. на годъ. Годовая плата, исчисленная на 1 куб. саж. вмѣстимости колеблется между 4 и 22 руб. въ годъ и составляетъ въ среднемъ по всему городу—9 руб., но повышение ея не всегда параллельно повышению платы за комнату, что зависитъ и отъ высоты комнатъ и отъ назначенiя ихъ для той или другой цѣли: болѣе высокiя комнаты въ дорогихъ квартирахъ

роскошныхъ домовъ и болѣе просторныя комнаты въ бѣдныхъ хатахъ крестьянскаго типа цѣнятся относительно дешевле; кубическій сажень торговыхъ помѣщеній гораздо дороже цѣны за ту же единицу жилого помѣщенія; кубическій же сажень промышленныхъ заведеній даетъ наименьшую наемную плату.

Наибольшій интересъ представляютъ, конечно, цифры, опредѣляющія дороговизну или дешевизну квартиръ въ городѣ Харьковѣ въ сравненіи ихъ съ встрѣчающимися въ другихъ городахъ и странахъ, а также то, чего больше въ Харьковѣ: малыхъ и дешевыхъ, или большихъ и дорогихъ жилищъ и имуществъ?

Года 2—3 тому назадъ была произведена оцѣнка недвижныхъ имуществъ во Франціи, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ округахъ, и цифры стоимости жизни сравнены съ цифрами такихъ же оцѣнокъ въ 1851 и 1831 году. Вся Франція, это естественное національное государство, по квартирнымъ платамъ представляетъ изъ себя какъ бы одинъ городъ, въ которомъ самыя дорогія цѣны встрѣчаются въ Парижѣ; уменьшеніе ихъ идетъ правильно съ удаленіемъ отъ этого центра жизни къ окраинамъ во все стороны, а также съ уменьшеніемъ величины населенныхъ мѣстъ. Болѣе дорогія квартиры, конечно, встрѣчаются въ большихъ городахъ, меньшія—въ меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ и самыя малыя—въ селахъ и деревняхъ. Дороговизна найма квартиръ выражается тамъ суммою въ 50 франковъ на 1 человѣка, причемъ въ полосѣ около Парижа она доходитъ до 112, а на краяхъ государства опускается до 20 франковъ. Владѣльцы домовъ получаютъ съ нихъ дохода отъ 20 франковъ и ниже и до нѣсколькихъ тысячъ и десятковъ тысячъ. Всѣхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, во Франціи оказалось до 9 милліоновъ (8.914,543) и изъ нихъ $7\frac{1}{3}$ милліон. (7.311,328), т. е. 82% , даютъ дохода каждому владѣльцу не выше 200 франковъ. Имущества, которыя даютъ отъ 2 до 5 тысячъ франковъ дохода, составляютъ немного болѣе 1% числа всѣхъ имуществъ, а дающія болѣе 5 тысячъ—даже менѣе 1% . Средній доходъ домовладѣльца въ Парижѣ— $9\frac{1}{4}$ тысячъ, въ большихъ городахъ—отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 тысячъ франковъ, въ

городахъ менѣе 30000 жителей—около 917 франковъ, въ мѣстечкахъ—286, а въ сельскихъ общинахъ—134 франка.

Если считать франкъ равнымъ 40 коп., то Харьковъ по доходности имуществъ прійдется приравнять къ французскимъ городамъ, имѣющимъ свыше 100.000 жителей, такъ какъ у насъ по показаніямъ, даннымъ хозяевами при переписи, средняя валовая доходность 1 имущества составляетъ 694 руб., или 1735 франковъ. Значитъ Харьковъ по доходности имуществъ не ниже того ранга городовъ, въ который онъ долженъ быть поставленъ по своей величинѣ. При средней доходности въ 694 руб., есть въ немъ имущества, дающія годоваго дохода и рубли съ копѣйками и десятки тысячъ рублей. Число имуществъ, дающихъ дохода меньше средней величины, т. е. меньше 694 руб., составляютъ въ немъ болѣе $\frac{3}{4}$ (76,8⁰/₀, при чемъ въ первой части—84⁰/₀, въ 3-й 82⁰/₀, во 2-й 53,6⁰/₀), а число имѣній, дающихъ дохода менѣе 100 руб.,—25⁰/₀.

По этимъ цифрамъ Харьковъ нельзя назвать аристократическимъ городомъ. Тоже можно сказать и о величинѣ домовладѣній, если ихъ измѣрять числомъ помѣщеній или числомъ комнатъ. Число владѣній, въ которыхъ не болѣе 3 квартиръ и 10-ти комнатъ— $\frac{2}{3}$ (64—63,9⁰/₀). Квартира въ среднемъ по всему городу Харькову стоитъ 202 руб., а одна комната въ наймѣ—55 руб.

Дорогія ли это цѣны или дешевыя? Цѣну за комнату въ 55 руб., мы можемъ сравнить съ такими же цѣнами въ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ за комнату принималось тоже, что и у насъ, т. е. кухни и теплыя переднія, а также съ Петербургомъ и Москвою. Въ Бреславлѣ 1 комната въ среднемъ въ годъ нанимается за 80 руб., въ Лейпцигѣ—за 86 руб., въ Москвѣ—за 103 руб., въ Петербургѣ за 110 руб., въ Берлинѣ за 117 руб. Всѣ эти цифры больше, чѣмъ въ Харьковѣ; но если исключить изъ сравненія столицы, то въ Бреславлѣ и Лейпцигѣ, напр., средняя плата за квартиру выходитъ меньше Харьковской; именно въ Лейпцигѣ, гдѣ каждый владѣлецъ въ среднемъ получаетъ болѣе 2000 руб. дохода, нанимателю квартира обходится въ 200 руб., а въ Бреславлѣ даже только 135 руб.

Причина этого явленія заключается въ томъ, что число комнатъ въ Харьковѣ въ среднемъ на 1 квартиру выходитъ больше, чѣмъ въ тѣхъ городахъ, именно—у насъ по 3,6 комнатъ, тогда какъ въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ только—по 2,3 и 2,1. Причина же гораздо большаго размѣра дохода, который получаютъ тамъ владѣльцы,—та, что у насъ на каждое домовладѣніе приходится только по 3¹/₂ квартиры, а во всѣхъ городахъ, съ которыми мы имѣемъ возможность сравнить Харьковъ, ушли далеко впередъ въ постройкѣ многоэтажныхъ и многоквартирныхъ домовъ: въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ Харьковскій домовладѣлецъ имѣетъ въ среднемъ по 3¹/₂ квартиры, т. е. по столько же, сколько приходилось ихъ въ Кіевѣ еще въ 1874 году (3,4), даже въ Батумѣ (3,2).—въ Москвѣ на 1 домовладѣніе приходится 6,3 квартиры, въ Лейпцигѣ—7,5, въ С.-Петербургѣ—15, въ Берлинѣ—17, въ Варшавѣ 19 квартиръ. Въ Ригѣ, городѣ нѣсколько меньшемъ Харькова, въ 1881 году приходилось почти столько же квартиръ на 1 домовладѣніе, сколько и въ Харьковѣ (3,6) по квартиры тамъ—болѣе дешевыя, чѣмъ въ Харьковѣ, состояли даже менѣе, чѣмъ изъ 2 комнатъ въ среднемъ (1,8); оттого домовладѣльцы тамъ съ имуществомъ своихъ получали все-таки больше Харьковскихъ—не по 694 руб., а по 750 руб. въ среднемъ въ годъ.

Приведенныя цифры показываютъ, что домовладѣльцы Харькова, при его увеличеніи за послѣднее время и при демократизаціи населенія послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, еще не уловили измѣнившихся потребностей нанимателей и, оставшись при помѣщеніяхъ съ большимъ числомъ комнатъ, не находятъ нанимателей. Въ описаніи города Харькова, относящемся къ 40-мъ годамъ текущаго столѣтія мы встрѣчаемъ жалобы, что здѣсь очень мало приличныхъ квартиръ для пріѣзжающихъ на ярмарки помѣщиковъ; тогда нужны были такія квартиры; теперь же выигрываютъ тѣ домовладѣльцы, которые строятъ дома со многими малыми квартирами.

Несоотвѣтствіе предложенія квартиръ спросу на нихъ можно видѣть и изъ числа квартиръ, остающихся не занятыми. Въ нѣмецкихъ и французскихъ городахъ процентъ незанятыхъ квартиръ колеблется между 2 и 7; отъ 93 до 98 квартиръ на

8) Издѣлій изъ дерева, и прутьевъ (лѣстницы, коши, столы, вѣнники, метлы и т. п.).	581,82	„
9) Издѣлій для одежды, продуктовъ охоты (шкурки)	198,19	„
10) Гончарныхъ, жестяныхъ, желѣзныхъ издѣлій	579,00	„
11) Деревьевъ саженцевъ и др. сезонныхъ предметовъ продажи (вербовыхъ прутьевъ, бриндушъ, фіалокъ и т. п.).	239,85	„
Всего на сумму .		28.049,50 руб.

По отзывамъ лицъ, постоянно наблюдающихъ за торговлею на базарахъ, въ этотъ годъ было меньше привоза, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ вербную субботу и воскресенье; случайно наибольшій привозъ выпалъ въ этомъ году на страстной недѣлѣ во вторникъ, но все же характеръ продажи и покупки былъ тотъ, какой всегда бываетъ въ эти дни: было мало картофеля, бураковъ, капусты и т. п. продуктовъ огородничества, а больше предметовъ, покупаемыхъ передъ праздникомъ.

Лицъ насчитано было около 197 тысячъ и еще два воза съ неопредѣленнымъ количествомъ. Нужно замѣтить, что записывались только продукты привоза и приноса на площади, но никакъ не въ лавкахъ, торгующихъ постоянно. Сколько тамъ продается въ день мяса, булокъ, хлѣба и т. д., сколько потребляетъ Харьковъ въ день, въ мѣсяцъ, въ годъ тѣхъ или другихъ продуктовъ,—можетъ быть можно было бы узнать и не посредствомъ переписи, а другимъ путемъ—опроса о содержаніи записей въ булочныхъ, хлѣбныхъ, мукомольныхъ, скотобойныхъ заведеніяхъ. Такъ и дѣлается въ другихъ городахъ, гдѣ издаются мѣсячныя или даже еженедѣльные вѣдомости о количествѣ обращенія потребляемыхъ продуктовъ, при чемъ такія изданія въ иныхъ городахъ снабжаются картограммами и диаграммами. Будемъ надѣяться, что и Харьковскія учрежденія, ведущія записи, по призыву городского управленія станутъ доставлять свѣдѣнія этого рода въ городскую управу для правильной и постоянной статистической ихъ разработки. Будемъ надѣяться также, что не только записи, а и періодическія переписи населенія, его занятій и имущества войдутъ мало

по малу въ обычай и сдѣлаются однимъ изъ постоянныхъ отправленій органа городского управленія, а разработка статистическихъ данныхъ для освѣщенія нуждъ жителей и путей, по которымъ нужно идти къ удовлетворенію ихъ, станетъ для него такою же необходимостью, какою она уже стала для желѣзныхъ дорогъ, заводчиковъ, банковъ и управленій другихъ крупныхъ предпріятій, гдѣ уже шага не могутъ ступить безъ справокъ въ статистическихъ сборникахъ о развитіи и ходѣ дѣла въ прошломъ.

Противники введенія въ обиходъ жизни статистики обыкновенно въ подкрѣпленіе своего мнѣнія указываютъ на большую стоимость статистическихъ работъ. Они были бы правы, если бы въ тоже время учли, во сколько обходится городу или краю незнаніе условій, въ которыхъ онъ живетъ, и указали, бы что потери, происходящія отъ этого незнанія, меньше расходовъ на производство статистическихъ изысканій. Но на эту сторону вопроса обыкновенно не обращаютъ вниманія; а есть уже довольно указаній, что въ тѣхъ городскихъ или земскихъ общественныхъ управленіяхъ, гдѣ статистика укоренилась, были примѣры сохраненія лишнихъ расходовъ. Въ Херсонской, напр., губерніи, когда статистическимъ земскимъ органамъ было поручено вести статистику страхованія, въ первый же годъ получилось сокращеніе расходовъ по страхованію—въ суммѣ гораздо большей, чѣмъ стоило содержаніе всего персонала статистиковъ. Въ Москвѣ статистическій научный методъ примѣненъ былъ къ выработкѣ нормъ для оцѣнки жилыхъ квартиръ; расходы на эту операцію составили 2570 руб., а если прибавить къ этому расходу и стоимость содержанія всего персонала статистического отдѣленія городской управы (8260 р.), производившаго въ тоже время и другія работы, то всего расхода будетъ 10,830 руб.; если теперь Москва исходатайствуетъ право на введеніе квартирнаго налога, то производство оцѣнки квартиръ несомнѣнно обойдется далеко меньше тѣхъ суммъ, какія употреблены были этимъ городомъ на переоцѣнку имуществъ въ 1862—64 годахъ (109,000 руб.) и въ 1875 (158,522 р.). Въ Харьковѣ, собственно говоря, уже замѣтно сокращеніе расходовъ на такую крупную операцію, какъ

переоцѣнка имуществъ: на собраніе свѣдѣній о недвижимыхъ имуществѣхъ и на разработку данныхъ, относящихся только къ оцѣнкѣ, истрачено $9\frac{1}{2}$ тысячъ рублей; но эта работа сократила расходы городского управленія на самую переоцѣнку имуществъ съ 36 исчисленныхъ тысячъ до 2 тысячъ руб., причемъ и время и количество труда оцѣночной комиссіи значительно сократились (съ 2 лѣтъ до 2—3 мѣсяцевъ).

Кромѣ оцѣночныхъ данныхъ, изъ которыхъ я имѣлъ честь предложить нѣкоторыя вашему вниманію, собрано много свѣдѣній о состояніи дворовыхъ мѣсть, построекъ и помѣщеній разнаго рода; они еще ждутъ разработки, какая вѣроятно будетъ сдѣлана, а затѣмъ и напечатана для всеобщаго знанія. „Что знать—за плечами не носить!“ говоритъ народная пословица: знанія о городѣ Харьковѣ, по ея смыслу, не могутъ обременять когонибудь изъ его обывателей, а пригодиться они всегда могутъ. Но кто стоитъ выше развитія простого народа, приводящаго въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній эту пословицу, тѣ согласятся, что безъ знанія окружающаго и жить нельзя, что знанія эти нужно постоянно увеличивать.

Послѣ двухъ произведенныхъ въ истекшемъ году работъ—одной официальной, другой—любительской, къ числу нашихъ знаній о Харьковѣ прибавилось то, что въ границахъ оцѣнки (безъ казенныхъ, церковныхъ и общественныхъ имуществъ) около 24 тысячъ помѣщеній, изъ которыхъ болѣе 21 тыс. жилыхъ, около тысячи чисто торговыхъ, около тысячи торговыхъ съ жильемъ и также около тысячи остальныхъ (промышленныхъ, промышленныхъ съ жильемъ и пр.); знаемъ мы еще, что въ Харьковѣ на его базары привозится товаровъ на 28 тысячъ въ день, болѣе бойкій по торговлѣ.

„Этого очень мало!“ можете вы сказать мнѣ: „вѣдь мы не знаемъ самаго главнаго—сколько жителей въ Харьковѣ, какъ тѣсно живутъ они въ измѣренныхъ квартирахъ, чѣмъ занимаются, чѣмъ и на сколько торгуютъ, что и въ какую сумму производятъ въ своихъ промышленныхъ заведеніяхъ и т. д.“

И эти упреки будутъ совершенно основательны. Да! Я ничего не могу сообщить вамъ о числѣ жителей и размѣщеніи ихъ въ городѣ, въ которомъ мы живемъ! Не только на вопросъ

о жителяхъ, но и на многіе вопросы, для отвѣта на которые есть собранныя данныя, я не могу дать отвѣта. Такъ, въ настоящую минуту я не могу вамъ сообщить, сколько въ Харьковѣ домовъ каменныхъ, деревянныхъ, одноэтажныхъ и двухэтажныхъ, сколько въ городѣ садовъ, мостовыхъ, тротуаровъ, бань, фабрикъ, заводовъ и т. п., сколько квартиръ въ 1, 2, 3 комнаты, сколько комнатъ высокихъ, низкихъ и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія есть, но хотя они и интересны, да еще не разработаны. Статистика въ Харьковѣ еще не являлась для удовлетворенія научной любознательности; она пока сослужила службу для самой прозаической работы—оцѣнки имуществъ, которая на основаніи добытаго и разработаннаго ею богатѣйшаго матеріала, несуществующаго въ другихъ городахъ, несомнѣнно можетъ дать самыя точныя основанія для правильной оцѣнки имуществъ, а слѣдовательно и для раскладки городского оцѣночнаго сбора и земскаго и государственныхъ налоговъ. Это дѣло теперь обезпечено въ той мѣрѣ, насколько оно зависитъ отъ статистики. Матеріальныя интересы стоятъ всюду впереди нравственныхъ и отвлеченныхъ. Но помимо оцѣночнаго матеріала при переписи собранъ попутно и другой цѣнный матеріалъ, который, послѣ выполненія первой прозаической работы—переоцѣнки, можетъ дать разнообразныя отвѣты для опредѣленія экономическаго и санитарно-гигіеническаго быта нашего города.

Вы мнѣ скажете: „отчего же до сихъ поръ не разработанъ это матеріалъ?“—Отвѣчу: просто потому, что не можетъ быть разработанъ за такой короткій срокъ. Если всюду то, что даетъ однодневная перепись, разрабатывается годы, то и у насъ силы человѣческія не превосходятъ обыкновенныхъ нормальныхъ силъ и средствъ. Если въ Лейпцигѣ, напр., перепись стоила 8 тысячъ, а разработка данныхъ 30000, то и у насъ для выполненія подобныхъ работъ нужны такія же отношенія цифръ расходовъ: на дѣлѣ же истрачено на перепись въ 4 раза больше, чѣмъ на подсчетъ и вычисленія.

Вы спросите наконецъ: почему я озаглавилъ свое сообщеніе „Харьковъ по переписи 1892 г.“, тогда какъ не могъ сообщить не только свѣдѣній о Харьковѣ во всѣхъ отношеніяхъ, но даже и тѣхъ, какія были собраны. Я отвѣчу, что я сообщилъ о Харьковѣ въ 1892 году именно то, что онъ представляетъ

изъ себя въ этомъ году по положенію его статистическаго изученія; если въ Харьковѣ въ настоящемъ году нѣтъ свѣдѣній о населеніи, то будемъ ждать этихъ свѣдѣній!

Городская дума избрала Статистическую Коммиссію, которая, разсмотрѣвши что собрано во время переписи, обсудить вопросъ о томъ, какъ можетъ быть поставлено дѣло статистическаго изученія разныхъ сторонъ жизни города. Значить, Харьковъ съ статистическими данными о немъ будетъ существовать лишь въ будущемъ. Будемъ надѣяться, что эта статистика, удовлетворяя насущнымъ потребностямъ жителей, достигнетъ того состоянія, когда она перестаетъ быть прозаической и скучною. Есть поэзія и въ языкѣ статистическихъ цифръ, этомъ языкѣ будущаго. Но какъ поэзія свои поэтическіе образы строить не съ иною цѣлью, какъ для услуги прозѣ жизни, такъ и теоретическая статистика о людяхъ, ихъ жилищахъ, занятіяхъ и т. п. всегда можетъ послужить и практическимъ потребностямъ жизни.

Въ распоряженіи городского управленія теперь есть богатый матеріалъ; изъ него разработана только часть; если даже все то, что осталось неразработаннымъ, будетъ подсчитано и расчисленно, все же будетъ оставаться громадный пробѣлъ въ отсутствіи цифръ о населеніи, т. е. тѣхъ цифръ, которыя составляютъ душу экономической и соціальной статистики. Но такъ какъ всегда за первымъ шагомъ слѣдуетъ второй, то я въ заключеніе позволю себѣ выразить надежду и на то, что въ скоромъ времени въ Харьковѣ будетъ произведена и перепись населенія, которая дополнитъ знанія наши о городѣ до той степени, какая признана необходимою наукою нашего времени. Знаніе положенія вещей ведетъ къ сознанію того, что нужно предпринимать, а самосознаніе, отличающее человека отъ другихъ органическихъ особей, дѣлаетъ его обладателемъ всего окружающаго. Пожелаемъ же жителямъ города Харькова съ упроченіемъ и развитіемъ статистики въ Харьковѣ возможно лучшаго обращенія въ свою пользу тѣхъ условій, среди которыхъ они живутъ и уясненію которыхъ статистика можетъ несомнѣнно помочь.

А. А. Русовъ.

О сбережені почвенной влаги и возвышеніи доходности земли.

(На основаніи опытовъ и наблюдений).

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ и въ спеціальной, и въ общей печати толкуютъ на всѣ лады объ убыточности земледѣлія и о постигшемъ его сельско-хозяйственномъ кризисѣ,—причемъ нѣкоторые выражаютъ при этомъ пріятную надежду, что этотъ кризисъ, какъ и всякій другой, долженъ разрѣшиться подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ до прежняго ихъ уровня, хотя и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы эти цѣны когда либо повысились, а напротивъ того нужно рассчитывать на ихъ дальнѣйшее понижательное движеніе.

О постоянномъ и безповоротномъ паденіи хлѣбныхъ цѣнъ можно судить по движенію цѣнъ на пшеницу, существовавшихъ на самомъ обширномъ и устойчивомъ изъ рынковъ—англійскомъ.—Такъ средняя цѣна четверти въ металлическ. рубляхъ составляла:

съ 1808—1827 г.	—17,91 р.
„ 1828—1847 г.	—13,75 „
„ 1848—1867 г.	—11,54 „
„ 1868—1887 г.	—10,61 „

Наиболѣе чувствительное паденіе цѣнъ послѣдовало съ 1883 года, вслѣдствіе усилившагося производства хлѣбовъ въ ста-

рыхъ земледѣльческихъ странахъ и появленія на всемирномъ хлѣбномъ рынкѣ новыхъ конкурентовъ: Остъ Индіи и Австраліи.

„Расширеніе территоріи хлѣбнаго производства, установленіе постояннаго района для сбыта хлѣбовъ, улучшеніе путей сообщенія, усовершенствованіе механизма хлѣбной торговли—способствовали тому, что многочисленные національные рынки слились въ одинъ всемирный хлѣбный рынокъ, *устанавливающей единую всемирную хлѣбную цѣну*, и при установленіи такого положенія въ торговлѣ, метеорологическія и почвенныя условія, сильно вліяющія на степень урожая хлѣбовъ въ той или другой мѣстности, стали оказывать весьма слабое вліяніе на ихъ рыночную цѣнность.—Вслѣдствіе этого сельскій хозяинъ въ неурожайный годъ лишенъ всякой возможности вознаградить себя болѣе высокою цѣною за меньшее количество продукта“.

Такое невыгодное положеніе, въ какомъ очутилось сельское хозяйство, при условіи ожесточенной международной конкуренціи, требуетъ отъ конкурентовъ наибольшаго напряженія всѣхъ силъ, и въ этой борьбѣ, какъ и во всякой другой, тотъ останется побѣдителемъ, *кто окажется наиболее приспособленнымъ, наиболее вооруженнымъ*.

Новѣйшіе результаты международной хлѣбной торговли даютъ неоспоримыя указанія того, что на всемирномъ торговомъ турнирѣ мы являемся самыми безоружными, а потому постепенно уступаемъ своимъ противникамъ принадлежавшую намъ руководящую роль на главныхъ европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ; причемъ наши хлѣба расцѣниваются дешевле другихъ хлѣбовъ, стоящихъ ниже по своимъ природнымъ качествамъ.

Одной изъ главнѣйшихъ причинъ такихъ печальныхъ результатовъ нашей экспортной торговли, отражающихся исключительно на сельскомъ хозяйствѣ, признается упадокъ довѣрія европейскихъ рынковъ къ русскому торговому зерну, вслѣдствіе его чрезвычайной засоренности, неоднородности партий и несоотвѣтствія грузовъ съ предъявленными пробами.

Для поднятія цѣнности русскихъ хлѣбовъ и для устраненія существующихъ злоупотребленій въ нашемъ хлѣбномъ экспорть, Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ проектируется

цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ высокой важности. Но проектируемыми правительственными мѣрами далеко не исчерпывается все то, что настоятельно необходимо предпринять для поднятія упавшей доходности земли.

Прежде всего нужно стремиться къ поднятію урожайности полей при возможно меньшихъ расходахъ, а для достиженія этой цѣли потребуются настойчивыя усилія со стороны самихъ хозяевъ.

Наукой и сельско-хозяйственной практикой выяснены нѣкоторые культурные приемы, способные вліять въ значительной степени на удешевленіе производства хлѣбовъ.

Не имѣя въ виду создавать новой спасительной системы хозяйства, я рѣшаюсь только обратить вниманіе южнорусскихъ, черноземныхъ хозяевъ на извѣстные мнѣ опыты и наблюденія, предпринятыя общественными учрежденіями и частными лицами, для рѣшенія самыхъ серьезныхъ вопросовъ полевой культуры.

Зная затруднительное положеніе сельскихъ хозяевъ и отсутствіе у нихъ оборотныхъ капиталовъ, я коснусь только тѣхъ культурныхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ, кромѣ доброй воли, не потребуетъ отъ хозяевъ *значительныхъ* денежныхъ расходовъ.

1.

Всѣ растенія абсолютно истощаютъ почву. Если нѣкоторыя растенія и оказываютъ полезное дѣйствіе на почву, то въ смыслѣ обогащенія верхняго слоя ея на счетъ болѣе глубокихъ слоевъ и только отчасти, въ небольшой мѣрѣ, на счетъ азота воздуха. Такъ какъ въ почвѣ существуетъ опредѣленный запасъ необходимыхъ для растеній питательныхъ веществъ, то по этому обогащеніе верхняго слоя ея на счетъ нижняго все-таки въ концѣ концовъ должно привести къ истощенію. Правда въ черноземной почвѣ заключается еще нѣкоторый запасъ неразложившихся, недѣятельныхъ веществъ, которыя постепенно разлагаются и затѣмъ переходятъ въ состояніе усвояемое растеніями, но и такое временное обогащеніе почвы все таки ведетъ къ истощенію ея общаго запаса.

Отсюда вытекает тотъ логическій выводъ, что и самая плодородная почва нуждается въ возстановленіи путемъ удобренія ея производительныхъ запасовъ, взаѣмнъ извлекаемыхъ растеніями.

Въ южныхъ губерніяхъ, однако, весьма распространено мнѣніе не только между крестьянами, но между владѣльцами, что навозъ на черноземныхъ почвахъ не только бесполезенъ, но даже вреденъ, такъ какъ въ сухой годъ онъ способствуетъ выгоранію хлѣбовъ, а въ дождливый—полеганію ихъ. Хотя и дѣйствительно наблюдались такія неблагопріятныя явленія, вызываемыя удобреніемъ почвъ, но они вполне объясняются неправильными приѣмами внесенія въ почву этого удобренія, каковыя приемы непригодны для сухихъ черноземныхъ почвъ.

По мнѣнію профессора Стебута, „весьма часто замѣчается вредное вліяніе хлѣбнаго навоза на первый по удобренію хлѣбъ, тогда какъ на послѣдующіе хлѣба навозъ дѣйствуетъ всегда хорошо“.—Для полученія благопріятныхъ результатовъ отъ удобренія въ первомъ же году профес. Костычевъ совѣтуетъ оставлять разбитый навозъ возможно дольше на полѣ до полного его высыханія и выщелачиванія.

В. А. Сладковъ, завѣдующій Маринской опытной фермой, расположенной въ степной засушливой мѣстности Саратовской губерніи, говоритъ, что навозное удобреніе даетъ хорошіе результаты при такой обработкѣ пароваго поля, когда обращено должное вниманіе на спѣлость почвы.—При обычныхъ же приѣмахъ обработки пара, когда онъ поднимается поздно, земля просыхаетъ на всю толщю пахатнаго слоя, а плугъ не разрыхляетъ земли, а выворачиваетъ цѣлыя глыбы. Понятно, что въ сухомъ навозѣ, заваленномъ такими глыбами земли, прекращаются всякіе химическіе процессы. Иное дѣло, *если своевременно, когда еще не успѣла испариться весенняя влага, вывезти, разбить и запахать навозъ*, тогда создаются условія благопріятныя для его разложенія ко времени посѣва хлѣбовъ.

Въ Шебекинскомъ имѣніи гг. Ребиндеръ, находящемся въ завѣдываніи В. Е. Краинскаго, къ лущенію неспаханыхъ съ осени паровыхъ полей приступаютъ *тотчасъ по окончаніи весеннихъ посѣвовъ*, причѣмъ вслѣдъ за пахатнымъ орудіемъ пускаются бороны.—*Одновременно съ весеннимъ лущеніемъ*

полей производится вывозка навоза, который тотчас же разбрасывается и затѣмъ остается незапаханнымъ до послѣдующей вспашки. Если навозъ вывозится въ полуперегнившемъ состояніи и если онъ хорошо разбросанъ и не слишкомъ солоmistъ, то въ большинствѣ случаевъ, ко времени послѣдующей вспашки, онъ успѣваетъ разложиться на столько, что при этомъ остатки навоза размельчаются и смѣшиваются съ землею.

Лучшимъ подтвержденіемъ того важнаго вліянія, какое оказываетъ своевременный вывозъ удобренія на урожай хлѣбовъ, служатъ результаты опытовъ, произведенныхъ въ Кириаковскомъ имѣніи князя В. А. Кудашева.

Удобрение пара поднятаго къ 10 Апрѣля дало прибавку урожая въ 57 пуд. на десятину, а поднятаго къ 10 Іюня только 21 пудъ.

Однимъ словомъ при ранней обработкѣ пароваго поля и своевременной вывозкѣ навоза удобрение и въ первомъ году оказываетъ свое дѣйствіе на возвышеніе урожайности хлѣбовъ. Результаты опытовъ, произведенныхъ на четырехъ опытныхъ поляхъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, вполне подтверждаютъ такой выводъ.

На Маринской фермѣ (Саратов. губ.) внесеніе въ почву 2400 пуд. навоза на десятину пароваго поля дало слѣдующіе результаты:

1887 г. удобр. паръ	136,4 пуд.,	неудобр. паръ	93,1 пуд.
1888 г. " "	23,0 " "	" "	11,4 "
	<u>159,4 пуд.</u>		<u>104,5 пуд.</u>

На Полтавскомъ опытномъ полѣ получались урожаи озимой пшеницы:

1886 г. удобр. паръ	48,38 пуд.,	неудобр. паръ	40,31 пуд.
1887 г. " "	210,18 " "	" "	186,02 "
1889 г. " "	124,22 " "	" "	78,08 "
1890 г. " "	153,35 " "	" "	146,09 "
	<u>среднее 133,03 пуд.</u>		<u>112,6 пуд.</u>

Такимъ образомъ ежегодное приращеніе урожая составляетъ среднимъ числомъ по 21,4 пуд. или 18,8 %.

На Харьковскомъ опытномъ полѣ (сел. Морочѣ) результаты удобренія были таковы:

1887 г.	удобр.	2400 пуд.	—	180,4 пуд.	, неудобр.	153 пуд.
1888 г.	"	"	"	109,5	"	86,7
1889 г.	"	"	"	139,2	"	107,7
1890 г.	"	"	"	91,3	"	68,2
				<u>среднее</u> —130,1		<u>103,9 пуд.</u>

Среднее годовое приращеніе урожая 26,2 пуд. или 25⁰/₀.

На Херсонскомъ опытномъ полѣ при сельско-хозяйственномъ училищѣ въ сухомъ 1891 году озимая пшеница уродила: на удобренной десятинѣ 2400 пудами навоза 65,1 пуд., на неудобр. 54,6 пуд. Средній приростъ въ урожай, даваемый удобреніемъ, по четыремъ опытамъ, составляетъ по 28,26 пуд. на десятину.

Г. Станкевичъ, передовой хозяинъ Бобровскаго и Острогожскаго уѣздовъ, Воронежской губерніи, пишетъ (Зем. Газ. 1888 года, № 14): „До 1872 г. въ теченіи 18 лѣтъ я производилъ посѣвы безъ удобренія.—Средній урожай озимой пшеницы былъ въ 3 четв., высшій въ 8 четв.—Съ 1872 года пшеница сѣется по удобренію и изъ 15 лѣтъ было только 2 полныхъ неурожая.—Средній урожай повысился на 40 п. съ десятины и достигъ 7¹/₂ четвертей, а высшій до 18 четвертей.—Удобреніе кладется отъ 1500—1800 пуд. на десятину.

Тумаркинъ, хозяинъ Херсонской губ., сообщаетъ (Зем. Газ. 1892 г. № 36) о двухъ-лѣтнихъ результатахъ удобренія земли навозомъ:

въ 1890 г.	получено съ удобр. учаетк.	—87,2 п.,	съ неудобр.	70,2 п.
" 1891 г.	"	"	"	66 "
			За 2 года:	187,2 п.
				136,2 п.

Получилось годовое приращеніе урожая по 25,7 п. съ десятины.

Въ изданіяхъ Департамента Земледѣлія заключается много сообщеній отъ хозяевъ южныхъ, черноземныхъ губерній, удостоверяющихъ приростъ урожая, получаемого съ удобренныхъ полей:

		Удобр. пара.	Неудобр.
За 1883 г.	Купянской уѣздъ	72 пуд.	45 пуд.
"	"	Июмскій "	130 "
"	"	"	50 "

	Удобр. пара.	Неудобр.
За 1883 г. Пирятинскій уѣз.	132 пуд.	88 пуд.
„ „ Гадячскій „	103 „	48 „
„ „ Валуйскій „	45 „	15 „
За 1884 г. Валуйскій „	135 „	81 „
„ „ Золотопольскій „	157 „	68 „
„ „ Гадячскій „	110 „	33 „
„ „ Прилукскій „	135 „	55 „
За 1885 г. Бахмутскій „	83 „	45 „
„ „ „ „	70 „	45 „
„ „ Полтавскій „	150 „	78 „
„ „ Валуйскій „	63 „	24 „
За 1886 г. Александровс. „	130 „	50 „
За 1887 г. Купянскій „	150 „	100 „
„ „ Полтавской губ.	200 „	100 „
„ „ Саратовской „	45 „	25 „
„ „ Самарской „	120 „	66 „
„ „ Изюмскій уѣз.	150 „	105 „
„ „ Купянскій „	160 „	90 „

Приведенныхъ выше данныхъ вполне достаточно для убѣжденія черноземныхъ хозяевъ, что навозное удобрение безусловно поднимаетъ урожайность полей,—если только оно вносится надлежащимъ образомъ, такъ что-бы ко времени посѣва навозъ достаточно разложился и обратился въ землянистую массу, ибо въ этомъ только видѣ навозъ увеличиваетъ поглодительную и водоудерживающую способность почвы.

На основаніи приведенныхъ выше опытовъ можно безошибочно принять среднюю прибавку въ урожай озимыхъ хлѣбовъ по 25 пуд. съ десятины; но разъ внесенное удобрение оказываетъ вліяніе на нѣсколько послѣдующихъ урожаевъ; такъ по даннымъ Полтавскаго опытнаго поля урожаи яровой бѣлоколо-сой пшеницы составили:

	Послѣ удобр. озим.	Послѣ неудобр. озим.
1887 г.	181,05 пуд.	153,08 пуд.
1888 г.	127,13 „	103,05 „
1889 г.	82,26 „	59,04 „

	Послѣ удобр. озим.	Послѣ неудобр. озим.
1890 г.	103,08 пуд.	89,24 пуд.
1891 г.	78,0 „ (удобр. въ 1886 г.)	71,50 „
	<u>571,52 п.</u>	<u>475,91 + 95,61 п.</u>

Приращеніе урожая составляетъ среднимъ числомъ въ годъ по 19,5 пудовъ съ десятины.

Для установленія продолжительности времени, въ теченіи котораго дѣйствуетъ удобреніе, не имѣется достаточныхъ данныхъ,—но въ 1891 году пшеница, посѣянная на Полтавскомъ опытномъ полѣ, на 5-омъ году послѣ удобренія дала прибавку въ урожай на 7,5 пуд. съ десятины. При нашемъ сухомъ степномъ климатѣ навозъ разлагается очень медленно, а потому дѣйствіе его болѣе продолжительно, чѣмъ въ мѣстностяхъ болѣе влажныхъ, и мы не погрѣшимъ противъ осторожности, если допустимъ, что навозное удобреніе дѣйствуетъ 5 лѣтъ.—Принявши прибавокъ урожая въ послѣднемъ году только въ 5 пудовъ, за всѣ 5 лѣтъ получилъ (25+19+15+10+5).—74 пуд. прибавочнаго урожая, оплачивающаго внесеніе въ почву навознаго удобренія въ 2400 п. на десятину, что составляетъ по 14,8 пуд. въ годъ.

Считая пудъ пшеницы въ 75 к., а ячменя въ 45 к. за пудъ, прибавочный валовой доходъ отъ удобренія опредѣляется по 8 р. 58 коп. въ годъ на посѣвную десятину. По точнымъ экономическимъ расчетамъ вывозка и раскидка 120 возовъ навоза (2400 п.) обходится въ 10 р. 97 к., т. е. по 2 р. 20 к. въ годъ. *Чистый доходъ отъ удобренія составитъ 6 р. 68 коп. съ посѣвной десятины въ годъ.*

Полезное дѣйствіе навоза можно въ значительной степени усилить, употребляя его какъ прикрытие почвы для сбереженія въ ней влаги.

Почтенный нѣмецкій профессоръ Гольдефлейсъ совѣтуетъ (Жур. Сельск. Хоз. и Лѣсов. 1891 г. ноябрь) вывезенный въ поле навозъ немедленно разбрасывать и оставлять не заханымъ. Разъ поле ровное, то изъ навоза ничего не можетъ быть смыто и нѣтъ основаній опасаться существенныхъ потерь

отъ улетучиванія. Тоже справедливо и для навоза, лежащаго на промерзлой почвѣ; его можно разбрасывать даже въ томъ случаѣ, если поле покрыто небольшимъ слоемъ снѣга, при условіи, что поле ровное. Констатировано, что лежащій на поверхности земли навозъ дѣйствуетъ благотворно какъ на тяжелую глинистую почву, спѣлость которой онъ ускоряетъ, такъ и на почву легкую. Навозъ, лежащій на поверхности, хотя и теряетъ значительную часть составляющихъ его веществъ, но всѣ эти вещества поглощаются почвой.

Профессоръ Костычевъ также рекомендуетъ оставлять разбитый навозъ возможно дольше на поверхности до полного его высыханія и выщелачиванія.

Проф. Вольни произвелъ многочисленные опыты надъ вліяніемъ мертвыхъ покрововъ, на количество и распредѣленіе влаги въ почвѣ (Записки Имп. Общ. Сельск. Хоз. Южной Россіи № 7 и 8—1889 г.). Изъ этихъ опытовъ видно, что количество сохраненной въ почвѣ влаги тѣмъ больше, чѣмъ толще настилка; а именно:

Процентное содержаніе влаги въ почвѣ:

Опыты.	На какой глубинѣ взята проба.	Непокрытое поле.	Прикрытое соломой на толщину.			
			0,2"	0,4"	1"	2"
I.	8"	25,13 ^{0/0}	—	—	31,86 ^{0/0}	—
II.	10"	20,24	—	23,27	26,15	26,72
III.	10"	19,57	23,49	—	25,04	25,93
IV.	0—4"	20,88	—	—	34,43	—
V.	4—12"	22,30	—	—	29,98	—
	0—4"	20,93	—	—	33,68	—
	4—12"	22,25	—	—	28,38	—

Навозная прикрышка задерживаетъ испареніе воды съ почвы. По опытамъ Вольни испарялось воды въ вѣсовыхъ единицахъ съ поверхности въ 160 квадр. дюйм., прикрытой соломенной настилкой въ періодъ съ 12 Іюля по 12 Августа.

Толщ. въ 0,2 дюйм.	1 дюйм.	2 дюйма.	паров. поле.
571	1014	2392	5739

Изъ этихъ опытовъ видно, что покрывка почвы соломой въ $\frac{1}{2}$ дюйма толщины уменьшаетъ испареніе влаги изъ почвы на половину противъ непокрытой. — Научные опыты относительно вліянія покрывки на сбереженіе влаги въ почвѣ проведены результатами урожаевъ на нѣкоторыхъ опытныхъ поляхъ, а именно:

На Херсонскомъ опытномъ полѣ въ 1891 году урожаи озимой пшеницы получились:

съ неудобренного поля 54,6 пуд., съ запаханнаго удобренія 65,1 пуд., съ прикрытаго соломой 82 пуда.

Слѣдовательно поверхностная покрывка посѣва соломой дала прибавку урожая по сравненію съ запаханнымъ удобреніемъ 16,9 пуд. съ десятины.

Е. Любанскій въ газетѣ „Земледѣліе“ (1890 г. № 41), изъ степной мѣстности сообщаетъ, что по произведеннымъ имъ опытамъ относительно вліянія покрывки посѣвовъ получились слѣдующіе результаты:

участокъ покрытый соломой тотчасъ послѣ посѣва далъ 105 п.
 участокъ послѣ всхода растеній . . . . . 105 „
 участокъ не покрытый . . . . . 82,5 „

Такое различіе урожаевъ вполне объясняется изслѣдованіями, произведенными А. А. Измаильскимъ при Херсонскомъ Сельск. Хоз. училищѣ въ 1881 году (Влажность почвы въ связи съ культурнымъ ея состояніемъ), изъ которыхъ видно:

Время взятія пробъ.	Среднее процентное содержаніе влаги въ почвѣ до глубины 12 вершковъ.	
	Вспаханной, но неприкрытой; въ Августѣ 1880 года.	Вспаханной тогда-же и прикрытой на 1 вершокъ.
10 Декабря 1880 г.	16,25 ⁰ / ₀	21,41 ⁰ / ₀
20 Марта 1881 г.	20,85	25,93
20 Мая 1881 г.	19,34	24,59
8 Июля 1881 г.	16,74	23,36
Среднее . . .	18,29 ⁰ / ₀	23,85 ⁰ / ₀

Видимъ, что прикрытая почва содержала на 5,57% болѣе влаги, чѣмъ непокрытая.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ можно прийти съ слѣдующимъ выводомъ:

1) Что удобреніе увеличиваетъ урожайность хлѣбовъ на черноземныхъ почвахъ и возвышаетъ частный доходъ на 6 р. 80 к. съ посѣвной десятины.

2) Что навозное удобреніе безусловно дѣйствуетъ при черномъ или вообще очень раннемъ подъемѣ пара.

3) Что рано вывезенное удобреніе должно быть немедленно разбросано по поверхности проторонованной пахати и запахану на сколько возможно позже, лишь бы это не мѣшало достиженію спѣлости почвы ко времени посѣва.

4) Что незапахиваемая навозная или соломенная покрывка обезпечиваетъ влажность почвы и увеличиваетъ урожайность посѣвовъ не менѣе, а на ровныхъ мѣстахъ даже болѣе, чѣмъ запаханное удобреніе.

5) Что удобреніе навозомъ сухой, глыбистой пахати въ засушливое лѣто можетъ способствовать выгоранію хлѣбовъ.

6) Сухой навозъ можно класть во всякомъ случаѣ подъ предшествующее плугопольное растеніе, а потомъ онъ будетъ оказывать вліяніе на послѣдующіе зерновые хлѣба.

7) Наиболѣе употребительное испытанное удобреніе около 2400 пуд. на десятину.

II.

Покончивъ съ навознымъ удобреніемъ, нужно сказать нѣсколько словъ о зеленомъ удобреніи или о такъ называемой—*сидерации*, о которой одно время такъ много писали.

Бъ главнымъ питательнымъ веществамъ, вполне необходимымъ для развитія растеній относятся: азотъ, фосфорно-кислая известь, кали и известь.

Нѣкоторыя растенія требуютъ, для своего полного развитія, внесенія въ почву азотистаго удобренія въ большомъ количествѣ, а потому называются *азотоядными*.

Другія же растенія, наоборотъ, могутъ вполне успешно развиваться на почвахъ, очень бѣдныхъ азотомъ, лишь бы

онѣ содержали въ себѣ достаточное количество: кали, фосфорно-кислой извести и извести. Эти растенія не только не уменьшаютъ содержанія азота въ почвѣ, а напротивъ того своими пожнивными остатками обогащаютъ ее. Таковы: горохъ, бобы, люпины, донники, серадела, люцерна, эспарцетъ, клеверъ и другія. Такія растенія называются *азотособирателями*.

Вслѣдствіе вздорожанія содержанія скота, а слѣдовательно дороговизны навознаго удобренія, а также и по другимъ основаніямъ, явилась мысль засѣвать азотособирательныя и другія широколиственныя растенія, а потомъ ихъ запахивать, чтобы продукты разложенія этихъ растеній служили бы удобреніемъ для послѣдующихъ посѣвовъ.

Но опытъ указалъ, что такого рода зеленое удобреніе полезно и возможно только при влажномъ климатѣ и примѣнимо съ наибольшимъ успѣхомъ на почвахъ болѣе легкихъ, благопріятствующихъ быстрому разложенію запаханныхъ на удобреніе растеній.

Что же касается мѣстностей, страдающихъ отъ засухъ, съ тяжелыми черноземными и глинистыми почвами, то здѣсь зеленое удобреніе оказалось прямо вреднымъ.

Воронежскій хозяинъ Раушъ Фонъ-Траубенбергъ на основаніи собственнаго опыта сообщаетъ (Зем. Газ. 88 г. №№ 46 и 52) что даже обильные дожди не въ состояніи вознаграждать или исправить въ короткое время тотъ изъянъ въ механическомъ строеніи почвы и въ степени ея влажности, который можетъ быть вызванъ роскошнымъ ростомъ гречихи, засѣянной для зеленаго удобренія.

Въ трехъ Карловскихъ экономіяхъ (Полтавской губ. Константиноградскаго уѣзда) производились обширныя опыты сидерациі въ самомъ благопріятномъ для этого вида удобренія 1887 году; но они дали отрицательный результатъ. Занятіе пара гречихою, съ цѣлію удобренія и стѣсненія почвы сопровождалось тамъ чрезмѣрнымъ ея изсушеніемъ.—Не смотря на не обычайное обиліе въ томъ году осадковъ, изсушеніе пара было столь велико, что ко времени запахки гречи, почва превратилась въ глыбы—твердыя какъ камень.

стию почвы при различномъ ея культурномъ состояніи имѣютъ за собою достаточно ясное объясненіе.

Почвенная влага подъ вліяніемъ тепла и вѣтровъ постоянно испаряется, начиная съ поверхности. По мѣрѣ высыхания верхнихъ слоевъ почвы, влага нижележащихъ слоевъ подвигается къ ея поверхности и въ свою очередь испаряется.

Наблюдаемое передвиженіе влаги изъ нижнихъ слоевъ почвы въ верхній и затѣмъ послѣдовательное испареніе ея, приводятъ, наконецъ, къ полному истощенію запасовъ влаги въ почвѣ.

Передвиженіе влаги снизу вверхъ совершается по капиллярамъ или тонкимъ волоснымъ сосудамъ, образуемымъ между частицами почвы.—Чѣмъ плотнѣе почва, тѣмъ эти капилляры тоньше и тѣмъ быстрѣе совершается подъемъ влаги къ поверхности земли. При переходѣ влаги изъ одной системы капилляровъ, болѣе тонкой, въ другую—движеніе ея задерживается,—а слѣдовательно передвиженіе влаги и изсушеніе почвы можно приостановить поверхностнымъ разрыхленіемъ ея, прервавъ этимъ непрерывную систему капилляровъ, и сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ болѣе просторными.

Этимъ объясняется, почему *вспаханная земля, какъ указали приведенные выше опыты и наблюденія, сохраняетъ въ себѣ постоянно больше влажности, чѣмъ не вспаханная.*

Рыхлая или вспаханная земля, которая испаряетъ меньшее количество влаги, въ тоже время удерживаетъ въ себѣ и болѣе $\%$ выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ.

Всѣ приведенные выше опыты и изслѣдованія указываютъ на крайнюю необходимость въ раннемъ подъемѣ пара, такъ какъ при этомъ условіи почва испаритъ меньше влаги ко времени посѣва.

На эту мѣру указывали многіе просвѣщенные хозяева.—Проф. Стебуть въ своей книгѣ „Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ“ говоритъ:

„Ранній подъемъ пара или введеніе чернаго пара имѣетъ здѣсь особенное значеніе, при сравнительной сухости здѣшняго климата, который въ ряду хозяйственныхъ мѣръ улучшенія здѣшней полевой культуры выдвигаетъ на первое мѣсто

вопросъ объ образованіи въ почвѣ достаточнаго запаса воды за зиму и о возможно полномъ ея сбереженіи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ здѣшнее *полевое хозяйство есть болѣе „водяное“ чѣмъ даже „навозное хозяйство“*.

Накопленіе и сохраненіе влажности во все время обработки говоритъ В. Е. Краинскій (Объ обработкѣ и удобреніи почвы въ средней черноземной полосѣ. Харьковъ, 1888 г.) имѣеть громадное значеніе для черноземныхъ почвъ, вслѣдствіе чего и вся система обработки ихъ должна быть на этомъ построена. Необходимо также признать и тотъ фактъ, что всѣ почвенные процессы при нашихъ климатическихъ условіяхъ происходятъ весьма медленно,—почему *необходимо стараться съ весны возможно скорѣе открыть почву для дѣйствія атмосферы и вести обработку пароваго поля такимъ образомъ, чтобы накапливать и сохранять въ ней возможно большее количество влаги, отсутствіе которой и есть главная причина одичанія почвы.*

Ранній подъемъ пара (съ конца Апрѣля и начала Мая) практикуется на Маринской Сельско-хозяйственной фермѣ съ осени 1886 года и начинается лущеніемъ его на 2 вершка глубины 4-хъ лемешнымъ-запашникомъ Эккерта; вскорѣ слѣдуетъ боронованіе и затѣмъ вывозится навозъ. Къ этому времени весенняя влага не успѣваетъ испариться изъ почвы, за исключеніемъ только самаго верхняго слоя. Благодаря влажности почвы вспашка пара производится легко, корни и корневища сорныхъ травъ подрѣзаются, оборачиваются и заваливаются на самую незначительную глубину. Образующійся послѣ лущенія и боронованія рыхлый слой земли, лишенный сорной растительности исполняетъ еще одну немаловажную службу, предохраняетъ лежащій подъ нимъ болѣе плотный слой отъ испаренія изъ него влаги, *такъ какъ этотъ верхній слой перерываетъ капляры, почему вспашанная и боронованная земля остается влажной, даже во время сильныхъ засухъ.* (Сельск. Хоз. 1892 г. № 29 и 30).

Съ наибольшею, однако, ясностію и убѣдительностію развила ту же мысль объ обработкѣ пара Кременчугскій хозяинъ князь В. А. Кудашевъ, заслуга котораго заключается, главнымъ образомъ, въ точномъ указаніи тѣхъ моментовъ, когда должны

производиться всё последовательныя, промежуточные между пахатю и посѣвомъ культурныя работы, направленные къ сбереженію и накопленію влаги.

Трехлѣтніе результаты ранняго подъема пара и послѣдующихъ полевыхъ работъ, полученные княземъ В. А. Кудашевымъ въ киріаковскомъ его имѣніи, Кременчугскаго уѣзда, выражаются внушительными цифрами:

Парь подъятый къ 10 Апрѣля—далъ 131,5 пуд. оз. пшеницы.

„ 10 Мая „ 97 „ „ „

„ 10 Іюня „ 60,5 „ „ „

Ранній подъемъ зеленого пара имѣетъ цѣлю удержаніе въ почвѣ зимней *снѣговой* влаги, а также и атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ въ теченіе весны и лѣта; но не вспаханный съ осени зеленый парь, вслѣдствіе своей плотности, выходитъ изъ зимы менѣе влажнымъ, такъ какъ снѣговая вода безъ всякой пользы для растительности сбѣгаетъ съ плотныхъ полей, размывая овраги. Осенняя вспашка пара и рыхлое его состояніе играютъ въ этомъ случаѣ огромную роль.

Это подтверждается изслѣдованіями, уже приведенными раньше, относительно влажности почвы.

ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.	Черный парь.	Зеленый парь.
	% влажности.	
Изслѣдованія А. А. Измаильскаго въ Херсонской губ.,—до глубины 12 вершковъ—20 Марта 81 г.	16,50	10,44
Изслѣдов. Смирнова—до глубины 5 вер. въ Саратовской губерніи—24 Апрѣля 85 г.	28,54	22,81
Изслѣдов. Храмова при Велико-Анадольскомъ лѣсничествѣ—до глубины 8 вершк. въ 1891 г.	27,09	20,80
Среднее	23,51	17,95

Отсюда видно, что вспаханный съ осени или *черный парь* не только сберегаетъ влагу, но и накапливаетъ ее къ веснѣ въ большомъ количествѣ.

Влагособирательная способность черного пара вполне подтверждается и результатами урожаевъ, полученными на нѣкоторыхъ опытныхъ поляхъ. Опыты, произведенные на Полтавскомъ опытномъ полѣ, дали слѣдующіе результаты относительно урожаевъ озимой пшеницы въ теченіе 6 лѣтъ (1886—1891 г.).

Г О Д Ы.	Черный неуд. парь.	Зеленый удобр. парь.
1886 . . .	54,18	40,31
1887 . . .	216,16	186,02
1888 . . .	141,13	141,07
1889 . . .	97,82	78,08
1890 . . .	159,21	146,09
1891 . . .	61,00	47,00
Среднее .	122 пуд.	106,4 пуд.

Такимъ образомъ черный парь далъ прибавку урожая въ 15,6 пуд. на десятинѣ.

На Херсонскомъ опытномъ полѣ въ теченіи того же періода времени (1886—1891 г.).

Черный удобрен. парь уродилъ 57,7 пуд.

Зеленый „ „ „ 14,7 „

Хозяинъ Воронежской губерніи Моникъ сообщаетъ, что въ 1885 году получено имъ было:

съ зеленого пара . . . . 106,9 пуд.

„ черного удоб. пара . . 124,2 „

На основаніи приведенныхъ выше изслѣдованій и результатовъ опытовъ можно настоятельно рекомендовать хозяевамъ производить вспашку пара съ осени, какъ лучшее средство для накопленія и сбереженія влаги, а затѣмъ уже на второмъ мѣстѣ можно поставить ранній весенній подгемъ пара, тотчасъ по окончаніи главныхъ яровыхъ посѣвовъ.

Вспашкою пара съ осени или раннею весною не органичиваются тѣ культурныя работы, какія необходимы для сбереженія и накопленія влаги въ почвѣ.—Пахать постепенно

осѣдаетъ и уплотняется, нарушенныя обработкою естественныя свойства стремятся къ возстановленію, почва пріобрѣтаетъ утраченную связность и капиллярность, система волосныхъ ходовъ между верхнимъ и нижними слоями возстановляется и вмѣстѣ съ тѣмъ ускоряется движеніе влаги съ поверхности и испаренія ея.

Всѣ послѣдовательныя культурныя работы должны производиться по соображеніи съ физическимъ состояніемъ почвы и имѣть единственною цѣлю — не дать сомкнуться капиллярамъ верхняго слоя съ нижними.

Поэтому всякій разъ, когда верхній слой почвы уплотняется на столько, что открывается безпрепятственное движеніе влаги къ поверхности, — то эту послѣднюю необходимо разрыхлить боронованіемъ. — Если пахать заростетъ сорными травами на столько, что одно боронованіе окажется неэффективнымъ, тогда прійдется прибѣгнуть къ другому орудію, наблюдая только, чтобы рыхленіе производилось на не большую глубину и безъ оборачиванія пласта.

Въ Карловской экономіи Великой Княгини Екатерины Михайловны для этой цѣли съ успѣхомъ примѣнялось особое орудіе, передѣланное изъ малороссійскаго рала, въ которомъ отрубленъ нижній широкій конецъ и взамѣнъ этого къ стержню прикрѣпленъ трехугольный плоскій лемехъ, поставленный подъ угломъ въ 5° къ поверхности пашни. Лемехъ этотъ только подрѣзываетъ корневища сорныхъ травъ, не переварачивая земли и слегка разрыхляетъ поверхность ея; слѣдующая за такимъ раломъ — полольникъ борона довершаетъ очищеніе почвы и разрыхленіе ея.

При боронованіи слѣдуетъ избѣгать излишняго разрыхленія почвы, нужно стремиться только къ тому, чтобы земля сохраняла крупное *гороховатое* строеніе, способствующее сбереженію влаги.

Нужно также имѣть постоянно въ виду, что всѣ предлагаемыя для сбереженія влаги культурныя мѣры действительны только при своевременномъ ихъ выполненіи.

Тѣ же самыя работы, но произведенныя не во время, никакой пользы не принесутъ и не улучшатъ физическаго со-

стоянія почвы, что, напримѣръ, и подтверждается результатами опытовъ произведенныхъ въ 1891 году просвѣщеннымъ Острогожскимъ хозяиномъ В. Тевяшевымъ. Въ отчетѣ Острогожскаго Отдѣла Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1891 годъ читаемъ: „съ конца апрѣля до 20 мая трехлемешными плугами поднимали паръ на 4 вершка, вслѣдъ пу-скались бороны, 10 іюня повторено боронованіе въ 2 слѣда, съ 15—20 іюля двойка сохами (въ это время земля была суха на всю глубину пахатнаго слоя),—2—15 августа посѣвъ по глыбамъ твердымъ, какъ камень.

Въ приведенномъ примѣрѣ исполнены были всѣ работы, рекомендуемыя для сбереженія влаги, но онѣ привели къ отрицательному результату, какъ видно изъ того, что съ 15 іюля земля была суха на всю глубину пахатнаго слоя, а сѣять пришлось въ глыбы. Очевидно, что промежуточные работы послѣ подъема пара были исполнены не во время и что моменты для разрыхленія поверхности почвы были упущены. Лучшимъ моментомъ для разрыхленія почвы признается близкое наступленіе „спѣлости“ почвы.

Поэтому слѣдуетъ внимательно наблюдать затѣмъ, чтобы восстановление капиллярности почвы, называемое „спѣлостію“ ея, не наступало преждевременно, т. е. раньше того времени, когда наступить пора для производства озимыхъ посѣвовъ. Если же такая спѣлость поступаетъ раньше времени, то ее необходимо нарушать періодическими разрыхленіями почвы на незначительную глубину, и чѣмъ меньше остается времени до посѣва, тѣмъ разрыхленіе должно быть болѣе поверхностнымъ.

По мѣрѣ наступленія спѣлости, говоритъ князь В. А. Кудашевъ, почва, сохраняя еще свою рыхлость, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ связности.—Связность эта постепенно возрастаетъ и ко времени полной спѣлости почвы, увеличивается до того, что только тѣ землистыя частицы обрушиваются и теряютъ свою связь съ остальными, которыя подвергаются непосредственному давленію, всѣ же прочія, въ силу сдѣпленія, не теряютъ и не измѣняютъ своего положенія. Поэтому на почвѣ спѣлой или близкой къ спѣлости сапоги хозяина, лапы собаки, копыта лошади оставляютъ совершенно правильный

оттискъ, по которому ихъ всегда можно узнать безошибочно.— Ничего подобнаго не замѣчается на почвахъ свѣжевспаханыхъ, далекихъ еще до наступленія ихъ спѣлости. На этихъ почвахъ, какъ совершенно лишенныхъ связности, слѣдъ челоуѣка, собаки, лошади и др. животныхъ имѣетъ видъ неопредѣленныхъ болѣе или менѣе засыпанныхъ мелкими землистыми частицами углубленій, по которымъ нѣтъ никакой возможности распознать, какое именно животное прошло по такой почвѣ и оставило на ней свой слѣдъ. Второю признакъ, по которому можно всегда предугадать близость наступленія спѣлости почвы, это ея цвѣтъ.—Вслѣдствіе иссушающаго дѣйствія поверхность почвы всегда отличается свѣтлосѣрымъ цвѣтомъ съ сизо-пепельнымъ оттѣнкомъ, и чѣмъ ближе спѣлость почвы, тѣмъ тоньше этотъ наружный слой, а въ почвѣ совершенно спѣлой толщина его часто не превышаетъ полувёршка и онъ всегда значительно суше всего остающаго ниже лежащаго слоя, несравненно болѣе темнаго, съ коричневымъ, а не сизо-пепельнымъ оттѣнкомъ.

Третій наружный признакъ спѣлости почвы—влажность ея верхняго слоя.

Здѣсь кстати, нельзя не отмѣтить еще одинъ весьма характерный признакъ спѣлости почвы, прямо указывающій силу ея водопроводности; чѣмъ спѣлѣе обработана почва, тѣмъ быстрѣе въ нее проникаетъ дождевая вода и наоборотъ. Достаточно вылить изъ лейки воду на свѣжевспаханную почву, чтобы убѣдиться, что вода, скопившись во всѣхъ неровностяхъ пахати, очень медленно протекаетъ въ глубь почвы, причемъ самыя неровности пахати крайне неравномѣрно пропитываются влагою: однѣ части пропитываются сильно, другія же рядомъ лежащія остаются иногда совсѣмъ сухими. На почвахъ совершенно спѣлыхъ ничего подобнаго не замѣчается: вода изъ лейки, за исключеніемъ излишняго количества, поглощается почти немедленно и сполна почвой, причемъ всѣ частицы послѣдней пропитываются водой равномѣрно.

Относительно спѣлости почвы воронежскій хозяинъ Карпенко говоритъ (Сельск. хоз. 91 г. № 11), что распознаваніе ея заключается въ едва уловимыхъ и трудно объяснимыхъ

отѣнкахъ. Поэтому хозяинъ долженъ въ періодъ мѣстнаго сѣва проводить значительное время въ поляхъ и слѣдить за перемѣнами въ цвѣтѣ и консистенціи почвы. Когда почва превращается въ мелкую, какъ бы эластичную, съ совершенно темнымъ оттѣнкомъ, то въ этомъ можно видѣть проявленіе спѣлости, которую хозяева должны имѣть въ виду всегда при посѣвахъ. Я стараюсь отличить спѣлую почву отъ не спѣлой лишь передъ самымъ посѣвомъ.

Князь Кудашевъ идетъ значительно дальше и считаетъ необходимымъ постоянно слѣдить за проявленіемъ спѣлости почвы, съ тѣмъ, чтобы достигнуть ея именно къ тому времени, когда надлежитъ сѣять озимь. Въ этомъ заключается весь успѣхъ посѣва, что признаетъ и г. Карпенко, такъ какъ спѣлость почвы представляетъ собою наиболѣе благоприятное условіе для развитія всходовъ.

IV.

При обсужденіи вопросовъ, относящихся до производства вснашки, на первый планъ выдвигается спорный вопросъ о значеніи одинарной и двойной вснашекъ.—Результаты опытовъ говорятъ слѣдующее:

На Харьковскомъ опытномъ полѣ:

	Однократ. вснаш. на 5 вер.	Двойная на 3 и 5 вер.
1887 г. урожай . . .	177,9 пуд.	167,6 пуд.
1888 " " . . .	102,3 "	96,0 "
1889 " " . . .	129,4 "	115,0 "
1890 " " . . .	79,1 "	82,4 "
	<u>среднее 122,2 "</u>	<u>115,2 "</u>

На Полтавскомъ опытномъ полѣ:

	Однократ. на 4 ¹ / ₂ в.	Двойная 2 ¹ / ₂ и 4 ¹ / ₂ в.
1886 г. урожай . . .	45,32	40,17
1887 " " . . .	187,32	149,16
1888 " " . . .	241,16	223,08
1889 " " . . .	105,20	129,20
1890 " " . . .	150,02	142,15
1891 " " . . .	79,50	77,25
	<u>среднее 134,7</u>	<u>126,8</u>

Результаты эти указывают на то, что на южных, сухих черноземных почвах лучше производить однократную вспашку.

Само собою разумѣется, что это правило относится къ зеленому нару, что же касается черного, то его приходится перепахивать *ранней* весною, на глубину 2—2½ вершковъ многокорпусными орудіями или экстирпаторами.

Вопросъ о глубинѣ вспашки возбуждалъ между хозяевами наиболѣе споровъ. Раньше другихъ возражалъ въ сельско-хозяйственной литературѣ противъ глубокой пахати г. Кузьменко (Объ обработкѣ земли. Записки общества сельскаго-хозяйства Южной Россіи, 1871 г. Апрель). „Кажется почти всѣ такого мнѣнія, говоритъ онъ, что чѣмъ глубже оранка, тѣмъ болѣе удобствъ посѣянному въ ней растенію; земля глубже разрыхленная прійметъ больше дождевой влаги и корни растеній имѣютъ возможность въ ней лучше распространяться.—Всѣ эти положенія совершенно справедливы въ примѣненіи къ влажной почвѣ; но что сказать о тѣхъ сухихъ веснахъ, которыя у насъ сплошь и рядомъ случаются.—Вопросъ здѣсь рѣшается не въ пользу глубокой пахати“.—Далѣе авторъ указываетъ на опытъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые при мелкой пахати получаютъ хорошіе результаты.

Профес. Костычевъ говоритъ, что если дѣло касается обезпеченія растеній почвенной влагой, то при небольшемъ запасѣ ея въ почвѣ и при слабомъ ниспаденіи ея изъ атмосферы, *слѣдуетъ отдать предпочтеніе мелкой вспашки*.

Князь Кудашевъ въ книгѣ своей „о сбереженіи влаги въ почвѣ“ также не придаетъ никакого значенія глубокой пахати, какъ сберегателю влаги.

„Я поднимаю, говоритъ воронежскій хозяинъ г. Карпенко, свои поля плугомъ на 4½ вер. глубины одинъ разъ въ 9 лѣтъ, —затѣмъ 8 лѣтъ пашу эти поля крестьянскими сохами и только слѣжу затѣмъ, чтобы пахота производилась бороздами почаще и безъ огрѣхъ“.—„Не знаю, какъ объяснить, продолжаетъ г. Карпенко, но я путемъ личнаго опыта и внимательнаго наблюденія, пришелъ къ полному убѣжденію въ томъ, что постоянная глубокая плужная пахота, въ концѣ концовъ приводитъ только къ отрицательнымъ результатамъ“.

Такой же порядокъ вспашки рекомендуетъ Херсонскій хозяинъ г. Умисса, который говоритъ, что поднимать почву на большую глубину каждый годъ вредно, ибо она приобретаетъ такую рыхлость, при которой корни растений не могутъ питаться надлежащимъ образомъ. — Для роскошнаго питанія корней необходимо, чтобы въ данномъ объемѣ почвы находилось возможно болѣе матеріала, а не скважинъ.

Поднимать землю глубоко слѣдуетъ, вѣроятно, разъ въ 7 или 10 лѣтъ. Сильное рыхленіе почвы на 2 вершка глубины оказываетъ необыкновенно благотворное вліяніе на поле, однажды уже поднятое на 8 вершковъ глубины, какъ относительно содержанія въ ней влаги, такъ и удобряющаго дѣйствія этихъ двухъ вершковъ.

Дѣйствительно бывали случаи, что весенняя букерная пахоть давала наивысшій урожай, такъ, на примѣръ, въ 1891 году, на Херсонскомъ опытномъ полѣ яровая пшеница „улька“ уродила: при глубинѣ пахоти—7 верш. 80,5 пуд.

5 „ „ 82,9 „

4 „ „ 83,4 „

3 „ „ 83,8 „

2 „ „ 80,4 „

Посѣвъ подъ букеръ по стернѣ „ „ 84,4 „

Но есть въ то же время очень солидныя работы, оправдывающія глубокую вспашку земли.

А. А. Измаильскій (Вліяніе глубокой вспашки. Херсонъ, 1881 г.) удостовѣряетъ, что на Херсонскомъ опытномъ полѣ вліяніе глубокой обработки выражалось сравнительно большимъ урожаемъ зерномъ и соломою, болѣе раннимъ появленіемъ всходовъ и ихъ сравнительно роскошнымъ и быстрымъ развитіемъ.

Изслѣдованія озимыхъ всходовъ на участкахъ, обработанных на различную глубину, дали слѣдующіе результаты: —

Озимая пшеница была посѣяна 24 августа, а изслѣдована — 12 ноября при пахотѣ:

	На 3 вер.	На 6 вер.	На 8 вер.
Вѣсъ корней	0,21	0,41	0,61 гр.
Число корней	10,3	15,2	24,1
Наибольшая длина корней	6,4	7,7	7,6

На 3 вер.   На 6 вер.   На 8 вер.

Число побѣговъ	8,3	12,1	26,5
Число листьевъ	24,4	35,6	66,4

Отсюда видно, что озимая пшеница развилась на глубокой обработкѣ значительно роскошнѣе, чѣмъ на мелкой, въ особенности въ корневой системѣ, а несомнѣнно, что развитое, а въ особенности съ болѣе развитымъ корнемъ, растеніе легче переносить все неблагопріятныя климатическія условія, на которыя такъ часто жалуется нашъ южнорусскій хозяинъ.

На основаніи многочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ при Херсонск. С. Х. училищѣ, надъ глубокой обработкой, изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что вліяніе ея выражается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе промежутокъ времени отъ начала обработки до посѣва, — такъ, оно наиболѣе рѣзко выказывается на яровыхъ посѣвахъ по осенней обработкѣ.

Лучшіе результаты, полученные при глубокой обработкѣ, объясняются тѣмъ, что почва глубоко обработанная всегда содержитъ болѣе процентъ влаги, чѣмъ мелко обработанная, если остальные почвенныя и мѣстныя условія были одинаковы.

Такъ по изслѣдованіямъ, произведенныхъ въ 1881 году А. А. Измаильскимъ, оказалось среднее количество влаги на глубинѣ до 12 вершковъ:

	Пахать въ 7 верш.	Пахать въ 3 верш.
7 Іюля.	15,21 %	11,94 %
10 Іюля.	14,17	9,68
19 Іюля.	13,41	6,23
3 Августа	7,59	5,88
	<u>12,67 %</u>	<u>8,43 %</u>

По изслѣдованіямъ на Полтавскомъ опытномъ полѣ въ 1887 году на зеленомъ парѣ:

	Пахать въ 6 верш.	Пахать въ 3 верш.
9 Іюня.	18,47	16,57
7 Іюля.	18,10	16,91
28 Іюля.	17,59	16,35
9 Августа.	22,38	20,62
15 Сентября	18,04	16,20
	<u>18,92</u>	<u>17,33</u>

Изслѣдованіе влажности почвы въ зависимости отъ глубины вспашки (3¹/₂ и 5 верш.) на Харьковскомъ опытномъ полѣ въ 1886 году не дало замѣтнаго различія во влажности.

На Полтавскомъ опытномъ полѣ вліяніе глубины вспашки на урожай озимой пшеницы выразилось слѣдующимъ образомъ:

	При глубинѣ 3 вер.	4 ¹ / ₂ вер.	6 вер.
1886 годъ	43,09	48,10	52,27
1887 „	191,91	200,00	221,04
1888 „	128,00	135,04	140,20
1889 „	98,12	104,17	98,24
1890 „	150,12	153,08	165,19
1891 „	68,00	79,50	75,50
	<u>113,20</u>	<u>119,97</u>	<u>125,41</u>

Метеорологическія условія опытнаго поля въ тѣ же годы были таковы:

	1885	1886	1887	1888	1889	1890
Май	35,2	38,2	27,0	32,6	17,3	160,6
Іюнь	43,4	83,3	108,4	38,7	40,7	83,3
Августъ	102,8	82,4	37,3	96,6	89,0	205,7
Сентябрь	40,9	36,3	112,9	9,4	84,3	142,3

Представленные выше результаты урожаевъ озимой пшеницы, въ зависимости отъ глубины вспашки, *отчасти* оправдываютъ объясненіе проф. Костычева, что при обильныхъ атмосферныхъ осадкахъ глубокая пахоть должна дать сравнительно лучшіе результаты, чѣмъ мелкая, и наоборотъ. Такъ разсматривая метеорологическія условія мая и іюня мѣсяцевъ, мы видимъ, что глубокая пахоть дала наибольшую прибавку урожая въ болѣе обильные осадками годы—1887 г. (135,4 мм.) и 1890 г. (244 мм.) и не дала никакой прибавки въ самый засушливый 1889 годъ (58 мм.).

Тотъ же выводъ подтверждается урожаями яровой—бѣлокосой гирки.

	Всп. 3 вер.	Всп. 6 вер.	Прибавка или убыль противъ мелк. пахати.
1886.	26,25	35,28	+ 8,97 пуд.
1887.	154,25	177,07	+ 23,00 „
1888.	86,16	93,11	+ 6,95 „

	Всп. 3 вер.	Всп. 6 вер.	Прибавка или убыль противъ мелк. пахати.
1889	69,23	67,25	— 1,98 „
1890	76,19	94,00	+17,91 „
1891	65,00	75,50	+ 7,50 „

Однако въ общемъ за 6 лѣтъ отъ углубленія пахати съ 3 вер. до 6 вер. получено прибавки въ урожаѣ—среднимъ числомъ въ годъ:

Озимой пшеницы—10,71 пуд.

Яр. бѣлок. пшен.—10,39 „

При цѣнѣ 80 коп. за пудъ приходъ составляетъ: 8 р. 44 к. За вычетомъ расхода—2 пары воловъ и полурабоч. 1 р. 30 к., —чистый доходъ отъ углубленія пахати отъ 3 вершк. до 6 вершк. составляетъ—7 руб. 14 коп.

Углубленіе пахати даетъ безусловную и обязательную прибавку урожая для всякаго года при посѣвѣ пропашныхъ растеній. Такъ относительно кукурузы на Полтавскомъ опытномъ полѣ получены такіе результаты:

	Глуб. 3 вер.	Глуб. 4 ¹ / ₂ вер.	Глуб. 6 вер.
1886.	214,32	243,26	278,14
1887.	185,19	214,30	239,11
1888.	134,00	148,00	167,00
1889.	167,00	180,00	203,00
1890.	173,00	181,00	197,00
Среднее	175 пуд.	193 пуд.	217 пуд.

Отсюда видно, что каждый вершокъ углубленія пахати даетъ прибавку въ урожаѣ кукурузы на 14 пуд. съ десятины, —а углубленіе съ 3 до 6 вершковъ 42 пуд., что увеличиваетъ чистый доходъ на 18 руб. 70 коп.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что объясненіе проф. Костычева относительно вліянія мелкой и глубокой пахати оправдывается только отчасти. Оно было-бы безусловно справедливо, если-бы разрыхленный плугомъ слой земли, высохшій на всю глубину разрыхленія, совсѣмъ не пропускалъ бы сквозь себя почвенной влаги и лежалъ бы мертвымъ тѣломъ, но въ дѣйствительности этого не бываетъ:—капиллярность разрыхленнаго слоя ослаблена, но не уничтожена со-

вершено; испареніе влаги, сквозь высохшій пахатный слой, хотя и медленно, но совершается.—Если-бы допустить противное, тогда вопросъ о сбереженіи влаги мелкой пахатью разрѣшался бы радикально и не было-бы надобности прибѣгать къ новому разрыву капилляровъ въ поверхностномъ слое этой пахати путемъ боронованія, а между тѣмъ эта мѣра совершенно справедливо рекомендуется почтеннымъ профессоромъ и другими специалистами.

А. И. Шекунь въ своихъ „Наблюденіяхъ по полеводству 1887 года“ (Зем. Газ. 1888 г., № 3) говоритъ, что борона, шедшая за плугомъ, исполняла свое дѣло въ совершенствѣ. Земля парилась отлично, т. е. рыхлость ея возростала; *влага во все время паренія—съ мая до половины августа не опускалась глубже 1½—2 вершковъ*. Напротивъ, на клѣткѣ бороновой черезъ 10 дней бороновка была затруднительна, образовались даже крупныя глыбы, *а влага ушла на глубину трехъ вершковъ*.

Посредствомъ боронованія увлажняется какъ мелкая, такъ и глубокая пахоть.—Влага изъ подъ распаханнаго слоя, медленно поднимаясь черезъ разрыхленную плугомъ толщу земли, прерывается въ менѣе капиллярномъ боронованномъ слое и такимъ образомъ приостанавливается въ своемъ движеніи къ поверхности.

Этимъ оправдывается опытъ нѣкоторыхъ хозяевъ, совѣтующихъ производить глубокую пахоть только черезъ нѣсколько лѣтъ, хотя быть можетъ не такъ рѣдко, какъ полагаютъ г.г. Умисса и Карпенко.

Наблюдателями замѣчено, что разъ поднятая почва уже не можетъ уплотиться до своего первобытнаго состоянія, а потому при распаханіи земли въ разные годы на разную глубину, должно образоваться нѣсколько слоевъ различной плотности, а слѣдовательно нѣсколько системъ капиллярныхъ сосудовъ.

При такомъ строеніи почвы, когда почвенная влага будетъ подниматься къ поверхности, то при каждомъ переходѣ ея изъ одной системы капилляровъ въ другую должна происходить задержка въ движеніи и чѣмъ болѣе этихъ задержекъ, тѣмъ

меньшее количество влаги будет испаряться. Такого рода соображенія основаны на наблюденіяхъ нѣкоторыхъ южно-русскихъ хозяевъ,—но точныхъ изслѣдованій по этому предмету не производилось.

Практика лучшихъ свекловичныхъ хозяйствъ, получающихъ возвышенные урожаи, слѣдуетъ такому правилу, что въ теченіи 4-хъ польнаго сѣвооборота глубокая пахоть (до 8 верш.) производится для свекловицы, до 4 вершковъ для озимой пшеницы, и отъ 2—2¹/₂ вершковъ многокорпусными плугами или эксцирпаторами для яровыхъ хлѣбовъ, слѣдующихъ за свекловицей.

Глубокую пахоть можно удешевить, распахивая землю двухкорпуснымъ орудіемъ, въ которомъ правый плужной корпусъ замѣняется почвоглубителемъ.

Въ этомъ случаѣ плужной корпусъ будетъ поднимать землю на 3¹/₂ вершка, а почвоуглубитель произведетъ дальнѣйшее разрыхленіе дна борозды на 2¹/₂ вер. въ глубину. — Такимъ образомъ общее разрыхленіе составитъ 6 вер. при 3 парахъ воловъ, 1 рабочемъ и 2 полурабочихъ.—Этотъ же плугъ съ двумя плужными корпусами вспашетъ въ день 1 десятину земли двумя парами воловъ на 3 и даже на 3¹/₂ вершка глубины.—Такого рода обработка земли принята въ имѣніи А. Н. Масловской.—Завѣдующій этимъ имѣніемъ спеціалистъ—хозяинъ г. Тремль, имѣя въ виду возможно полную утилизацію имѣющагося въ почвѣ занаса влаги, поставилъ себѣ задачею отыскать такой способъ обработки, при которомъ наименѣе высушивалась бы почва, при сохраненіи обычной глубины вспашки.—Задача эта разрѣшена имъ приспособленіемъ къ однокорпусному плуга Рансона трехъ лапъ, на подобіе лапъ эксцирпатора.—Динамометрическое опредѣленіе показало, что сила тяги при этомъ уменьшилась съ 26 до 19-ти пудо-футовъ. *Всѣ послѣдующія обработки, говоритъ г. Тремль, направляются къ тому, чтобы поддерживать почву въ рыхломъ состояніи и въ то же время уничтожать сорныя травы.* (Кратк. описаніе Троицкой экон. Харьк. 1887 г.)

в) Относительно способа и глубины посѣва, а также и способа закрытія сѣмянъ не имѣется точныхъ и продолжитель-

ныхъ опытовъ, но въ этомъ отношеніи сложилось уже между хозяевами всеобщее убѣжденіе въ томъ, что рядовой сѣвъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ разбросный, а потому онъ получаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее распространеніе.—Противъ рядоваго посѣва яровыхъ хлѣбовъ возражаютъ только тѣмъ, что хлѣба эти нуждаются въ самомъ раннемъ посѣвѣ, а съ рядовымъ сѣвомъ приходится нѣсколько подождать, пока земля немного протряхнетъ.—Кратковременное ожиданіе вознаграждается болѣе ровнымъ и правильнымъ сѣвомъ, а также возможностью, регулируя углубленіе сошниковъ, положить все зерно въ сырую землю,—чего нельзя достигнуть при разбросномъ сѣвѣ.

На Полтавскомъ опытномъ полѣ мало обращалось вниманія на сравненіе результатовъ рядоваго и разброснаго посѣвовъ, вѣроятно также въ виду безспорнаго предпочтенія рядоваго,—такъ какъ озимая пшеница тамъ сѣется только рядами, по отношенію же яровой пшеницы сравнивались способы посѣвовъ въ теченіе 3 лѣтъ,—и только рожь засѣвалась рядами и въ разбросъ—во все время производства опытовъ.—Въ результатѣ посѣвовъ получено было:

	Рожь.		Яров. пшен. бѣлокол.	
	Рядов.	Разброс.	Рядов.	Разброс.
1886 годъ	108,18	— 103,12	—	—
1887 „	207,23	— 198,12	177,36	— 167,17
1888 „	241,16	— 234,24	145,08	— 223,24
1889 „	136,32	— 134,00	—	—
1890 „	159,00	— 147,32	92,16	— 89,40
Среднее	141,38	— 136,14	138,20	— 126,64 пуд.

Получилась разница въ пользу рядоваго сѣва для ржи въ 8,05 пуд., и для яровой пшеницы—11,56 пуд. Стоимость рядоваго и разброснаго посѣвовъ почти одинакова,—разница же въ 82 коп. окупается экономіей въ сѣменахъ, а между тѣмъ рядовой сѣвъ даетъ прибавку въ урожаѣ въ среднемъ для озимаго и яроваго хлѣбовъ—9,78 пудовъ на десятинѣ, стоимостью—5 руб. 86 коп.

Главная причина, стѣсняющая распространеніе рядоваго сѣва, заключается въ малой производительности рядовыхъ

сѣялокъ, въ $2\frac{1}{2}$ раза меньшей противъ разбросной, а потому для достиженія своевремениости посѣва хозяину нужно имѣть большее число орудій и притомъ дорогихъ, что разумѣется *непосильно большинству*.—А какъ рядовыя сѣялки имѣются въ экономіяхъ въ количествѣ недостаточномъ для своевременнаго окончанія посѣвовъ, то съ посѣвомъ обыкновенно запаздываютъ, а потому получаемые, иногда, отъ рядоваго посѣва результаты урожаевъ говорятъ не въ его пользу, хотя онъ имѣетъ огромныя преимущества передъ разброснымъ сѣвомъ.

Противъ укатыванія посѣвовъ возражаетъ большинство хозяевъ, такъ какъ эта мѣра уплотняя верхній слой почвы, способствуетъ ея высыханію.—Ислѣдованіе относительно влажности почвы, произведенное на Маринской фермѣ г. Смирновымъ, подтвердило это обстоятельство:

Процентное содержаніе влаги на глубинѣ до 5 вершковъ.

	Пахать боронован., но не укатанная.	Пахать боронован. укатанная.
24 Апрѣля	26,02	25,7
1 Мая	29,00	28,8
16 Мая	27,43	27,2
1 Юня	28,03	25,2
7 Юня	27,02	24,2
17 Юня	26,55	24,3
1 Юля	26,89	25,4
16 Юля	23,26	14,8
25 Юля	24,50	13,8
Среднее	24,5 ⁰ / ₀	22,3 ⁰ / ₀

Отсюда видно, что укатанная пахать заключала въ себѣ менѣе влаги, чѣмъ не укатанная и что съ теченіемъ времени это различіе усиливалось.—

У.

При одинаковыхъ почвенныхъ метеорологическихъ условіяхъ, при тождественныхъ культурныхъ приемахъ, степень урожайности хлѣбовъ находится въ зависимости и отъ выбора сортовъ.—По этому предмету производились опыты на Полтавскомъ опытномъ полѣ и дали такіе результаты:

а) Для озимыхъ пшениць:

	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Среднее.
Красная остистая.	133,62	118,32	153,00	и 134,78 п.
Тейская	139,37	102,25	154,06	131,90 „
Сандомирка.	131,39	79,00	161,34	123,91 „

Красная остистая мѣстная пшеница оказалась самой урожайной и самой устойчивой, такъ какъ дала наивысшій урожай противъ другихъ пшениць въ самый неблагоприятный 1889 годъ, при сухой осени 1888 года; напротивъ того сандомирка въ томъ году дала, сравнительно, низкій урожай.— Осень 1889 года, весна и лѣто 1890 года были благоприятны въ метеорологическомъ отношеніи и сандомирка дала въ этомъ послѣднемъ году нѣсколько высшій урожай:

б) Для озимой ржи:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.	Среднее.
Тростниковая.	85,10	115,15	118,53	110,53
Шампанская	83,02	120,05	110,25	104,44
Зеландская	62,06	149,37	150,0	120,48
Пробштейнская	69,34	158,30	130,65	119,23
Альпійская	70,35	125,9	79,50	91,63
Мѣстная	46,30	120,01	65,25	70,52

Изъ этихъ данныхъ видно, что наивысшій урожай дала Зеландская рожь, а наименьшій—мѣстная, но изъ этого нельзя еще вывести прямого заключенія относительно того, какой изъ иностранныхъ сортовъ ржи наиболѣе устойчивъ противъ неблагоприятныхъ метеорологическихъ условій,—такъ какъ всѣ три года, въ теченіи которыхъ производились опыты, нужно отнести къ числу болѣе или менѣе благоприятныхъ для озимыхъ хлѣбовъ.—Наименѣе благоприятная зима была въ 188⁵/₆ году,—когда высшій урожай дали: тростниковая и шампанская, а низшій: пробштейнская, зеландская и мѣстная.

По другимъ даннымъ, сообщаемымъ южнорусскими хозяевами, лучшею признается также шампанская рожь и отчасти тростниковая.

По опытамъ А. И. Шекуна въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, получались такіе результаты (З. Г., 86, № 47).

	Чеклеръ.	Трофей Грачева.	Мотто.	Чинквант. желтое.	Бессараб.
1886 годъ.	262 п.	—247 п.	—248 п.	—237 п.	—
1887 „ . . .	272 „	—256 „	—245 „	—218 „	—205 п.
1888 „ . . .	184 „	—200 „	—177 „	—170 „	—178 „
1889 „ . . .	187 „	—183 „	—160 „	—173 „	—182 „
1890 „ . . .	197 „	—207 „	—186 „	—187 „	—189 „
	<hr/>				
	220 п.	—218 п.	—203 п.	—197 п.	—183,5 п.

Кукуруза „Король Филиппъ“ тоже урожайный сортъ, но какъ поздно-созрѣвающий не рекомендуется.

Кукуруза оплачиваетъ глубокую пахоть, но не глубже 8 вершковъ; нормальной пахотью для нея можно считать 6 вершковую, какъ это видно было изъ приведенныхъ выше данныхъ относительно вліянія глубины вспашки.

По результатамъ, полученнымъ на Полтавскомъ опытномъ полѣ, можно судить, что лучшее разстояніе между рядами въ 1 аршинъ, а въ рядахъ $\frac{1}{2}$ аршина, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Разстоян. 16 вер.	Разстоян. 12 вер.
1887 годъ урожай.	270 пуд.	234 пуд.
1889 „ „	187 „	183 „
1890 „ „	197 „	161 „
	<hr/>	
Среднее	218 пуд.	192,6 пуд.

Воронежскій хозяинъ Станкевичъ рекомендуетъ разстояніе между рядами въ 14 вершковъ, а харьковскій хозяинъ А. Н. Селастенниковъ—18 вершковъ между рядами и 6 вершковъ въ рядахъ.

На десятину высѣвается кукурузы отъ 2—2 $\frac{1}{2}$ пудовъ. Сѣмена замачиваютъ за 3 дня до посѣва, причемъ воду мѣняютъ ежедневно. —Замачиваютъ всякій разъ на одинъ день посѣва. —Полезно къ кукурузѣ прибавлять въ небольшомъ количествѣ гречи, которая быстрымъ всходомъ обозначаетъ ряды и даетъ возможность пройти между рядами сапами раньше появленія всходовъ кукурузы. Послѣ появленія всходовъ конное мотыженіе. —Когда кукуруза достигнетъ 4-хъ 3—вершковъ росту,

то производится ручное мотыженіе въ рядахъ и прорывка.— Затѣмъ далѣе уже производится конное мотыженіе и окучиваніе.—Одно мотыженіе даетъ менѣе благопріятные результаты, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ Полтавскаго опытнаго поля:

	Обучиван.	Мотыжен.
1886 года урожай	250,20 пуд.	240,33 пуд.
1887 " "	238,12 "	223,10 "
1889 " "	189,70 "	177,70 "
1890 " "	187,00 "	181,00 "
Среднее	216 пуд.	205 пуд.

Кукуруза хранится въ узкихъ шириною въ 1 сажень и длинныхъ хворостяныхъ сараяхъ, съ хворостянымъ приподнятымъ на $\frac{1}{2}$ аршина отъ земли поломъ.—Кроквы свѣшиваются шире стѣнъ, чтобы предохранить кукурузу отъ боковой непогоды.—Стѣны не мажутся. Въ такихъ помѣщеніяхъ кукуруза въ початкахъ можетъ сохраняться нѣсколько лѣтъ.

Въ первомъ году кукуруза сыра и въ продажу не годится, такъ какъ, будучи обмолочена до просушки, она согрѣвается и становится негодной.—Молоченая кукуруза долго сохраняться не можетъ.

Для молотбы кукурузы существуютъ особыя молотилки ручныя и конныя.

Весь расходъ по культурѣ кукурузы на основаніи точныхъ экономическихъ учетовъ колеблется отъ 20—25 р. на десятину.

Для размола на муку кукуруза передирается сначала на крупу,--а затѣмъ повторнымъ приѣмомъ размалывается въ муку.—Для той и другой цѣли требуется острая насѣчка жернововъ.

Для большихъ—среднихъ посѣвовъ кукурузы очень рекомендуютъ двурядную конную сѣялку Брауна съ колесами, прикапывающими ряды, а для малыхъ однорядную ручную сѣялку Planet 1r № 2 (простую большую и комбинированную меньшую).

Такъ какъ кукуруза, подобно пшеницѣ, нерѣдко заражается заноею или головнею, то для уничтоженія ея посѣвное зерно полезно вымачивать въ растворѣ мѣднаго купороса.—Передъ

посѣвомъ за сутки берутъ $\frac{3}{5}$ фун. купороса, растворяютъ его въ $8\frac{1}{2}$ ведрахъ воды и наливаютъ этимъ растворомъ одну четверть зерна такъ, чтобы оно было покрыто водой. Зерно должно находиться въ этой жидкости отъ 12—16 часовъ и время отъ времени помѣшивается, причемъ всплывающія наверхъ зараженныя головнею зерна снимаются прочь.—Затѣмъ жидкость сливаютъ, а зерно сажается или сѣется.—*Вымоченное въ мѣдномъ купоросѣ зерно не должно лежать до посѣва больше сутокъ, иначе оно портится.*

Хорошимъ средствомъ противъ головни считается посѣвъ трехлѣтнихъ сѣмянъ, сохраняемыхъ въ початкахъ, такъ какъ споры головни теряютъ свою силу по истеченіи двухъ лѣтъ, но и на второй годъ они много слабѣе.

VII.

Съ введеніемъ чернаго или ранняго весенняго подъема зеленаго пара скотъ лишается перваго толочнаго пастбища;—съ другой стороны съ очищеніемъ земли отъ сорныхъ травъ, а въ особенности отъ пырея, сами собою упраздняются и степные сѣнокосы.—Даже въ настоящее время, когда мы вмѣсто хлѣба разводимъ пырей, въ своемъ распоряженіи имѣемъ и тощія, голодныя пастбища и скудные сѣнокосы, дающіе сѣно плохого качества.

А. А. Измаильскій въ своемъ прекрасномъ и поучительномъ докладѣ Полтавскому Сельско-Хозяйственному Обществу (Жур. П. С. Х. Общ. 1891 вып. 6-й) удостовѣряетъ этотъ печальный фактъ, что хозяину сѣно достается невѣроятно дорого, и притомъ оно низкаго кормоваго достоинства. „Весною, сѣна едва едва хватаетъ (да и то не каждый годъ) на періодъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ, дальше хозяинъ рассчитываетъ на пастбище и не начинаетъ пашни подъ озимый хлѣбъ, не имѣя чѣмъ кормить рабочій скотъ; или же нарочно не пашетъ пара, желая воспользоваться подножнымъ кормомъ. Но сухая весна у насъ не рѣдкость; на пастбищѣ взять нечего,—скотъ голодаетъ, подъемъ пара опаздываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и урожай озимыхъ подвергается риску. Такое же безвыходное

положеніе хозяина бываетъ и осенью, когда наступаетъ засуха, оставъ нѣтъ, на выгонахъ вся растительность выгораетъ и скоть лишается всякаго подножнаго корма.—Лѣтнія голодовки, говоритъ докладчикъ, составляютъ у насъ едвали болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ зимнія. Большинство нашихъ хозяевъ вполне сознаетъ настоятельную необходимость развитія продуктивнаго скотоводства, въ виду паденія цѣнъ на зерновые продукты.—*Но мы видимъ, что начинать слѣдуетъ не съ улучшенія скотоводства, а съ улучшенія кормовой площади.* Въ отысканіи средствъ удешевленія и улучшенія кормовъ—вотъ гдѣ лежитъ тотъ путь, который дастъ намъ возможность выбраться изъ теперешняго угнетеннаго положенія.—Лишь рѣшивши задачу съ кормовою площадью, мы съ состояніи будетъ выступить съ своими животными продуктами на европейскій рынокъ.“

Чтобы завоевать этотъ рынокъ, намъ нужно произвести продуктъ требуемаго качества, а чтобы этого достигнуть,—нужно прежде всего имѣть кормъ—хорошій, дешевый и достаточной для обезпеченія скота на случай—лѣтней безкормицы.

Что же предпринять хозяину, чтобы обезпечить свое хозяйство кормомъ?

Всѣ попытки хозяевъ ввести травосѣяніе не привели къ практическимъ результатамъ,—посѣвныя травы, такъ-же, какъ и естественные сѣнокосы, даютъ дорогое сѣно.—Чтобы оплатить дорогія сѣмена, нужно занимать поля травой на продолжительный срокъ, а это стѣсняетъ въ значительной степени зерновую площадь, главную статью хозяйства.

Для посѣва на зеленый кормъ А. А. Измаильскій рекомендуетъ простую, зерновую кукурузу, высѣваемую рядовыми сѣялками по 8 пуд. на десятину, а также новое растеніе „Гао-Лянь.“ которая имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ кукурузою: стебли ея дольше остаются сочными, будучи скошена до налива зерна, гао-лянь даетъ вновь массу побѣговъ, дающихъ второй укосъ; и наконецъ. она требуетъ меньшей затраты на сѣмена. Культура ея проста, засухъ она не боится, на обыкновенномъ черноземѣ роится отлично.—Уборка и молотба серьезныхъ затрудненій не представляетъ.

Гао-лянь высѣвается въ количествѣ 3 пуд. на зеленый кормъ и 1—1½ пудовъ на зерно.— Въ рядахъ на зерно 10—12 вер., на траву 3—4 вершковъ.— При прорывкѣ нужно вырывать съ корнемъ, такъ такъ оно отростаетъ.

При уборкѣ на зерно сначала срѣзается метелка и сносится въ мѣшкахъ на подводы.— Стебли скашиваются послѣ уборки метелокъ.

Вслѣдствіе неравномѣрности созрѣванія метелки необходимо передъ молотью хорошенько просушить, для чего устраиваютъ наклонныя козлы изъ колевъ, прикрытыхъ хворостомъ.

Въ распаренномъ видѣ зерно поѣдается свиньями, а дерть всѣми животными, вмѣсто ячной. Гао-лянь хорошо силосуется, уборка и заготовка ея въ силосахъ обошлась въ 0,96 коп. на пудъ.

Какъ кукуруза, такъ и гао-лянь употребляется въ зеленомъ видѣ такимъ образомъ: косятъ столько, сколько нужно на одинъ день; затѣмъ изрѣзанные соломорѣзкою стебли перемѣшиваютъ съ половой, смоченной соленой водой. Смѣсь эта, сложенная въ кучи, согрѣвается въ теченіи одного или двухъ дней послѣ приготовленія, при чемъ получаетъ пріятный хлѣбный запахъ и съ жадностію поѣдается животными.

Для зимняго корма наибольшее значеніе приобрѣтаетъ *кормовая свекла*. Изъ множества сортовъ кормовой свеклы по своей урожайности выдѣляются три: длинная красная маммутъ, шарообразная желтая поль-гигантъ и красная шарообразная оберндорфская.

На Полтавскомъ опытномъ полѣ результаты посѣвовъ 2-хъ сортовъ кормовой свеклы таковы:

Сортъ свеклы.	1886 г.		1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	Удоб.	Не-удоб.	Удоб.	Не-удоб.	Удоб.	Не-удоб.	Удоб.	Не-удоб.	Удоб.	Не-удоб.
Маммутъ	—	2891	4102	2896	4768	2888	4474	3675	2326	2092
Оберндорфская	—	2463	3411	3146	4742	3469	4279	3008	2841	2322
Среднее.	—	2677	3756	3021	4755	3678	4876	3341	2583	2207

Средній урожай за 5 лѣтъ по удобренію и безъ удобренія маммутъ—2995 и оберндорфской—2828 пуд., среднее—2912 пуд.

Низшій урожай былъ въ 1890 году—2207 пудовъ, а высшій въ 1888 году—3576 пудовъ.

Въ Зеленъковской экономіи графа М. М. Толстаго (Лебединскаго уѣзда, Харьковской губ.) средній урожай кормовой свеклы за 12 лѣтъ—2020 пудовъ.—Завѣдующій этой экономіею И. М. Кабештовъ отдаеть предпочтеніе сорту: „Поль-Гигантъ“,—такъ какъ оберндорфская свекла хороша только на не очень высокихъ и скорѣе низкихъ, сильныхъ и многоудобренныхъ земляхъ.—При посѣвѣ въ полѣ поль-гигантъ въ средней сложности дала 3460 пуд., а оберндорфская—2200 пуд. (Сельск. Хоз. 1888 г. № 23).

Лучшее время для посѣва свекловицы, когда земля уже согрѣлась и протряхла на столько, что не пристаеть къ орудіямъ, но еще заключаетъ въ себѣ достаточно весенней влаги,—которая при сухомъ климатѣ Южной-Россіи служитъ единственнымъ источникомъ для питанія растений.—Средній посѣвъ отъ 5—15 апрѣля, т. е. въ одно время съ кукурузой.

Воздѣлываніе свеклы въ сѣвооборотѣ представляетъ на первыхъ порахъ большія трудности, до обстоятельнаго знакомства съ ея культурою, а главное до приведенія поля въ культурный видъ.

Кормовая свекла хорошо оплачиваетъ сильное удобреніе навозомъ и глубокую пахоть. Лучшимъ мѣстомъ въ сѣвооборотѣ для кормовой свеклы нужно считать поле, вышедшее изъ подъ озими, собранной съ удобреннаго пара; но свеклу можно сѣять и по свѣжему навозу.

Во всякомъ случаѣ одновременно съ введеніемъ въ сѣвооборотъ кормовой свеклы, чтобы она давала хорошіе результаты, необходимо ввести удобреніе подъ предшествующій озимый хлѣбъ въ количествѣ 2400 пуд. на дес. Немедленно послѣ уборки озими земля пашется въ 3 вершка и боронуеться.—Въ концѣ сентября или въ началѣ октября идетъ вторая вспашка отъ 5—7 вершковъ и оставляется на зиму въ пластахъ.

Весною, возможно раньше проходить экстирпаторами и боронуютъ. Приступаютъ къ посѣву, когда земля протряхнетъ на столько, что сошники сѣялки могутъ углубляться на $\frac{1}{2}$ —1 вершокъ въ рыхлую землю. Разстояніе между рядами около 12 вершковъ, и отъ 7—10 вершковъ въ рядахъ, чтобы можно было проходить пропашками вдоль рядовъ.

Сѣмена за недѣлю передъ посѣвомъ должны быть хорошо намочены въ кучахъ. Для этого все количество сѣмянъ раздѣляется на кучи пудовъ 25—30, каждая куча складывается въ видѣ длиннаго бурта, вышиною до одного аршина, въ томъ помѣщеніи, въ которомъ производится намачиваніе.—Когда кучи сложены ихъ поливаютъ водою изъ лейки черезъ сито, направляя воду на гребень бурта.—Въ это время два человѣка перелопачиваютъ бурты съ обѣихъ продольныхъ сторонъ, пока всѣ сѣмена не пропитаются водою равномерно. Слѣдуетъ давать такое количество воды, какое сѣмена могутъ впитать, почему воду приливаютъ постепенно въ теченіи 3—4 дней. Намоченный буртъ ежедневно или черезъ день, смотря по температурѣ, разстиляется по полу слоемъ въ 3—4 вершка, переграбается граблями почаще и затѣмъ снова складывается въ буртъ на 3—4 часа. Наканунѣ посѣва сѣмена провѣтриваются на столько, чтобы не могли слипаться, что имѣетъ значеніе при машинномъ сѣвѣ. Если сѣмена мокры, то они неравномерно выбрасываются въ сѣменные трубки сѣялки и, нерѣдко, прилиная къ стѣнкамъ трубокъ, закупориваютъ ихъ. Къ сѣменамъ на пудъ свеклы прибавляется 1 гарнецъ гречи, которая всходитъ раньше свекловицы и, отмѣчая ряды ея будущихъ всходовъ, даетъ возможность начать полку до ихъ появленія.

Послѣ посѣва главная задача хозяина заключается въ томъ, чтобы плантація оставалась въ теченіи всего лѣта чистою отъ сорныхъ травъ, а поверхность почвы была по возможности въ рыхломъ состояніи. Если почва сплотнилась отъ дождя, то какъ только она слегка провѣтрится, ее немедленно слѣдуетъ прорыхлить коннымъ орудіемъ.—*На рыхлой плантаціи свекла упорно сопротивляется засухамъ.*

Когда всходы будутъ имѣть по 2 развитыхъ листка, нужно приступать къ прорывкѣ, оставляя по одному растенію на

разстояніи 3—4 вершковъ, а затѣмъ, когда растенія вполнѣ укрѣнятся и листвою будутъ оттѣнять междурядья, необходимо прорвать во второй разъ, оставляя растенія на 6—8 вер.

Нужно по возможности замѣнять ручную работу конною; при дороговизнѣ ручная работа сильнѣе уплотняетъ поверхность почвы, что способствуетъ ея высыханію.—Если плантація не велика, то нужно стремиться къ тому, чтобы полольщицы шли не впередъ, а назадъ, не затаптывали разрыхленной савами земли.

Во время прорывки всю траву между рядами выбиваютъ сапками, а землю разрыхляютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдергиваютъ лишнія растенія. При этомъ выбиваютъ изъ рядка сапкою цѣлый рядъ растеній во всю ширину сапки, а потомъ начинаютъ продергивать руками.—При этомъ нужна крайняя осторожность, чтобы не повредить остающагося растенія и даже не потревожить его.—Для этого необходимо, отобравъ остающееся растеніе лѣвою рукою, придержать его, а остальные вырвать правою рукою въ косвенномъ направленіи.—Желательно производить прорывку немного спустя послѣ дождя, когда почва достаточно мягка и легко уступаетъ.—Если остающееся въ ряду растеніе лишается опоры и падаетъ на землю, то къ нему нужно подсыпать земли.—Если примѣняются конные распашники, то ими предъ прорывкою мотыжится земля между рядами, а затѣмъ руками выбираютъ сорныя травы въ рядкахъ и прорываются самые рядки.

Уборку кормовой свеклы производятъ тогда, когда листья ея пожелтѣютъ, причемъ $\frac{3}{4}$ наружныхъ листьевъ завядаютъ и даже обваливаются. Но при этомъ нужно сообразоваться и съ погодой, такъ какъ уборка должна быть окончена до наступленія осенней непогоды.—Среднее время уборки—15 Октября.

Лучше всего сохранять свеклу въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ заблаговременно въ плотной глинистой землѣ. Размѣры ямъ отъ $1\frac{1}{2}$ —2 арш. глубины, 2—3 арш. ширины и произвольной длины, раздѣляя ее земляными перемычками.—Если ко времени укладки свеклы ямы будутъ влажны, то ихъ слѣдуетъ выжечь. Дно и бока ямы выстилаются ржанною соломой.

Свеклу изъ возовъ сбрасываютъ по рѣшеткамъ изъ продольныхъ брусковъ, сквозь которыя проваливается земля. Когда яма наполнится до краевъ свеклою, то верхъ ея выкладываетъ въ видѣ двускатной крыши на 1—1½ аршина выше уровня земли.—Поверхъ свеклы выкладываютъ на 2—3 вершка ржаной соломой (околотомъ), затѣмъ слоемъ мятой соломой, наконецъ до конька застилаютъ землею. Конекъ бурта выкладывается снопами соломой, раздѣляемыми пополамъ для защиты отъ дождя. Землю для засыпки бурта берутъ, отступя отъ краевъ, чтобы образовать канавки для отвода воды. При засыпаніи бурта землею очень полезно эту землю переслаивать соломой.

Зимою нужно слѣдить за состояніемъ буртовъ, чтобы свекла въ нихъ не согрѣлась и не промерзла. А. А. Измаильскій въ докладѣ своемъ Полтавскому Сельско-Хозяйственному Обществу говоритъ (журналы 1891 г., вып. 2), что при храненіи свеклы нужно соблюдать извѣстныя условія. *Свекла въ моментъ поступленія на храненіе не должна быть вялою*, такъ какъ въ такомъ видѣ она быстро покрывается плѣсенью, согрѣвается и гніетъ. Мною замѣчено, говоритъ докладчикъ, что въ годы съ сырою осенью свекла лучше сохранялась, чѣмъ въ годы съ сухою осенью, когда она успѣвала провянуть до укладки; вотъ почему слѣдуетъ торопиться съ перевозкою свеклы съ поля и покрывкою ея толстымъ слоемъ соломой.

Вентиляціонныхъ трубъ не слѣдуетъ ставить, а для освѣженія воздуха достаточно оставлять гребень бурта открытымъ до холоднаго времени. Съ наступленіемъ же холодовъ, въ хорошей теплой день, переменяютъ соломѣ по гребню и окончательно засыпаютъ его землею.

Чтобы избѣжать многихъ неудобствъ храненія свеклы въ буртахъ и ямахъ, А. А. Измаильскій прибѣгъ къ силосованію кормовой свеклы, — предложенному полтавскимъ хозяиномъ А. П. Величковскимъ.

Изрѣзанная корнерѣзкой свекла падаетъ въ яму и укладывается на 3 аршина выше краевъ, въ видѣ 4 скатной крыши съ широкимъ плоскимъ конькомъ.—Куча покрывается соломой и слоемъ земли въ $3\frac{3}{4}$ аршина толщиною. На днѣ ямы

образуется буроватая жидкость, которой при выборкѣ силоса смачиваютъ полову, охотно поѣдаемую скотомъ. При кормленіи животныхъ силосованная свекла даетъ большой приростъ въ живомъ вѣсѣ, чѣмъ свѣжая, какъ это подтверждено опытомъ.

VIII.

Теперь приходится упомянуть о тѣхъ перемѣнахъ въ сѣвооборотѣ, какія должны послѣдовать при введеніи въ него зерновой кукурузы, а также кормовой кукурузы и свеклы.

Въ настоящее время во всемъ пшеничномъ районѣ Юга Россіи, не считая промышленныхъ и чисто степныхъ овцеводныхъ районовъ, придерживаются переходнаго переложно-зерноваго сѣвооборота, а именно: а) парь, б) озимь, в) ярь, г) 5—6 лѣтній сѣнокосный перелогъ. Слѣдовательно половина земли состоитъ подъ посѣвами, а другая половина подъ кормами. Главный хлѣбъ пшеница, остальные занимаютъ второстепенное мѣсто.

Въ общемъ, изъ общаго количества пахатной земли при обычномъ сѣвооборотѣ, состоитъ подъ рожью $12\frac{1}{2}\%$, озимой пшеницей $12\frac{1}{2}\%$, яров. пшеницей $12\frac{1}{2}\%$, ячменемъ 6% , овсомъ $4\frac{1}{2}\%$ и подъ остальными растеніями— 2% .

Чтобы распредѣлить пахатную площадь при измѣненномъ сѣвооборотѣ, необходимо прежде всего опредѣлить ту часть поля, какая должна быть занята кормовыми пропашными растеніями.—На основаніи опыта принимается, что для надлежащаго и своевременнаго выполненія полевыхъ работъ, а также для безостановочнаго ремонта упряжныхъ силъ, необходимо имѣть въ хозяйствѣ на каждыя 10 десят. экономическаго посѣва—2 вола, 1 лошадь, 1 корову и 3 подростка или всего 5 шт. взрослыхъ (принимая 3 подростка за 2 взрослыхъ). Для прокормленія этого скота при существующемъ сѣвооборотѣ, имѣется 5 дес. степного сѣнокоса.—Принявъ урожай естественныхъ степныхъ сѣнокосовъ въ 48 пудовъ съ десятины, —изъ нихъ на долю хозяина, за удовлетвореніемъ косарей, достается максимум—36 пуд.,—что на 5 дес. составитъ 180 пудовъ или 36 пуд. на штуку.

А. А. Измаильскій на основаніи опытнаго сравнительнаго откармливанія на убой крупныхъ партій скота, въ эконо-

ми князя Кочубея, Подтавскаго уѣзда, положительно удостоверяетъ, что 2 пуда свекловицы съ половою даютъ при кормленіи лучшіе результаты, чѣмъ 1 пудъ нашего сѣна. Допустивъ, въ видахъ особенной осторожности, что одному пуду сѣна соотвѣтствуютъ 3 пуда кормовой свеклы, увидимъ, что для замѣны того количества сѣна, которое достается на одну штуку взрослого скота, — нужно имѣть въ хозяйствѣ 108 пудовъ свеклы. Признавая неудовлетворительнымъ практикуемое нынѣ голодное содержаніе скота, я считаю необходимымъ увеличить вычисленную выше порцію свеклы болѣе чѣмъ въ два раза, до 220 пудовъ на голову.

При введеніи въ сѣвооборотъ пропашныхъ растений и съ отводомъ особаго поля для пастбища получится 5 полей: 1) паръ, 2) озимь, 3) пропашныя растения, 4) ярь, 5) пастбище.—Если въ имѣніи имѣются неудобныя для распашки мѣста, то ихъ можно обратить въ постоянное пастбище, исключивъ таковое изъ сѣвооборота.—При нормальномъ сѣвооборотѣ подъ посѣвомъ будутъ находиться 6 десятинъ, а подъ кормовой площадью 4 десятины, на каждыя 10 десят. пахатной земли.

При такомъ сѣвооборотѣ на 6 десят. пахати прійдется содержать 3 шт. скота взрослого, а для корма ихъ потребуется кормовой свеклы, по принятому выше расчету, 660 пудовъ,—какое количество можно во всякомъ случаѣ собрать съ 0,5 десятины.

Такъ какъ и при отдѣльномъ пастбищномъ полѣ можетъ случиться недостатокъ въ подножномъ кормѣ, то для поддержки рабочаго скота при пастбищномъ его содержаніи необходимо занять часть яроваго поля или гао-лянъ или кормовой кукурузой на зеленый кормъ. Если подножнаго корма по условіямъ лѣта будетъ достаточно, или если какая либо часть кормовыхъ растений не будетъ скормлена лѣтомъ и осенью, то ихъ можно засилосовать на зиму.

Если по указанію опыта окажется кормовая свекла урожайнѣе 1300 пуд. на десятинѣ, то посѣвъ ея подлежитъ соотвѣстному сокращенію — а замѣнъ того увеличится посѣвъ зерновой кукурузы. Такимъ образомъ на каждыя 100 десят. пахати въ посѣвѣ будетъ состоять: ржи 10 дес., озимой пше-

ницы 10 десят., кукурузы 15 дес., кормовой свеклы 5 десят., яровой пшеницы 10 дес., ячменя $3\frac{1}{2}$ десят., овса $3\frac{1}{2}$ десят., проса 1 дес., зеленого корма 2 десят.

Сравнивая приходъ и расходъ по старому и новому сѣвообороту, получимъ на 100 десят. пахати:

1) Полевые и общіе расходы на десятину вмѣстѣ со стоимостью сѣмянъ (придерживаясь данныхъ по Харьковской губерніи),—составляютъ:

12,5 дес. ржи по	19,50 р.	=	243,75 р.
12,5 „ озимой пшеницы	21,87 „	=	273,37 „
12,5 „ яровой „	18,57 „	=	232,12 „
6,0 „ ячменя	16,60 „	=	99,60 „
4,5 „ овса	16,17 „	=	72,76 „
2,0 „ проса	14,50 „	=	29,00 „
			Итого . . . . . 950,60 „

Доходъ: по выводамъ, основаннымъ на сообщеніяхъ корреспондентовъ Департамента Земледѣлія, валовая доходность посѣва для Харьковской губерніи опредѣляется такимъ образомъ:

12,5 д. ржи по	27,27 р.	=	340,87 р.
12,5 „ озимой пшеницы	×42,90 „	=	536,25 „
12,5 „ яровой „	×31,90 „	=	398,55 „
6,0 „ ячменя по	22,70 „	=	136,20 „
4,5 „ „ „	21,00 „	=	94,50 „
2,0 „ проса по	20,00 „	=	40,00 „
			Итого. 1546,39 „

25 дес. степного сѣнокоса по
36 пуд. = 900 пуд. × 20 коп. . . . . = 180,00 р.

Всего 1726,39 „

Чистаго дохода остается 775,77 р., т. е. по 7 р. 75 коп. съ пахатной десятины.

2) Мы видѣли, что введеніе черного или ранняго подъема пара, а также углубленіе пахати, въ значительной степени поднимаетъ урожайность полей.—По даннымъ полтавскаго опытнаго поля.

а) для озимой пшеницы:

	1) Урожай на зеленомъ, удобренн. парѣ при вспашкѣ до 4 ¹ / ₂ вершк. глубины.	2) Урожай на черномъ удобренномъ парѣ при вспашкѣ на 6 вершковъ глубины.
1886 г. (Сандом.).	38,14	60,20
1887 „ (Сандом.).	122,26	224,16
1888 „ (Тейская)	143,24	154,16
1889 „ (3 сорта).	110,12	105,23
1890 „ (3 сорта).	134,37	168,05
Среднее	109,62 пуд.	143,77 пуд.

б) для яровой бѣлоколосой гирки:

	Послѣ озими на зеленомъ удобрен. парѣ вспашка на 4 ¹ / ₂ вершка глубины.	Послѣ озими на черномъ парѣ вспашка на 6 вершковъ.
1887 годъ	155,37 пуд.	205,08 пуд.
1888 „	100,00 „	104,08 „
1889 „	63,00 „	64,32 „
1890 (удоб. 86 г.).	76,27 „	90,00 „
	98,66 пуд.	115,87 пуд.

Средняя прибавка урожая на 1 десят. озимаго и 1 десят. яроваго составляетъ—по 25,60 пудовъ.

Удобрение земли навозомъ даетъ новую прибавку урожая, равно какъ и введеніе плугопольныхъ растеній, уничтожающихъ сорныя травы.

Чтобы судить объ этомъ, достаточно сравнить средніе урожаи съ тѣми, какіе получаютъ въ лучшихъ, свекловичныхъ имѣніяхъ Харьковской губ.

	Озим. пшен.	Ржи.	Яр. пшен.
Имѣніе князя и княгини Щербатовыхъ при с. Терны, урожай за 10 лѣтъ.	102,40	80,6	60,5
Средній урожай по Лебединскому уѣзду.	65,30	61,2	47,0
Разница.	37,10	19,4	13,5
Тростянецкое имѣніе Кенига—за 11 лѣтъ урожай	108,1	90,3	66,2
Средній урожай по Ахтырскому уѣзду.	64,3	60,3	45,10
Разница.	43,8	30,0	21,1

Имѣніе Скалона при с. Бѣлый Колодязь.	85,5—77,4	—
Средній урожай по Волчанскому уѣзду.	48,0—55,8	
	<hr/>	
	Разница.	37,5—21,6

Если мы для расчетовъ доходности земли при улучшенной культурѣ примемъ прибавку урожая на десятинѣ въ 3 копы и *въ 15 пудовъ*,—то соблюдемъ самую высокую осторожность. При такомъ условіи валовой доходъ съ улучшеннаго сѣвооборота—опредѣлится.

10 д. ржи	$\times (27,27 + 7,50) = 347,70$	р.
10 д. озим. пшеницы	$\times (42,90 + 12) = 549,60$	"
10 д. яров. пшеницы	$\times (31,90 + 12) = 439,00$	"
15 д. зерн. кукурузы (90 п. $\times$ 45 к.)	$\times 40,50$	руб. = 607,50 "
5 д. кормов. свеклы	1300 п. $\times$ 6 к. = 78 р.	= 390,00 "
3,5 д. ячменя	$\times (22,70 + 6,65) = 102,72$	"
3,5 д. овса	$\times (21 \text{ р.} + 6 \text{ р.}) = 94,50$	"
1 д. проса	$\times (20 + 7,50) = 27,50$	"
	<hr/>	
	Итого	2557,90 р.

Расходы полевые и общіе:

10 д. ржи	$\times (19,50 + 1,75) = 212,50$	р.
10 д. озим. пшеницы	$\times (21,87 + 1,75) = 236,20$	"
10 д. яров. пшеницы	$\times (18,57 + 1,75) = 203,20$	"
15 д. кукурузы	$\times 24 \text{ р.} = 360,00$	"
5 д. свеклы	$\times 50 \text{ р.} = 250,00$	"
3,5 д. ячменя	$\times (16,60 + 1,75) = 64,22$	"
3,5 д. овса	$\times 17,92 = 63,92$	"
1 д. проса	$\times (20 + 1,75) = 21,75$	"
2 д. зеленого корма	$\times 15 \text{ р.} = 30,00$	"
	<hr/>	
	Итого	1441,79 "

Чистый доходъ со 100 дес. пахатной земли 1116 руб., что составляетъ на одну десятину—11 р. 16 к.

—Прибавка доходности отъ улучшенной культуры, *меньше которой не можетъ быть*, составляетъ—по 3 руб. 41 коп. на десятину пахати.

Этой прибавкой оплачиваются всѣ проценты по дворянскому банку, а остальной доходъ остается въ пользу хозяина земли.

В. И. Мезенцовъ.

ИСТОЧНИКИ.

1. Черепяхинъ и Дьяковъ. Отчетъ по опытному полю Полтавскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества за 1885—1891 годы.
2. Зайкевичъ. Опытныя поля. Харьковъ, 1888 года.
3. Дмитріевъ. Отчетъ о работахъ на Морочанскомъ опытномъ полѣ за 1886 годъ.
4. Славучинскій. Отчетъ о работахъ на Морочанскомъ опытномъ полѣ за 1887 годъ.
5. Гаркушенко. Морочанское опытное поле въ 1889 году.
6. Зайкевичъ. Отчетъ о работахъ на опытныхъ поляхъ за 1890 г. Морочанское опытное поле.
7. Зайкевичъ и Гаркушенко. Морочанское опытное поле въ 1888 г.
8. Измаильскій. Влажность почвы въ связи съ культурнымъ ея состояніемъ.
9. — Вліяніе глубокой обработки. Херсонъ. 1881 г.
10. Труды Саратовскаго Общества Сельскаго Хозяйства. 1891 г., выпускъ II.
11. Отчетъ Острогожскаго отдѣла Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1891 г.
12. Измаильскій. Изъ практики сохраненія кормовой свекловицы (журн. Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства 1891 г. вып. 2).
13. Дубровскій. О воздѣлываніи кормовой свекловицы (журн. Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства 1890 г. вып. 3).
14. Князь Кудашевъ. О сбереженіи почвенной влаги. Докладъ Полтавскому Обществу Сельскаго Хозяйства.
15. Измаильскій. Кормовая площадь и желательныя въ ней измѣненія (жур. Полт. Общ. Сел.-Хоз. 1891 вып. 6).
16. Стебуть. Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію.
17. Краинскій. Объ обработкѣ и удобреніи почвы въ черноземной полосѣ Россіи.
18. Костычевъ. Объ удобреніи и обработкѣ черноземныхъ почвъ (журн. Сел.-Хоз. и лѣс. 1886 г. сент.).
19. Станкевичъ. Удобреніе черноземныхъ почвъ. Зем. Газ. 1888 г. № 14.
20. Тумарнинъ. О томъ же, Зем. Газ. 1892 г. № 36.
21. Гольдефлейсъ. Объ удобреніи навозомъ. (Жур. С. Х. и Л. 1891 г. ноябрь).

22. Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи 1889 г. № 7 и 8.
23. Земледѣліе 1890 г. № 41, ст. Любанскаго.
24. Раушъ-фонъ-Траутенбергъ. О сидераціи. Зем. Газ. 1888 г., № 46 и 52.
25. Н. Смирновъ. Извѣстія Петровско-Разумовской Академіи за 1886 года. Съ опытной станціи при Мар. Земл. училищѣ.
26. Костычевъ. Къ вопросу объ обработкѣ черноземныхъ почвъ. (Жур. С. Х. и Лѣс. 1891 г. ноябрь).
27. Обь обработкѣ пара на Маріин. Сельск. Хоз. фермѣ М. Г. И. 1892 г. № 29 и 30.
28. Карпенко. О спѣлости почвы Сельск. Хоз. 1891 г. № 1—3.
29. Тремль. Краткое описаніе Троицкой экономіи, Харьковъ 1887 г.
30. Шекунъ. Наблюденія по полеводству. З. Г. 1886 г. № 47.
31. Краткое описаніе Терновскаго имѣнія. Х. 1890 г.
32. Изданія Департамента Землед. и сельско-хоз. промыш.
33. Землед. Газета 1887 г. № 13 и 14, 6.
34. Мезенцовъ. Къ вопросу о доходности хозяйства въ Харьковской губерніи.
35. Тростянецкое имѣніе Кеннига, Харьк. 1887 г.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ СТОЛѢТІЮ ХАРЬКОВСКОЙ КАФЕДРЫ ¹⁾,

(16 окт. 1799 г.—16 окт. 1899 г.).

Христофоръ-первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій.

(16 окт. 1799—18 мая 1813 г.).

Пресвященный Христофоръ происходилъ изъ малороссійской

¹⁾ Въ 1880 году исполнилось сто лѣтъ со времени открытія въ Харьковѣ намѣстничества, т. е. прошло сто лѣтъ гражданственнаго существованія Харькова—этого сторожеваго когда-то козацкаго города. Событіе это почему-то Харьковскимъ обществомъ было оставлено безъ вниманія, мѣстная печать даже не упомянула о немъ. Въ 1899 году 16 октября исполнится сто лѣтъ со времени учрежденія самостоятельной Слободской епархіи и открытія въ Харьковѣ архіерейской кафедры; слѣдовательно только шесть лѣтъ остается до юбилея. Смѣемъ думать, что это событіе 100-лѣтія не пройдетъ безслѣдно. Желательно, но крайней мѣрѣ, чтобы къ этому дню былъ составленъ общій очеркъ столѣтней церковно-исторической жизни епархіи въ біографіяхъ архіереевъ и выдающихся духовныхъ дѣятелей. Этотъ очеркъ былъ бы нѣкоторымъ дополненіемъ и продолженіемъ великаго труда «Нестора нашей епархіи», Высокопреосвященнаго Филарета. Разумѣемъ его «Историко-Статистическое описаніе Харьковской епархіи».

Иерархія Харьковской епархіи весьма достопримѣчательна. Между четырнадцатью епископами мы встрѣчаемъ архипастырей, которые украшались разнообразными христіанскими доблестями или отличались рѣдкимъ богословскимъ образованіемъ: стоитъ вспомнить имена Мелетія, Иннокентія, Филарета, Макарія. Были пресвитеры—усердные сотрудники епископовъ, были и міряне достойные памяти. Въ печати уже есть жизнеописанія нѣкоторыхъ Харьковскихъ архипастырей: Мелетія—въ трудѣ С. Кульжинскаго, Иннокентія—свщ. Т. Буткевича, Филарета—

свѣдѣній мы не имѣемъ. Въ этомъ монастырѣ въ 1766 году, т. е. спустя годъ по принятіи Христофоромъ монашества, былъ постриженъ жившій здѣсь родной братъ его Григорій Семеновичъ Сулима. ¹⁾

Извѣстно, что въ югозападной Руси, по примѣру грековосточной и западной церкви, въ XVIII вѣкѣ былъ введенъ обычай, по которому духовныя лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ и обладавшія даромъ слова, призывались въ званіи катихизаторовъ и проповѣдниковъ къ проповѣдничеству въ церквахъ братскихъ, кафедральныхъ, монастырскихъ и даже придворныхъ. Матронинскій монастырь, расположенный въ обширныхъ дремучихъ лѣсахъ (въ 140 верстахъ отъ Кіева и въ 40 в. отъ Чигирина), возвышался надъ всѣми украинскими монастырями за исключеніемъ Печерской Лавры древностію, числомъ братій, своимъ несравненнымъ, великолѣпнымъ и здоровымъ мѣстоположеніемъ и тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при своемъ знаменитомъ игуменѣ Мелхиседекѣ. Въ это время Матронинскій монастырь оказалъ великія услуги Прав. церкви, защищая ее отъ нападковъ враговъ ея—уніатовъ, поляковъ и евреевъ и утверждая православіе въ сердцахъ гонимыхъ украинцевъ. Христофору, какъ ученому монаху, въ этомъ монастырѣ было достаточно дѣла, кромѣ сказыванія проповѣдей. Священники этого края, бывшіе прежде уніаты, отрекшись отъ уніи, здѣсь, такъ сказать, перевоспитавшись въ духѣ православія, возвращались отсюда къ своимъ приходамъ. Тутъ присягали на грекороссійское *благочестіе* всѣ міряне, присоединившіеся къ православію. ²⁾

¹⁾ Игуменъ Матронинскаго монастыря извѣстный Мелхиседекъ Значко—Дворскій, доносилъ епископу Переяславскому Гервасію о постриженіи Григорія Сулимы въ апрѣль 1766 года, писалъ слѣдующее: „Его вельможность, господинъ полковникъ Переяславскій Семенъ Ивановичъ Сулима, въ письмѣ ко мнѣ написанномъ проситъ находящагося въ монастырѣ нашемъ его вельможности сына Григорія, въ окончаніи сего св. великаго поста, облекти въ святой иноческій образъ. Въ прибытіи же моемъ въ свой Матронинскій монастырь изъ Варшавы отъ намѣстника обители Іеромонаха Гавріила мнѣ представлено, что онъ Григорій въ послушаніи ему опредѣленномъ поступалъ благочестно и благочинно; что, въ высокое вашего святительства благоразсмотрѣніе, подвергъ себе іерархическому благословенію, въ покорности моей представляю (Архивъ Запад. Россіи ч. 1-л том. II, стр. 175.)“

²⁾ Въ маѣ 1768 г. Матронинскій монастырь былъ свидѣтелемъ ужаснаго кро-

Матронинскій монастырь находился въ это время въ ближайшемъ завѣдываніи Переяславскаго архіерея, какъ коадьютора Кіевской митрополіи, Иларіона Кондратковскаго. Этотъ преосвященный пригласилъ Христофора къ себѣ и избралъ его въ архидіакона. Въ прошломъ столѣтіи, въ противоположность нынѣшнему времени, архидіаконъ при кафедрѣ почти всегда выбирался „изъ ученыхъ“, т. е. изъ учившихся въ академіи Кіевской. Онъ занимался обученіемъ ставленниковъ, завѣдывалъ выдачею всякихъ грамотъ архіерейскихъ и всѣми сборами съ ставленниковъ въ пользу архіерейской кафедры, при архіерейскихъ разъѣздахъ по епархіи былъ неотлучно при архіерее, какъ непремѣнный членъ такъ называемой „походной конторы“, т. е. временнаго высшаго управленія и въ тоже время всегда засѣдалъ въ присутствіи Консисторіи.

Яновскій говоритъ, что „Христофоръ, живя на родинѣ въ Переяславѣ, будучи уже въ санѣ архидіакона, поступилъ въ число воспитанниковъ Переяславской семинаріи и прошелъ полный курсъ богословскаго класса, послѣ чего и былъ рукоположенъ преосвященнымъ Иларіономъ въ іеромонаха“¹⁾. Землякъ и современникъ Христофора, И. О. Тимковскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о Переяславской семинаріи между прочимъ замѣчаетъ, что въ его время знатнѣйшую іерархію города Переяслава составляли слѣдующія лица: архіерей Иларіонъ, ректоръ семинаріи Варлаамъ Шишацкій и архидіаконъ Христофоръ Сулима. О послѣднемъ прибавляетъ, что онъ былъ сынъ Переяславскаго Полковника, служилъ въ гусарахъ офицеромъ и въ монашествѣ доучи-

ваваго народнаго возстанія. Очень можетъ быть, что въ это время Христофоръ уже жилъ здѣсь. Дѣло было такъ. Извѣстный Максимъ Желѣзнякъ, бывший прежде послушникомъ Матронинскаго монастыря и потомъ перешедшій въ Сѣчь, сдѣлалъ кличъ, и запорожцы толпами хлынули изъ своихъ куреней къ стѣнамъ Матронинскаго монастыря. Страшная провозшла расплата православныхъ украинцевъ съ униатами, поляками и евреями. Народъ доведенный до отчаянія былъ неутомимъ въ своей мести и не могъ удовольствоваться кровію и муками своихъ враговъ пока наконецъ правительство Польское и Русское не положило конецъ этому народному возстанію. Возстаніе это извѣстно въ народѣ подъ именемъ *Колішчины*, а самое названіе это произошло отъ того, что тогдашніе гайдамаки были вооружены преимущественно пиками и ими *кололи* непріятелей. (Архивъ Югозапад. Россіи ч. 1 т. 2. Кіевъ 1864 г.)

¹⁾ Полтав. епарх. вѣд. 1883 г. № 15, стр. 749.

вался богословіи ¹⁾). Но гдѣ доучивался—въ Кіевской духовной академіи или въ Переяславской семинаріи—точно не указываетъ. Не будетъ впрочемъ страннымъ, если допустить, что Христофоръ, по любви къ богословскимъ наукамъ, живя при архіереѣ въ Переяславѣ, въ свободное время слушалъ лекціи ректора мѣстной семинаріи Варлаама Шишацкаго, который, по словамъ того-же Тимковскаго, былъ „человѣкъ обширной учености, высокихъ дарованій и быстрого слова.“ По закрытіи въ 1785 году Переяславской епархіи, епископъ Иларіонъ былъ переведенъ въ новооткрытую Новгородъ-сѣверскую епархію съ назначеніемъ жить въ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Сюда онъ взялъ съ собой Христофора. Въ первые же мѣсяцы, по прибытіи въ Новгородъ-Сѣверскъ, Иларіонъ, желая наградить Христофора за его труды по Переяславской кафедрѣ производствомъ въ санъ архимандрита, обратился съ ходатайствомъ за него къ губернатору Малороссіи графу Петру Александровичу Румянцеву—Задунайскому. Иларіонъ былъ лично коротко извѣстенъ Румянцеву. До поступленія въ монашество, онъ былъ главнымъ священникомъ въ арміи, былъ его духовникомъ и пользовался его вниманіемъ. Графъ Румянцевъ по имѣніямъ своимъ былъ сосѣдомъ фамиліи Сулимъ и лично зналъ родителей Христофора. Тимковскій говоритъ, что въ бытность Иларіона епископомъ въ Переяславѣ, Задунайскій, проѣзжая этотъ городъ, всегда посѣщалъ его. Такимъ образомъ Иларіонъ надѣялся, что графъ охотно возьмется ходатайствовать за Христофора. Румянцевъ дѣйствительно послалъ Христофора съ лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ Московскому митрополиту Платону ²⁾. „Вручитель сего,—пишетъ Румянцевъ (10 окт. 1785 г.), одинъ изъ знатнѣйшихъ здѣшнихъ фамилій, *оставивъ блескъ міра*, посвятилъ себя на службу Богу и находится теперь въ новоучрежденной епархіи въ Новгородскомъ—Сѣверскомъ монастырѣ. Ваше Преосвященство знаете цѣну достоинствъ людей и слѣдовательно исканіямъ ихъ мѣру сами опредѣлить можете, а я смѣю васъ всепокорнѣе просить сдѣлать сему монаху ваше благодѣяніе

¹⁾ Москвит. 1852 г. т. 5, стр. 19.

²⁾ Сулимовск. архивъ, стр. 131.

въ особенное мнѣ одолженіе.“ Но ходатайство такого сильнаго лица, каковъ былъ Румянцевъ, почему-то осталось безъ послѣдствій, и Христофоръ въ санѣ іеромонаха прожилъ при кафедрѣ Новгородъ-Сѣверской пять лѣтъ. Въ 1787 году Екатерина II, во время проѣзда своего чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ въ Крымъ, посѣтила монастырь и слушала литургію, которую совершалъ преосвященный Илларіонъ. По окончаніи литургіи, Екатерина пожаловала лично Илларіону 1000 р. и до 80 т. р. на монастырскія постройки и починки. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ самыхъ усердныхъ помощниковъ Илларіона по возобновленіи монастыря былъ іеромонахъ Христофоръ. Онъ также много помогаль ему при учрежденіи здѣсь консисторіи и семинаріи, гдѣ ректоромъ былъ тотъ же Варлаамъ Шишацкій¹⁾. Въ 1789 году преосв. Илларіонъ, вслѣдствіе Синодальнаго предписанія, обязанъ былъ изъ своей кафедры представить Св. Синоду ризницу. Порученность эту онъ возложилъ на Христофора. Что это за ризница и для какой нужды она потребовалась Св. Синоду, свѣдѣній мы не имѣемъ. Извѣстно только, что Новгородъ-Сѣверскій монастырь, въ концѣ прошлаго столѣтія, славился богатствомъ ризницы²⁾. Заручившись рекомендательными письмами родныхъ и знакомыхъ, Христофоръ отправился въ Петербургъ и здѣсь, передавши Синоду ризницу, онъ представился своимъ ближайшимъ землякамъ Безбородко, Завадовскому и Румянцеву. Графъ Безбородко былъ сынъ мелкаго украинскаго дворянина и чуть ли не крестьянина, Завадовскій—сынъ священника на Украинѣ, Румянцевъ—сынъ Задунайскаго, правителя Малороссіи. Всѣ они теперь стояли очень высоко на государственной лѣстницѣ.

1) Варлаамъ Шишацкій изъ малороссійскихъ поселенъ, съ 1805 г. архіепископъ Могилевскій. За принесеніе въ Кап. Могилевскомъ Соборѣ присяги Наполеону I-му и требованіе исполненія сего отъ всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ, 1-го мая 1813 года былъ лишенъ архіерейства и священства и жилъ до своей смерти (1823 года) простымъ монахомъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ. (Списокъ архіереевъ іерархіи всероссійской. Ю. Толстого, стр. 22).

2) Въ 1787 году въ Новгородъ-Сѣверской епархіи было закрыто 15 монастырей. Ризница и утварь закрытыхъ монастырей были переданы въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь. (Истор.-Статист. Опис. Черниг. епарх. А. Филарета. Кн. 3, стр. 52).

„Графъ Безбородко, пишетъ Христофоръ своему брату Акиму Семеновичу, сказалъ мнѣ: съ удовольствіемъ пріймуся стараться и пошлю къ митрополиту записку или, съ нимъ увидѣвшись, поговорю. Графъ Завадовскій приказалъ частѣе у него бывать и обѣщалъ также стараться, но примолвилъ еще, чтобъ, обравши мѣсто, ему доложилъ. Николай Петровичъ Румянцевъ былъ весьма доволенъ письмомъ и мнѣ показался пріятнѣйшимъ; при томъ сказалъ, когда услышалъ, что 24 года въ монашествѣ и еще безъ чина, что всѣхъ святыхъ призовемъ на помощь, чтобы графа Безбородко повудить къ доставленію чина и свой своему по неволѣ долженъ помогать“¹⁾. Между членами Синода и вообще въ средѣ столичнаго духовенства онъ не имѣлъ за себя ходатая. „Въ духовныхъ, писалъ онъ тому же брату, нѣтъ надежды вовсе, кромѣ духовника, не любятъ монаховъ съ дворянъ; хотятъ чтобъ первѣе имъ послужилъ, а потомъ въ чинѣ“²⁾. Духовникъ Императрицы Екатерины II-й, о которомъ упоминаетъ Христофоръ, въ это время былъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ. Это былъ вліятельнѣйшій членъ Синода и сильный заступникъ за бѣлое духовенство. Онъ былъ въ оппозиціи противъ монашесствующихъ властей и къ нему нерѣдко обращались за помощію духовныя лица, обижаемыя епархіальною властію³⁾. „Митрополитъ, пишетъ Христофоръ, приказалъ намѣстнику: когда буду проситься въ Невскій монастырь, то чтобъ принялъ въ число братіи; но я низачто здѣсь оставаться не соглашуся, мнѣ здѣшнее житье вовсе не кажется, и если недѣль чрезъ двѣ ничего не получу, то отсель удалюся“⁴⁾. Въ случаѣ неудачи въ Петербургѣ, Христофоръ намѣревался отправиться въ Могилевъ съ цѣлію поселиться при тамошнемъ епископѣ Георгіѣ Конисскомъ, который, какъ уроженецъ Нѣжинскій, гдѣ жили близкіе родные Христофора, былъ извѣ-

1) Сулимовск. архивъ. Кіевъ 1784 г., стр. 134.

2) Тамъ же.

3) Когда Панфиловъ—первый изъ протоіереевъ въ Россіи, получилъ митру—Моск. митр. Платонъ никакъ не могъ помириться съ такою наградою, пожалованною лицу изъ бѣлаго духовенства и прозвалъ Панфилова досадливымъ прозвищемъ *rora mitratus*.

4) Сулим. арх., стр. 134.

стенъ ему и онъ обѣщался дать ему въ своей епархіи „чиноначаліе“. Ходатайство вліятельныхъ особъ, однако, возымѣло свою силу предъ митрополитомъ Гаврииломъ, который 25 окт. 1789 г. произвелъ его въ санъ игумена Моденскаго Николаевскаго монастыря. Монастырь этотъ состоялъ въ вѣдѣніи Петербургскаго митрополита и находился въ 15 верстахъ отъ Новгорода. Производство это совершено было при освященіи, извѣстной по красотѣ архитектуры и богатству, Владимірской церкви. Извѣщая брата о производствѣ его въ игумена Моденскаго монастыря, Христофоръ пишетъ: „Но въ сей обители мнѣ не быть и ея не видѣть, потому что скоро будетъ мнѣ производство въ архимандрита, а игуменомъ сдѣланъ только для совершенія порядка“¹⁾. И дѣйствительно, спустя два мѣсяца, а именно въ первый день праздника Рождества Христова, онъ былъ посвященъ въ архимандрита. „Сей же день (25 дек.), писалъ онъ брату, въ разрѣшеніе всего, Богъ удивилъ на мнѣ промысль свой въ посвященіи меня архимандритомъ въ Гамалѣевскій Харлампіевскій монастырь. Благодарю Бога, славлю Его промысль, исповѣдую Его благодать и хвала Ему въ устѣхъ моихъ пребудетъ во вѣкъ. Купно, благодаря васъ, славлю во исповѣданіи именъ и облагодѣтельствовавшихъ меня“. Письмо свое онъ такъ закончилъ: „уже хоть и лыха набрався, но въ щастья впхався“²⁾. Въ Январѣ 1790 года Христофоръ отправился въ свой монастырь и по дорогѣ заѣзжалъ въ Могилевъ къ тамошнему владыкѣ Георгію Конискому и къ матери кн. Безбородко, для передачи ей письма отъ него. Второклассный Гамалѣевскій Харлампіевъ монастырь находился въ 30 верстахъ отъ города Глухова и состоялъ въ вѣдѣніи Новгородъ-Сѣверскаго епископа. Этотъ монастырь пользовался нѣкоторыми преимуществами. Такъ, архимандритъ входилъ въ царскія врата безъ эпатрахиля въ мантии, священнослуженіе отправлялъ на коврахъ съ слѣдующею при томъ отличностію: во время малаго выхода, на литургію выносился посохъ архимандричій; послѣ пѣнія: „прій-

1) Сулим. архивъ, стр. 135.

2) Тамъ же.

дите поклонимся“, архимандритъ совершалъ кажденіе, а пѣвчіе пѣли трисвятое; на великомъ выходѣ выносили митру архимандрита; по „достоинно“ бывало возглашеніе отъ протодіакона: „Святѣйшій Правительствующій Синодъ и проч.“; царскія врата были отверзсты до причастна. По постройкамъ этотъ монастырь былъ одинъ изъ лучшихъ въ этомъ краю. Среди шести двухъ этажныхъ, каменныхъ корпусовъ, построенныхъ весьма прочно и красиво, стоялъ, византійской архитектуры, о трехъ куполахъ, съ вызолоченными главами, величественный соборный храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы. Иконостасъ въ пять ярусовъ возвышался до крайней высоты собора. Св. иконы, расположенныя въ пяти ярусахъ, въ совокупности своей, представляли цѣлое, вполне соответствующее величію храма. Также великолѣпенъ былъ другой теплый храмъ во имя священномученика Хараламнія. Но прошло не болѣе 10 лѣтъ, какъ, при пріемникѣ Христофора, пожаръ настолько сильно опустошилъ этотъ монастырь, что цѣлыя потомъ 30 лѣтъ онъ былъ закрытъ и оставался въ запустѣніи ¹⁾. Гамалѣевскимъ монастыремъ Христофоръ управлялъ четыре съ половиною года. Въ 1794 году 1 мая онъ былъ переведенъ въ Черниговъ и назначенъ ректоромъ семинаріи и настоятелемъ первокласснаго Елецкаго монастыря. Елецкій монастырь, гдѣ онъ, какъ настоятель, и жилъ, извѣстенъ своею древностію. Онъ былъ основанъ В. К. Изяславомъ Ярославичемъ и главная его святыня—чудотворная Елецкая икона Богоматери.

Христофоръ, имѣя близкихъ родныхъ—людей очень богатыхъ, въ матеріальномъ отношеніи былъ вполне обезпеченъ, къ тому же родная его сестра, какъ мы увидимъ послѣ, въ бытность его настоятелемъ Гамалѣевскаго монастыря, отказала ему по смерти своей въ полное его владѣніе все свое богатое имѣніе. Поэтому понятно, что Христофоръ тѣ части, какія слѣдовали на его долю изъ братскихъ кружекъ этого монастыря, передавалъ въ пользу монастыря. Такъ въ сохранившемся, въ числѣ Христофоровскихъ рукописей, „свидѣтельствѣ“, полу-

¹⁾ Приложение къ журн. Духовный дневникъ 1865 г. № 13, стр. 207.

ченномъ имъ отъ Елецкаго монастыря 1798 года 2-го марта, сказано, что принадлежащую ему, Христофору, третью часть (изъ 355 руб. 50 коп. сер.) доходовъ (кружечныхъ) монастыря за 1797 годъ и за два мѣсяца 1798 года онъ оставляетъ „своему пріемнику—будущему настоятелю и предоставляетъ ему тѣ деньги раздѣлить по власти своей“. Точно также, управляя Черниговскою семинаріею — нынѣ самую древнѣйшею въ Россіи, Христофоръ за ректуру и чтеніе богословскихъ лекцій не получалъ никакого денежнаго вознагражденія. Въ Христофоровской рукописи семинарской смѣты на 1796-й годъ вовсе не упомянуто о жалованьи Христофору, какъ ректору семинаріи, но сказано, что на жалованье префекту, протоіерею Іакому Кербелецкому ассигновано 240 р. и даже прислугѣ показано жалованье въ количествѣ 116 р. Въ этой же смѣтѣ на содержаніе 50 бурсаковъ (на провизію и писчія принадлежности) ассигновано на тотъ же 1796 годъ — 438 руб. 80 коп. ас. На одежду и обувь не положено ничего: „потому, какъ сказано въ этой смѣтѣ, что отъ его превосходительства Петра Степановича Милорадовича разнымъ числомъ иногда и почти каждый годъ присылается на снабденіе бурсаковъ.“ Пользуясь расположенностію епископа Героея Малицкаго и его пріемника Виктора Садковскаго, Христофоръ исполнялъ нѣкоторыя епархіальныя порученности. Такъ, во все время своего пребыванія въ Черниговѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ обновленіи кафедральнаго Преображенскаго собора, которое по Высочайшему повелѣнію происходило подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго епископа. Этотъ соборъ былъ устроенъ 900 л. назадъ К. Метиславомъ Удалымъ и Ярославомъ Мудрымъ. Въ 1750 году онъ былъ сильно поврежденъ пожаромъ. Императрица Екатерина II въ 1787 г., посѣтивъ его, велѣла его обновить и соорудить въ немъ новый иконостасъ, для чего отпустила пять тысячъ рублей. На этотъ то иконостасъ болѣе всего было обращено вниманіе Христофора. Къ сожалѣнію обновители собора допустили нѣкоторыя измѣненія, которыми ухудшили наружный видъ этого весьма внушительнаго зданія. Иконостасъ былъ сдѣланъ въ три яруса, рѣзной, въ стилѣ рококо, съ позолотой,

при всей своей цѣнности не соответствовавшей дивной архитектурѣ древняго храма. И здѣсь, въ Черниговѣ, Христофоръ служилъ не болѣе 4-хъ лѣтъ. Въ 1798 году 18 февраля состоялось Синодальное назначеніе его во епископа Θεодосійскаго,—викарія Екатеринославской епархіи¹⁾. Въ самый день пасхи 18 апрѣля онъ былъ хиротонисанъ въ Кіевѣ митрополитомъ Герофеемъ, бывшимъ прежде архіепископомъ Черниговскимъ съ коадьюнторомъ Кіевской митрополіи, преосвященнымъ Амфилохіемъ, епископомъ Переяславскимъ. Въ Крыму Христофоръ имѣлъ пребываніе въ ничтожномъ мѣстечкѣ, но съ прекрасными окрестностями, именуемомъ „Старый Крымъ“²⁾. Единственная домовая здѣсь церковь находилась въ путевоомъ дворцѣ Императрицы Екатерины II, а каѳедральная въ 24 в. отъ Стараго Крыма, въ древнемъ греческомъ городѣ Θεодосіи. Въ числѣ средствъ къ содержанію викарія и его дома имѣлись отъ казны сады, мельница и рыбныя ловли. Послѣднія были прекрасно обставлены всѣми принадлежностями; для ловли рыбъ былъ особый домъ, лодки, неводы, холодники, разная посуда и проч. Архіерейское домоуправленіе отдавало ловли въ аренду за 200 руб. въ годъ, съ условіемъ изъ улова красной рыбы отдавать въ пользу архіерейскаго дома десятую рыбу, а изъ мелкой десятую тысячу. Фруктовый садъ, окружавшій архіерейскій домъ, былъ настолько великъ, что значительная часть его отдавалась въ аренду и приносила доходъ. Другой садъ виноградный состоялъ изъ венгерскихъ лозъ и находился въ деревни Козахъ; часть его также отдавалось въ аренду. Всѣ работы по архіерейскому хозяйству исполняли служители, назначенные казенными вѣдомствами, коихъ было 42 семейства. Однако не совсѣмъ покойна была для Христофора здѣшняя жизнь. Θεодосіевское викаріатство было открыто собственно для Таврическихъ грековъ. Здѣшніе греческіе свя-

¹⁾ Св. Синодъ, сказано въ представленіи Императору Павлу I-му, находитъ достойными и всенгоданнѣйше представляетъ кандидатами ректора Черн. Сем. арх. Христофора и ректора К. Д. Академіи архим. Теофилакта, которые, пріобрѣвъ просвѣщеніе въ наукахъ и знаніи латинскаго языка, упражнялись въ сказываніи проповѣдей и другихъ должностяхъ похвально.

²⁾ Примѣчаніе къ журн. Дух. Дневникъ 1865 г. № 16, стр. 251.

щенники были выходцы изъ за границы. Они не имѣли никакого понятія о порядкахъ нашего церковнаго управленія и не знали русскаго языка. Средства архіерейскаго дома были неопредѣленныя и непостоянныя. Такъ, первый викарій, еп. Дорошею имѣлъ на содержаніе себя 16-ть виноградныхъ садовъ, но пріемникъ его Моусей, вмѣсто садовъ, получалъ ежегодно 300 ведеръ готоваго вина. Викарію, еп. Христофору, снова отданы были сады, но далеко въ меньшемъ количествѣ. Изъ Стараго Крыма Христофоръ долженъ былъ ѣздить за 25 верстъ въ г. Феодосію для служенія въ воскресные и праздничные дни. Здѣсь была тогда единственная церковь въ честь Александра Невскаго и помѣщалась въ древнемъ Греческомъ храмѣ Св. Николая. Дома для архіерея не было. Въ 1794 г., по Высочайшему указу, былъ отданъ викарію дворецъ: онъ имѣлъ очень много покоевъ, но былъ крайне запущенъ. Изъ письма Кіевскаго митрополита Герошея къ Христофору видно, что послѣдній не пользовался благорасположеніемъ Новороссійскаго митрополита Гавріила Бодони, ¹⁾ въ вѣдѣніи котораго состоялъ онъ, какъ его викарій. „Владыка вашъ, пишетъ къ нему Кіевскій митрополитъ, ищетъ, какъ изъ безпутнаго предложенія его видѣть можно, и вашей обиды, но Богъ не попустилъ ему въ семъ успѣть. Статся можетъ самъ останется въ посрамленіи. Совѣтую писать къ свѣтлѣйшему (т. е. оберъ-прокурору Св. Синода кн. Голицыну), авось либо для васъ исходатайствуетъ другое мѣсто“ ²⁾. „Вашему преосвященству, пишетъ тотъ же митрополитъ въ другомъ письмѣ, желаю долголѣтно и благоденственно жить. Однакожь съ перемѣной мѣста, а въ Крыму не безъ скуки и тяжеловато по непривычкѣ къ тамошнему климату“ ³⁾. Служеніе Христофора въ Крыму продолжалось одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ.

¹⁾ Митрополитъ Гавріиль Бодони, род. 1746 г. въ Трансильваніи, молдаванинъ, питомецъ Кіевской Духовной Академіи, 1788 г. ректоръ Екатеринославской семинаріи, 1791 г. епископъ Аккерманскій, 1793 г. Екатеринославскій, 1797 г. митрополитъ Новороссійскій, 1799 г. Кіевскій, 1808 г. Яскій, 1812 г. Кншеневскій. Скон. 1821 г.

²⁾ Приложение къ журналу „Духовный Дневникъ“ 1865 г., стр. 186.

³⁾ Приложение къ журн. „Духовный Дневникъ“ 1865 г., стр. 187.

Въ 1799 году, съ упраздненіемъ викаріатства Θεодосійскаго, Христофоръ 16-го октября былъ переведенъ епископомъ въ ново-открытую Слободско-Украинскую епархію. Предъ этимъ въ началѣ сентября скончался іерооуей, м. Кіевскій, а въ концѣ этого мѣсяца на его мѣсто былъ переведенъ Гавріилъ Бодони, м. Екатеринославскій и Херсонисо-Тавричeskій. Преосвященный Христофоръ желалъ занять мѣсто Гавріила, т. е. быть епископомъ въ г. Екатеринославѣ, въ чемъ искалъ поддержки и въ своихъ петербургскихъ связяхъ. Вотъ что отвѣчалъ ему князь Безбородко: „Еще до полученія мною почтеннаго письма вашего послѣдовало перемѣщеніе васъ въ Харьковъ на вновь учрежденную епархію, съ чѣмъ имѣю честь поздравить васъ, освободившись отъ дикихъ и необитаемыхъ мѣстъ. Болѣе всего было мое желаніе о переводѣ васъ въ Черниговъ, а въ Екатеринославъ я не могъ стараться, сіе мѣсто еще 1-го окт. занято архіереемъ Аѳанасіемъ, бывшимъ Воронежскимъ. Оно открылось совершенно неожиданно, такъ какъ никто не могъ предвидѣть, дабы митрополитъ Екатеринославскій попалъ въ Кіевъ. Но воля Высочайшая такъ послѣдовала. Харьковъ же полагаютъ гораздо лучше Екатеринослава“¹⁾. Всѣ земельныя угодья, какъ то: фруктовые сады, рыбныя ловли, мельницы и т. п., согласно указу Св. Синода, Христофоръ сдалъ въ казну; дома и всѣ постройки, бывшія въ г. Θεодосіи, продалъ за 2677 р., но на покупку дома, находившагося въ Старомъ Крыму, въ которомъ онъ жилъ, и который былъ оцѣненъ въ 5 т. р., онъ не нашелъ покупателя, не смотря на троекратно назначенные торги. Св. Синодъ предписалъ ему этотъ домъ отдать въ казенное вѣдомство. Въ началѣ 1800 г., согласно распоряженію Св. Синода, онъ отправилъ въ Харьковъ чиновниковъ бывшей Θεодосіевской Консисторіи, штатъ монашествующихъ лицъ²⁾ и нѣкоторыхъ изъ пѣвчихъ своего хора. Затѣмъ туда же онъ выслалъ все свое имущество на нѣсколькихъ подводахъ, при которыхъ слѣдовали штатные слу-

¹⁾ Архивъ Харьковскаго Покровскаго Монастыря.

²⁾ Эти лица слѣдующія: іеромонахъ эконоомъ Комментарій, казначей іер. Θεодосій, духовникъ іер. Исаія (они же были и членами Θεодосійской Консисторіи), ризничій іер. Даніилъ и крестный іеромонахъ Тимооуей.

жители съ ихъ семьями (38 человекъ обоого пола), изъявившіе желаніе продолжать свою службу въ Харьковѣ.хлопоты по продажѣ архіерейскихъ домовъ и угодьевъ и по отправкѣ лицъ въ Харьковъ задержали Христофора въ Крыму до среднихъ чиселъ марта мѣсяца. Новороссійскій военный губернаторъ графъ М. В. Каховскій выдалъ Христофору открытый ордеръ на татарскомъ и русскомъ языкахъ, въ коемъ повелѣвалось „всѣмъ чинамъ и мѣстамъ, по коимъ имѣеть слѣдовать бывшій Старо-Крымскій архіерей, отправляющійся въ чинѣ *главнаго муѣтїа* въ Харьковъ, давать ему отъ селенія до селенія проводниковъ, квартиру и все, что ему будетъ угодно, безъ всякой отговорки, а ежели кто сего не послушаетъ, то будетъ повиненъ безъ пощады“¹⁾. 1-го апрѣля Христофоръ прибылъ въ Харьковъ. Въ лицѣ Христофора Харьковъ встрѣчалъ перваго своего архипастыря. Встрѣча его была довольно торжественна. По устнымъ преданіямъ прїѣздъ его въ Харьковъ былъ утромъ. Облачившись въ Николаевской церкви, Христофоръ шествовалъ въ сопровожденіи народа въ Успенскій соборъ. На колокольняхъ всѣхъ градскихъ церквей звонили во всѣ колокола, пѣвчіе пѣли священныя пѣсни, священники шли попарно, діаконны шли съ кадилами, впереди ихъ причетники несли кресты и хоругви и наконецъ ученики Коллегіума шли также попарно съ вербовыми вѣтками въ рукахъ. Здѣсь въ Успенскомъ соборѣ была совершена имъ первая литургія. По прїѣздѣ въ архіерейскій домъ, онъ принималъ въ своихъ покояхъ духовенство. Тутъ же представлялись ему власти, дворянство и граждане, имѣя во главѣ губернатора д. с. с. Петра Ѳедоровича Сабурова. Домъ, въ которомъ поселился преосв. Христофоръ, находился въ Покровскомъ училищномъ монастырѣ; онъ былъ одноэтажный, деревянный, покрытый гонтой, стоялъ на возвышеніи, оконечности котораго составляли террасу съ садовой стороны, закрытую и защищенную снизу густыми кустами сирени и акацій, далѣе къ низу было огромное пустопорожнее пространство, на которомъ монастырскіе служители имѣли свои огороды. Архіерейскій домъ состоялъ изъ трехъ комнатъ: залы, гостин-

¹⁾ Архивъ Харьковской Духовной Конвекторіи 1800 г. № 93.

ной и маленькой келліи. Обстановка его была самая простая и скромная ¹⁾. Въ то время, т. е. почти 100 лѣтъ тому назадъ, Харьковъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ ряда другихъ городовъ Южной Россіи. Онъ едва походилъ на губернский городъ, его нельзя было сравнивать не только съ Полтавой, Курскомъ, Воронежемъ, но даже съ Бѣлгородомъ и Сумами ²⁾. Всѣхъ жителей считалось около 12 т. обою пола, домовъ около 2-хъ тысячъ. Строенія, за исключеніемъ немногихъ, были деревянныя, снаружи обмазанныя глиной, крытыя соломой, черепицей или гонтой. Торговля была незначительна. Купцовъ въ 1799 году считалось 166 человекъ. Продажа такъ называемыхъ „панскихъ“ товаровъ сосредоточивалась въ низенькихъ каменныхъ лавкахъ по улицѣ отъ городского собора къ монастырю, а для простыхъ товаровъ въ деревянныхъ лачужкахъ, которыя были устроены подъ Университетской нынѣ горкой, начиная отъ Лопанскаго моста, до бывшаго Павлова магазина. Во время дождей, улицы, даже главныя, весною и осенью были трудно проѣзжаемы. Климатъ, по причинѣ находившихся въ самомъ городѣ болотъ, былъ неблагопріятный. Учебныхъ заведеній было два: коллегіумъ и главное народное училище. Церквей 10, изъ нихъ двѣ деревянные, всѣ покрыты гонтой. Въ центрѣ, бывшей городской крѣпости, находился училищный Покровскій монастырь. Противъ Покровской церкви, на разстояніи двадцати сажень находилась „въѣздная каменная брама“. Рядомъ съ нею на сѣверъ стояли двѣ братскія келліи подъ одну связь, покрытыя гонтою. Каждая изъ этихъ келліи состояла только изъ одной комнаты; далѣе рядомъ—еще такія-же двѣ келліи, по одной комнатѣ въ каждой. Такой же рядъ избушекъ тянулся и на югъ отъ „брамы“. За церковью стояла избушка о двухъ комнатахъ, въ которыхъ жили пѣвчіе; тутъ же была каменная братская пекарня и поварня. На конюшенномъ дворѣ за коллегіумскимъ зданіемъ были слѣдующія строенія: погребъ каменный, изба въ углу за погребомъ съ небольшою комнатою, два сарая подъ одною крышею, конюшня дере-

¹⁾ Дух. Вѣсти. 1865 г. т. XI, стр. 435.

²⁾ Украинская Старина, стр. 312.

вянная съ сѣноваломъ на верху, четыре новыхъ избы, деревянный сарай для складки строеваго матеріала и деревянная „палатка“. Кромѣ того подѣ „крѣпостью“, т. е. ниже монастыря, было еще шесть небольшихъ избъ и старая, „досками забранная, кухня“. Всѣ эти строенія были обнесены довольно толстою каменною стѣною, въ которой на восточной сторонѣ было устроено десять лавочекъ, отдававшихся въ наемъ, кромѣ того двѣ лавочки были устроены подѣ колокольнею и одна — подѣ церковными сходами. Всѣ монастырскія строенія были ветхи и крайне тѣсны ¹⁾. Христофоръ, вскорѣ по прибытіи въ Харьковъ, обратился къ губернатору Сабурову съ слѣдующимъ заявленіемъ ²⁾: „Въ прошломъ 1799 году 16 Октября я переведенъ со всѣмъ штатомъ изъ упраздненной Θεодосійской епархіи въ Харьковъ. Между прочимъ въ указѣ велѣно было: имѣть мнѣ пребываніе въ Покровскомъ второклассномъ монастырѣ, по обращеніи его въ архіерейскій домъ, а буде строенія въ ономъ, для помѣщенія Консисторіи и всего архіерейскаго штата, не достаточно будетъ, въ такомъ случаѣ требовать казеннаго строенія, сколько того надобность востребуетъ, безъ всякой за оной въ казну платы. По прибытіи моемъ изъ Стараго Крыму въ Харьковъ, нашель я въ ономъ монастырѣ, обращенномъ мною въ архіерейскій домъ, великія недостатки въ строеніи для помѣщенія Консисторіи и архіерейскаго штата. А такъ какъ нынѣ въ Харьковѣ, за переведеніемъ уѣзднаго и земскаго судовъ въ другія мѣста, остаются праздными казенные деревянные корпуса, то прошу, чтобы сіи корпуса отданы были въ архіерейскій домъ“. Только послѣ вторичной просьбы, заявленной Христофоромъ пріемнику Сабурова, губернатору Невѣрову, былъ отданъ одинъ деревянный корпусъ. Приведя его въ порядокъ на счетъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи строеній и вещей въ Старомъ Крыму, Христофоръ перевелъ сюда Консисторію. Въ 1805 году онъ снова обратился къ тогдашнему губернатору Бахтину съ просьбой отдать изъ казенныхъ построекъ еще одинъ корпусъ для помѣщенія штата

¹⁾ Вѣра и Разумъ, 1885 г. стр. 154.

²⁾ Дѣло архива Х. Покров. монастыря отъ 25 Мая 1800 г.

архіерейскаго. „Въ 1800 году, пишетъ Христофоръ, требованія мои удовольствованы были только тѣмъ, что отданъ одинъ оставшійся, за переведеніемъ Харьковскихъ уѣзднаго и земскаго судовъ въ другія мѣста, праздный казенный деревянный корпусъ, состоящій изъ осьми комнатъ, въ которомъ нынѣ помѣщается Консисторія. Кромѣ сего, никакого другаго строенія понынѣ мнѣ не дано, въ коемъ здѣшній архіерейскій домъ, для помѣщенія состоящихъ въ штатѣ архіерейскомъ ризничаго и казначея, діаконовъ, поддьяконовъ, псаломщиковъ и звонарей имѣеть необходимо надобность, тѣмъ паче, что находящееся въ семъ домѣ деревянное строеніе сверхъ того, что не можетъ вмѣщать всего штата, все уже старое и большею частію обветшалое. А такъ какъ нынѣ въ г. Харьковѣ, за переведеніемъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ устроенной для нихъ новый каменный корпусъ, деревянные казенныя строенія, въ коихъ до сего оныя присутственныя мѣста находились, остаются праздными, то прошу, чтобы изъ того, остающагося въ праздности, казеннаго деревяннаго строенія, находящагося вблизи архіерейскаго дома, отданъ былъ въ архіерейскій домъ на вышенаказанныя надобности—одинъ изъ просторнѣйшихъ корпусовъ“. Просьба преосвященнаго была въ точности исполнена. Съ своей стороны Бахтинъ просилъ преосвященнаго взять мѣры къ скорѣйшему сносу корпуса, „поелику земля, пишетъ онъ, продана и слѣдуетъ немедленно къ отдачѣ купившему ее въ свою собственность“. Пожертвованный корпусъ дѣйствительно былъ *пространнѣйшій*—онъ имѣлъ 15 покоевъ, но такъ ветхъ, что изъ него былъ устроенъ небольшой флигель, гдѣ и были помѣщены нѣкоторыя изъ лицъ, состоящихъ въ архіерейскомъ штатѣ ¹⁾.

Нѣкоторыя изъ угодьевъ, коими пользовался училищный Покровскій монастырь остались за нимъ и по обращеніи его въ архіерейскій домъ. Кромѣ сего въ 1800 году было отведено въ пользу этого дома пять десятинъ земли при рѣкѣ Удахъ въ 25 верстахъ отъ Харькова. Здѣсь преосвященный Христофоръ устроилъ домъ со службами, мельницу, амбары и

¹⁾ Дѣло архива Х. Покр. мон. 1805 г. 16 окт.

кузницу. Въ 1806 году еще поступило въ пользу этого дома 80 десятинъ сѣнокосной земли, находящейся въ 4 верстахъ отъ Харькова. И здѣсь Христофоръ устроилъ домъ и сарай для скота. Градскимъ соборомъ оставался тотъ-же Успенскій соборъ, а въ кафедральный былъ обращенъ училищный Покровскій. Въ этотъ соборъ Христофоръ пожертвовалъ привезенные изъ Крыма 8 саккосовъ, 6 омофоровъ, 2 митры, нѣсколько паръ священническихъ ризъ, 10 серебряныхъ вызолоченныхъ крестовъ, потиръ съ полнымъ приборомъ, серебряный, вызолоченный, красивой отдѣлки съ сребро-литыми изображеніями ангеловъ на подножіи, панагія, на ней на сапфирѣ вырѣзано изображеніе Спасителя, кругомъ св. лика алмазы и изумруды¹⁾. Сохранившіяся Христофоровскія вещи доселѣ извѣстны подъ разными наименованіями, напримѣръ, панагія рѣшетчатая, аметистовая, феолетовая, зеленая, или подъ именемъ самаго жертвователя, напримѣръ, большой Христофоровскій крестъ, малый Христофоровскій крестъ, или подъ именемъ его предшественниковъ по Крымскому викариатству, напр., саккосъ Гервасіевскій, палица Дорошеевская и т. п. Съ внѣшней стороны Покровскій кафедральный соборъ былъ крайне запущенъ и требовалъ значительной ремонтровки. Такъ какъ домоуправленіе архіерейское не имѣло никакихъ средствъ, то Христофоръ обратился ко всей епархіи съ воззваніемъ о пожертвованіи и паства съ усердіемъ отзывалась на просьбу своего архипастыря²⁾.

1) Изъ старинной описи Покровскаго монастыря видно, что вся утварь, пожертвованная Христофоромъ, имѣла вѣсу 1 пудъ 12 фунтовъ и 75¹/₂ зол.

2) Нѣкоторые благочинные собрали довольно крупныя, по тогдашнему времени, суммы, какъ напр. 275 р., 297 р., 492 р.

Приводимъ дословно самое воззваніе: „Всѣмъ православнымъ Христіанамъ, возлюбленнымъ о Христѣ чадамъ, любящимъ благолѣіе дому Божію. Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа. Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, основавъ церковь свою и утвердивъ въ ней благодатное свое царство, облагодетворилъ ее небесными своими дарами—словомъ своимъ и святыми таинствами, дабы изъ нея, яко изъ священнаго хранилища, получали оныя дары всѣ вѣрныя чада ея, пользовались ими и подкрѣпляли надежду свою въ наслѣдованіи вѣчнаго блаженства. Сію любовь и милость Спасителя міра къ вѣрующимъ члнмъ инаиначе сердца воспламенить должны къ подражанію, кому, говорю, сн добродѣтели свойственны и приличны, кому, какъ не вамъ, возлюбленнымъ паствы моея чада, когда вы, оказывая ваши благодѣлія и воспомоществованія, подра-

личностей за время Христофора ¹⁾). Затѣмъ пятымъ членомъ Консисторіи среди четырехъ изъ блага духовенства назначенъ былъ Христофоромъ, жительствовавшій при архіерейскомъ домѣ на пенсіи, архимандритъ Геннадій и шестымъ—іеромонахъ Θεодосій, бывшій членъ Θεодосійской Консисторіи ²⁾. Іеромонахъ Θεодосій—экономъ архіерейскаго дома, состоялъ членомъ Консисторіи въ теченіи шести лѣтъ и во все это время только считался членомъ, почти никогда не посѣщая присутствія Консисторіи. На журналахъ Консисторіи чуть не ежедневно значилась слѣдующая отмѣтка секретаря: „здѣшняго архіерейскаго дома экономъ іер. Θεодосій не присутствовалъ въ Консисторіи за отлучкою по экономіи“. Въ 1811 году Христофоръ снова назначилъ членомъ Консисторіи эконома своего дома іеромонаха Савватія, но и онъ также почти никогда не являлся въ присутствіе, ссылаясь на свои отлучки по экономіи. Архимандритъ Геннадій, съ 1784 г. ректоръ Тобольской семинаріи и членъ тамошней Консисторіи, съ 1794 г. по слабости здоровья былъ уволенъ на покой съ пенсіею по 150 р. ас. въ годъ и проживалъ въ училищномъ Покровскомъ монастырѣ. Геннадій былъ членъ Консисторіи весьма дѣятельный. Христофоръ, ходатайствуя предъ Св. Синодомъ объ увеличеніи ему пенсіи еще на

прилично и неудобно быть членами въ Консисторіи, указомъ отъ 30 мая 1835 г. предписалъ архіереямъ, дабы они протодіаконовъ замѣнили другими лицами священнаго сана и впредь, какъ протодіаконовъ, такъ и діаконовъ не опредѣляли членами Консисторіи, а также и въ духовныя правленія.

¹⁾ Уроженецъ Кіева Соколовскій съ 1784 по 1794 годъ воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи, преосв. Іовъ въ 1794 г. опредѣлилъ его канцеляристомъ въ Θεодосійскую Консисторію и въ этомъ же году рукоположилъ во діакона тамошняго Успенскаго собора. Преосв. Христофоръ произвелъ его въ протодіакона къ Карасбазарской Греческой Николаевской церкви, а въ 1799 году взял съ собой въ Харьковъ и опредѣлилъ къ Каѳедральному Покровскому собору. Въ 1802 г. 6 апрѣля рукоположилъ во священника и въ этотъ же день послѣ заамвонной молитвы возвелъ его въ санъ протоіерея и настоятеля Купянскаго Покровскаго собора съ назначеніемъ быть первоприсутствующимъ тамошняго духовнаго правленія. Своимъ стараніемъ онъ устроилъ въ Купянскѣ величественный каменный соборъ и учредилъ „словесную школу“, по преобразованіи которой въ 1819 году въ духовное уѣздное училище, былъ въ немъ смотрителемъ) (Дѣло архива Х. Д. Консисторіи отъ 22 февр. 1801 г.).

²⁾ До конца XVII вѣка большинство членовъ Консисторіи и канцеляристовъ состояло изъ монаховъ.

150 р., отзывался о немъ въ письмѣ (отъ 16 сентября 1801 г.) къ митрополиту Амвросію, какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ „честного поведенія“ и единственнаго помощника ему изъ среды монашествующихъ ¹⁾. Протодіаконъ Сергій Соколовскій состоялъ членомъ Консисторіи немного болѣе года. Мѣсто его Христофоръ предоставилъ протодіакону Успенскаго собора Іакову Александрову ²⁾.

Священникъ Іоаннъ Любачинскій по слабости своего здоровья оставилъ Консисторію. За трехлѣтнюю свою службу ему выданъ былъ похвальный листъ. На его мѣсто Христофоръ опредѣлилъ протоіерея Афанасія Могилевскаго. Афанасій Григорьевичъ Могилевскій была личность очень извѣстная по своимъ отличнымъ дарованіямъ, образованію и тому значенію, какимъ онъ пользовался въ свое время. Уроженецъ Черниговской епархіи, сынъ священника, питомецъ Черниговской семинаріи, во время ректуры здѣсь Христофора. Отсюда, по окончаніи курса въ семинаріи, Христофоръ взялъ его съ собой въ Крымъ, а потомъ въ Харьковъ. Тамъ и здѣсь онъ служилъ въ Консисторіи въ должности старшаго канцеляриста. Съ 1801 года священникъ и ключарь, съ 1803 года Каѳедральный протоіерей и членъ Консисторіи. Онъ служилъ въ Консисторіи при осьми архіереяхъ около 50 лѣтъ и въ теченіи этого времени былъ учителемъ и инспекторомъ Коллегіума, а потомъ (съ 1823 года) первымъ этикоординарнымъ профессоромъ Богопознанія и христіанскаго ученія и деканомъ политическаго факультета въ Харьковскомъ университетѣ. Пред-

¹⁾ Приложеніе къ журналу Духовный Дневникъ 1865 г., стр. 59.

²⁾ Протодіаконъ Іаковъ Александровъ былъ извѣстенъ Харькову, кромѣ прекраснаго голоса, многими отличными качествами. Въ грамотѣ, выданной ему по производствѣ въ протодіакона, Христофоръ говоритъ: „судили мы Коллегіума учителя поэзіи и Успенскаго собора діакона Іакова Александрова посвятить къ нашему Каѳедральному Покровскому собору въ протодіакона, какъ мужа довольно отличившагося достойными талантами учености и благороднымъ поведеніемъ съ отмѣнной способностію во всемъ, относящемся до протодіаконской должности, исправностію и достаточнымъ искусствомъ въ священнослуженіи, также долговременною и ревностною службою его, какъ при ономъ Успенскомъ соборѣ въ діаконскомъ санѣ, такъ и при Коллегіумѣ въ благоуспѣшности отправленія учительской должности, заслуживающаго особое наше уваженіе“. Архив. Харьк. Духов. Конс. 1802 г. № 141.

метъ свой Могилевскій преподавалъ по собственнымъ запискамъ и по руководству Иринея Фалокковского и Теофилакта. По порученію университета имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи училище для приходящихъ дѣвиць, основанное совѣтомъ университета въ 1820 году. Могилевскій извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій. Въ 1816 году издалъ реторику русскую и подарилъ ее учрежденному при университетѣ „обществу наукъ“, членомъ котораго онъ состоялъ. Этому же обществу онъ представилъ свое сочиненіе, остающееся въ рукописи: „разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ“. Проповѣдническіе труды его: бесѣды объ истинахъ христіанскаго ученія, изданныя въ 1825 году и слова и рѣчи, изданныя въ 1845 году, по словамъ преосв. Филарета, представляютъ автора человекомъ разсудительнымъ и занимательнымъ¹⁾. Могилевскій скончался въ 1850 году.

Въ общемъ дневномъ журналѣ Консисторіи подъ 3 числомъ октября 1800 года мы читаемъ слѣдующую замѣтку, занесенную сюда членами Консисторіи²⁾: „сего числа преосвященный Христофоръ, прибывши въ присутствіе Консисторіи, изволилъ объявить, что секретарь И. Трипольскій не является на должность въ Консисторію въ теченіи трехъ недѣль единственно по пьянству, которое его преосвященствомъ замѣчено было еще въ бывшей Θεодоссійской Консисторіи: ибо въ отвращеніи сего пьянства имъ лично былъ учиненъ въ 1799-мъ г. 9 августа строгій выговоръ въ Консисторіи въ присутствіи бывшихъ членовъ ея іеремонаховъ Θεодосія Комментарія и Исаи“. Согласно донесенію Христофора, Св. Синодъ отрѣшилъ его отъ службы въ Консисторіи—„яко нерадиваго о своей должности и при томъ обращающагося во всегдашнемъ пьянствѣ“³⁾. На мѣсто Трипольскаго Св. Синодъ опредѣлилъ чиновника Воронежской Консисторіи коллежскаго регистратора Гавріила Серебрякова, который рекомендованъ былъ Воронежскимъ епископомъ Арсеніемъ, „какъ отмѣнно способный къ отправленію Консистор-

1) Обзоръ русской духовной литературы, А. Филарета стр. 470.

2) Архивъ Х. Д. Консисторіи 1800 г. № 203.

3) Указъ Св. Синода отъ 8 дек. 1800 г. за № 6123.

скихъ дѣлъ“. Нѣкоторые изъ чиновниковъ Консисторіи, прибывшихъ изъ Крыма, получили, какъ мы уже упоминали, очень выгодныя священническія мѣста. Мѣста же ихъ въ Консисторіи заняли ученики Коллегіума. Консисторская служба была весьма заманчива. Поступивъ на нее, можно было, при случаѣ, достигнуть такого богатаго прихода, какой не всегда доставался и образованному человѣку. Мало этого: священники изъ „приказныхъ“, какъ ихъ называли тогда, быстро получали должности депутата, или благочиннаго, или члена духовнаго правленія. Члены Консисторіи собирались въ присутствіе только три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Приходили въ 8 часовъ утра и выходили во второмъ часу дня. Теченіе дѣлъ, какъ видно, шло довольно медленно. По крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Консисторіи нерѣдко со стороны Христофора встрѣчается напоминаніе въ родѣ слѣдующаго: „сверхъ многократно уже сдѣланныхъ мною предписаній о немедленіи Консисторіи производствомъ дѣлъ и исполненіемъ опредѣлений, нынѣ (1804 г.) о томъ же самомъ еще строжайше подтверждаю“. Въ судопроизводствѣ Консисторія руководствовалась словомъ Божіимъ, канонами и духовнымъ регламентомъ. Изъ описи имущества Консисторіи за 1802 годъ видно, что въ ней въ числѣ руководственныхъ книгъ были: а) Кормчая въ 2-хъ частяхъ, б) указы печатные съ 1714 по 1730 годъ, в) памятникъ, руководствующій къ познанію должностей 2 ч., г) увѣщаніе раскольникамъ, д) книга о приниманіи изъ иновѣрцевъ въ вѣру православную, е) разсужденіе о бракахъ православныхъ лицъ съ иновѣрцами, ж) книга Богословіе Св. Іоанна Дамаскина и з) чинъ бываемый въ явленіи истины между двумя человѣками тяжущимися. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, архіерей былъ не только правитель и судія для своей епархіи, но и законодатель, такъ что каждая епархія и при каждомъ новомъ архіереѣ могла имѣть свой особенный, болѣе или менѣе полный, кодексъ законовъ, издававшихся и отмѣнявшихся по усмотрѣнію архіерея. По этому въ то время Консисторіи въ большинствѣ случаевъ дѣйствовали по частнымъ инструкціямъ и распоряженіямъ епархіальныхъ архіереевъ.

Консисто́рія de facto была домашняя канцеля́рія архіерея. Самое производство судебныхъ дѣлъ было немногосложно. Обыкновенно помощникъ секретаря изъ слѣдственнаго дѣла составлялъ экстрактъ. Послѣ изложенія дѣла и группировки присяжныхъ показаній свидѣтелей выписывались подходящія къ дѣлу узаконенія. Секретарь, скрѣпивъ по листамъ этотъ экстрактъ, предъявлялъ его для прочтенія лицу подсудимому. Послѣдній, по прочтеніи, писалъ слѣдующее заявленіе, разнося оное по всѣмъ страницамъ экстракта: „экстрактъ сей читалъ и что у него все изъ дѣла выписано вѣрно и законы привнесены приличные и въ томъ я на господь присутствующихъ и секретаря подозрѣнія не имѣю и потому сей экстрактъ собственноручно подписываю“. Если же подсудимый въ экстрактѣ находилъ въ чемъ либо опущеніе или невѣрность, то вкратцѣ на семь же экстрактѣ дѣлалъ заявленіе. Самыя опредѣленія Консисто́ріи излагались на отдѣльномъ листѣ за скрѣпой секретаря и подписью членовъ и обыкновенно заканчивались слѣдующимъ вопросомъ: „но повелите ли ваше преосвященство по сему поступить? Консисто́рія, предавъ все сіе въ волю и благоразсмотрѣніе вашего преосвященства, почтительнѣйшее испрашиваетъ резолюціи“. Свои резолюціи Христофоръ писалъ сверху Консисто́рскаго опредѣленія, разнося ее по всѣмъ страницамъ журнальнаго опредѣленія и заканчивалъ подписью своего имени и фамиліи. Въ большинствѣ случаевъ, т. е. когда съ опредѣленіемъ Консисто́ріи Христофоръ былъ согласенъ, резолюціи свои онъ выражалъ въ слѣдующихъ словахъ: быть по сему приказанію Консисто́ріи. Или: по святому и неоспоримому мнѣнію Консисто́ріи весьма исполнить. Или: быть по сему опредѣленію Консисто́ріи, такъ какъ учинено законно и божественно ¹⁾).

Въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія духовныя правленія, въ качествѣ вспомогательныхъ Консисто́рскихъ учрежденій, существовали во многихъ уѣздныхъ городахъ всѣхъ епархій. Преосвященный Христофоръ, на осно-

¹⁾ Христофоръ, судя по почерку письма, писалъ некрасиво и медленно: буквы ставилъ большія, нѣсколько похожія на церковно-славянскія печатныя.

ваніи Синодальнаго указа ¹⁾ имѣть въ Слободско-Украинской епархіи девять духовныхъ правленій, т. е. то самое число, на содержаніе коихъ ассигновано 1080 р. (по 120 р. на каждое), изъ числа 13-ти бывшихъ духовныхъ правленій оставилъ въ слѣдующихъ городахъ: Ахтыркѣ, Богодуховѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Купянскѣ, Острогорскѣ и вновь открылъ въ Зміевѣ, Старобѣльскѣ и Богучарѣ. ²⁾ Присутствующіе протоіерей упраздненныхъ духовныхъ правленій были оставлены на своихъ мѣстахъ, а канцелярскіе служители размѣщены по вновь открытымъ духовнымъ правленіямъ. Сюда же препровождены были изъ закрытыхъ правленій зеркала, печати и „указныя книги“ (т. е. собраніе указовъ). Число „указныхъ книгъ“ было очень недостаточно и ново-открытыя духовныя правленія сильно нуждались въ юридическихъ пособіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Зміевское духовное правленіе донесло Консисторіи, что кромѣ Кормчей книги въ 2-хъ томахъ никакихъ указныхъ книгъ и прочихъ законовъ оно не имѣетъ, „къ дѣламъ же, а наипаче слѣдственнымъ оныя весьма нужны“. Консисторія объявила всѣмъ духовнымъ правленіямъ, что означенныхъ указныхъ книгъ въ ней не имѣется и что правленія обязаны сами стараться искупить таковыя ³⁾. Дома закрытыхъ духовныхъ правленій были проданы. Такъ домъ духовнаго правленія въ г. Бѣлопольѣ былъ проданъ [за 15 р. 50 к. и эти деньги были причислены къ платѣ за домъ для духовнаго правленія въ г. Сумахъ. Открытіе новыхъ духовныхъ правленій происходило съ нѣкоторою торжественностію. Первоприсутствующій Старобѣльскаго духовнаго правленія, прот. А. Оридовскій донесъ Христофору, что, согласно указу Консисторіи отъ 31 августа 1800 г., онъ 16 сентября открылъ въ г. Старобѣльскѣ духовное правленіе по церковному чиноположенію съ освященіемъ воды и съ надлежащею церемоніею. При открытіи правленія, пишетъ

¹⁾ Указъ Св. Синода 1800 г. № 2093.

²⁾ Въ 1802 году, во время размежеваній предѣловъ губерній, поступили въ Воронежскую губернію уѣзды Старобѣльскій, Богучарскій и Острогорскій. Старобѣльскій уѣздъ въ 1824 году снова былъ перечисленъ въ Слободско-Украинскую губернію.

³⁾ Архивъ Харьк. Дух. Консисторіи 1801 г. № 178.

онъ, присутствовало именитое духовенство со всего уѣзда, градоначальникъ коллежскій ассесоръ Василій Алексѣевичъ Колокольцевъ, судьи правительственныхъ мѣстъ и другіе чиновники и именитые граждане. По совершеніи молебствія, въ ознаменованіе высокомонаршихъ милостей, онъ сказалъ приличную сему случаю рѣчь ¹⁾. Составъ присутствія духовнаго правленія былъ слѣдующій: первоприсутствующій протоеірей и два члена изъ священниковъ, составъ канцеляріи: одинъ канцеляристъ, два кописта и, при канцеляріи, два сторожа. Первоприсутствующими за время Христофора были слѣдующіе протоіереи: въ Ахтыркѣ прот. Максимъ Яновскій, Богодуховѣ—Николай Кременицкій, Сумахъ—Константинъ Славинскій, Изюмѣ—Іосафъ Погорлевскій, Купянскѣ—Сергій Соколовскій, Острогжскѣ—Семень Сцепинскій, Зміевѣ—Петръ Столяревскій, Старобѣльскѣ—Алексій Оридовскій, въ Богучарѣ—Константинъ Донецкій. Нѣкоторые изъ этихъ протоіеревъ заняли мѣсто первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи по личному избранію Христофора, какъ напр. прот. Соколовскій, о коемъ уже мы говорили, другіе по представленію Консисторіи. „Не безвѣстно мнѣ и Консисторіи, пишетъ Христофоръ 3 апрѣля 1802 г., что въ теченіи дѣлъ по Купянскому духовному правленію, по слабости смотрѣнія умершаго протопопа Андріевскаго, великая была и медленность и неисправность, что я всегда видѣлъ и переносилъ съ немалымъ прискорбіемъ. Долгъ же мой требуетъ, чтобы всякая вездѣ неисправность была исправлена и введенъ былъ порядокъ и исправность, по теченію дѣлъ закономъ установленный. А поелику Консисторіи присутствующій, протодіаконъ Сергій Соколовскій довольно замѣченъ и дознанъ мною во всемъ до долга его касающемся исправнымъ, надежнымъ, рачительнымъ и благонравнымъ, въ протодіаконскомъ же санѣ, съ понесеніемъ и другихъ возложенныхъ на него довѣренностей, находится онъ не малое уже время и по природной даровитости, сопряженной съ трудолюбіемъ въ знаніи производства и теченія Канцелярскихъ дѣлъ успѣхъ онъ оказалъ довольно, для того опредѣляю: въ возданіе справедливости тру-

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Консис. 1800 г. № 346.

дамъ, понесеннымъ господиномъ отцомъ протодіакономъ Сергіемъ Соколовскимъ въ протодіаконскомъ санѣ при Θεодосійскомъ и здѣшнемъ Каѳедральныхъ соборахъ, также исправности и ревностному несенію сего и между прочими присутствующаго въ Консистеріи должностей и примѣрному его благо нравію и усердію къ службѣ, быть ему Соколовскому въ Купянскомъ духовномъ правленіи первоприсутствующимъ съ производствомъ его по посвященіи въ іерея къ тамошнему Покровскому собору протоіереемъ и настоятелемъ ¹⁾“.

На должность члена Сумскаго духовнаго правленія Консистерія въ 1801 году представила кандидата, священника слободы Ульяновки Константина Славинскаго. „Поелику, пишетъ Христофоръ, должность правящаго протоіерея требуетъ человѣка отличной предъ прочими учености, благоразумія и въ дѣлахъ по правленію свѣдѣнія и опытности, то для узнанія учености его священника К. Славинскаго предписать сочинить ему проповѣдь изъ темы: кто Богъ, развѣ Господа: или кто Богъ, развѣ Бога нашего, Цс. 17. 32., которую долженъ онъ по сочиненіи представить мнѣ, а Консистеріи, давъ отъ себя казусы, довольно испытать его въ знаніи законовъ и порядка въ теченіи дѣлъ, каковой экзамень и доложить мнѣ чрезъ него, за подписомъ его“.

На листѣ, озаглавленномъ экзаменъ, мы читаемъ слѣдующее рѣшеніе Славинскимъ трехъ казусовъ, какіе предложила ему Консистерія.

„Казусъ 1-й. Мужъ оставилъ свою жену, и по прошествіи трехъ лѣтъ, возвратясь къ ней требовалъ отъ нея отпускной, т. е. письменнаго свидѣтельства о дозволеніи ему принять монашескій чинъ или жениться на другой. Какъ рѣшить таковое дѣло? Предпочитая, отвѣчала Славинскій, чистоту монашеской жизни, хотя бы и можно было дать женѣ отпускную своему мужу: но на другой жениться не слѣдуетъ. Ибо ап. Павелъ въ I-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, главѣ 7-й, стихъ 27, именно пишетъ: привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился ли еси жены, не ищи жены.

Казусъ 2-й. Два христіанина приняли магометанскую вѣру: одинъ по своей волѣ, а другой по принужденію.

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1802 г. № 139.

потомъ оба просили духовную власть присоединиться къ православной христіанской церкви. Можно ли обоихъ принять? Такожъ должно ли ихъ опять крестить? И по какимъ законамъ? На эти вопросы Славинскій въ своемъ отвѣтѣ написалъ такъ: Къ христіанской церкви присоединить обоихъ можно и должно. Ибо въ 3 правилѣ Св. священномученика Петра Александрійскаго сказано: иже ничто же пострадавшие, но своею волею приступивше къ погибели, нынѣ же каются, дать имъ четыре лѣта на покаяніе. А крестить ихъ опять не слѣдуетъ, ибо крещеніе есть таинство не повторяемое. Казусъ 3-й. Одинъ уніатскій священникъ совершилъ бракъ въ Петровъ постъ. Вступившіе въ бракъ были греческаго исповѣданія. Спрашивается: можетъ ли быть таковой бракъ твердъ и по какимъ правиламъ? Рѣшеніе этого вопроса было таково: Совершившійся бракъ уніатскимъ священникомъ, поста не держащимъ, но вѣрующимъ во Христа Сына Божія, не имѣя противузаконныхъ резоновъ, можетъ оставаться въ своей силѣ. Брачующихся же за таковое ихъ дерзновеніе слѣдуетъ предать церковной эпитиміи по усмотрѣнію духовнаго ихъ отца“. Здѣсь же мы читаемъ слѣдующую резолюцію Христофора отъ 15 февраля 1801 года: „изъ представленныхъ при докладѣ семъ, сочиненной проповѣди и рѣшенныхъ казусовъ священника К. Славинскаго, усматривая, что онъ по своему сочиненію заслуживаетъ особливое вниманіе, но какъ изъ рѣшеній его примѣчательно, что онъ, по небытности своей нигдѣ при дѣлахъ, не пріобрѣлъ еще опытности въ производствѣ и рѣшеніи оныхъ: то для сего, переведши его изъ села Ульяновки въ г. Сумы къ Соборной церкви и опредѣлить въ Сумское духовное правленіе присутствующимъ, на которую должность и привести его здѣсь къ присягѣ. Въ вознагражденіе же по достоинству его, К. Славинскаго, учености и яко по справедливости, заслуживающаго похвалу въ поведеніи, велѣть ему пріуготовиться на слѣдующее 16 числа сего же теченія къ священнослуженію для возложенія на него набедренника въ знакъ отличія его отъ прочаго священства“¹⁾. При обзорѣ епархіи, посѣщая уѣзд-

¹⁾ Архивъ Х. Д. Консисторія, дѣло 1801—1802 г. № 22.

ные города, Христофоръ производилъ ревизию дѣлъ въ духовныхъ правленіяхъ, затѣмъ, въ предложеніяхъ своихъ Консистеріи, членамъ правленій дѣлалъ выговоры или выражалъ благодарность и награждалъ ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ указываемъ на того же священника К. Славинскаго, котораго послѣ личнаго обзора дѣлопроизводства въ Сумскомъ духовномъ правленіи Христофоръ въ концѣ 1802 года возвелъ въ санъ протоіерея съ назначеніемъ ему быть первымъ въ городѣ Сумахъ протоіереемъ и въ тамошнемъ духовномъ правленіи первоприсутствующимъ¹⁾. Духовныя правленія исполняли разныя распоряженія и порученія Консистеріи. Такъ для скорѣйшаго изслѣдованія какого либо проступка духовнаго лица Консистерія, въ виду мѣстной близости виновнаго предписывала правленію произвести слѣдствіе и представить съ своимъ мнѣніемъ. Чаше всего духовныя правленія разбирали частныя жалобы духовенства между собою или мірянъ на духовенство. Если рѣшенія ихъ Консистерія находила неправильными, то отмѣняла и дѣлала свои постановленія. Приводимъ слѣдующіе примѣры: Богодуховское духовное правленіе за неправильное веденіе метрическихъ книгъ постановило священника послать въ Куряжскій монастырь на два мѣсяца, діакону положить въ церкви 300 доземныхъ поклоновъ, дьячку 400, пономарю 200, съ благочиннаго взыскать на вдовъ и сиротъ пять руб. Консистерія такъ рѣшила: штрафъ съ благочиннаго оставить въ силѣ, такой же штрафъ взыскать съ священника, съ діакона и дьячка по 2 р., съ пономаря 50 к.²⁾ Церковный староста слободы Малиновки Архангело-Михайловской церкви въ 1808 году подалъ въ Зміевское духовное правленіе доносъ, что священникъ Кирилль Зарудинскій, во время счета свѣчныхъ денегъ, похитилъ пять конфектъ. Зміевское духовное правленіе назначило слѣдствіе и затѣмъ постановило: взыскать съ священника Зарудинскаго въ пять разъ болѣе имъ похищеннаго и на полъ года запретить священнослуженіе. Консистерія, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло, при-

1) Тамъ-же.

2) Архивъ Харьк. Дух. Консистеріи—дѣло за 1809 г. № 113.

знала, что доносъ церковнаго старосты не доказанъ и потому, отмѣнивъ присужденное наказаніе, предписала священнику Зарудинскому въ видѣ пожертвованія, положить въ церковный ящикъ неоказавшіяся пять копѣекъ ¹⁾. Консисторія, слѣдила за ходомъ дѣлъ въ духовныхъ правленіяхъ и въ случаѣ не-исправности подвергала членовъ правленія взысканіямъ. Такъ, замѣтивъ опущенія въ дѣлахъ Ахтырскаго духовнаго правленія, Консисторія сдѣлала членамъ онаго строжайшій выговоръ, а писмоводителя приказала задержать въ правленіи два дня на хлѣбъ и водѣ, дабы впередъ былъ исправнѣе ²⁾. Въ 1800 г. пономарь слободы Вольной похитилъ изъ пасѣки своего приходскаго священника нѣсколько ульевъ пчелъ. Богодуховское духовное правленіе предало его гражданскому суду, предварительно не давъ знать объ этомъ Консисторіи. Последняя за превышеніе власти опеняла членовъ правленія 25 руб., въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія ³⁾. Благочинные служили по выбору духовенства. Мѣстопробываніе свое они имѣли почти въ каждомъ уѣздномъ и заштатномъ городѣ и въ слободахъ болѣе или менѣе многолюдныхъ, торговыхъ и лежащихъ на большихъ шляхахъ. Слободы эти слѣдующія: Липцы, Деркачи, Мерефа, Ольшана, Большая Водолага, Великая Даниловка, Россоша, Мижиричъ, Юноковка, Котельва, Алешня, Боромля, Козѣвка, Перекопъ, Алексѣевка, Рубцово, Савинцы, Радьковка, Великая Камышеваха, Исторопъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ благочинные обязаны были руководствоваться инструкціею, составленною митрополитомъ Платономъ. Расходы по канцеляріи благочиннаго и разсылкѣ бумагъ по округу его благочинные возмѣщали изъ своихъ собственныхъ средствъ. Впрочемъ уже и тогда были попытки возложить ихъ на подвѣдомое духовенство. Такъ, на жалобу благочиннаго г. Лебедина священника Михаила Залѣскаго (въ 1811 г.), что онъ несетъ для канцеляріи изъ своихъ средствъ значительныя издержки, Христофоръ далъ такую резолюцію: „предписать бла-

¹⁾ Архивъ Х. Д. Конс., дѣло за 1808 г. № 76.

²⁾ Тамъ же, дѣло за 1803 годъ, № 94.

³⁾ Тамъ же, дѣло за 1801 г. № 237.

гочинному Залѣсскому, чтобы онъ, для канцелярскихъ по должности его расходовъ, согласилъ всѣхъ подвѣдомыхъ ему священно-церковно-служителей давать ежегодно или полугодно произвольное количество денегъ и по подписаніи каждымъ изъ нихъ положительнаго согласія представилъ бы оное для усмотрѣнія и утвержденія мнѣ“. Духовенство охотно приняло на себя издержки благочиннаго, выразивъ свое согласіе на то въ слѣдующей своей подпискѣ: „мы нижеподписавшіеся обязуемся сею подпискою благочинному Залѣсскому на канцелярскіе его расходы и на разсылщика бумагъ по округу давать изъ собственныхъ своихъ денегъ ежегодно разъ въ годъ послѣ пасхи священники по 1 р., діаконы по 60 к., дьячки по 50 к. и пономари по 40 к., всѣхъ денегъ 60 р., изъ нихъ на канцелярскіе расходы 20 р., на бумагу и на сургучъ 5 руб., на чернильные орѣшки 5 р., да 30 р. на наемъ разсылщика бумагъ по округу благочинія“¹⁾.

До учрежденія Слободско-Украинской епархіи училищный Покровскій монастырь и „Коллегіумъ“²⁾, находившіяся въ стѣнахъ его, были нераздѣльно соединены между собою и управлялись однимъ начальникомъ: настоятель монастыря былъ вмѣстѣ и ректоръ Коллегіума. Святѣйшій Синодъ указомъ своимъ (16 окт. 1799 г.), представляя преосвященному Христофору помѣщеніе въ Покровскомъ монастырѣ, строго предписалъ ему „особливое возымѣть попеченіе о Коллегіумѣ—оставивъ оный какъ теперь есть въ томъ же мѣстѣ, нисколько не нарушая его“. На случай же, сказано въ указѣ, если монастырскія строенія оказались-бы тѣсными или неудобными, то не касаясь помѣщеній коллегіумскихъ, просить Харьковское гражданское начальство, которое обязано отдать ему, Христофору, состоящія, по случаю вывода войскъ изъ Харькова, праздными, казенныя строенія, сколько того необходимость востребуетъ безъ всякой за оныя платы въ казну. Понятна такая

¹⁾ Архивъ Х. Д. Консисторіи 1811 г. № 149.

²⁾ Цѣльный и прекрасно написанный очеркъ исторіи Коллегіума представляетъ почтенный трудъ проф. Харьк. Университета А. С. Лебедева: „Харьковскій Коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ Университета“. Москва 1886 г.

попечительная забота Святѣйшаго Синода о Коллегіумѣ. Среди всеобщаго во всей Россіи въ 1787 году разоренія монастырей, Покровскій монастырь, назначавшійся также къ упраздненію, ради Коллегіума не только былъ пощажень, но и оставленъ во второмъ классѣ. Водвореніе Христофора въ училищномъ монастырѣ, какъ мы видѣли, нисколько не коснулось помѣщеній Коллегіума. Такъ какъ на мѣсто бывшаго ректора архимандрита Досиѳея, переведеннаго въ Лубенскій монастырь поступилъ прот. А. Прокоповичъ, который жилъ въ собственномъ домѣ¹⁾, то келліи Досиѳея занялъ Христофоръ, а въ братскихъ келліяхъ, оставшихся освобожденными за переведеніемъ 8 іеромонаховъ и 2-хъ іеродіаконовъ въ Куряжскій монастырь, размѣстились монашествующіе прибывшіе изъ Крыма. Нижнюю трехсвятительскую церковь Каѳедрального Покровскаго собора Христофоръ переименовалъ въ Коллегіумскую и сюда ходили ученики на все богослуженія. Аудиторіи оставались въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, который вмѣстѣ съ довольно обширнымъ дворовымъ мѣстомъ въ 1725 году былъ купленъ для училища у Полковника Лаврентія Шидловскаго основателемъ Коллегіума еписк. Епифаніемъ Тихорскимъ за 500 руб.²⁾ Ученики сироты помѣщались въ сиропитательномъ каменномъ домѣ, который назывался бурсою. Въ первые годы управленія Христофоромъ Коллегіумъ находился въ полной зависимости отъ архіерея, или точнѣе въ вѣдѣніи мѣстной Консистеріи, безъ вѣдома и дозволенія которой, Коллегіумское начальство не могло сдѣлать ни одного самаго пустаго распоряженія. Въ Консистерію Коллегіумъ подавалъ все свои вѣдомости и отчеты, чрезъ консистерію же шли все распоряженія отъ архіерея. Все лица, состоявшіе на службѣ въ Коллегіумѣ по своему назначенію и увольненію, вполнѣ зависѣли отъ архіерея. Отъ Консистеріи Коллегіумъ получалъ указы и

1) Домъ находился вблизи Николаевской церкви.

2) Въ какомъ году этотъ домъ былъ построенъ—неизвѣстно. Еще 1805 году Коллегіумское правленіе въ отчетѣ называло его зданіемъ „древней архитектуры“. Въ домѣ этомъ съ 1850 года помѣщалась духовная Консистерія и только года три назадъ домъ этотъ, еще весьма крѣпкій, былъ разобранъ во время постройки новаго Консистерскаго дома.

предписанія и относился къ ней рапортами, доношеніями и представленіями. Консисторія выдавала деньги на содержаніе Коллегіума, контролировала приходорасходныя книги, назначала сиротъ-учениковъ на казенное иждивеніе; она даже опредѣляла степень наказанія ученикамъ, сильно въ чемъ либо провинившимся, и т. п. Въ 1808 году уже началъ входить въ дѣйствіе новый уставъ, по которому епархіальная власть въ отношеніи къ семинаріи получила болѣе приличное ей мѣсто. За архіереями, хотя и были оставлены права главныхъ попечителей, находящихся въ ихъ епархіяхъ духовно-учебныхъ заведеній, но послѣднія становились уже подъ собственное личное вѣдомство, съ устраненіемъ отъ участія въ училищныхъ дѣлахъ Консисторій. Коллегіумъ, съ самаго начала стоявшій на степени высшаго общеобразовательнаго заведенія, съ уменьшеніемъ въ немъ числа дворянскихъ дѣтей, началъ принимать характеръ сословнаго. Въ 1790 г. уже была попытка со стороны архіерея Θεоктиста уничтожить самое наименованіе этого заведенія Коллегіумомъ. Но князья Голицыны, такъ много обезпечившіе Коллегіумъ своими пожертвованіями, настойчиво стояли на томъ, чтобы это училище попрежнему оставалось общесословнымъ заведеніемъ, куда принимаемы были бы наравнѣ, какъ дѣти духовенства, такъ и дворянства. „Долгомъ поставляю, писалъ въ 1802 г. К. Голицынъ Христофору, извѣститъ ваше преосвященство, что, какъ намѣреніе моихъ предковъ, такъ и мое всегда было, чтобы въ Харьковскій Коллегіумъ не однихъ только духовнаго званія учениковъ принимать, но также и изъ бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ, ибо въ пользу духовнаго званія дѣтей довольно есть учрежденныхъ Семинарій, для дворянъ же и разночинцевъ, которыхъ числомъ гораздо больше, нежели духовныхъ, подобныхъ училищъ недостаточно; чего для въ такомъ случаѣ Харьковская школа и называется *Коллеіумомъ* а не семинаріей“¹⁾. Эта забота К. Голицына сохранить за Коллегіумомъ прежнее всесословное значеніе имѣло силу, но не на долго. Переходъ общеобразовательнаго Коллегіума на

¹⁾ Молодикъ на 1844 годъ, стр. 21

степень мѣстной сословной семинаріи особенно стала замѣтно обозначаться съ учрежденіемъ въ Харьковѣ университета, а послѣ духовно-училищной реформы это значеніе вполне за ней упрочилось.

„Во время моего ученія въ Коллегіумѣ, говоритъ Е. Топчій (съ 1808 по 1812 г.), для каждаго класса былъ особый учитель, который читалъ положенные въ немъ предметы преподаванія. Я засталъ ректоромъ Коллегіума и вмѣстѣ преподавателемъ богословія протоіерея Андрея Прокоповича, префектомъ (инспекторомъ) Павла Николаевича Рейпольскаго. Въ реторическомъ (пятомъ) классѣ преподавалъ Яковъ Васильевичъ Толмачевъ, въ пѣтическомъ (четвертомъ) Стефанъ Антоновскій, только что пріѣхавшій изъ Кіевской академіи, впоследствии протоіерей Успенскаго Собора, въ синтаксисѣ (третьемъ классѣ) протоіерей Александръ Башинскій, въ грамматическомъ (второмъ) классѣ Андрей Андреевичъ Вербицкій, — впоследствии перешедшій учителемъ въ Харьковскую гимназію, въ инфимѣ (первомъ классѣ) Игнатій Щекинъ, впоследствии протоіерей ¹⁾“. По недостатку преподавателей, нѣкоторые изъ нихъ, особенно изъ получившихъ высшее академическое образованіе, преподавали разновременно или даже въ одно и тоже время нѣсколько предметовъ. Такъ Вербицкій въ разное время преподавалъ исторію, географію, арифметику, пѣтику, языки: русскій, греческій и латинскій. Толмачевъ читалъ пять предметовъ: пѣтику, математику, греческій, латинскій и французскій языки и на преподаваніе сихъ предметовъ въ недѣлю посвящалъ пятьдесятъ два часа. „Во время моего ученія въ Коллегіумѣ, говоритъ Топчій, въ первыхъ трехъ классахъ господствовалъ латинскій языкъ до того, что переводили изъ класса въ классъ единственно по успѣхамъ въ немъ ²⁾“. Я. В. Толмачевъ говоритъ „что онъ въ два года въ двухъ низшихъ классахъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ. А третій годъ, находясь въ классѣ пѣтики, я,

1) Южный край 1883 г. № 881.

2) Тамъ же.

говорить онъ, прочелъ сколько помню: „Разговоры Эразма Роттердамскаго“, каковую то священную исторію на латинскомъ языкѣ и Саллюстія. Четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ, которой учились мы по книжкѣ Бургія на латинскомъ языкѣ... Ученики упражнялись въ сочиненіи латинскихъ рѣчей ¹⁾“. Начиная съ грамматическаго класса лекціи читались на латинскомъ языкѣ. Не уснѣвшіе усвоить этого языка, не могли далѣе идти, такъ какъ имъ тамъ положительно ничего нельзя было понять. Для таковыхъ учениковъ Христофоръ, по примѣру другихъ Семинарій, учредилъ при Коллегіумѣ такъ называемые *словесные классы*. Ихъ было два: первый и второй. Здѣсь обучались чтенію по славянски и граждански, чистописанію, краткому катехизису и священной исторіи, арифметикѣ, церковному уставу и нотному пѣнію. Окончившіе здѣсь курсъ по прошенію были опредѣляемы на причетническія мѣста. Представляемъ примѣръ для образца, примѣръ одинъ изъ многочисленныхъ: Съ 1800 года, пишеть въ своемъ прошеніи (1803 г.) Христофору ученикъ словеснаго класса при Х. Коллегіумѣ Ѳедоръ Вышемірскій, я обучался въ низшемъ грамматическомъ классѣ два года, *по неспособности же моей обучаться латинскому языку* я включень былъ въ новоучрежденный *словесный классъ*, въ которомъ обучался также два года. Но какъ я въ ономъ классѣ нѣсколько изучился причетническими обязанностямъ, а въ слободѣ Царьборисовой есть праздно пономарское мѣсто, то того ради прошу меня уволить изъ Коллегіума на оное праздно пономарское мѣсто ²⁾. „Главные предметы, богословіе, философія и риторика, говоритъ Тончій, преподавались до обѣда, съ семи, для высшихъ классовъ съ 8 ч., до одиннадцати часовъ, для высшихъ классовъ до 12 ч.“ На крышѣ Коллегіумскаго дома стоялъ деревянный фонарь, въ видѣ высокой трубы. Здѣсь помещались Коллегіумскіе часы со звономъ. По колокольчику этому ученики призывались въ классы и отпускаясь домой. Этотъ колокольчикъ необыкновенно былъ звонокъ. Онъ слы-

1) Русская Старина 1892 г. Сент. стр. 702.

2) Архивъ Харьк. Дух. Консисторіи 1803 г. № 203.

денты оказывались на экзаменѣ слабыми въ этомъ языкѣ. Вслѣдствіе ходатайства Христофора предъ Св. Синодомъ и по сношеніи сего послѣдняго съ медицинскимъ начальствомъ была выработана Правленіемъ Коллегіума программа и члены управы экзаменовали студентовъ по программѣ и притомъ въ присутствіи ассистентовъ со стороны Коллегіума. Въ 1799 году указомъ Св. Синода велѣно было начальствамъ духовныхъ семинарій чрезъ каждые два года посылать въ Кіевскую духовную академію по два ученика для образованія и потомъ занятія учительскихъ мѣстъ въ семинаріяхъ. Для этой цѣли были посланы въ Кіевскую духовную академію по окончаніи риторическаго класса Яковъ Толмачевъ и другой ученикъ. Въ 1809 году Св. Синодъ предписалъ Христофору выбрать изъ Коллегіума двухъ студентовъ и выслать въ учрежденную въ этомъ году по новому плану Петербургскую духовную академію. При этомъ повелѣно было ему самому сдѣлать имъ надлежащее испытаніе и лично удостовѣриться въ знаніяхъ и ихъ качествахъ. Было выслано двое, но одинъ изъ нихъ, именно студентъ философіи Николай Бардаковъ, при повѣркѣ въ самой академіи, оказался „малонадежнымъ съ пользою и успѣхомъ вступить въ поприще академическаго ученія“. Бардаковъ тогда же поступилъ въ медико-хирургическую академію. Въ этомъ же 1809 году былъ вызванъ въ С.-Петербургъ комиссіею духовныхъ училищъ самый лучшій Коллегіумскій преподаватель Яковъ Толмачевъ и опредѣленъ профессоромъ словесности и математики въ тамошней семинаріи и секретаремъ академіи. Послѣ 10-ти лѣтней здѣсь службы Толмачевъ перешелъ на должность профессора Петербургскаго университета, гдѣ читалъ словесность и философію. Императоръ Павелъ 1-й именнымъ указомъ отъ 27 мая 1800 г. далъ Св. Синоду слѣдующее повелѣніе: „Семинаристовъ не обращать безъ воли моей въ другое какое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашиваться“. Поэтому увольненіе студентовъ Коллегіума на должности свѣтскія сопряжено было съ большими затрудненіями. О каждомъ воспитанникѣ Коллегіума преосвященный, согласно указу Св. Синода (отъ 30 мая 1804 г. № 2646), обязанъ былъ предварительно донести Св. Синоду съ объяс-

неніемъ причинъ, по коимъ онъ проситъ увольненія. Приводимъ слѣдующій примѣръ: Священникъ сл. Лимана, Зміевского уѣзда, Архангельской церкви, Максимъ Збукаревъ, въ прошеніи своемъ Христофору отъ 1 апрѣля 1804 г. пишетъ: „сынъ мой Харьковскаго Коллегіумъ (писали не Коллегіума, а Коллегіумъ) студентъ богословія Петръ, находящійся съ 1802 года въ хорѣ вашего преосвященства, продолжая при томъ ученіе на требованіе его высокородія Дмитрія Семеновича Г. Бортнянскаго въ хорѣ Его Императорскаго Величества пѣвчихъ, по требованію Харьковскихъ казенныхъ классовъ нотной школы учителемъ Антономъ Снѣсаревскимъ, оказался способнымъ и далъ на то свое желаніе, коему и отъ меня нѣтъ никакого пренятствія, почему я безпрекословно на оное его желаніе согласуясь, прошу, уволивъ, снабдить его приличными бумагами о ученіи и поведеніи его въ теченіи двухъ лѣтней службы при домѣ Вашего Преосвященства“. Христофоръ 2 апр. далъ такую резолюцію: „уволить изъ Коллегіумъ и изъ катедральной пѣвческой не иначе какъ послѣ полученія на увольненіе его въ просимое имъ мѣсто указа изъ Св. Синода, а безъ сего уволнить не можно, что и объявить ему въ Консисторіи“¹⁾. Тоже самое требовалось при увольненіи преподавателей Коллегіума. Въ 1804 году Христофоръ уволилъ по прошенію изъ духовнаго вѣдомства учителя философіи Александра Степановича Бирукова²⁾. Св. Синодъ указомъ своимъ (отъ 30 ноября 1804 г. за № 4544) сдѣлалъ Христофору строжайшій выговоръ. Студентовъ философіи и богословія сравнительно съ общимъ числомъ учениковъ въ Коллегіумѣ было очень немного. Отсюда понятно, что Христофоръ этими рѣдкими учениками дорожилъ и студентовъ, заявившихъ себя по поведенію съ худой стороны, онъ исключалъ съ духовнаго вѣдомства и отдавалъ ихъ въ военную службу лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Кол-

¹⁾ Архивъ Консистор., дѣло 1804 г. № 34.

²⁾ В. Н. Каразинъ, пригласивъ Бирукова съ собою въ Петербургъ, опредѣлилъ его на службу по министерству народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ самъ служилъ. (Украинская старина, стр. 112).

легиумское начальство, истощивъ все средства къ исправленію виновныхъ, не находило другихъ болѣе дѣйствительныхъ. Такъ въ 1807 г. Коллегиумское правленіе донесло Консistoriи, что студентъ философіи Петръ Якубинскій, не смотря на все мѣры къ его исправленію, самовольно отлучается изъ Коллегиума, лѣнится и ведетъ себя худо. Консistoriя, съ утвержденія Христофора, повелѣла правленію Якубинскаго отпратить въ губернское правленіе для обращенія его въ военную службу¹⁾. Префектъ Ольховскій донесъ Консistoriи, что студентъ философіи Михаилъ Смаковскій неоднократно замѣчаемъ былъ въ пьянствѣ и буйствѣ. Консistoriя съ нимъ также поступила. Вообще Христофоръ допускалъ употребленіе къ исправленію учениковъ всехъ мѣръ, но отъ исключенія воздерживался до послѣдней возможности. Изъ ряда наказаній, кои практиковались въ Коллегиумѣ въ видѣ исправительныхъ мѣръ, нѣкоторыя были очень оригинальны. Приводимъ слѣдующіе образцы. Въ 1807 году сынъ Ахтырскаго протоіерея Федоровскаго, ученикъ реторики 16 лѣтъ самовольно оставилъ Коллегиумъ и поступилъ въ вербуемый Уланскій полкъ. Консistoriя постановила: „дабы ученикъ Федоровскій возмуществовалъ сколь безчестенъ для него и для другихъ соблазнительнъ таковой поступокъ, велѣтъ ему посреди реторическаго класса, при открытыхъ дверяхъ, выстоять на колѣняхъ чрезъ три утра во время преподаванія въ классѣ лекцій и таковую вину записать въ журнальную книгу“²⁾. Въ 1809 году четыре ученика риторическаго класса, бывши за городомъ во время лѣтнихъ рекреаций³⁾, купили здѣсь четверть винной водки, намѣревая пронести ее въ городъ, но на заставѣ, на холодной горѣ, ихъ арестовали разъѣзчики питейной конторы. Неизвѣстно для себя, или для другихъ эта водка была куплена, но, по силѣ устава о винокурениі (гл. I п. 9), имъ грозило исключеніе изъ духовнаго званія и отсылка въ свѣтскую команду. Преосвященный Христофоръ выпросилъ имъ у мѣстнаго губернатора пощаду и

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Консistoriи дѣло 1807 г. № 49.

²⁾ Тамъ-же 1807 г. № 324.

³⁾ Рекреація (recreatio—отдохновеніе)—это особая гулявья, бывшія за городомъ въ маѣ мѣсяцѣ.

виновные преданы были суду Консистерскому. Консистерія, съ утвержденія Христофора, сдѣлала слѣдующее постановленіе: „такъ какъ подвергшіеся суду ученики реторики впади въ сіе преступленіе не по развратности своихъ нравовъ, и не по склонности къ пьянству, ибо учителя ихъ рекомендуютъ ихъ благонравными, но по молодости и неосторожности своей и въ первый разъ, для того оставить ихъ въ духовномъ вѣдомствѣ и велѣть продолжать ученіе. А дабы болѣе возчувствовали тяжесть своего преступленія, то въ страхъ другимъ наказать розгами въ томъ классѣ, гдѣ они находятся при собраніи всѣхъ соучениковъ и въ присутствіи учителя и потомъ обязать подпискою о препровожденіи впредь порядочной жизни. Учителю же за слабость смотрѣнія за учениками учинить выговоръ въ Коллегіумскомъ правленіи и послать указъ о неослабномъ наблюденіи за учениками“¹⁾. Всего чаще оказывались ученики виновными въ поздней явкѣ съ каникулъ. Срокъ назначенъ былъ 25 августа, но нѣкоторые ученики являлись въ Коллегіумъ въ сентябрѣ и даже октябрѣ. За удержаніе дѣтей дома послѣ срока Консистерія взыскивала штрафы съ протоіерея 3 р., священника 2 р., діакона и дьячка 1 р. 50 к. и пономаря 1 р. Не оставались безъ наказанія и ученики высшихъ классовъ. Коллегіумское начальство за пропускъ срока послѣ вакантной явки учениковъ богословія и философіи высылали въ риторическій классъ, гдѣ они должны были стоять на колѣняхъ во время уроковъ въ теченіи трехъ сутокъ. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что за болѣе важныя вины учениковъ Коллегіума наказанія назначала не школьная администрація, а Консистерія, которая въ свою очередь дѣйствовала съ доклада епархіальному архіерею. Разъ ректоръ Коллегіума прот. Прокоповичъ донесъ рапортомъ Христофору, что префектъ Коллегіума Ольховскій отлучился на пасхальные каникулы безъ его вѣдома и явился въ Коллегіумъ, опустивъ нѣсколько учебныхъ дней. „Такъ какъ префектъ Ольховскій, пишетъ Христофоръ (28 іюля 1866 г.), безъ всякаго позволенія отлучился отъ должности и тѣмъ обнаружилъ непослушаніе своему на-

¹⁾ Архивъ Консистеріи дѣло 1809 г. № 96.

чальству, да и прежде чинилъ просрочки, то, призвавъ его въ правленіе задержать его здѣсь цѣлый день и потомъ обязать строжайшей подпиской, чтобы впредь никуда отъ должности самоуправно не отлучался и всегда сохранялъ бы къ начальству и къ ректору должное послушаніе и уваженіе. Засимъ отъ правленія впредь запретить всѣмъ учителямъ и ученикамъ отлучаться изъ города на святки рождественскіе и воскресенскіе“.

Харьковскій Коллегіумъ былъ открытъ при счастливой обстановкѣ. При самомъ основаніи онъ имѣлъ свой храмъ и прекрасный домъ, съ обширнымъ дворомъ и разными пристройками. Содержаніе учителей и учениковъ было обезпечено богатыми вотчинами, частію купленными основателемъ Коллегіума епископомъ Елифаніемъ, частію пожертвованными ревностнымъ сподвижникомъ Елифанія по основанію Коллегіума, бывшимъ въ то время главнокомандующимъ на Украинѣ, генераль-фельдмаршаломъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ. Словомъ такихъ богатыхъ пожертвованій не видѣла, при своемъ возникновеніи, ни одна изъ семинарій и ни одна изъ нихъ, по богатству матеріальныхъ средствъ, не могла сравниться съ нею. Уже на другой годъ послѣ своего открытія (въ 1727 г.), это высшее училище состояло изъ 8 классовъ до философіи включительно и имѣло 420 учениковъ. Благодаря такимъ условіямъ, оно сдѣлалось образцовымъ училищемъ на югѣ, первымъ послѣ Кіевской академіи. Въ скоромъ времени оно стало носить названіе Коллегіума, а спустя лѣтъ 10 именовалось Тихореціанскою, то просто Харьковскою Академіею, то славянолатинскою Коллегіею. Ректорамъ Коллегіума—бывшимъ игуменамъ съ 1742 года по Высочайшему указу велѣно быть архимандритами, носить крестъ, панагію финифтяную съ брилліантами и мантию съ скрижалями. Но такое счастливое положеніе Коллегіума продолжалось не далѣе полустолѣтія. Въ 1787 году, вслѣдствіе секуляризаціи церковныхъ имѣній, Коллегіумъ сразу лишился всѣхъ вотчинъ, а еще раньше были отмѣнены всѣ сборы съ церковей и монастырей. Въ замѣнъ этихъ источниковъ Коллегіумъ сталъ получать на содержаніе свое 2000 р. въ годъ. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, Коллегіумскія зданія, оставаясь безъ

ремонтровки, ветшали ¹⁾). Число бѣдныхъ учениковъ и сиротъ увеличивалось ²⁾). Цѣны на жизненные продукты значительно повысились. Коллегіумъ переживалъ трудное время. Въ такомъ состояніи засталъ его Христофоръ. Вотъ какъ описываетъ свое житье въ Харьковской бурсѣ, бывшій около этого времени, воспитанникъ Коллегіума, Я. В. Толмачевъ: „Бурса, находившаяся при Харьковскомъ Коллегіумѣ, пишетъ онъ, была одноэтажное каменное строеніе, ни внутри ни снаружи не бѣленое; она имѣла два поперечныхъ коридора, въ которыхъ по правую и по лѣвую сторону было по двѣ обширныхъ комнаты. Въ четырехъ комнатахъ къ югу жили воспитанники числомъ до шестидесяти и болѣе человекъ. Въ этихъ комнатахъ у стѣнъ были пристроены лавки, на которыхъ ученики высшихъ классовъ спали, а низшихъ классовъ ученики спали на полу. Комнаты въ зимнее время рѣдко отапливались. По недостатку дровъ возрастѣйшіе воспитанники ходили иногда ночью на рѣку Лопань и съ мостовъ снимали мостовазы и ими отапливали комнаты. Въ классахъ Коллегіума не существовало ни одной печи. Чернила замерзали отъ холода и мы, желая написать что нибудь, нагрѣвали чернильницы за пазухою теплотою тѣла. Начальство не давало воспитанникамъ ни бѣлья, ни одежды, ни обуви. Они ходили во всемъ своемъ и лѣтомъ и зимою по большей части въ одной и той-же одеждѣ. Всегдашнею пищею ихъ были въ обѣдъ постныя щи, ржаной хлѣбъ и сухари; въ ужинъ гречневыя галушки, величиною

1) «Семинарскіе классы и учительскія кельи, писалъ въ 1792 году Св. Синоду Преосв. Феоктистъ, пришли въ крайнюю обветшалость, какъ то крыша на классахъ и кельяхъ вся обгнила и опала, печи въ кельяхъ учительскихъ разрушились, двери, окна и полы отъ согнѣтія также повредились». (Очеркъ Исторіи Харьковского Коллегіума Прот. П. Солнцева 1881 г. стр. 63).

2) Число учившихся въ Коллегіумѣ въ концѣ прошлаго и въ первое десятилітіе настоящаго столѣтія колебалось между 600 до 750, жившихъ въ сиропитательномъ домѣ между 100 до 150 учениками. Въ Бурсѣ или сиропитательномъ домѣ помѣщалось четыре разряда учениковъ: а) на полномъ казенномъ содержаніи б) на содержаніи Галицкомъ, в) пользующихся казенною пищею безъ платы и г) съ платою отъ 10 до 30 р. съ ученика. Въ 1802 году было учениковъ 714, въ этомъ числѣ дворянъ и разночинцевъ 71, духовныхъ изъ Харьковской епархіи 575, духовныхъ изъ другихъ епархій 68.

каждая почти съ полфунта¹⁾. Въ 1803 году Христофоръ выстроилъ при Коллегіумскомъ сиропитательномъ домѣ собый каменный флигель²⁾. Этотъ флигель, хотя и далъ возможность большому числу бѣдныхъ учениковъ имѣть здѣсь даровой пріютъ, но за скудостію Коллегіумскихъ суммъ большинство изъ нихъ обязано было за обогрѣваніе (?) и пищу вносить извѣстную плату. Преждевременный выходъ учениковъ изъ Коллегіума на какую нибудь епархіальную должность въ большинствѣ случаевъ былъ слѣдствіемъ крайней бѣдности ихъ семействъ и разныхъ семейныхъ наслѣдныхъ отношеній къ просимымъ ими мѣстамъ. Бѣдность родителей не давала возможности доилестись до окончанія курса иногда весьма прилежному и даровитому юношѣ. Дабы задержать таковыхъ учениковъ въ Коллегіумѣ и дать имъ средства окончить курсъ, практиковались различныя мѣры. Одна изъ таковыхъ мѣръ—это зачисленіе за учениками праздныхъ церковныхъ мѣстъ съ правомъ пользоваться отъ нихъ извѣстной долей (половинной, или третью) доходовъ. За учениками низшихъ классовъ Христофоръ зачислялъ мѣста причетниковъ, а высшихъ классовъ мѣста священно-служительскія. Смотря по успѣхамъ учениковъ мѣста мѣнялись: за лучшимъ ученикомъ зачислялось лучшее мѣсто, но если ученикъ ослабѣвалъ въ успѣхахъ, начальство перемѣняло это лучшее мѣсто на другое худшее. По взгляду св. Синода³⁾ это зачисленіе мѣстъ за учениками, облегчая родителей въ содержаніи ихъ дѣтей, въ то же время служило для учениковъ *поощреніемъ изъ къ ученію*. На это послѣднее обстоятельство *сами ученики указывали въ своихъ прошеніяхъ*. Изъ многочисленныхъ примѣровъ для образца приводимъ слѣдующій. Ученикъ реторики Василій Могилянскій въ 1809 г. пишетъ въ своемъ прошеніи: достигнувъ уже реторики, но какъ я и далѣе желаю продолжать ученіе, *то для поощренія*

1) Русс. Старина Сент. 1892 г. стр. 702.

2) На постройку этого флигеля Христофоръ взаимобразно взялъ изъ суммъ Харьковскаго Успенскаго Собора 2000 р. и 3600 р. испросилъ у епархіи, въ томъ числѣ Харьковская Николаевская церковь пожертвовала 300 р., Воскресенская 200 р.

3) Прих. дух. въ Россіи стр. 158.

себя къ наукамъ, желаю зачислить за собою и для вспомошествованія отцу моему въ содержаніи меня на собственномъ коштѣ съ полученіемъ доходовъ того же села и церкви, гдѣ живетъ отецъ мой празднаго діаконскаго мѣста. „Зачислить Могилянскому, пишетъ Христофоръ, съ полученіемъ половинной части доходовъ діаконскихъ, съ тѣмъ однако, чтобы онъ отнюдь не просилъ увольненія на оное до окончанія курса, о чемъ и обязать его строжайше подпискою въ Консисторію“. До какихъ размѣровъ доходили просьбы о зачисленіи мѣста за учениками представляетъ слѣдующій примѣръ. Въ 1798 г. священникъ Черкасской Лозовой Харьковскаго уѣзда, Стефанъ Тишинскій пишетъ въ прошеніи своемъ, поданномъ Преосв. Θεоктисту слѣдующее: „имѣется у меня семи лѣтъ сынъ Дмитрій, обучающій нынѣ псалтырь, но по изученіи російской грамоты, я намѣренъ опредѣлить его въ Харьковскую Семинарію для продолженія наукъ и для вящшей ея къ тому охоты, прошу ему при моей Крестовоздвиженской села Черкасской и Лозовой церкви предоставить второе праздное дьячковское мѣсто съ полученіемъ доходовъ и посвятить въ стихарь“. Преосв. Θεоктистъ на семъ прошеніи пишетъ: „Буде просимое мѣстно праздно представить просителю, а для поощренія къ наукамъ представить его къ посвященію въ стихарь“. Мѣсто оказалось празднымъ и Θεоктистъ посвятилъ семилѣтняго отрока въ стихарь и предоставилъ ему въ Черкасской Лозовой дьячковское мѣсто ¹⁾. Христофоръ отмѣнилъ такой порядокъ и по поводу указаннаго случая сдѣлалъ распоряженіе, чтобы священноцерковно-служители прошеній о утвержденіи за малолѣтними сыновьями своими священно и причетническихъ мѣстъ (кромѣ однихъ сиротъ) отнюдь подавать ему не отваживались бы подъ опасеніемъ оштрафованія ²⁾. Были примѣры, когда о зачисленіи мѣста съ полученіемъ доходовъ просили студенты Кіевской Дух. Академіи, бывшіе питомцы Харьковскаго Коллегіума. Такъ студентъ Кіевской Духовной Академіи Андрей Вербицкій, бывший впоследствии учителемъ сего Коллегіума

¹⁾ Архивъ Х. Д. Консисторіи, дѣло отъ 22 Апр. 1798 г. № 19.

²⁾ Тамъ же 26 Окт. 1800 г. № 25.

(въ 1806 г.), пишетъ Христофору: „хотя по милости вашего преосвященства я нахожусь въ К. Д. Академіи на казенномъ иждивеніи, однако, случающіяся въ содержаніи моемъ нѣкоторыя нужды заставляютъ меня требовать пособія у отца моего причетника г. Недригайлова Покровской церкви, а такъ какъ при сей церкви остается діаконское мѣсто празднымъ, то прошу оное утвердить за мною съ полученіемъ надлежащихъ доходовъ“. Христофоръ исполнилъ его просьбу, о чемъ Консисторія увѣдомила его.

Матеріальное положеніе учителей Коллегіума не носило на себѣ рѣзкой печати отличія отъ положенія учениковъ. Это видно изъ того, что большая часть учителей занимали священнослужительскія должности при церквяхъ. Степень обезпеченія ихъ вполне зависѣла отъ количества доходовъ, какіе они могли получить отъ своихъ приходовъ. Свѣтскіе учителя также кормились отъ церковной службы, имѣя зачисленными за собой празныя церковныя мѣста, съ ихъ доходами¹⁾. Священнослужительскія мѣста принято было непременно замѣщать викаріями, но викаріи эти, въ большинствѣ случаевъ изъ безмѣстнаго духовенства, были люди негодные, которые исполняли свою обязанность кое какъ. Они были въ тягость начальству, приходу и штатному причту при церквяхъ и самимъ ученикамъ, за коихъ они отправляли службы, обижая ихъ въ расчетахъ по доходу. Для предотвращенія слишкомъ частыхъ тяжбъ учениковъ съ ихъ викаріями изъ-за платежа доходовъ Христофоръ иногда опредѣлялъ эти платежи опредѣленною цифрою. Такъ, на примѣръ, ученикъ Могиланскій, о которомъ мы прежде упоминали, по истеченіи года послѣ зачисленія за нимъ мѣста жаловался Христофору, что онъ за весь годъ не получалъ отъ причта ни одной копѣйки изъ доходовъ, причтавшихся на его долю. *Христофоръ обязалъ причтъ непременно выдавать Могиланскому ежегодно по 10 р.* Многимъ коллегіумистамъ приходилось восполнять свое скудное содержаніе, какое они получали изъ дому отъ родителей, своими собственными трудами, какіе кто могъ придумать и на

¹⁾ Страна. 1860 г., стр. 183.

какой былъ способенъ. Таковъ, напримѣръ, трудъ переписки разныхъ книгъ и рукописей для желающихъ, а также лекцій для болѣе состоятельныхъ товарищей. Но самый обычный трудъ былъ трудъ репетиторства. Репетиторами были преимущественно студенты богословія и философіи, а даровитые ученики еще съ низшихъ классовъ начинали репетировать. „Находясь въ классѣ пѣтики, пишетъ Толмачевъ, я пріобрѣлъ уже почетную извѣстность между учениками, своими сверстниками; родители нѣкоторыхъ изъ нихъ просили меня пояснять дѣтямъ ихъ уроки и платили мнѣ за годъ трудовъ по рублю и по два рубля. Первые деньги, полученные мною за трудъ, употребилъ я на покупку платья для своей матери“¹⁾. Каждый репетиторъ имѣлъ подъ своимъ смотрѣніемъ 5—10 учениковъ. Въ надзорѣ своемъ за учениками пользовались они неограниченнымъ правомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были очень своенравны. „Въ первый годъ ученія моего въ Коллегіумѣ, пишетъ Толмачевъ, живя на квартирѣ на отцовскомъ крайне бѣдномъ содержаніи, я былъ ввѣренъ отцомъ частному надзору студента философіи Тишинскаго, который остался памятенъ мнѣ доселѣ только тѣмъ, что всегда сердился, когда я составлялъ маленькія тетрадки и вписывалъ въ нихъ латинскія слова и фразы. Тетрадки мои онъ иногда съ негодованіемъ рвалъ и бросалъ въ огонь“²⁾. Иные изъ студентовъ давали уроки въ домахъ свѣтскихъ и духовныхъ г. Харькова. Нѣкоторые изъ родителей—дворянъ за репетиторство дѣтей платили довольно крупную сумму по тогдашнему времени, напримѣръ, помѣщикъ Богославскій платилъ 25 р., помѣщики Драхановскій и Фридрихсонъ по 30 р. Духовныя лица платили различно: самая меньшая плата 1—2 р. въ годъ и самая большая 7—8 р. Какъ ни мала эта плата, но находились такіе родители, которые вынуждали репетиторовъ жаловаться Консисторіи за неплатежъ выговореннаго гонорара. Такъ студентъ богословія Ѳедоръ Чернобаевъ въ 1807 году жаловался Консисторіи, что два сына священника Черкасской Лозовой

1) Русск. Стар. 1892 г. Сент., стр. 702.

2) Тамъ же 1892 г. Сент., стр. 702.

Стефана Тишинскаго съ 1805 г. находились подъ его инспекторію два года и по договору онъ долженъ уплатить ему 10 р. по 5 р. въ годъ, но онъ доселѣ не уплатилъ. Репетиторство—былъ тяжелый трудъ. Нѣкоторые изъ репетиторовъ, теряя почти все свое послѣ классныхъ занятій дневное время, употребляли на свое собственное ученіе преимущественно ночные часы, которые только и оставались въ ихъ распоряженіи. Училищное начальство не воспрещало репетиторство, зная насколько оно необходимо для бѣдныхъ учениковъ, какъ средство для ихъ содержанія въ Коллегіумѣ; оно только старалось ограничивать число репетитруемыхъ учениковъ. Были очень частые примѣры, когда на просьбы учениковъ богословія о принятіи ихъ въ сиропитательный домъ съ платой за пищу, Консисторія отвѣчала, что они могутъ быть инспекторами младшихъ учениковъ, живущихъ въ квартирахъ, гдѣ и сами могутъ жить и кормиться. Нѣкоторые изъ учителей также дополняли свои ресурсы содержаніемъ и репетиторствомъ пансіонеровъ-дѣтей изъ дворянскихъ фамилій. Я. В. Толмачевъ, поступившій въ 1803 году учителемъ въ Коллегіумъ, не жалѣлъ себя, работалъ чрезвычайно много; такъ, напримѣръ, на уроки въ Коллегіумѣ онъ каждый день посвящалъ болѣе шести часовъ. И за такой трудъ получалъ жалованья въ мѣсяць 15 р. ассигнаціями. „Такое скудное содержаніе, пишетъ Толмачевъ, я рѣшился дополнять содержаніемъ и обученіемъ пансіонеровъ изъ дворянскихъ дѣтей, съ которыми я, послѣ классныхъ занятій, часто принужденъ былъ заниматься до глубокой ночи“¹⁾. Другимъ обычнымъ средствомъ, служившимъ матеріальнымъ вспоможеніемъ къ содержанію въ Коллегіумѣ бѣдныхъ учениковъ, были такъ называемыя кондиціи. Многіе ученики и преимущественно студенты получали отъ начальства дозволеніе брать уроки въ отъѣздъ по деревнямъ разныхъ помѣщиковъ и по полугоду, даже болѣе вовсе не являлись въ Коллегіумъ. Въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, въ это столь скудное просвѣтительными средствами время, —Харьковскій Коллегіумъ былъ единственнымъ просвѣти-

¹⁾ Русск. Старина 1892 г., стр. 706.

тельнымъ центромъ въ Слободской Украинѣ и помимо его не откуда было брать учителей. До учрежденія въ Харьковѣ Университета со всей Украины лица разныхъ общественныхъ положеній—дворяне, купцы, мѣщане, духовныя лица обращались въ Коллегіумъ съ просьбами отпуска въ ихъ дома студентовъ богословія и философіи, и воспитанники коллегіума въ значительномъ числѣ жила на этихъ кондиціяхъ не только въ ваканціонное, но и въ учебное время. Въ 1806 году Христофоръ потребовалъ отъ Коллегіумскаго правленія свѣдѣніе кто изъ студентовъ и у кого живетъ на кондиціи. Оказалось, что на кондиціяхъ жило 36 студентовъ богословія и 20 студентовъ философіи ¹⁾. Усмотрѣвъ въ 1806 году, изъ донесенія Коллегіума, какое значительное число студентовъ въ учебное время проживало на кондиціяхъ, Христофоръ предписалъ правленію, „чтобы оно впредь отнюдь ни для какихъ видовъ студентовъ въ помѣщичьи дома не отпускало, да и тѣхъ, которые прежде сего отпущены, непременно потребовало бы къ 25 числу слѣдующаго августа для ученія въ Коллегіумъ, а помѣщикамъ бы, имѣющимъ просить о семъ объявляло, что студенты Коллегіума принимать въ наученіе дѣтей ихъ могутъ имѣть позволеніе тогда только, когда сами, находясь въ Коллегіумѣ на лицо, и собственныя науки продолжать безпрепятственно будутъ“ ²⁾. Въ 1806 году при Св. Синодѣ состоялся временный Комитетъ, предметомъ коего между прочимъ было изысканіе и назначеніе суммъ на содержаніе Семинарій. Христофоръ обратился въ Синодъ съ просьбой объ увеличеніи штатной суммы. Въ это же самое время онъ писалъ Оберъ-Секретарямъ Св. Синода г. Журихину и г. Савицкому и про-

¹⁾ Такъ напримѣръ, въ домахъ дворянъ жили слѣдующіе студенты богословія: Алексій Сѣдаковъ въ домѣ помѣщика Мартынова, Михаилъ Кореницкій въ домѣ помѣщика Видарскаго, Христофоръ Андріевскій въ пансіонѣ Г. Елейна въ Харьковѣ, Иванъ Поповъ въ домѣ помѣщика Вакха, Алексій Славинскій—Капустянскаго, Ольховскій—Ладыгина, Микуловскій—купца Кокина, М. Соколовскій въ домѣ помѣщички Радіоновой, Столаревскій въ домѣ помѣщика Стремехова; студенты философіи Штанкевскій въ домѣ помѣщика Станиславскаго, Семеновъ—Чадаева, Дмитріевъ,—Книжниковъ, Мамоновъ—Захаржевскаго. (Архивъ Х. Д. Консистеріи 1806 г., № 194).

²⁾ Харьк. Коллегіумъ. А. С. Лебедева 1866 г., стр. 30.

силъ ихъ своимъ личнымъ участіемъ помочь его просьбѣ. Вотъ письмо къ Журихину. „Милостивый Государь и благопріятель мой Гаврило Игнатовичъ! Препровождая съ сею почтою въ Свят. Правительствующій Синодъ, по случаю сочиняемаго для духовныхъ училищъ новаго штата, доношеніе о прибавкѣ на Харьковскій Коллегіумъ суммы, покорнѣйше прошу принять участіе въ томъ, чтобы мое доношеніе возымѣло свое дѣйствіе. Крайне малая платная сумма на сіе училище, ассигнованная 2000р. ас., и дороговизна съ умноженіемъ народа, съ открытія здѣсь Императорскаго Университета оказавшаяся, да и самое учрежденіе сего Университета суть необходимо нужная причина поддержать и улучшить сіе древнее и могу сказать лучшее въ нашемъ отечествѣ училище, что безъ достаточной на жалованье учителямъ и на содержаніе учениковъ суммы сдѣлать нѣтъ никакой возможности. При томъ и то могу вамъ донести, что училище и потому вправѣ просить себѣ достаточной суммы, что отъ онаго въ 1787 году отобраны знатныя вотчины въ казенное вѣдомство, приносяшія училищу ежегодно по восьми тысячъ руб. доходу и болѣе, которыя куплены на собственные деньги, на имя сего училища, покойнымъ основателемъ онаго преосвященнымъ Епифаніемъ и генералъ фельд-маршаломъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ. Я, обнадеживаясь на благость души вашей, умѣющей дать цѣну общей пользѣ, съ удовольствіемъ сердечнымъ себя довѣряю въ исходатайствованіи вами просимаго мною, а васъ въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими навсегда къ вамъ пребуду“. Вотъ письмо къ Савицкому.—„Слышно, что для духовныхъ училищъ сочиняются новые штаты. Я, отправивъ въ Св. Синодъ доношеніе о прибавкѣ на Харьковскій Коллегіумъ суммы, покорнѣйше прошу и васъ вступить за пользы сего училища, въ которомъ и вы нѣкогда науки свои продолжали. Приложите ваше усердное ходатайство о томъ, чтобы мое доношеніе о семъ получило желаемый успѣхъ. Причинъ, побуждающихъ меня къ сему, не выразилъ я въ ономъ подробнѣйше, дабы не показалась бумага моя крайне обширною. Почему, документы мои прилагая у сего для свѣдѣнія вашего, надѣюсь твердо на доброе сердце ваше, къ общей

пользѣ благорасположенное, что вы не упустите исходатайствовать достаточную прибавку на содержаніе сего древняго и могу сказать наилучшаго училища, которое и нужно поддерживать и болѣе удлучшать въ виду новоучрежденнаго здѣсь Университета. Вы содѣлаете симъ имени своему вѣчную славу, а сироты, здѣсь воспитываемые, вкушая лучшей укрукъ хлѣба, нежели теперь имѣють, окроплять оный радостными слезами и низведуть усердными моленіями своими на васъ и на чадъ вашихъ всѣ благословенія Божіи и милости царицы, въ чемъ и я, пріемля совершенное участіе, съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностію на всю жизнь мою пребуду“¹⁾). Ходатайство Христофора получило полный успѣхъ: въ 1807 году была удвоена коллегіумская окладная сумма: почему съ сего времени Коллегіумъ получалъ уже 4000 руб. въ годъ.

Библіотека помѣщалась въ холодныхъ двухъ комнатахъ, устроенныхъ въ 1761 году на каменныхъ воротахъ Коллегіума. Со времени учрежденія библіотеки, основателемъ Коллегіума преосвященнымъ Бѣлгородскимъ Епифаніемъ, который отдалъ въ нее очень много своихъ книгъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ съ собственною надписью, бѣлгородскіе архинастыри продолжали обогащать ее своими книгами, а нѣкоторые изъ нихъ послѣ своей смерти жертвовали сюда всю свою библіотеку. О преосвященномъ Досиѣѣ Любинскомъ извѣстно, что онъ не только самъ пожертвовалъ не малое число собственныхъ книгъ, но исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе, по которому всѣ книги митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго были отданы въ эту библіотеку. Еще больше обогатилась библіотека за время Христофора. Такъ въ 1807 году, по смерти М. Н. Шереметьевой, князь А. Голицынъ передалъ все ея книгохранилище, которое она отказала въ коллегіумскую библіотеку. Еще съ 1801 г., по распоряженію этого же князя, изъ процентныхъ 500 р., на представленный имъ отъ Шереметьевой капиталъ, ежегодно отчислялось 50 р. на выписку

1) Архивъ Покровскаго Монастыря.

журналовъ для библіотеки ¹⁾. По поводу выписки журналовъ, приводимъ перениску преосвященнаго Христофора съ сенаторомъ Иваномъ Владиміровичемъ Лопухинымъ ²⁾. Послѣдній, поздравивъ владыку съ Новымъ Годомъ, пишетъ: „Прошу Ваше Преосвященство благосклонно пожаловать принять отъ меня въ даръ для, вашего Коллегіума, библіотеки приложенныя 33 книги и паки обращаюся съ покорнѣйшею просьбою о благодѣтельномъ покровительствѣ извѣстному журналу „Другъ юношества“, о которомъ прилагаю нѣсколько листовъ объявленія для Коллегіума и для епархіи вашей. Журналъ сей, конечно, достоинъ покровительства любителей чистой нравственности и христіанскаго мыслей образованія, и я, не только за большое удовольствіе, но и за долгъ пріятный считаю стараться о его распространеніи по истинно полезному его содержанію и по цѣли его, которой я особливо близкимъ свидѣтелемъ по моей давней и короткой пріязни съ г. издателемъ“. Преосвященный Христофоръ, поблагодаривъ г. Лопухина, за присланныя имъ въ даръ Коллегіуму книги, такъ отвѣчалъ на его предложеніе относительно выписки журнала. „По уваженію вашего отзыва о журналѣ: „Другъ Юношества“, я почитаю за пріятный долгъ стараться о его распространеніи между любителями христіанской нравственности и поручилъ отъ себя г. префекту Коллегіума снестись съ г. издателемъ онаго о подискѣ для библіотеки на потребное количество экземпляровъ“ ³⁾. Преосвященный Христофоръ, при жизни своей, въ разное время пожертвовалъ 119 книгъ, преимущественно на латинскомъ языкѣ, и, по смерти, согласно его завѣщанію, поступило въ библіотеку до 500 книгъ. Уже въ 1788 году въ библіотекѣ было книгъ на разныхъ языкахъ болѣе 2500 ⁴⁾. По предписанію преосвященнаго Христофора, библіотекарь, учитель Стефанъ Антоновскій, въ 1811 году составилъ генеральную опись книгамъ неподвижной библіотеки и раздѣлилъ ее по содержанію книгъ на

¹⁾ Мелодикъ на 1844 г., стр. 27.

²⁾ Лопухинъ д. г. совѣтникъ, сенаторъ, авторъ нѣкоторыхъ сочиненій; род. 1758 г., сконч. 1816 г.

³⁾ Дѣло архива Харьк. Покров. монастыря, 26 дек. 1811 г.—10 Фев. 1812 г.

⁴⁾ Слов. Щекат. IV, 122.

Харьковскаго Коллегіума, съ 1780 г. священникъ. Съ этого года онъ началъ свое педагогическое поприще съ низшаго грамматическаго класса, ¹⁾ и въ теченіи 14 лѣтъ, прошедши въ должности учителя, а потомъ въ должности префекта учителя, веѣ классы Коллегіума, онъ около 30 лѣтъ былъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. Занимая съ 1800 года по 1822 г. ²⁾ должность ректора, въ тоже время несъ обязанности настоятеля градскаго Успенскаго собора, члена Консисторіи, цензора и публичнаго толкователя по праздникамъ и воскреснымъ днямъ евангелія и апостола. О немъ сохранилась память, какъ о любимомъ народномъ и краснорѣчивомъ проповѣдникѣ.—обладавшемъ увлекательнымъ даромъ слова. Какъ авторъ нѣсколькихъ историческихъ и педагогическихъ сочиненій на русскомъ и латинскомъ языкѣ, онъ былъ почетнымъ членомъ Харьковскаго и Московскаго Университетовъ. Старожилъ Е. Н. Топчій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что „Прокоровичъ въ общезитіи былъ ловкій, находчивый, пріятный собесѣдникъ, большой анекдотистъ, умѣвшій кстати втянуть въ разговоръ латинскую пословицу, привести въ доказательство текстъ изъ священнаго писанія, и при этомъ большой хлѣбосоль“ ³⁾. По воспоминаніямъ Гр. Пѣхотинскаго, одного изъ его учениковъ по Коллегіуму, онъ былъ человекъ очень видной наружности. „Когда отецъ мой, пишетъ онъ, представилъ меня прот. А. Прокоповичу, то онъ показался мнѣ похожимъ на Мелхиседека, котораго я видѣлъ изображеннымъ на церковныхъ дверяхъ. Прекрасной шелковой матеріи яркаго, зеленого цвѣта одежда, серебряный съ золотомъ широкій поясъ на подрясникѣ и орденъ св. Анны на шеѣ, котораго лента своимъ краснымъ цвѣтомъ придавала ему особенно пріятный видъ, выказываясь изъ подъ густой бѣлой бороды.

¹⁾ Въ старину каждый учитель начиналъ свою службу съ низшаго класса и затѣмъ постепенно переводился въ высшіе классы.

²⁾ Прот. Прокоповичъ въ 1822 году, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности ректора. Мѣсто его занялъ архим. Тимофеев, переведенный въ Харьковъ изъ Смоленска, гдѣ онъ былъ инспекторомъ тамошней семинаріи. (Указъ Св. Синода, отъ 29 сентября 1822 г., за № 5748).

³⁾ Южный Край, 1883 г. № 881.

Я стоялъ полный страха и благоговѣнія. При первомъ вопросѣ, которымъ ректоръ меня удостоилъ, я перекрестился, собственно въ честь его особы и поклонился съ такимъ забавнымъ благочестіемъ, что онъ, при всей своей серьезности, захохоталъ и спросилъ — какъ моя фамилія? Я покраснѣлъ, какъ варенный ракъ и, по ребячески, обсудилъ, что отвѣтъ мой долженъ быть, какъ можно подлиннѣе; чтобы поправить свою ошибку и показаться ученымъ, произнесъ смѣло, звонкимъ голосомъ: „меня зовутъ Гришей, а матушку—Евдокіей Ивановной. Она меня учила читать и писать, а я самъ выучился по латыни (тутъ я залепеталъ *Pater noster, qui...*), общій смѣхъ заглушилъ продолженіе моей біографіи и моей учености. „Чей онъ?“ Отецъ мой поклонился.—„Зачѣмъ такого маленькаго привозить?“ Не помню, что отвѣтилъ отецъ, ибо голова у меня закружилась и мнѣ сдѣлалось жарко; крупныя слезы, покотившіяся на мою грудь, закрыли всю сцену, на которой я такъ не впопадъ дѣйствовалъ. Меня успокоили. Ректоръ сказалъ, что я мальчикъ съ дарованіями и что я могу быть хорошимъ ученикомъ. Меня помѣстили въ первый классъ, который назывался тогда *infima*“¹⁾. На осьмомъ году священства Прокоповичъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея. — Изъ духовныхъ лицъ Слободской Украины, Прокоповичъ первый въ 1798 году награжденъ былъ наперснымъ крестомъ. За слово, сказанное имъ въ день коронаціи Екатерины II, Высочайше получилъ 300 р., за слово въ день возшествія на престолъ Александра 1-го—1000 р., за книгу—проповѣди, поднесенныя Александру 1-му, золотыя часы съ цѣпью, осыпанною брилліантами. Въ 1803 году сопрічисленъ былъ къ ордену св. Анны 2-й ст.²⁾, а въ 1811 году получилъ алмазные знаки сего ордена. Преосвященный Христофоръ былъ весьма расположенъ къ Прокоповичу. Собственно по его ходатайству, онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст.; въ то время этого ордена, кромѣ Христофора, во всей Слободской епархіи, никто изъ духовныхъ лицъ не имѣлъ. „Получивъ, пишетъ графъ Трошинскій Хри-

1) Духов. Вѣстникъ 1865 г., томъ XI, стр. 418—419.

2) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 19 іюля 1803 г., за № 2272.

стофору (отъ 19 іюля 1803 г.), письмо Вашего Преосвященства объ отличныхъ трудахъ Харьковскаго градскаго собора протоіерея и тамошняго Коллегіума ректора, Прокоповича, въ воспитаніи и приуготовленіи юношества на службу церкви и отечества, я имѣлъ честь докладывать о томъ Государю Императору. Его Императорское Величество, принявъ въ уваженіе ваше свидѣтельство о трудахъ протоіерея, всемилостивѣйше пожаловать его изволилъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса, коего знаки, при особомъ къ нему рескриптѣ, при семъ для врученія и препровождоу¹⁾. А вотъ текстъ Высочайшаго рескрипта: „Господинъ протоіерей харьковскій Прокоповичъ! Отличное усердіе и труды, подъемлемые вами, какъ по дѣламъ епархіи, такъ наипаче по тамошнему училищу, въ коемъ вы, нося достойно званіе ректора, подвизаетесь ревностно на пользу церкви, въ просвѣщеніи юношества и проповѣданіи слова Божія, приобрѣли право особеннаго моего къ вамъ вниманія, въ знакъ котораго я пожаловалъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса, знакъ онаго для возложенія на васъ при семъ препровождоу²⁾. Прот. А. Прокоповичъ скончался въ 1826 году на 70 году жизни.

Въ Слободской Украинѣ, за время Христофора, совершилось въ Харьковѣ весьма важное событіе, которое рѣзко отдѣлило старую жизнь Украины отъ новой и впоследствии выдвинуло г. Харьковъ въ разрядъ первоклассныхъ русскихъ городовъ. Разумѣемъ открытіе въ 1805 году Императорскаго Университета. Университетъ былъ учрежденъ при участіи всѣхъ сословій того времени, по почину незабвеннаго общественнаго дѣятеля въ этомъ краѣ, Василя Назарьевича Каразина (Род. 1773 г., ск. 1842 г.). Для составленія перваго курса студен-

1) Архивъ Покровскаго монастыря. Г. Данилевскій говоритъ, что этотъ орденъ исходатайствовалъ Прокоповичу извѣстный общественный дѣятель Слободско-Украинскаго края, помѣщикъ В. Н. Каразинъ, пользуясь необыкновенною милостію Государя Александра I. Каразинъ, дабы показать своей мнимой невѣстѣ Надаржинской, что овъ значить у Государя, приѣхавши въ Харьковъ, публично самъ возложилъ этотъ орденъ на Прокоповича (Русс. Стар. 1866 г. стр. 115). Въ виду приведеннаго документа свѣдѣніе это теряетъ свое основаніе.

2) Архивъ Покровскаго монастыря, дѣло отъ 4 іюля 1803 г.

товъ—кандидатовъ изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, оказалось недостаточное число. Святѣйшій Синодъ, во исполненіе Именнаго указа, разрѣшилъ Христофору уволить двадцать молодыхъ людей въ харьковскій Университетъ изъ харьковскаго Коллегіума. Въ то время въ Коллегіумѣ число студентовъ высшихъ классовъ составляло самый небольшой процентъ общаго числа всѣхъ учениковъ ¹⁾. Какъ ни дороги были тогда Христофору кандидаты для епархіальной службы, но онъ употребилъ особое стараніе, чтобы въ Университетъ поступили изъ Коллегіума самыя надежныя лица. И дѣйствительно, избранные 20-ть юношей, оказались по экзамену „достаточно свѣдущими“. Такую заботливость Христофора Попечитель Университета, графъ Потоцкій, высоко цѣнилъ, тѣмъ болѣе, что хлопоты предъ Св. Синодомъ о дозволеніи—взять для Университета слушателей изъ Коллегіума, обошлись ему не безъ затрудненій. „Извѣстно вамъ, писалъ онъ въ 1805 году ректору Ив. Рижскому, съ какою трудностію сопряжено было семинаристамъ получить позволеніе къ Университетскимъ лекціямъ и потому должно стараться, чтобы не сдѣлать новыхъ какихъ либо затрудненій, могущихъ воспретить имъ посѣщать Университетъ“ ²⁾. Вниманіе къ Университету Христофоръ продолжалъ и послѣ ³⁾. По его ходатайству предъ Св. Синодомъ студенты Коллегіума въ числѣ 50-ти посѣщали медицинскія лекціи и такимъ образомъ, по выраженію Платона, митрополита Московскаго: „духовные юноши собирали плодъ познаній и съ

¹⁾ Въ 1803 году всѣхъ учениковъ въ Коллегіумѣ было 718, изъ нихъ въ богословскомъ классѣ было 43 студента.

²⁾ Журналъ Мин. Народ. Просв. 1872 г. Февр., стр. 199.

³⁾ Христофоръ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ не только съ Попечителемъ Северіаномъ Осиповичемъ Потоцкимъ, но и со всею ученою университетскою корпораціею. Близости этой содѣйствовало между прочимъ и то, что первые и самыя лучшіе профессора Харьковского Университета происходили изъ духовнаго званія. Такъ, первый ректоръ, Иванъ Степановичъ Рижскій, былъ изъ воспитанниковъ Троицкой Семинаріи, профессоръ чистой математики, Тимоѣей Ѳеодоровичъ Осиповскій,—изъ воспитанниковъ Владимірской Семинаріи, профессоръ русской исторіи, Гавріилъ Петровичъ Успенскій—изъ воспитанниковъ Сѣвской Семинаріи.

цвѣтовъ свѣтской учености“¹⁾). Нужно замѣтить, что Университетъ, въ первые свои годы, чуть не прекратилъ лекцій въ медицинскомъ факультетѣ, за недостаткомъ слушателей, и, если это не случилось, то исключительно благодаря содѣйствию Христофора, значительно увеличившаго число слушателей медицины студентами Коллегіума. Известно, что при основаніи Харьковского Университета было проэктировано, между прочимъ, учрежденіе при немъ богословскаго факультета. Графъ Потоцкій крѣпко стоялъ за немедленное открытіе онаго, находя въ немъ дѣйствительнѣйшее средство ежегодно увеличивать число студентовъ Университета воспитанниками Коллегіума. Такъ какъ по проекту поступленіе въ Университетъ не обязывало ихъ къ перемѣнѣ будущаго ихъ назначенія и призванія, то Потоцкій былъ увѣренъ, что высшее духовное начальство охотно будетъ увольнять ихъ изъ Коллегіума. Для преподаванія предметовъ богословскаго факультета были уже избраны и представлены на утвержденіе три лица и въ томъ числѣ ректоръ Кіевской духовной академіи. Но этому проекту не суждено было осуществиться. Богословскій факультетъ не былъ открытъ по той причинѣ, что высшее богословское образованіе, по распоряженію Св. Синода, представлено не университетамъ, а духовнымъ академіямъ²⁾). Въ торжествѣ открытія Университета (17 янв. 1805 г.) Христофоръ принималъ личное участіе. Празднество открытія, какъ известно, началось перенесеніемъ, при церемоніальномъ шествіи, сопровождаемомъ профессорами, властями, дворянами и гражданами г. Харькова, Высочайше утвержденной грамоты Харьковского Университета изъ залы Университета въ градскій соборъ. Здѣсь, при воротахъ ограды, грамоту встрѣтили, въ полномъ облаченіи, два протоіерея, а діаконы почтили ее кажденіемъ. На прагѣ

¹⁾ Духовныя школы въ Россіи 1881 г., стр. 682. Съ своей стороны Христофоръ не оставался въ долгу предъ Университетомъ: такъ, при самомъ основаніи Университетской бібліотеки, онъ пожертвовалъ изъ своей бібліотеки нѣсколько изданій по части богословія. (Опытъ Русск. Исторіографій. В. С. Иконникова, т. I-й, кн. 2, стр. 936).

²⁾ Изслѣдованія по Русской литературѣ и просвѣщенію М. Сухомлинова, т. I. СПБ. 1889 г., стр. 65.

собора ожидалъ ее Христофоръ и, принявъ отъ профессора Университета на свои руки, внесъ ее въ соборъ и положилъ на уготовленномъ посреди церкви аналоѣ, на которомъ она и ставалась до конца службы. Предстоя во главѣ почетнѣйшаго духовенства, онъ совершилъ литургію, на которой произнесъ слово о пользѣ просвѣщенія. Затѣмъ вышедши на средину церкви, въ сопровожденіи духовенства всѣхъ церквей г. Харькова, онъ вручилъ грамоту одному изъ профессоровъ, которымъ были прочитаны главнѣйшія изъ нея статьи. Еще съ большею торжественностію грамота была перенесена обратно въ Университетъ. Въ этомъ ходѣ, сопровождаемомъ звономъ колоколовъ всѣхъ градскихъ церквей, принялъ участіе самъ Преосвященный и все градское духовенство; впереди грамоты шли діаконы и воздавали ей честь каженіемъ, а иподіаконы пріосѣняли ее рипидами. Въ залѣ Университета Христофоръ, принявъ ее изъ рукъ проф. Тимковскаго, положилъ на столъ предъ портретомъ Государя и совершилъ молебствіе, на которомъ послѣ евангелія сказалъ рѣчь ректоръ Коллегіума прот. А. Прокоповичъ. Послѣ окропленія освященною водою помѣщеній университета и провозглашенія протодіакономъ многолѣтія Государю, Царствующему дому, начальствующимъ, учащимъ и учащимся, пѣвчіе пропѣли концертъ: „тебе Бога хвалимъ“. Такимъ образомъ, скажемъ словами профессора А. С. Лебедева, при открытіи Харьковскаго Университета представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворяющуюся науку¹⁾. По окончаніи молебна были сказаны рѣчи попечителемъ и нѣкоторыми изъ профессоровъ. Секретарь совѣта провозгласилъ фамиліи принятыхъ студентовъ, каждый изъ нихъ отъ епископа получилъ благословеніе а отъ попечителя шпагу. Наконецъ всѣ почетные гости, при взаимныхъ поздравленіяхъ съ совершеніемъ открытія университета, получили отъ ректора приглашеніе къ обѣду, сервированному въ торжественномъ залѣ. Во время обѣда архіерей-

¹⁾ Харьков. Губ. Вѣдом. 1892 г. № 290.

скій хоръ пѣлъ канты и концерты. Выше мы упомянули, что Христофоръ на литургіи сказалъ слово. Современники при этомъ замѣчаютъ, что Христофоръ во все время своего служенія въ Харьковѣ никогда не говорилъ проповѣдей и впервые, въ день открытія Университета, нарушилъ молчаніе. Слово это тогда же было напечатано въ прибавленіи къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ и составляетъ теперь своего рода библиографическую рѣдкость, съ которой не лишнее познакомиться, хотя въ краткомъ извлеченіи. Свое слово Христофоръ началъ такъ. „Къ умноженію блаженства и славы благоденствующей страны, ревностными исполнителями Высочайшей воли великаго нашего Монарха, устрояется въ городѣ семъ новый храмъ, храмъ Богомъ избранный и Монархомъ утвержденный, гдѣ благословенныя сѣмена ученія въ юныхъ сердцахъ обѣщаютъ личные плоды просвѣщенія, мудрости, добродѣтели. Благословенно начинаніе! Счастливы времена увѣнчанныя славою златыхъ вѣковъ!“ Засимъ воздавъ хвалу царственной дѣятельности Императора Александра, „возлагающаго на главу своихъ вѣрноподданныхъ вѣнецъ просвѣщенія“, проповѣдникъ переходитъ къ предмету своего слова—о пользѣ просвѣщенія. „Священное начинаніе дѣла сего, небесами благословляемаго, умножая общую радость и удовольствіе счастливыхъ обитателей града сего и всей вѣрноподданной миѣ паствы, подаетъ миѣ нынѣ пріятнѣйшее занятіе—предложить вамъ слово о пользѣ просвѣщенія. Просвѣщеніе, говоритъ онъ, руководитъ человѣка познать самого себя, свое достоинство, назначеніе и цѣль бытія; оно ведетъ къ истинному познанію Бога и Его творенія—видимой природы, и научаетъ его разумно служить и угождать Ему, какъ верховному началу“. Далѣе онъ развиваетъ ту истину, что образованный человѣкъ несравненно съ большимъ удобствомъ можетъ приносить пользу обществу. „Просвѣщенный судія, говоритъ онъ, имѣя въ душѣ своей зеркало Божественнаго Суда правды и милости, бодрствуетъ непрестанно, дабы оправдать невинность и осудить порокъ. Просвѣщеніе впечатлѣваетъ въ воинѣ благоразумное мужество вооружать храбрыя мышцы свои къ защищенію предѣловъ своего отечества, просвѣщенный купецъ стремится не къ одной своей личной выгодѣ, но и къ пользѣ обществен-

ной и т. д.“ Затѣмъ, пригласивъ благословенное собраніе принести молитву за августѣйшаго монарха, дѣласть слѣдующее обращеніе къ жителямъ г. Харькова. „И ты, граде благословенный, приди нынѣ въ чувствіе живѣйшее, созерцай свѣтъ просвѣщенія, озаряющій нѣдро твоего сердца, ощути сладчайшее удовольствіе мудрости, приближающейся къ тебѣ и готовой уже излить среди тебя токъ златого ученія, благословляй съ радостію твою счастливую надежду, что изъ сего священнаго источника изыдетъ желаннѣйшее благо, родъ человѣческой украшающее“. Слово свое, довольно длинное, онъ окончилъ слѣдующею молитвою къ Богу: „Боже великій, источниче премудрости и разума! ниспосли благопоспѣшествующую благодать Твою на дѣло ученія, за Твоимъ святымъ благословеніемъ въ градѣ семъ начинаемое; даждь молимъ Тя, чтобы юные питомцы, при свѣтильникѣ истиннаго просвѣщенія, познавали праведные пути благочестія и добродѣтели къ прославленію великаго имени Твоего“. А вотъ и рѣчь протоіерея Прокоповича. Она коротка, но написана живо и съ воодушевленіемъ. „Почтенное собраніе! Итакъ насталь свѣтлый день желаннаго благополучія счастливья Украины! Благотворительнѣйшій Монархъ, Августѣйшій Александръ рекъ и сему краю владычествія своего: *да будетъ свѣтъ! и бысть.* Симъ всесильнымъ глаголомъ Его уже изведены достойные дѣлатели на жатву свою, уже перенесены плодовиыя маслины изъ разсадниковъ училищъ въ сей новоучрежденный вертоградъ просвѣщенія, да, умноживъ здѣсь свои познанія, *довольны будутъ и иныхъ научити,* и да принесуть отечеству въ свое время плоды *на тридцать, на шестьдесятъ и на сто.* Блаженна страна сія! Блаженъ градъ сей! Нѣкогда Духъ Божій о блаженномъ жребіи града Виѣліема предвозвѣстилъ тако: *и ты Виѣліеме, земле Іудова, нимимъ же меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже утасетъ люди моя, израиля.* То самое во гласѣ радованія обязаны и мы исповѣдать о странѣ сей и семъ градѣ: ничимъ же меньши еси во владыкахъ російскихъ, изъ тебя бо изыдутъ *мужи мудры и умътельны и смысленны,* могущіе приносить всежеланную отечеству пользу, къ умноженію общаго и частнаго блага. Боже преблагій! Да будутъ очи Твои

милостиво отверзты день и ночь на Россію, на градъ сей и на священное мѣсто ¹⁾ сіе“.

Просвѣщенное вниманіе, оказанное Христофоромъ при открытіи университета, было ознаменовано Высочайшею наградою—орденомъ св. Анны 1-й ст. Этотъ орденъ Государь даровалъ ему, спустя мѣсяць (21 февраля) послѣ открытія университета, при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ. „Преосвященный епископъ Слободско-Украинскій Христофоръ! Отличныя заслуги ваши обратили на себя мое вниманіе, и желая удостовѣрить въ ономъ, Всемилостивѣйше жалуя Васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени, коего знаки у сего препровождая, повелѣваю возложить оныя на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Въ протчемъ пребываю къ вамъ благосклонный“. Этою царскою милостію Христофоръ былъ очень обрадованъ. Онъ тогда же обратился съ благодарнымъ письмомъ къ первенствующему члену Святѣйшаго Синода митрополиту Амвросію слѣдующаго содержанія. „Сего мѣсяца марта въ пятый день я имѣлъ счастье получить отъ Его Императорскаго Величества при Высочайшемъ рескриптѣ орденъ Анны 1-й ст. Бывъ увѣренъ въ душѣ моей, что Ваше Высокопреосвященство конечно изволили принять въ семъ моемъ благополучіи участіе вашею рекомендаціею, приношу чувствительную мою вамъ благодарность. Примите оную Высокопреосвященнѣйшій владыко, съ свойственнымъ сердцу Вашему благоволеніемъ, въ залогъ совершеннаго моего къ святительской особѣ Вашей высокопочтенія и душевной преданности, съ которыми и до конца дней моихъ пребуду“ ²⁾. Съ такимъ же благодарственнымъ письмомъ онъ обратился и къ попечителю университета графу Потоцкому, который въ полученіи ордена также много содѣйствовалъ ему. Вотъ что отвѣчалъ Потоцкій на его письмо. „Пріятно для меня письмо вашего преосвященства, но извѣстіе ваше о всемилостивѣйшемъ награжденіи заслугъ вашего преосвященства орденомъ Анны 1-й ст. принесло мнѣ еще большее удовольствіе. Радость, которую вашему преосвя-

¹⁾ Прибавл. къ С.-Петербургу. вѣд. 1805 г. № 13, стр. 128—130.

²⁾ Архивъ Покровскаго монастыря.

ценству сіе счастье доставляетъ, я чувствую столько, сколько сердце мое, посвященное вашей дружбѣ, вмѣстить можетъ, и, ежели я, въ семъ случаѣ сколько нибудь могъ услужить вамъ, ежели желанія и старанія мои сколько нибудь споспѣшествовали сему счастливому приобрѣтенію, то сіе дѣлаетъ мнѣ особенную честь“¹⁾). Консисторія, извѣщая духовенство о полученіи преосвященнымъ ордена св. Анны 1-й ст. предписала, чтобы оно именовало владыку кавалеромъ во всѣхъ, гдѣ слѣдуетъ, бумагахъ, а равно и при возглашеніи ему въ храмѣ многолѣтія.

Въ 1802 году, по мысли В. Н. Каразина, было учреждено въ Россіи министерство народнаго просвѣщенія. Въ этомъ министерствѣ, въ которомъ первоначально служилъ и Каразинъ, былъ выработанъ новый уставъ учебныхъ заведеній, утвержденный незадолго до открытія въ Харьковѣ Университета. Этотъ уставъ какъ нельзя болѣе цѣлесообразно поставилъ въ нашемъ отечествѣ школьное дѣло, онъ далъ связь и единство всей системѣ народнаго образованія. По этому уставу въ основу средняго образованія былъ положенъ принципъ, что школа не только готовитъ воспитанниковъ къ научнымъ занятіямъ, но и даетъ имъ цѣльное, законченное образованіе. Курсъ средней школы былъ установленъ семилѣтній, но онъ былъ раздѣленъ на три концентрическихъ круга, которымъ соотвѣтствовали и три рода отдѣльныхъ учебныхъ заведеній: ученіе начиналось въ приходскомъ училищѣ (1 годъ), продолжалось въ уѣздномъ училищѣ (2 года) и заканчивалось въ гимназіи (4 года). Такимъ образомъ курсъ младшихъ классовъ гимназіи былъ выдѣленъ въ двѣ особыя низшія школы, причемъ онъ былъ расположенъ такъ, что курсъ каждой школы давалъ воспитанникамъ нѣчто цѣльное. Все удобство такой системы понятно съ перваго взгляда. Приходскія училища (т. е. начальныя школы, соотвѣтствующія пригготовительнымъ классамъ) могутъ быть учреждаемы повсемѣстно, по мѣрѣ средствъ и потребностей; уѣздныя училища (равняющіяся прогимназіи, или младшимъ классамъ гимназіи) существуютъ по

¹⁾ Архивъ Покровскаго монастыря.

всѣмъ городамъ; наконецъ четырехклассныя гимназіи (т. е. старшіе гимназическіе классы) открываются по всѣмъ губернскимъ городамъ. При подобномъ распорядкѣ „губернская“ гимназія является учрежденіемъ дѣйствительно губернскимъ, связаннымъ со всею сѣтью училищъ, расположенныхъ по всѣмъ уѣздамъ, и въ свою очередь связывающимъ губернскую систему образованія съ университетомъ. И такой связи, такому отношенію соотвѣтствовало и самое учебное управленіе: во главѣ учебнаго округа состоялъ университетъ, завѣдываніе школьнымъ дѣломъ губерніи принадлежало директору училищъ, бывшему и директоромъ гимназіи ¹⁾). Обращая вниманіе на Харьковскій Университетъ, мы видимъ, что онъ съ первой же минуты своего существованія имѣлъ самое широкое просвѣтительное вліяніе на весь южный край нашъ. Университету предстояла великая миссія учредить въ своемъ округѣ среднія и низшія училища. И онъ горячо отнесся къ этому дѣлу. Не смотря на то, что при началѣ своей дѣятельности онъ не имѣлъ ни опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ, ни подготовленныхъ учителей, ни готовыхъ учениковъ, университетъ справился съ своей сложной задачей съ блистательнымъ успѣхомъ. Въ первое же десятилѣтіе, харьковская губернія почти вся реформирована была по новому учебному плану: въ Харьковѣ была открыта гимназія, въ уѣздныхъ городахъ уѣздныя, а въ селахъ приходскія училища ²⁾).

Преосвященный Христофоръ засталъ въ Харьковѣ два народныхъ училища, учрежденные въ 1788 году,—малое и главное. Въ этихъ училищахъ молодые люди разныхъ сословій получали, по тогдашнему времени, низшее и среднее образованіе. Почти одновременно (3 Сент. 1805 г.) съ учрежденіемъ университета, малое училище было преобразовано и переименовано въ Харьковское Уѣздное Училище, а главное въ Губернскую Гимназію. Бывшій директоръ главнаго народнаго училища, Теодоръ Ивановичъ Кудрицкій, былъ переведенъ директоромъ

¹⁾ Этотъ порядокъ продолжался у насъ до 1828 года. (См. Русскія Вѣдомости, 1892 г.).

²⁾ Русская школа (Окт. и Ноябрь 1892 г.)]

гимназіи. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и воспитывался въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. По словамъ старожила Е. И. Топчія, Кудрицкій былъ въ большемъ почетѣ у харьковской аристократіи, знакомствомъ котораго дорожили за его честность, прямоту, острый умъ, находчивость; въ затруднительныхъ случаяхъ всѣ знакомые и родные прибѣгали къ его совѣтамъ ¹⁾. Еще состоя въ должности директора главнаго народнаго училища, Ѳ. Кудрицкій, по ходатайству сенатора Лопухина, въ 1801 году ревизовавшаго Харьковскую губернію и, между прочимъ, Харьковское главное народное училище, былъ Высочайше произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника и сверхъ сего ему опредѣлено было въ пансіонѣ, кромѣ жалованья, 250 р., а въ подкрѣпленіе содержанія училища единовременно пять тысячъ рублей ²⁾. Преосвященный Христофоръ состоялъ съ нимъ въ большой дружбѣ. По его ходатайству въ 1808 г. онъ удостоенъ былъ ордена св. Анны 2-й ст. „Сего 18 іюня, писалъ Христофоръ министру графу Заводовскому, здѣшней гимназіи директоръ, надворный совѣтникъ Кудрицкій, о которомъ я имѣлъ честь утруждать ваше сіятельство, удостоился получить высокомонаршую милость пожалованіемъ ему ордена 2 класса св. Анны. Сія отличная награда долговременныхъ трудовъ его для пользы общей есть, какъ я совершенно увѣренъ, дѣло вашего многомогнанаго у престола предстательства. Почему, пріемля въ судьбѣ сего почтеннаго старика искреннее участіе, непремѣннымъ долгомъ поставляю принести вашему сіятельству чувствительнѣйшую мою благодарность“ ³⁾. По ходатайству училищнаго комитета, учрежденнаго при Харьковскомъ университетѣ и имѣвшаго въ своемъ завѣдываніи гимназіи Харьковскаго округа, преосвященный Христофоръ на должности законоучителя Харьковской губернской гимназіи утвердилъ законоучителемъ священника Василя Григорьевича Ѳотіева. Среди тогдашняго духовенства Ѳотіевъ своимъ умомъ и положеніемъ рѣзко выдѣлялся. Родился онъ

¹⁾ Южный Край 1883 г., № 881.

²⁾ Высоч. рескриптъ отъ 14 Янв. 1802 г.

³⁾ Приложение къ журналу „Духовный Дневникъ“, 1865 г., стр. 62.

въ 1756 году, обучался въ Харьковскомъ Коллегиумѣ съ 1769 по 1784 годъ. Изъ прошенія его въ 1781 г. преосвященному Аггею видимъ, что въ этомъ году онъ былъ въ богословскомъ классѣ и за нимъ числилось мѣсто въ г. Харьковѣ, при Вознесенской церкви. Зачислялись мѣста въ Харьковѣ тогда только за студентами богословія, отличными по ученію. Въ помянутомъ выше прошеніи, онъ просилъ преосвященнаго дозволить отцу его, Георгію Ѳотіевичу, священнику села Григоровки (въ 4 в. отъ Харькова) держать седмицу при Вознесенской церкви съ полученіемъ доходовъ. „Какъ за просителемъ, пишетъ преосвященный Аггей, при Вознесенской церкви утверждено по отличному ученію его священническое мѣсто, съ полученіемъ подлежащей со всѣхъ доходовъ части, то отцу его исправлять при оной седмичное служеніе и получать подлежащій доходъ на сыновнее и свое содержаніе ничто не мѣшаетъ“¹⁾. Живя въ Харьковѣ, Георгій Ѳотіевичъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ „грѣшнаго человѣка“. По христіанскому смиренію своему онъ имѣлъ всегдашній обычай свое имя замѣнять словомъ „грѣшный человѣкъ“, и при встрѣчѣ съ своими знакомыми, когда они не узнавали его и спрашивали кто идетъ? отвѣчалъ: „грѣшный человѣкъ“. Въ 1789 году Ѳотіевъ состоялъ священникомъ при Харьковской Вознесенской церкви, въ 1794 году онъ совершалъ закладку новой деревянной церкви и при этомъ сказалъ слово. Оно было отпечатано въ Москвѣ, въ 1801 г. Въ главномъ народномъ училищѣ Ѳотіевъ, съ 1796 года, состоялъ законоучителемъ, преподавалъ риторику и логику и за уроки свои получалъ въ годъ 250 руб. Плата по тогдашнему времени очень приличная. Въ гимназій (въ которую было преобразовано это училище), кромѣ помянутыхъ предметовъ, онъ преподавалъ поэзію и метафизику. Ѳотіевъ содержалъ въ Харьковѣ на свои средства дворянскій пансіонъ, гдѣ воспитывались дѣти лучшихъ дворянскихъ фамилій и гдѣ онъ преподавалъ законъ Божій и прочіе предметы. Членъ училищнаго комитета, профессоръ Харьковского университета, Тимковскій, ревизовавшій его пансіонъ, въ своемъ отчетѣ отзывался, что „пансіонъ

¹⁾ Архивъ Харьковской Духовной Консисторіи 1782 г. № 179.

о. Оотіева лучшей и самой дорогой въ Харьковѣ, съ иныхъ пансіонеровъ онъ беретъ 300 р. и 350 р. въ годъ; онъ имѣеть для нихъ смотрителя иностранца и платитъ танцмейстеру за уроки имъ въ декламациі на французскомъ языкѣ и танцванье“¹⁾. На сколько успѣшно шло здѣсь преподаваніе наукъ видно уже изъ того, что всѣ почти ученики старшаго класса выдержали экзаменъ и поступили въ составъ перваго курса студентовъ университета, въ первый годъ его открытія. Съ особымъ почетомъ относились къ нему тогдашніе помѣщики-аристократы. В. Н. Каразинъ былъ его другомъ и переписывался съ нимъ. Лишь только возникла въ умѣ Каразина мысль объ основаніи въ Харьковѣ университета, онъ первѣе всего подѣлился ею съ Оотіевымъ и уже мѣтилъ его сюда на должность профессора богословія. Какъ законоучитель, онъ былъ на столько популяренъ, что, бывши уже старикомъ, по неотступной просьбѣ помѣщика Хорвата, ѣздилъ каждую недѣлю въ с. Салтово и давалъ уроки его сыну²⁾. Съ именемъ о. Василія Оотіева связано очень печальное событіе изъ послѣдняго года царствованія Императора Павла I-го. Тогда городу Харькову грозила великая бѣда и въ этой бѣдѣ невинно пострадалъ Оотіевъ. Это событіе Харьковскіе старожилы (Т. И. Селивановъ, А. С. Венедиктовъ, В. М. Черняевъ, Е. С. Гордѣенко и др.) передаютъ съ такими подробностями: „нѣсколько бабъ-хохлушекъ, проходя рано утромъ на базаръ мимо Вознесенской церкви, увидѣли что-то приклеенное на стѣнѣ колокольни. Скоро подошелъ къ нимъ діаконъ церкви, снялъ со стѣны бумагу и, прочитавши при этихъ женщинахъ, увидѣлъ, что то былъ пасквиль на Императора Павла I-го. Діаконъ передалъ пасквиль своему приходскому священнику о. Василию Оотіеву, котораго домъ находился близъ церкви³⁾. Пораженный ужасомъ, Оотіевъ препроводилъ пасквиль губернатору, который въ неменьшемъ ужасѣ донесъ тотчасъ обо всемъ въ Петербургъ. Пошла исторія. Повлекли въ Петербургъ всѣхъ,

1) Архивъ Харьк. Истор. Фвл. Общ., связка V-я.

2) Тамъ же.

3) Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится домъ второй женской гимназіи.

кого только сочли прикосновеннымъ къ дѣлу и Оотіева и женщинъ-хохлушекъ. Разгнѣванный Павелъ самъ всѣхъ допрашивалъ. Испуганныя хохлушки своимъ нарѣчіемъ и простотою заставили, какъ говорили, рассмѣяться Павла, они, конечно, ничего не понимали (чули щось читали, та мы ничего не знаемо). Отца Оотіева *выскли*. Тѣмъ не менѣе автора пасквиля все-таки не сыскали. Павелъ велѣлъ поставить въ Харьковѣ на площади висѣлицу для отыскиваемаго пасквилянта и объявить, что если къ назначенному сроку его не сыщутъ, или не выдадутъ, то будутъ бить кнутомъ десятаго харьковскаго обывателя и всѣхъ сошлютъ въ Сибирь, а городъ уничтожатъ. Висѣлицу поставили, но, чрезъ ночь, на другой день—о ужасъ! на висѣлицѣ увидѣли повѣшенную чучелу Павла. Харьковцы ожидали со дня на день своей страшной казни. Дѣло было въ великій постъ. Наступила страстная недѣля. Преосвященный Христофоръ служилъ въ соборѣ, горожане молились и плакали. Вдругъ въ церковь входитъ только что пріѣхавшій фельдъегеръ изъ Петербурга и направляется прямо къ архіерею съ бумагой. Христофоръ разворачиваетъ ужасную бумагу—и не можетъ читать ее отъ волненія, передаетъ протодіакону Іакову Александрову, который и прочелъ торжественно—манифестъ о восшествіи на престолъ Александра 1-го. Всеобщую радость харьковцевъ въ тотъ моментъ нельзя выразить. Послѣ ожидаемаго кнута и Сибири, всѣ они почувствовали себя на седьмомъ небѣ: начали плакать и цѣловаться. Все дѣло о пасквилѣ было предано забвенію, какъ бы его вовсе не было. Всю описанную дерзкую продѣлку съ пасквилемъ и чучелой Павла, какъ говорили, устроилъ одинъ изъ тогдашнихъ шалопаетъ, молодыхъ помѣщиковъ, Горбунь-Подгоричани, въ сообществѣ съ своими пріятелями. Удивительно, какъ его не открыли. Впрочемъ общая бѣда избавляла отъ доноса также, какъ и дѣлала отчаянно-смѣлымъ. Карамзинъ, въ своей извѣстной „запискѣ о древней и новой Россіи 1811 г.“, говоритъ о томъ времени слѣдующее: „замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, Россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили, и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частнаго

милостивѣйше пожалована ему по особенному (какъ сказано въ указѣ Св. Синода) ходатайству попечителя графа Потоцкаго. Для камилавки о. Василій вызванъ былъ къ преосвященному Христофору; когда о. Василій, по возложеніи камилавки, произнесъ рѣчь; доброе сердце владыки такъ было тронуто, что онъ со слезами обнялъ его и удержалъ на нѣсколько дней у себя. Это и не могло быть иначе при ближайшемъ знакомствѣ двухъ сердець добрыхъ, которыя старались разлучить люди недоброжелательные. Эти люди и завалившася въ Валки (какъ говаривалъ о. Василій) не могли забыть. Преосвященный удержалъ о. Василя болѣе недѣли въ Харьковѣ, просилъ его быть его духовникомъ и три раза назначалъ ему говорить проповѣдь въ церкви.) Въ 1822 году, по ходатайству университетскаго начальства, за труды по званію законоучителя, Сидсаревъ былъ награжденъ наперстнымъ крестомъ, а въ 1830 году онъ получилъ также по ходатайству училищнаго начальства другой золотой наперстный крестъ, но украшенный короною, изъ кабинета Его Величества. Скончался о. Василій на 78 году своей жизни 1833 года.

Изъ 18-ти Украинскихъ монастырей Христофоръ засталъ существующими, кромѣ Училищнаго Покровскаго, слѣдующіе: Куряжскій, Хорошевскій, Сумскій и Донецкій, прочіе 13-ть въ 1778 году были упразднены.

Куряжскій Старохарьковскій Преображенскій монастырь былъ возстановленъ, только за три года до поступленія Христофора на Харьковскую кафедру, преоср. Θεоктистомъ, при содѣйствіи генераль-губернатора Леванидова. Возстановляя Куряжскій монастырь, Св. Синодъ закрылъ монастырь Вольновскій²⁾. „Старохарьковскій монастырь, писалъ Θεоктистъ Св. Синоду, хотя по упраздненіи и обращенъ въ приходскую церковь, но, по неимѣнію въ близости селеній, составить для него приходъ не можно, почему и прошу разрѣшенія возстановить оный, оставивъ его на собственномъ его содержаніи, „съ учрежденіемъ за нимъ порядка общежительства“, а монастырь Вольновскій,

1) Тамъ же.

2) Указъ Св. Синода 5 ноября 1796 г. № 10857.

Троицкій, въ коемъ нѣтъ удобныхъ строеній, по перемѣщеніи изъ онаго монаховъ въ Старохарьковскій, обратить въ приходскую церковь, такъ какъ сей монастырь находится внутри экономическаго села Поповки“. Главная святыня Куряжскаго монастыря, чудотворный образъ Озерянской Божіей Матери былъ перенесенъ сюда въ 1778 г. изъ закрытой Озерянской пустыни. Изъ описи за 1800 годъ видно, что икона эта въ то время была въ окованной золотой ризѣ, вѣнецъ осыпанъ восточными хрусталами, а въ срединѣ маленькій бриліантовый камушекъ, надъ Богомладенцемъ такъ же вѣнецъ, но безъ бриліанта. „Мѣстность монастыря, говоритъ одинъ изъ современниковъ Христофора, очаровательна. Вездѣ тѣнистыя рощи, сосѣдство лѣса и большая дорога, идущая между разбросанными хуторами и деревушками, дѣлаютъ наружный видъ монастыря привлекательнымъ. Онъ возвышается на небольшой горѣ, которая, начинаясь незамѣтно, оканчивается на противоположной сторонѣ крутымъ обрывомъ, совершенно закрытымъ густою чащею деревъ. На срединѣ этой горы стоитъ монастырь съ двумя церквями и кельями. Колокольня высоко выказываетъ свою стройность и виднѣется надъ поверхностью лѣса, когда смотрѣть на нее издали. Въ оградѣ внизу еще одна церковь, которая стоитъ надъ самою крутизною такъ, что крестъ ея равняется съ висячими вѣтвями деревъ, которыми прикрывается обрывъ. Изъ подъ камней этого обрыва струится во многихъ мѣстахъ вода, которой главный притокъ направленъ подъ престолъ церкви, потомъ подъ амвонъ и наконецъ, у входа въ церковь, вода льется въ резервуаръ, изъ котораго, чистая какъ слеза, и холодная, какъ Нарзанъ, течетъ далѣе и непрерывно шумитъ и кипитъ своимъ чуднымъ журчаньемъ, вливаясь въ купальни, изъ которой наконецъ, освобождаясь, течетъ въ близъ находящійся прудъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зеленью и деревьями. За рощею вода опять съ грохотомъ шумитъ, кружась подъ колесами монастырской мельницы. Къ этому мѣсту и преимущественно къ церкви устроены огромные сходы, идущіе подъ навѣсомъ высокихъ и тѣнистыхъ деревъ; въ концѣ этихъ сводовъ возвышается огромный берестъ, широко раскинувши вѣтви, изъ подъ которыхъ,

какъ изъ подъ громаднаго зонтика, проходящіе опускаются на зеленую мураву окружающую церковь“¹⁾).

Зданія Куряжскаго монастыря, оставшіяся около 20 лѣтъ (1778—1796) безъ всякой ремонтровки, представляли собою запустѣлый видъ. Въ Преображенскомъ соборномъ храмѣ живопись на иконостасѣ, которая была „преизряднаго искусства“, отъ течи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхой гонтовой крыши, потемнѣла и краски осыпались. Въ 1804 году Христофоръ выдалъ монастырю нѣсколько просительныхъ книгъ и, на испрошенныя пожертвованія, была исправлена крыша и полы храмовъ. Во время упраздненія сего монастыря, колокола перешли въ собственность нѣкоторыхъ Харьковскихъ церквей. Въ 1796 году, во время возобновленія монастыря, коллежскій ассесоръ Иванъ Васильевичъ Будянской, въ качествѣ попечителя монастыря, нуждаясь въ деньгахъ, вошелъ въ соглашеніе съ прихожанами Харьковскихъ церквей и получилъ за колокола отъ Успенскаго собора 1000 руб. ас., отъ церквей: Троицкой 300 р., Вознесенской 200 р., Благовѣщенской 150 р., Основянской Предтечевской 50 р.²⁾ Въ 1800 году игумень монастыря Иларіонъ жаловался Христофору, что экономическіе крестьяне села Куряжа не допускаютъ его до владѣнія, отведенною въ 1796 году, пропорціею земли, лѣса и выгона и тѣмъ приводятъ монастырь въ крайнюю обиду. Христофоръ обратился къ защитѣ губернатора Сабурова, стараніемъ котораго права на всѣ земельныя угодья были возстановлены и утверждены формальною межою. Куряжскій монастырь, какъ извѣстный своею картинною природою, былъ любимымъ мѣстомъ, гдѣ преосвященный Христофоръ проводилъ лѣтнее время. Сюда весьма часто по вечерамъ пріѣзжалъ Харьковскій губернаторъ Бахтинъ, для бесѣды и прогулокъ съ владыкой, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ. У Христофора въ 1800 г. жилъ, въ качествѣ келейника, сынъ помѣщика сл. Основы Григорій Квитка, извѣстный впослѣдствіи малорусскій писатель. Онъ намѣревался постричься здѣсь въ

1) Дух. Вѣсти. 1865 г. Т. XI, стр. 425.

2) Архивъ Х. Д. Коневсторіи 1797 г. № 23.

монахи. Жители г. Харькова часто видѣли его въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, стоящимъ на запяткахъ за каретой преосвященнаго, когда Христофоръ прїѣзжалъ въ Харьковъ для служенія ¹⁾).

Здѣсь, съ 1796 года, проживалъ на покоѣ архимандритъ, Герасимъ Іонинъ, уволенный, согласно прошенію, по болѣзни, отъ должности настоятеля Ставропигіального Соловецкаго монастыря. Св. Синодъ назначилъ ему пенсію въ 150 р. и предоставилъ право имѣть въ Куряжскомъ монастырѣ „пристойныя келліи“. Куряжскій монастырь онъ избралъ для покоя, потому что Слободская Украинская губернія была его родина и недалеко отъ Куряжа въ сл. Полковой Никитовкѣ, Богодуховскаго уѣзда, жилъ родной его братъ прапорщикъ помѣщикъ Василій Іонинъ. Христофоръ былъ внимателенъ къ нему, сдѣлалъ его благочиннымъ и главнымъ попечителемъ монастыря, нерѣдко поручалъ ему вмѣсто себя совершать освященіе новоустроенныхъ храмовъ въ епархіи, но настоятель монастыря, какъ видно изъ его жалобы св. Синоду, не долюбивалъ его, дѣлалъ ему разныя притѣсненія, а прислужники грабили его деньги и пожитки. Въ 1803 году онъ просился на жительство къ брату своему, но св. Синодъ отказалъ ²⁾ и перевелъ его въ 1804 году въ Софроніеву пустынь Курской епархіи, гдѣ онъ и скончался. Куряжскій монастырь управляемъ былъ строителями и считался занглатнымъ. Курскій Архіепископъ Θεоктистъ въ письмѣ своемъ Христофору совѣтовалъ хлопотать о возведеніи его на степень третье-класснаго. Неизвѣстно, было ли со стороны Христофора подобное ходатайство, но онъ возведенъ былъ въ третье-классный уже въ 1833 году. „Требуемая вами копія, пишетъ Θεоктистъ (марта 9, 1807 г.), нынѣ посылаю вамъ. Въ первой разумѣются монастыри игуменскіе, во второй строительные, а въ третьей подается и вашему преосвященству средство къ исходатайствованію учрежденія игуменства въ Старо-Харьковскомъ монастырѣ, чрезъ благодѣтельнѣйшихъ князей Голицыныхъ.

¹⁾ Русская старина, стр. 178.

²⁾ Указъ св. Синода отъ 12 Ноября 1803 г., за № 3297.

А ежели учредится игуменство въ семь монастырѣ, тогда можно будетъ испросить дозволенія въ Святѣйшемъ Синодѣ къ возложенію на старика золотой шапки и креста. Резонъ важный, чтобъ быть Старо-Харьковскому монастырю третьекласснымъ монастыремъ, поелику въ епархіи вашей нѣтъ ни единого штатнаго монастыря. Могутъ сыскать какой либо монастырь къ обращенію въ приходскую церковь, чтобъ на мѣсто онаго учредить штатъ въ Старо-Харьковскомъ монастырѣ. Но о семь прежде всего надобно отнестись къ князю Александру Михайловичу. Много пособили бы къ сему, ежели бы и господа чиновначальники и дворяне Слободско-Украинской губерніи представили о семь, описавъ древность, красоту Старо-Харьковскаго монастыря и по мѣсту положенія при главномъ тракту во многіе города и въ самый Кіевъ¹⁾. Старикъ, о которомъ Теокистъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ, разумѣется строитель Куряжскаго монастыря іеромонахъ Θεодосій. Родомъ онъ былъ малороссъ, питомецъ Кіевской духовной академіи, съ 1775 года іеромонахъ малорусскаго Нефорощинскаго монастыря, съ 1788 года іеромонахъ Егерскаго полка, съ которымъ безотлучно находился „въ много-трудныхъ и опасныхъ заграничныхъ походахъ и сраженіяхъ съ Турціей“, съ 1798 г. эконоомъ въ архіерейскихъ домахъ—Θеодосійскомъ и Слободско-Украинскомъ и членъ консисторіи въ Θεодосіи и Харьковѣ, съ 1806 г. строитель Куряжскаго монастыря. „Строитель Θεодосій, замѣчаетъ преосвященный Филаретъ, былъ старецъ простой, невольно вызывавшій улыбку своею простотою. Скончался въ 1818 году на 91 году“²⁾.

Хорошевскій женскій Вознесенскій монастырь Христофоръ засталъ весь почти вновь устроеннымъ, такъ-какъ церковь и келліи „отъ незапнаго пожарнаго случая, бывшаго въ 1744 году всѣ погорѣли безъ остатку“. Главная Вознесенская церковь была сооружена въ 1759 году, а другая Михайловская въ 1786 году. Вокругъ этихъ церквей стояли низенькія небольшие келліи для монахинь, покрытыя гонтой и соломой и

1) Архивъ Покров. мон.

2) Истор. Статист. опис. X. Епархія отд. 1, стр. 96.

шесть простыхъ избъ въ которыхъ жили монастырскіе служители. Вокругъ монастыря была устроена въ 1797 году деревянная ограда, къ которой придѣланы были хлѣбныя коморы, келарня и гостинная келлія. Игуменія Таифа Сошальская, будучи преклона лѣтами, только числилась въ этомъ званіи; въ дѣйствительности управляла монастыремъ монахиня Теофанія Ковалевская. Таифа, родомъ дворянка, польской націи, поступила въ монастырь въ 1770 году, въ игуменіи была поставлена въ 1776 году Бѣлгородскимъ преосвященнымъ Аггеемъ. Она была женщина простая и неграмотная, въ официальныхъ бумагахъ за нее подписывался монастырскій священникъ Іоаннъ Острогорскій. По вниманіи къ ея старости (72 л.) и трудамъ по постройкѣ Михайловскаго храма Христофоръ ходатайствовалъ ей пенсію, и здѣсь она жила на покой.

Сумскій Предтечевъ женскій монастырь былъ оставленъ по Высочайшему повелѣнію открытымъ до кончины, проживавшей здѣсь, нѣкоей престарѣлой Грузинской царевны. Въ 1805 году Христофоръ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ оставленіи этого монастыря навсегда открытымъ. Въ своемъ донесеніи онъ указывалъ Синоду, что здѣсь еще очень крѣпки двѣ деревенныя церкви, одна соборная о двухъ главахъ, съ трапезою въ честь Іоанна Предтечи, а другая въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, утварью и ризницею весьма достаточны, на деревянной колокольнѣ имѣется четыре колокола. Въ оградѣ 23 монашескихъ келлій и квартира для священника. Прочія строенія: гостинница съ поварнею и двумя кладовыми, отдѣльно стоящими, амбаръ деревянный съ разною столовою посудою, изба и конюшенный дворъ, на которомъ устроенъ деревянный сарай. Весь монастырь окруженъ частію деревянною оградою, а частію плетнемъ. Тутъ же при монастырѣ огороды около двухъ десятинъ. Далѣе преосвященный писалъ, что, временно проживающая здѣсь, вдова помещица Служева желаетъ на свой счетъ устроить третій каменный храмъ и снабдить его утварью, а окрестные дворяне и богатые купцы г. Сумъ изъявили желаніе снабжать монахинь всѣми необходимыми средствами къ жизни. „Мнѣ извѣстно, писалъ онъ, что многія дѣвицы изъ дворянъ слободско-украин-

ской губерніи намѣрены принять монашество и поступить въ этотъ монастырь. Къ сему онъ присовокупилъ, что Сумскій женскій монастырь оказалъ бы большое пособіе женскому Хорошевскому монастырю, который, какъ единственный женскій въ епархіи, сильно бываетъ стѣсненъ мірскими женщинами, посылаемыми сюда, по приговору судовъ, для несенія эпитимій. Св. Синодъ, руководясь Высочайшимъ указомъ состоявшимся 31 марта 1764 года, отказалъ въ этой просьбѣ ¹⁾. По смерти Грузинской царевны монастырь въ 1811 году былъ закрытъ. Жившія здѣсь монахини перешли въ Хорошевскій монастырь, только самыя глубокія старицы, числомъ 13-ть, оставались здѣсь, пока не переселились въ вѣчность. Всѣ земельныя угодья взяты были въ вѣдѣніе казны. Храмы, келліи и амбары были проданы съ публичнаго торгу, а утварь и различныя вещи храмовъ переданы въ Харьковскій кафедральный соборъ, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ и нынѣ цѣлы. Оставшіеся послѣ публичной продажи двухъэтажный амбаръ, въ 1813 году былъ проданъ за 116 руб. ас., келліи монахинь за 36 руб., а гостинная келлія была продана духовенству г. Лебедина подъ постройку дома для нотной школы.

Донецкій мужской Успенскій Предтечевъ монастырь находится въ слободѣ Донецкой въ 25 верстахъ отъ города Богучара и принадлежитъ вѣдѣнію Воронежской епархіи, куда онъ поступилъ съ отчисленіемъ Богучарскаго уѣзда отъ Слободско-Украинской губерніи. При Христофорѣ этотъ монастырь служилъ мѣстомъ, гдѣ выполняли эпитимію духовныя и свѣтскія лица. Въ 1803 году, по смерти строителя Савватія, Христофоръ послалъ сюда строителемъ іеромонаха архіерейскаго дома Комментарія, котораго онъ привезъ съ собою изъ Крыма. Монастырь этотъ былъ весьма бѣденъ и много терпѣлъ обидъ отъ казеннаго вѣдомства. „Прошло уже пять лѣтъ, пишетъ Комментарій, какъ отведены по Высочайшему повелѣнію въ 1797 году межевою экспедиціею монастырю, состояція близъ слободы Донецкой, поля для хлѣбопашества и луга для сѣнокоса, также лѣса, озера и мельница, но эти угодья и по сіе

¹⁾ Указъ Св. Синода отъ 31 декабр. 1806 г. № 3927.

время не поступили въ вѣдѣніе монастыря“. Въ концѣ своей жалобы онъ вмѣстѣ съ братіею такъ умолялъ Христофора о защитѣ: „того ради преосвященнѣйшій владыко, милосердый отецъ и защитникъ, воззрите милостивымъ окомъ на прибѣгающихъ подъ всещедрую десницу вашего преосвященства, дайте руку помощи и не оставьте безъ призрѣнія и пропитанія сію живущую и служащую въ св. обители братію и восходатайствуйте, гдѣ слѣдуетъ, дабы оныя, владѣемая нами угодья, по прежнему были для пропитанія монашествующихъ“¹⁾. Вслѣдствіе ходатайства Христофора казенная палата увѣдомила его, что земля и озера немедленно имѣютъ поступить во владѣніе монастыря, но что касается мельницы, то она, какъ отданная въ аренду титулярному совѣтнику Ѳедору Перекрестову на четыре года, будетъ возвращена по истеченіи сего срока.

Святогорскій монастырь находится въ Изюмекомъ уѣздѣ на берегу сѣвернаго Донца, въ прекрасной гористой мѣстности, на мѣловыхъ горахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, въ имѣніи д. т. с. Василія Васильевича Энгельгарда, заключавшемъ въ себѣ до 2-хъ тысячъ душъ крестьянъ и около 27 т. десятинъ земли и лѣса. За время Христофора въ оградѣ монастырской цѣлы были деревянныя, на каменномъ фундаментѣ, настоятельскія келліи съ двумя подъ ними каменными выходами, 12 деревянныхъ келлій для монаховъ и послушниковъ, двѣ гостинныхъ келлій и два каменныхъ амбара. Еще крѣпка была стоявшая вокругъ монастыря каменная ограда мѣрою на 170 сажень, въ вышину 4-хъ аршинъ. Отъ древняго монастыря сохранились св. врата съ небольшою колокольнею и соборный каменный храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы. На вершинѣ мѣловой святогорской скалы, отдѣльно выдающейся среди гористаго лѣса, стояла небольшая мѣловая церковь во имя святителя Николая, съ древними подъ нею пещерами во внутри скалы и пятью въ нихъ мѣловыми и двумя деревянными келліями. Здѣсь на этой скалѣ, по преданію, явился чудотворный образъ Святителя Николая—завѣтная бла-

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Консист. отъ 23 мая 1803 г. № 57.

годатная святыня Святогорья, которая промысломъ Божиимъ тоже уцѣлѣла среди заустѣнія монастыря; хранилась она въ Успенской церкви, обращенной въ приходскую, и привлекала къ себѣ благочестивыхъ богомольцевъ. Исцѣленія, нерѣдко истекавшія отъ этой иконы, прославили мѣсто это въ окрестности: 9 мая и 15 августа собирались отовсюду въ Святогорь усердные христіане, а особенно съ тихаго Дона набожные донцы съ полною вѣрою къ чудотворному лику святителя Николая. Въ эти дни здѣсь бывала очень значительная ярмарка. Два приходскіе священника, діаконъ и четыре причетника проживали въ келліяхъ бывшаго монастыря, исправляли требы для богомольцевъ и жителей окрестныхъ деревень, которые къ Святогорью принадлежали приходомъ. Иноческая жизнь въ это время, въ этомъ мѣстѣ, совсѣмъ угасала и только кое какіе любители пустынножитія, привлекаемые безмолвіемъ Святогорья, проживали въ лѣсахъ—въ пещерахъ горъ, освященныхъ подвигами древнихъ подвижниковъ и какъ-бы предназначенныхъ самою природою для иноческаго безмолвнаго житія. Кто только не посѣщалъ Святогорья, каждый любовался живописнымъ мѣстоположеніемъ бывшаго монастыря, и его чудною скалою и скорбѣлъ о его заустѣніи. Святогорскій монастырь былъ возстановленъ въ 1842 году, подъ наименованіемъ Успенской Святогорской общежительной пустыни.

Продажа зданій Ахтырскаго Троицкаго монастыря продолжалась и при Христофорѣ. Такъ въ 1809 году гражданское начальство продало жителямъ слободы Хухры кирпичъ на постройку, строившагося тамъ, каменнаго храма; кирпичъ продавался по 50 коп. за тысячу. ¹⁾ Оставался еще цѣлымъ главный Троицкій храмъ. Только изрѣдка отправлялъ въ немъ Богослуженіе священникъ сосѣдняго села. Сосѣдній помѣщикъ капитанъ Петръ Войновичъ просилъ Христофора позволить ему на свой счетъ перенести храмъ въ свое имѣніе Доброславовку, Христофоръ на это не согласился ²⁾. Въ 1802 году онъ причислилъ къ сей церкви сосѣднихъ жителей, числомъ

¹⁾ Истор. Статис. Опис. Харьк. епар. Отд. III, стр. 104.

²⁾ Указъ Св. Синода 23 февраля 1805 г., № 548.

160 душъ мужескаго пола, назначилъ особаго священника, который жилъ скудными доходами, восполняемыми платою за молебны отъ богомольцевъ, которые, по дорогѣ въ Кіевъ и на обратномъ пути, заходили сюда. Привлекала ихъ сюда издревле чтимая икона „Всѣхъ Скорбящихъ радость“, находящаяся нынѣ въ южномъ придѣлѣ Троицкой церкви, и св. крестъ съ святыми мощами, подаренный Петромъ I-мъ своему духовнику о. Тимоѣею Надоржанскому, бывшему однимъ изъ самыхъ главныхъ ктиторовъ обители. Въ 1805 году Христофоръ ходатайствовалъ предъ гражданскимъ начальствомъ объ отводѣ причту церковной земли и объ отдачѣ во владѣніе небольшой участокъ изъ общественныхъ садовъ, принадлежащихъ монастырю до его закрытія, но ходатайство его не имѣло успѣха. Главнымъ попечителемъ монастыря Христофоръ сдѣлалъ настоятеля Ахтырскаго собора, протоіерея Θεодора Щербинскаго. Онъ выдалъ ему три просительныхъ книги для испрошенія милостыннаго подаванія и поручилъ употребить все способы къ исправленію ветхостей Троицкаго храма, пригласивъ къ сему лицъ благомыслящихъ и усердствующихъ храму. Щербинскій съ особымъ усердіемъ выполнилъ порученіе преосвященнаго и, въ теченіи пяти лѣтъ, на испрошенныя имъ деньги, въ количествѣ 2.265 руб., сдѣлалъ новыя окна и крыши и окружилъ храмъ и садъ плетневою оградой. Монастырь этотъ былъ возстановленъ въ 1842 году.

Зміевской козацкій Николаевскій монастырь находился въ лѣсу, при рѣкѣ Донцѣ, вблизи г. Зміева. Нѣкоторыя каменные зданія были разорены уже при преосвященномъ Христофорѣ и оставшіяся отъ зданій кирпичъ болѣе 10 т. преосвященный отдалъ прихожанамъ г. Зміева, которые въ это время строили для себя соборную церковь. Оставалась совершенно цѣлою очень крѣпкая каменная церковь во имя Святителя Николая, которая обращена была въ приходскую для жителей хутора Коробова и одна монашеская келлія, въ которой помѣстился приходской священникъ. Этотъ храмъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ своему содержанію ¹⁾. Окрестные обита-

¹⁾ Единственный доходъ, какой получала церковь—это пять руб. въ годъ за

тели вовсе не посѣщали его, а жители хутора Коробова были люди весьма бѣдные и число ихъ было очень незначительно. Въ 1801 году священникъ этого хутора, испрашивая у преосвященнаго Христофора выдачи ему на два года просительной книги, писалъ, что „по малому приходу Николаевская церковь до того скудна денежными средствами, что по причинѣ недостатка въ свѣчахъ, винѣ, ладонѣ и пр. бываютъ весьма частыя остановки въ совершеніи литургіи“¹⁾. Предназначая Коробовскій приходъ къ закрытію, Христофоръ, по просьбѣ сосѣдняго владѣльца села Высочинки, выдалъ изъ Николаевского храма въ новопостроенную имъ церковь сребро-позлащенную дарохранильницу, такой же потиръ, на престольное евангеліе, 12 книгъ церковныхъ-мѣсячныхъ миней, пять колоколовъ и чтимый окрестными жителями древній образъ Святителя Николая. Коробовскій приходъ въ двадцатыхъ годахъ былъ окончательно упраздненъ: иконостасъ весь рѣзной, вылащенный, съ полнымъ числомъ иконъ, искусно написанныхъ, поступилъ въ Водянскую церковь, а ризница и утварь въ Харьковскій кафедральный соборъ. Николаевскій храмъ еще долго стоялъ въ полуразрушенномъ видѣ и былъ принятъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Еще и нынѣ виденъ фундаментъ его и кучи щебня.

Главый храмъ Озерянской пустыни въ честь Рождества Богородицы въ 1795 году былъ проданъ губернаторомъ Г. Р. Шидловскимъ съ публичнаго торга Бѣлгородскому купцу Василию Алаторіеву, который перепродалъ жителямъ сл. Мерефы за 1000 руб. Другой храмъ Предтечевскій оставался цѣлымъ. Окрестные жители пустыни, изъ благоговѣнія къ обрѣтенной здѣсь иконѣ Озерянской Божіей Матери, хранившейся въ это время въ Куряжскомъ монастырѣ, весьма часто посѣщали ее и для служенія молебновъ приглашали священниковъ окрестныхъ селъ. Особенно великъ бывалъ наплывъ народа въ день Рождества Богородицы. Такъ какъ Предтечевскій

наемъ двухъ каменныхъ погребовъ, находившихся подъ церковью, въ которыхъ садовники хранили свои садовые фрукты.

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Консист. 20 севт. 1801 г., № 24.

храмъ былъ весьма проченъ и достаточенъ утварью, то Христофоръ причислилъ къ сей церкви бывшую монастырскую слободу и образовалъ приходъ изъ 44 дворовъ, съ населеніемъ прихожанъ мужескаго пола, въ количествѣ 176 душъ, и опредѣлилъ особаго священника. Приходъ и церковь нынѣ существуютъ.

Въ Сумскомъ Успенскомъ мужскомъ монастырѣ, кромѣ каменнаго храма во имя всѣхъ Святыхъ, обращеннаго въ приходскую церковь, долго еще стоялъ цѣлымъ Архангельскій храмъ. Оустошеніе его началось съ 1805 года, когда, по распоряженію приказа Общественнаго призрѣнія, былъ проданъ для прихожанъ Сумской Покровской церкви иконостасъ и наружныя желѣзныя двери храма. Сосѣдняго села священникъ Ѳеодоръ Дмитріевскій обратилъ запустѣлый храмъ въ амбаръ, здѣсь онъ хранилъ разныя хозяйственныя вещи, сушилъ ленъ и коноплю, а во время непогоды сюда загоняли пастухи скоть, почему вся церковь была засорена скотскимъ навозомъ. Узнавъ о такомъ обращеніи священника съ храмомъ, Христофоръ подвергъ его и благочиннаго штрафу по пяти рублей въ пользу сиротъ духовнаго званія и приказалъ мѣстному благочинному двери храма заложить досками, на мѣстѣ св. престола поставить деревянный срубъ и на немъ водрузить крестъ. Теперь отъ монастыря не осталось никакихъ слѣдовъ.

По вѣдомости за 1799 годъ, церковей въ слободско-украинской епархіи было свыше пятисотъ. Въ двѣнадцатилѣтнее пребываніе Христофора число новыхъ храмовъ значительно увеличилось¹⁾. Постройка новаго храма въ то время была довольно труднымъ дѣломъ, не только въ селѣ, но и въ городѣ. Тогда не было въ обычаѣ для постройки новаго храма заблаговременно собирать деньги. Къ тому же, въ силу Синодальнаго распоряженія, занасныя деньги, гдѣ таковыя были, почти всѣ безъ остатка въ 1807 году были вытребованы въ Синодъ для образованія капитала, слѣдуемаго въ пользу духовныхъ учебныхъ заведеній.

¹⁾ За время Преосв. Христофора 10 храмовъ были заново перестроены, 27 вновь устроены и освящены, въ этомъ числѣ 11 храмовъ были построены помещиками въ своихъ имѣніяхъ (Историч. хронологія Х. губ. Щелкова).

Вся надежда возлагалась на жертвы доброхотныхъ дателей. Старателями по постройкѣ храма и особенно по сбору денегъ преимущественно были священники. Преосвященный Христофоръ не скупился на выдачу просительныхъ книгъ, выдавалъ ихъ по двѣ, по три и больше. Купивъ лошади и экипажи, или на своихъ собственныхъ, священникъ съ дьячкомъ, а діаконъ съ церковнымъ старостой или пономаремъ отправлялись за сборомъ въ разныя мѣста Харьковской и сосѣднихъ епархій и преимущественно въ Черноморію и Донскія мѣста. Эти мѣста въ ту пору были для просителей на храмъ—золотымъ рудникомъ. Набожные козаки щедро одаряли ихъ и отсюда они вывозили большія суммы. Такъ, напр., священникъ слободы Тарановки въ 1809 году, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ лѣтнихъ, собралъ въ Черноморіи 2056 руб., въ три мѣсяца другого лѣта—4671 руб. Прихожане и сами, то личными трудами своими, то своими избытками, содѣйствовали постройкѣ храмовъ. Такъ, напримѣръ, прихожане упомянутой слободы Тарановки, совершивъ закладку храма (30 мая 1809 г.), обложили богатыхъ и бѣдныхъ 10-ю рублями съ пары воловъ, потомъ устроили кирпичные сараи; кромѣ того каждый, что только могъ, жертвовалъ для новаго храма ¹⁾. Христофоръ во многихъ селахъ засталъ храмы ветхіе и бѣдные. Это были зданія, большею частію расположенныя въ маленькомъ вишневомъ садикѣ, рубленныя изъ бревень на подвалинахъ, отчего нерѣдко были покосившіяся, потому что подвалины скоро сгнивали. Стѣны храмовъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, ни снаружи, ни внутри не обшивались досками, тѣмъ болѣе не штукатурились, отъ чего въ нихъ оставались значительныя щели. Кровли весьма рѣдко были желѣзныя, обыкновенно же на каменныхъ зданіяхъ черепичныя, на деревянныхъ изъ тесу или гонты. Понятно, почему въ то время храмы ветшали такъ скоро, что во многихъ селахъ раза по два въ продолженіи столѣтія требовалось строить новые. Кромѣ того деревянные храмы чаще подвергались истребленію огнемъ. Внутреннее расположеніе храмовъ по селамъ вездѣ почти было одинаково. У

¹⁾ Истор. Статис. опис. X. епар. от. IV, стр. 219.

западныхъ дверей всегда были пристройки въ родѣ крытаго крыльца. Отсюда дверь вела въ первую часть храма, расположенную подъ западнымъ куполомъ. Слѣдующая часть—сре-дина храма, находившаяся надъ большимъ куполомъ, была больше остальныхъ частей. Иконостасъ почти вездѣ былъ въ три яруса. Алтарь находился подъ третьимъ восточнымъ куполомъ. Въ нѣкоторыхъ храмахъ сосуды были оловянные, священническія и напрестольныя облаченія полотняныя, обшитыя позументомъ. Вообще вся внутренность храма вполне отвѣчала его наружности. Значительныя щели въ стѣнахъ нѣкоторыхъ храмовъ давали свободный пропускъ всеѣмъ атмосфернымъ перемѣнамъ и различнымъ воздушнымъ обитателямъ, такъ что, вмѣстѣ съ народомъ „предстояли въ храмѣ и славили Господа: снѣгъ, градъ, голоть, дождь, духъ бурень и птицы небесныя“. За время Христофора нѣкоторые помѣщики устроили въ своихъ имѣніяхъ прекрасные храмы. Таковъ, наприимѣръ, храмъ въ сл. Каплуновкѣ, устроенный иждивеніемъ помѣщика Перекрестова. Это былъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ въ то время храмовъ въ епархіи. Таковъ же храмъ въ сл. Штеповкѣ помѣщицы Стеричевой, устроенный по плану извѣстнаго тогда архитектора А. Палицына ¹⁾. По огромности своей это одинъ изъ первыхъ храмовъ въ западной части Харьковской епархіи. Храмъ въ сл. Дуванкѣ помѣщика Тихоцкаго—первый храмъ въ Купянскомъ уѣздѣ по благолѣпію и богатству. Благочестивый храмоздатель, владѣя искусствомъ живописи, самъ украсилъ храмъ иконами собственной кисти. Но находились владѣльцы имѣній, которые крайне равнодушно относились къ благолѣпію храмовъ. Оставаясь долгое время безъ всякой ремонтровки, ихъ храмы представляли собой печальный видъ запустѣнія. Такъ благочинный Кувичинскій въ своемъ рапортѣ пишетъ Христофору, что „въ помѣщичьемъ селѣ Одноробовкѣ храмъ представляетъ изъ себя по виду зданіе почернѣлое, прижатое къ землѣ, и съ разныхъ сторонъ подпертое,

¹⁾ Помѣщикъ А. А. Полицынъ имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, онъ украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ церковными и другими зданіями. Молодикъ. Харьковъ, 1843 г., стр. 44.)

фундамента подь церковью и ограды около оной не оказалось, такъ что подь всею церковью и жертвенникомъ ходитъ всякая нечистота, да и около самого престола земля свиньями разрыта. Предлагалъ я помѣщицѣ сл. Одноробовки, г-жѣ Бѣжановой, чтобы она сдѣлала фундаментъ и ограду, но она отсылала къ другимъ помѣщикамъ и говорила: „я де не одна здѣсь помѣщица, извольте и прочимъ помѣщикамъ предлагать.“ Напоминалъ я помѣщику Корнѣеву, но и онъ отказался, говоря мнѣ: „я де одну стѣнку ограды сдѣлаю, а прочаго не хочу, пусть тотъ дѣлаетъ, кто деньгами церковными пользуется“¹⁾. Здѣсь Корнѣевъ намекаетъ на то, что помѣщица Бѣжанова самовольно распоряжалась церковными суммами, отстранивъ приходскаго священника отъ всякаго участія. Въ 1801 году Свят. Синодъ объявилъ указомъ всѣмъ архіереямъ, что только каменной церкви постройка можетъ быть дозволена, а о деревянныхъ и представленій дѣлать Св. Синоду не должны. Въ ту пору, при изобиліи лѣсовъ, матеріалы лѣсные были дешевы, напр. за дубовыя семи-аршинныя доски платили по одному рублю асс., а между тѣмъ кирпичъ былъ по двѣнадцати рублей за тысячу, известь по одному рублю восьмидесяти копѣекъ за четверть. Не удивительно по этому, что прихожане старались уклоняться отъ этого распоряженія и Христофору приходилось прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ убѣжденія. Такъ жители слоб. Долгинькой просили Христофора дозволить имъ свою приходскую ветхую деревянную церковь покрыть желѣзомъ. „Какъ изъ прошенія видно, пишетъ Христофоръ, что на перекрытіе Николаевской церкви въ сл. Долгинькой желѣзною крышей опредѣлено 2250 р., кромѣ провизіи, каковую великую сумму употребить на одну только крышу деревянной церкви, которой прочность никакъ не можетъ соотвѣтствовать толикому иждивенію, будетъ и для жителей тамошнихъ тягостно и предполагаемаго долговременнаго стоянія, какъ и всякія деревянныя строенія, скорому гніенію или огню подлежащія, не обѣщаютъ. Напротивъ же того, прибавя къ сей суммѣ толикое жъ количество, можно выстроить

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Консistoriи отъ 30 сент. 1808 г., № 20.

Главнымъ строителемъ и жертвователемъ былъ прихожанинъ помѣщикъ Григорій Топчій. Во время постройки храма Богослуженіе и требы для прихожанъ совершались въ нижней церкви подъ колокольней Христо-Рождественской церкви. Иконостасъ на первый разъ былъ поставленъ старый, выпрошенный прихожанами у помѣщика С. Основы, Григорія Квитки, который для своей приходской Предтечевской церкви устроилъ новый; необходимые сосуды, ризы и книги были взяты на время изъ ризницы Каѳедрального Собора. Церковная ограда отъ улицы была забрана въ столбы деревянные, съ прочихъ сторонъ была хворостяная. Въ 1807 году прихожане Соборной, Николаевской, Троицкой и Муромосицкой церковью заложили новый храмъ въ честь Каплуновской Божіей Матери, на отведенномъ въ 1804 году за чертой города мѣстѣ для новаго городского кладбища, вмѣсто упраздненнаго въ 1803 году Муромосицкаго. Старанія по постройкѣ этой церкви помянутыми прихожанами были возложены на избраннаго ими надворнаго совѣтника Николая Даниловича Драгомирова. Деньги собирались по тремъ просительнымъ книгамъ. Священникъ этой церкви по своей книгѣ въ теченіи года испросилъ отъ доброхотныхъ дателей 3,500 руб. асс.¹⁾ Спустя три года послѣ закладки, церковь была готова и въ 1810 году Христофоръ освятилъ её. Въ 1813 году жители г. Харькова, старообрядческаго общества (въ это время старообрядцевъ, имѣвшихъ въ Харьковѣ свои дома, состояло 69 м. п. и 77 ж.), новѣренныя купецъ Петръ Бануниковъ, мѣщанинъ Евфимъ Суворовъ и посадскій Иванъ Смирновъ въ прошеніи своемъ преосвященному Христофору изъяснили, что довѣрители ихъ, хотя имѣютъ съ давняго времени въ гор. Харьковѣ молитвенный домъ у Харьковскаго купца Аникѣева и хотя для исправленія требъ временно пріѣзжаютъ

1) Въ 1807 году причтъ и прихожане Соборной церкви опредѣлили, изъ свободныхъ церк. суммъ 7,021 руб., пожертвовать на постройку Кладбищенской церкви 1,000 р.; Николаевской церкви изъ 1,500 р.—500 р. Такъ какъ при Муромосицкой церкви свободной суммы было 820 р., а при Троицкой 158 руб., то Христофоръ воспретилъ этимъ двумъ церквамъ дѣлать пожертвованія, въ виду предстоявшей въ этомъ году отсылки извѣстной части изъ церковныхъ денегъ на учрежденіе училищнаго капитала. (Архив. Х. Д. Консист. 28 февр. 1807 г. № 2).

къ нимъ священники правильно, рукоположенные, изъ Стародубскихъ слободъ, но въ отсутствіе ихъ люди ихъ общества умирають безъ напутствія и хоронить ихъ не кому, а также крестить младенцевъ и совершать браки. Поэтому просили дозволить имъ построить въ Харьковѣ каменную церковь въ честь Богоявленія Господня и пріискать правильно рукоположеннаго священника, которому обязываются построить домъ и дать жалованье, какое онъ пожелаетъ. А въ виду того, что дѣло о постройкѣ церкви и самая постройка можетъ замедлиться, просили дозволить имъ для исправленія требъ теперь же имѣть своего священника, который совершалъ-бы Богослуженіе по старопечатаннымъ книгамъ. Преосвященный Христофоръ тогда же выдалъ старообрядческому обществу свидѣтельство на пріисканіе священника, а спустя годъ послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода, разрѣшавшій постройку храма ¹⁾. Храмы въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ были очень ветхи и въ особенности соборные. Въ 1809 году благочинный прот. І. Погорлевскій донесъ Христофору, что въ одной изъ стѣнъ Изюмскаго собора показалась трещина, начиная съ верхняго купола до самой земли. По распоряженію Христофора, богослуженіе было пріостановлено. Священнослужители и церковный староста съ просительными книгами отправились за сборомъ по епархіи, соборные прихожане съ своей стороны пожертвовали 600 руб. Въ короткое время стѣна была укрѣплена, ветхая деревянная крыша была замѣнена железною.

Соборная Троицкая церковь въ г. Зміевѣ съ давняго времени стояла безъ всякой починки, отъ чего пришла въ такую ветхость, что во время дождей отъ сильной течи народу негдѣ было стоять въ храмѣ. Стояны были не закрыты и во время зимы отъ стужи бывалъ наносъ снѣга въ церковь и такой холодъ, что дѣти и старухи вытерпѣть не могли. Купола отъ ветхости едва держались на своихъ мѣстахъ. Христофоръ, во время посѣщенія г. Зміева, обратился къ прихожанамъ съ просьбой приступить немедленно къ сооруженію храма, достой-

¹⁾ Архив. Х. Дух. Контора: указъ св. Синода отъ 16 февр. 1814 г. № 194.

наго именоваться соборнымъ. Прихожане заявили ему, что они болѣе десяти лѣтъ собираютъ для постройки новаго собора деньги, но сборъ ихъ такъ незначителенъ, что не рѣшаются приступить къ этому дѣлу. Тогда Христофоръ предложилъ всѣмъ жителямъ г. Зміева, какъ прихожанамъ трехъ тогда существовавшихъ ветхихъ деревянныхъ церквей: Троицкой, Покровской и Петропавловской соединиться въ одинъ приходъ и соорудить одну каменную соборную церковь во имя Св. Троицы съ двумя придѣлами въ честь Покрова Богоматери и св. Апостоловъ Петра и Павла. Получивъ согласіе, онъ для сбора денегъ выдалъ просительную книгу. Два священника, взявъ съ собой двухъ причетниковъ, на купленныхъ лошадяхъ отправились въ Черноморье и Донскія мѣста и здѣсь собрали на постройку собора 7855 руб. „Священникамъ зміевскихъ церквей, пишетъ Христофоръ, за ревностное стараніе о ново-строющейся соборной церкви объявить мою благодарность, такъ достойно ими заслуженную и объявить также, что сіи похвальные труды ихъ для церкви Божіей подъемлемые не останутся впредь у начальства безъ должнаго вниманія“¹⁾. Прихожане съ своей стороны собирали средства и немедленно устроили кирпичный заводъ. Нынѣ существующій благолѣпный и обширный храмъ въ 1805 году былъ заложенъ, а въ 1813 г. и освященъ. Соборный храмъ въ г. Лебединѣ былъ весьма бѣденъ, онъ покрытъ былъ гонтой и крыша до того худо защищала церковь, что въ дожди вода протекала въ храмъ на иконостасы, полы пришли въ ветхость; придѣльные иконостасы стояли неосвященными, не было ни ограды, ни колокольни. Въ 1810 году Христофоръ перевелъ изъ села Рябушекъ и сдѣлалъ настоятелемъ энергичнаго священника Михаила Залѣскаго. Первымъ дѣломъ его было ходатайствовать у высшаго начальства о вспоможеніи соборному храму и въ 1812 году Высочайше назначено пособіе собору въ 30,000 р. асс., каковую сумму велѣно отпускать изъ городского сбора. При этомъ пособіи и при другихъ пожертвованіяхъ: а) храмъ былъ покрытъ желѣзомъ, и въ окна

¹⁾ Дѣло Консисторіи 1805 г. № 193.

вставлены желѣзныя рѣшетки; б) вокругъ церкви сдѣлана каменная ограда; в) построена каменная колокольня и при ней каменные давки (1). Деревянная соборная церковь въ городѣ Купянскѣ, пишетъ въ своемъ рапортѣ протоіерей Сергій Соколовскій—за время своего столѣтняго существованія, пришла въ такую ветхость, что не только крыша, купола и своды, но и самыя стѣны въ своей связи довольно примѣтно повредились такъ, что не остается больше никакихъ средствъ къ ея укрѣпленію и починкѣ, а посему со дня на день болѣе и болѣе приходитъ въ опасность и разрушеніе (2). Представляя такое состояніе соборнаго храма на усмотрѣніе преосвященнаго, Соколовскій присовокупилъ, что для постройки новой церкви прихожане никакихъ средствъ не имѣютъ. Христофоръ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ губернатору Артакову. „Города Купянска протоіерей С. Соколовскій донесъ мнѣ, что соборная церковь, по ветхости своей, грозитъ паденіемъ, но на постройку вмѣсто оной каменной ни церковь, ни прихожане средствъ не имѣютъ. Я не нахожу съ своей стороны никакой возможности ни въ построеніи означенной церкви каменнымъ зданіемъ, ни въ уничтоженіи и причисленіи прихода ея къ другой церкви, поелику сіе позволяется сдѣлать съ малоприходною сельскою церковью, но не городскою, тѣмъ болѣе соборною. А такъ какъ указомъ Св. Синода (25 мая 1801 г.) въ подобныхъ затруднительныхъ случаяхъ предписано имѣть сношеніе съ гражданскимъ правительствомъ, то, на основаніи сего (и) по долгу моему, прошу принять съ своей стороны, яко начальникъ и попечитель о благѣ ввѣренной вамъ губерніи, возможныя мѣры къ вспоможенію прихожанамъ Купянской соборной церкви выстроить оную каменнымъ зданіемъ, да и самыхъ тамошнихъ гражданъ повелѣть чрезъ кого надлежитъ, пригласить къ сему богоугодному дѣлу. Таковое вашего превосходительства благотвореніе пріятно будетъ Богу, благоугодно всемилостивѣйшему нашему монарху и полезно для души вашей“. По содержанію отношенія вашего

1) Истор. Статис. опис. Х. епархіи отд. III, стр. 444.

2) Дѣло Консисторіи отъ 20 Ноября 1802 г.

отвѣчалъ (отъ 1 Дек. 1802 г.) губернаторъ Артаковъ, я писалъ къ Купянскому господину предводителю дворянства, тамошнему городничему и земскому исправнику, дабы они употребили всякое со стороны ихъ стараніе къ собранію пособій къ сооружеію каменной церкви въ городъ Купянскъ⁴. Весною 1803 года храмъ былъ заложенъ и начата постройка, но скоро средства истощились и постройка пріостановилась. Купянская дума донесла объ этомъ преемнику Артакова, губернатору Бахтину и просила его оказать помощь. „Изъ уваженія на представленіе Купянской градской думы, пишетъ Христофору г. Бахтинъ (отъ 6 марта 1809 г.), что Купянскіе жители не въ состояніи безостановочно достроить собственнымъ капиталомъ церковь, по предложенію моему, въ прошлыхъ 1807 и 1808 годахъ отпущено изъ винной города Купянска откупной суммы въ каждомъ году по тысячи рублей и сего числа, по предложенію оной думы, предложивъ ей объ отпускѣ кому слѣдуетъ на нынѣшній 1809 годъ тысячу же рублей, нужнымъ почитаю о томъ извѣстить ваше преосвященство⁴. Христофоръ на этомъ письмѣ (отъ 9 марта 1809 года) далъ слѣдующую резолюцію: „объявить священно и церковно-служителямъ и прихожанамъ Купянской соборной церкви о снисхожденіи его превосходительства господина губернатора объ отпускѣ изъ Купянской думы на досроеніе Соборной церкви 1000 рублей и что таковое милостивое уваженіе нуждъ церковныхъ должно быть почитаемо не иначе какъ отмѣннымъ усердіемъ къ храму Господню благодарющей Особы. Сверхъ того, заготовивъ отъ имени моего къ нему господину губернатору, въ знакъ признательности за таковое церкви пособіе, отношеніе, съ изображеніемъ благодарности и съ прошеніемъ милостиваго же расположенія и къ строящейся въ городъ Зміевъ каменной соборной церкви представить мнѣ къ подпису“¹⁾. Изъ дѣлъ по постройкѣ Зміевского собора видно, что и на этотъ соборъ Бахтинъ отпустилъ въ этомъ году 1000 руб. изъ откупной суммы. Въ 1810 году губернаторъ Бахтинъ, возвратившись изъ города Богодухова, увѣдо-

¹⁾ Дѣло Конс. 1802—1810 года.

милъ Христофора, что на тамошнемъ соборномъ храмѣ, какъ замѣтилъ онъ, гонтовая крыша давно уже нуждается въ обновленіи. „Соборная церковь, пишетъ онъ, есть первое, по моему убѣжденію, украшеніе городу, но такъ какъ Богодуховскіе прихожане, по бѣдности своей, не могутъ покрыть свой соборъ желѣзомъ, то я распорядился, чтобы изъ откупной суммы дума выдала 1000 руб.“ Христофоръ, давая знать объ этомъ причту и прихожанамъ присовокупилъ, что сіе милостивое позволеніе его превосходительства должно быть почитаемо ими не иначе какъ благодѣяніе и отмѣнное усердіе храму Господню благодѣющей особы. Тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ дѣйствительно „съ отмѣннымъ усердіемъ“ относился къ храмамъ Господнимъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прихожане, особенно сельскіе, оказывались безсильными въ постройкѣ или обновленіи своего приходскаго храма, Бахтинъ не жалѣлъ винной откупной суммы и выдавалъ имъ изъ этого источника очень крупныя цыфры. Старожилъ Е. И. Топчій говоритъ, что Бахтинъ былъ весьма дѣльный и умный начальникъ, какого уже не было послѣ него въ Харьковской губерніи. Въ свое время онъ былъ талантливый литераторъ, стихотворецъ, человѣкъ большого ума и образованія ¹⁾. О немъ извѣстно, что живя въ Москвѣ сенаторомъ и бывъ уже на смертномъ одрѣ, рѣшился въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія быть въ заутрени, говоря: „чтожъ? если прійдется умереть на христосованьи, тѣмъ лучше“; просидѣвъ утрению въ креслѣ, онъ во время христосованія и умеръ ²⁾.

Деревенскіе маляры въ написаніи иконъ для иконостасовъ стремились подражать направленію средневѣковой италіанской школы, искажая, конечно, образцы до неузнаваемости. Въ 1806 году Христофоръ циркулярно объявилъ духовенству, что прежде допущенія живописца къ написанію иконъ для иконостаса причтъ обязанъ представить ему для освидѣтельствованія двѣ иконы собственной кисти живописца. Только по одобреніи этихъ иконъ причтъ получалъ право заключать съ живопис-

¹⁾ Русская Стар. 1871 г. стр. 451.

²⁾ Сконч. 1818 г. Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. № 40 ст. 323.

цемъ условіе. Въ своихъ рапортахъ о томъ, что новоустроенный храмъ готовъ къ освященію, благочинные между прочимъ обязаны были доносить, что „св. иконы всѣ написаны самимъ добрымъ и искуснымъ изографомъ по греческому обыкновенію и въ сложеніи перстовъ, какъ благословляющія руки, такъ и молящихся, все изображено по вѣданію Грекороссійскія церкви, а не по раскольнически“. ¹⁾ Во время посѣщенія, при обзорѣ епархіи въ 1806 году, церкви села Озерянки, Христофоръ увидѣлъ предъ иконой Озерянской Божіей Матери, стоявшей въ углу съ правой стороны иконостаса, висѣвшіе предъ ней пять новыхъ серебряныхъ привѣсокъ и небольшой такой-же крестикъ. Приходской священникъ Іоаннъ Холодовъ объяснилъ, что эти вещи поданы въ церковь въ разныя времена, изъ усердія къ мѣсту явленія здѣсь Озерянской иконы, пріѣзжими изъ г. Харькова жителями ему неизвѣстными. Къ этому добавилъ, что по просьбѣ ихъ онъ отпращивалъ предъ этой иконой молебень съ акафистомъ, а послѣ молебна при нихъ же привѣшивалъ эти вещи къ иконѣ. Христофоръ предписалъ всѣмъ священникамъ, дабы предъ иконами привѣсокъ не вѣшали, а хранили бы ихъ, по записи въ книгѣ, въ ризницѣ, а молебны съ акафистами служили бы посрединѣ церкви, а не по угламъ храма предъ иконами ²⁾. Въ первый свой объѣздъ по епархіи въ 1800 году, Христофоръ нашелъ во многихъ церквахъ антимины весьма ветхіе, дырявые и запачканные, а нѣкоторые были не подписаны епископомъ ³⁾. Выписавъ изъ Св. Синода 150 атласныхъ и 150 холстяныхъ онъ приказалъ духовнымъ Правленіямъ и благочиннымъ внимательно осмотрѣть во всѣхъ церквахъ антимины и, буде гдѣ окажется ветхій или безъ подписа архіерея, таковыя представлять ему для полученія новыхъ, съ указаніемъ какой куда атласный (цѣною въ 5 руб. асс.) или холстяной (ц. 3 руб.) требованъ будетъ. Тогда-же, согласно требованію благочинныхъ, было разослано по церквамъ 60 антиминовъ.

¹⁾ Дѣло Х. Д. Консисторіи 1800 г. № 194.

²⁾ Архивъ Харьк. Дух. Конс. 1806 Авг. 5 № 13.

³⁾ Тамъ-же 1800 № 11.

Въ церквахъ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи, во главѣ лицъ, завѣдывавшихъ церковнымъ имуществомъ стоялъ *титарь* (ктиторъ, староста). Онъ избираемъ былъ *громадою* (обществомъ) изъ самыхъ почтенныхъ жителей на неопредѣленное время, и былъ хозяиномъ „церковныхъ добръ“, приходорасходчикомъ по всѣмъ статьямъ этого хозяйства, находясь подъ наблюдениемъ священника и „общества“. Но случались и весьма нерѣдко, даже въ началѣ текущаго столѣтія, такія церкви въ Малороссіи, при которыхъ вовсе не было церковныхъ старостъ. Такъ напримѣръ, строители храмовъ помѣщики смотрѣли на церковь въ своемъ имѣніи, какъ на свою собственность, они вели свой приходъ и расходъ и забирали деньги церковные къ себѣ въ дома. Были примѣры, когда священники распоряжались церковнымъ имуществомъ точно въ своемъ домѣ. Отношенія титаря къ священнику и этого послѣдняго къ титарю закономъ точно не были установлены. Въ иныхъ церквахъ приходъ и расходъ вѣдалъ церковный староста независимо отъ священника, въ другихъ церквахъ староста былъ не болѣе какъ безмолвный и покорный слуга священника. Въ правахъ своихъ—распоряжаться церковными деньгами, иные старосты заходили слишкомъ далеко. Вотъ, напримѣръ, жалоба священника слободы Лопани Николая Морскаго на своего церковнаго старосту. „Уже четвертый годъ, пишетъ онъ Харьковскому духовному правленію, я отъ своего кошту доставляю просфоры, въ коихъ иногда, за недостаткомъ оныхъ, бываетъ въ служеніи остановки, церковному старостѣ Семену Вакулѣ неоднократно говорилъ я, чтобы онъ отъ церковнаго кошту доставлялъ просфоры, но онъ отвѣчалъ: „мнѣ о томъ нужды нѣтъ; какъ хотите вы, хоть служите, хоть не служите“¹⁾. Вопросъ,—кто собственно обязанъ былъ вести церковныя приходо-расходныя книги титарь или священникъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, еще оставался нерѣшеннымъ. „Сего 1795 года, февраля 27, писалъ Харьковскому духовному правленію прот. В. Сиѣсаревъ, получилъ я изъ Харьковского духовнаго правленія предписаніе, какъ церковныя приходы и расходы въ данныхъ отъ онаго правленія книгахъ

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Консист. 1799 г. № 9.

записывать. Но какъ оныя книги даны не на мое, а на ктитарское имя, поему и предписаніе о запискахъ ему одному принадлежитъ. Ибо кто одинъ, что ни есть взялъ отъ кого на свое имя, тотъ за то и отвѣчаетъ, а мнѣ оно ни взятіемъ книгъ, ни щотомъ оныхъ не относится, и, буде я замѣшаюсь не въ свое, болѣе резонно обвиненъ буду. Это первое. Второе. Онъ ктиторъ уже сего года въ ономъ духовномъ правленіи щитанъ и получилъ квитанцію, а съ нею и наставленіе, какъ впредь чинить по книгамъ ему даннымъ записки. И квитанція дана также не на мое, а на его имя. Третье. Въ томъ же предложеніи подтверждается не ктитору, а мнѣ, чтобъ я въ случаѣ недоумѣнія испрашивалъ у здѣшняго десятиначальника примѣрной формы непременно. То и сіе подтвержденіе слѣдуетъ не мнѣ, ибо форма не у меня, а тому десятиначальнику, у коего таковая имѣется форма. Дабы онъ у себя тайно ея не держалъ, и не требовалъ бы того, чтобы къ нему просить наставленія всѣ священники ходили, а долгъ его есть объявить ее всѣмъ ктиторамъ, для коихъ она и дана, и потребовать съ нихъ подписокъ, чтобы они, всякъ списавъ съ нея копію, по оной и чинили бы записки. А кто изъ ктитарей, взявъ на свое имя книги, неспособнымъ окажется въ запискахъ, духовное правленіе имѣеть власть такового или штрафовать, или совсѣмъ перемѣнить и на его мѣсто велѣть избрать способнѣйшаго¹⁾. По мысли Петра I, учредившаго при церквахъ „приставниковъ“, или, что то же, церковныхъ старостъ, обязанность ихъ должна была состоять собственно въ продажѣ церковныхъ свѣчей. Однако въ церквахъ малороссійскихъ еще долго держался древній обычай, по коему продажа свѣчей находилась въ рукахъ священниковъ. Жены священниковъ выдѣлывали свѣчи изъ собственнаго воска и сами, или чрезъ нарочныхъ людей, занимались продажею ихъ. Во время богослуженія жена священника располагалась съ своимъ товаромъ въ церкви, въ остальное время продавала его дома, куда приходили всѣ, кому нужны были свѣчи къ крестинамъ или погребенію и т. п. Указываемъ на слѣдующій примѣръ. Прихожане Сумской Иль-

¹⁾ Дѣло отъ 4 марта 1795 г. № 12. Арх. Харьк. Дух. Консисторіи.

инской церкви въ 1802 году такъ жаловались Христофору, что „хотя, послѣ сгорѣвшей въ 1791 году церкви, мы устроили новую, но она и по сіе время не приведена въ должное благолѣпіе единственно отъ недостатка церковной суммы, которая при нашей церкви не изъ чего болѣе не собирается, какъ только во время служенія отъ доброхотныхъ дателей въ кошелекъ. Что же относится до продажи церковныхъ свѣчъ, съ которыхъ можно бы притяжать денежный для церкви доходъ каждаго годно знатный и онымъ привести все богоугодное того храма дѣло въ полное почти сооруженіе, то тѣмъ промышляютъ при той церкви священники Петръ Левандовскій и Иванъ Чернявскій, которые для продажи свѣчей нарочныхъ людей имѣютъ и вырученные за свѣчи деньги употребляютъ въ ихъ и для семейства ихъ избыточную пользу въ „противность Высочайшихъ 1723 іюня 29 и 1748 года іюня 23 числъ указовъ, не разсуждая на обширный Ильинскій приходъ, съ котораго изобилуютъ всѣмъ для ихъ нужнымъ. Хотя прошлаго 1801 года и послѣдовало въ Сумахъ личное вашего преосвященства словесное подтвержденіе о не продажѣ со стороны священниковъ свѣчъ, но, не взирая на запрещеніе архипастыря, упомянутые священники не могутъ богопротивнаго прибытка отринуть, чего ради и просимъ запретить имъ продажу собственныхъ свѣчъ и представить оную въ пользу церкви“. Вызванные Христофоромъ въ Харьковъ, священники Левандовскій и Чернявскій въ присутствіи Консисторіи показали, что они узаконеній о томъ, что въ церквахъ должны быть продаваемы свѣчи церковныя, а не собственныя, не знали; потому и прежними бывшими священниками такъ было заведено и они, со времени своего поступленія къ сей Ильинской церкви, каждый на своей седмицѣ продавали собственныя свѣчи, приготовляемыя ихъ женами, а сколько дохода получали отъ продажи они не знаютъ, но полагаютъ, что не болѣе 15 руб. въ годъ. На докладѣ Консисторіи Христофоръ написалъ: „такое извиненіе сихъ священниковъ ни мало не служитъ къ оправданію, какъ потому, что невѣдѣніемъ закона никто не долженъ отговариваться, а кольми паче священнику Левандовскому, яко присутствующему въ Сумскомъ духовномъ правленіи, которо-

му должно знать законы совершенно, (такъ и потому что они производили продажу свѣчей за послѣдовавшимъ со стороны моей личнымъ запрещеніемъ: того ради оштрафовать ихъ за сіе взысканіемъ съ каждаго по 10 рубл. кои и обратить въ приходъ церковный Сумской Ильинской церкви, а дабы и въ прочихъ церквахъ епархіи подобной свѣчной продажи не происходило, о томъ строжайше подтвердить указами всему духовенству“¹⁾). Въ 1808 году 17 апрѣля была издана Высочайше утвержденная инструкція церковнымъ старостамъ. Эта инструкція въ ряду историческихъ документовъ имѣетъ первостепенное значеніе. Она положила начало веденію церковнаго хозяйства совершенно на другихъ основаніяхъ и прежде всего дала иной характеръ представителю церковнаго хозяйства. Прежняя должность ктитора была не болѣе, какъ добровольная частная служба, но теперь должность церковнаго старосты поставлена на равнѣ съ прочими общественными службами; она освобождала его отъ выбора въ другія должности и съ нею были соединены награды за отличіе по службѣ и отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ. Прежде церковный староста могъ быть и не быть при церкви, теперь эта должность стала обязательная для каждой приходской церкви. Какъ ближайшій сотрудникъ причта и повѣренный отъ прихожанъ, церковный староста избирается прихожанами, съ согласія причта, при благочинномъ, изъ среды благочестивыхъ и достойныхъ довѣрія прихожанъ и утверждается въ этой должности на три года епархіальнымъ архіереемъ. Продажей свѣчами теперь завѣдываетъ исключительно церковный староста, онъ собираетъ деньги въ кошелекъ и кружки, производитъ покупки нужныхъ для церкви вещей, а равно починки и постройки, ведетъ приходорасходныя книги и проч. и все это дѣлаетъ не иначе, какъ съ предварительнаго согласія священно-церковно служителей. Въ силу этой инструкціи церковная сумма—это есть церковная собственность и свѣтскіе люди въ распоряженіе ея сами собой, теперь уже не могутъ входить. Кромѣ этого вся свѣчная прибыль, какъ

¹⁾ Архивъ Харькв. Духовн. Консепторіи № 1802 г., № 48.

предназначенная на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, по истеченіи каждаго года, должна быть отсылаема въ Консисторію въ распоряженіе духовнаго вѣдомства. Прошенія прихожанъ—дозволить имъ на церковный коштъ сдѣлать что либо для церкви, теперь были разрѣшаемы Христофоромъ подъ непремѣннымъ условіемъ—отнюдь не касаться свѣчной суммы, какъ получившей свое особое назначеніе. Такая рѣшительная реформа церковнаго хозяйства, явившаяся почти безъ всякой раньше подготовки, произвела сильное впечатлѣніе въ средѣ прихожанъ. Особенно они не могли мириться съ тѣмъ распоряженіемъ, по которому свѣчная прибыль ежегодно должна быть высылаема въ Консисторію вся безъ остатка. И вотъ въ нѣкоторыхъ приходяхъ, на требованіе благочиннаго выдать слѣдующія къ отсылкѣ въ Консисторію деньги, церковные старосты, подстрекаемые прихожанами, отвѣчали отказомъ и деньги взяли на храненіе въ свои дома. Въ отвращеніе такого ослушанія прихожанъ, преосвященному Христофору приходилось прибѣгать за помощію къ гражданской власти. Всего сильнѣе противодѣйствіе Христофоръ встрѣтилъ въ помѣщичьихъ приходяхъ. Приходовъ, состоявшихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ или полностію или отчасти, было къ 1808 году почти на половину въ Слободско-Украинской епархіи. А положеніе помѣщиковъ въ то время было таково, что права приходской общины, причта, даже архіерея въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мало имѣли значенія. Одни помѣщики отговаривались тѣмъ, что отослали церковныя деньги на покупку разныхъ церковныхъ же вещей, другіе, что употребили на устройство въ своихъ вотчинахъ пожарныхъ командъ, а еще иные удерживали у себя деньги безъ всякаго объявленія¹⁾. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ церковно-приходская казна вѣдалась въ ихъ вотчинныхъ конторахъ; сюда же вносились и штрафы съ крестьянъ. Поэтому повятно, что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селахъ количество церковной суммы было вовсе неизвѣстно приходскому священ-

1) Для примѣра указываемъ на такихъ владѣльцевъ имѣній, какъ напр. Хлоповъ—церкви села Райскаго, въ коей хранилось 100 р., Поклонскій—церкви с. Писаревки—321 р. Хорватъ—церкви с. Стараго Салтова—325 руб.

нью. Изъ многихъ примѣровъ указываемъ на слѣдующій: благо-
чинный Кувичинскій въ 1808 году донесъ Христофору, что
„ризница и деньги церкви села Одноробовки, по распоряженію
помѣщицы Евфросиніи Бѣжановой, переданы подъ присмотръ
крестьянина ея, нѣкоего Петра Оржицкаго и что ни священ-
нику, ни церковному старостѣ неизвѣстно цѣло-ли имущество
церковное и ея сокровища и сколько при церкви на лицо
денегъ“¹⁾. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ, считая себя полно-
властными хозяевами церковной экономіи, отрицали всякое
вмѣшательство высшей духовной власти—сами не хотѣли при-
нимать на себя обязанности церковнаго старосты, запрещали
и своимъ крестьянамъ и противились выдавать церковныя
деньги, признавая ихъ неотъемлемою собственностію церкви.
Такъ помѣщикъ слободы Шабельковки капитанъ Шабельскій,
присланныя при указѣ старостовскія инструкціи и приходо-
расходныя книги, возвратилъ обратно въ консисторію и
письменно объяснилъ, что церковь въ его имѣніи выстроена
собственнымъ его коштомъ и содержится на всемъ его изди-
веніи, а потому онъ не намѣренъ давать консисторіи отчеты
въ деньгахъ церковныхъ и не желаетъ опредѣленія къ церкви
старосты²⁾. Помѣщикъ села Пархомовки, графъ Подгоричани,
на предложеніе консисторіи принять должность церковнаго
старосты или довѣрить ее кому либо изъ своихъ крестьянъ,
письменно отвѣчалъ: „что я какъ есть хозяинъ моей церкви,
то вмѣстѣ съ симъ и церковный староста и никакихъ каса-
тельно церкви отчетовъ духовному начальству отдавать не
намѣреваю и съ сею времени церковную ризницу содержать
въ своемъ домѣ имѣю, почему и церковный староста мнѣ не
нуженъ“³⁾. Помѣщикъ села Золотого Колодезя Алексѣй Левшинъ
на требованіе консисторіи доставить свѣдѣніе, какое количе-
ство денегъ хранится при церкви, отвѣчалъ, что Сунодальное
распоряженіе о церковныхъ суммахъ и о назначеніи церков-
ныхъ старостъ, до помѣщичьихъ церквей ни мало не распростра-
няется. А какъ де онъ Левшинъ собственнымъ своимъ коштомъ

1) Архивъ Х. Дух. Консисторіи дѣло, 1808 № 20.

2) Дѣло Конс. 1808 г. № 46.

3) Тамъ-же.

въ томъ своемъ имѣніи Дмитріевскую церковь создалъ: то до одной никто, кромѣ его, никакого права имѣть не можетъ. Поколику украшенія оной также и могущія случиться починки зависятъ отъ непосредственнаго вѣдѣнія его--помѣщика, то приходы и расходы долженствуютъ неотъемлемо быть подъ его-же вѣдѣніемъ. А посему о приходахъ и расходахъ церковныхъ отчетовъ, яко не подвластной никому отдавать не обязанъ, да и деньги, сколько было въ наличности въ 1807, также и въ 1808 годахъ, употреблены въ расходъ всѣ.¹⁾ Но такой безпорядокъ, въ виду Высочайше утвержденной инструкціи церковнымъ старостамъ, не могъ уже продолжаться. Противъ произвола помѣщика выступили защитниками церковной казны староста и причтъ. Хотя первый былъ изъ крестьянъ же помѣщика и выбираемъ былъ крестьянами же, но помѣщикъ не имѣлъ уже права, во время исполненія его крестьяниномъ обязанностей церковнаго старосты, назначать его въ свои наряды, а тѣмъ болѣе смѣнить его, такъ какъ выборъ церковнаго старосты зависѣлъ не отъ него, и еслибы, по вліянію помѣщика, избранъ былъ въ церковные старосты послушное его орудіе, то священникъ могъ не дать на вредный для него выборъ своего „согласія“, какъ требовала сего инструкція. За церковнымъ старостою и священникомъ стояла вся епархіальная администрація съ архіереемъ во главѣ, а на первыхъ порахъ—и губернаторы, къ тому тогда призванные. Преосвященный Христофоръ, будучи самъ дворянинъ, жилъ дружно съ помѣщиками и ему крайне не хотѣлось ссориться съ ними и вести дѣло судебнымъ порядкомъ. Были впрочемъ примѣры судебныхъ процессовъ, но весьма немногихъ. Въ большинствѣ случаевъ власть Христофора, при не желаніи помѣщика подчиниться его распоряженію, ограничивалась тѣмъ, что онъ письменно обращался къ губернскому правленію и просилъ оное подтвердить тому помѣщику, „чтобы онъ не присвоилъ себѣ власти надъ церковнымъ имуществомъ и не удалялъ отъ одного священника и ктитора, которые на пріемотръ всѣхъ церковныхъ имуществъ имѣютъ

¹⁾ Архивъ Х. Д. Консист. 1808 г. № 94.

неоспоримое право¹⁾. Онъ ясно видѣлъ, что подобное сопротивленіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ Высочайшимъ указамъ есть не болѣе, какъ временное съ ихъ стороны недоразумѣніе. Благодаря вліянію губернатора Бахтина на помѣщиковъ, нѣкоторые изъ нихъ внесли отъ своихъ церквей требуемыя суммы и избрали изъ среды своихъ крестьянъ церковныхъ старостъ, а иные сами приняли на себя эту должность. За время Христофора двѣ церкви—Ахтырская и Каплуновская состояли внѣ его вѣдѣнія; суммами этихъ церквей завѣдывала казенная палата²⁾. „Стараясь всѣчески, писалъ Христофоръ Оберъ-Прокурору Св. Синода (1808 г.) поспѣшенствовать, предполагаемой въ приращеніе церковныхъ суммъ важной пользѣ, для духовныхъ училищъ и духовенства долгомъ наставляю доложить, что въ двухъ церквахъ Ахтырской соборной и приходской Каплуновской наличныя суммы довольно значущее количество, будучи обращены въ число прочихъ, могли бы съ примѣтною выгодною умножить предназначенный отъ накопленія процентовъ капиталъ, вмѣсто того, что оныя теперь хранятся Казенною Палатою бесполезно, или расточаются ею на вещи совсѣмъ излишнія. Сверхъ того и ежегодная въ сихъ церквахъ продажа свѣчъ, по причинѣ бывающаго въ нихъ для поклоненія чудотворнымъ иконамъ великаго стеченія народа, могла бы также по содержанію Указа Св. Синода 1808 г. окт. 7 состоявшагося, производить немало-важное приращеніе доходовъ, опредѣленныхъ на содержаніе духовныхъ училищъ. Почему обстоятельства сіи осмѣливаюсь представить на уваженіе вашего сіятельства“. Св. Синодъ, не-

¹⁾ Архивъ Х. Д. Конс. дѣло 1808 г. № 20.

²⁾ Въ 1753 году Императрица Елисавета Петровна, узнавъ, что доходы отъ Чудотворной иконы Ахтырской Божіей Матери отбирались монахами на бѣлгородскую семинарію, повелѣла употреблять оныя на ново-отроувшійся каменный Покровский соборъ. Для сбора доходовъ были опредѣлены изъ Ахтырскихъ знатныхъ гражданъ ктиторы, состоявшіе подъ вѣдомствомъ Ахтырской полковой канцеляріи. Доходы, собираемые монахами отъ Каплуновской иконы Божіей Матери, въ силу указа Св. Синода отъ 20 Ноября 1724 г., обращаемы были на содержаніе Харьковскаго Коллегіума. Съ 1785 г., по просьбѣ владѣльца сл. Каплуновки генераль маіора Коновницына, эти доходы были опредѣлены на постройку храма въ сл. Каплуновкѣ и завѣдованіе деньгами и постройкою храма, по примѣру Ахтырской церкви, было предоставлено свѣтскому правительству.

удерживаются міряне отъ входа въ алтарь, а въ другомъ — свободно и во всякое время допускаются ¹⁾).

Въ украинскихъ сельскихъ церквахъ употреблялось простое русское „обычное“ церковное пѣніе. „Обычнымъ“ это пѣніе называется потому, что по стародавнему обычаю съ незапамятныхъ временъ поеть его весь русскій народъ. Оно не особенно искусное, но стройное, благоговѣйное. Не оскорбляя самого простаго слуха и вкуса, въ тоже время оно настраивало нашихъ предковъ на тонъ молитвенный ²⁾). При этомъ обычномъ пѣніи русскому простому человѣку легко молиться, такъ какъ онъ ясно слышитъ всѣ слова молитвы, произносимыя одновременно всѣмъ хоромъ и не отвлекается отъ благоговѣйнаго настроенія и сосредоточенности эффектными трелями и руладами того или другаго голоса. Пѣніе это, основные мотивы котораго были переданы намъ вмѣстѣ съ богослуженіемъ изъ Византіи, и напѣвъ, который сходенъ съ напѣвомъ Кіево-Печерской Лавры, вполне сохранно до сихъ поръ въ своей сущности. Но извѣстно, что въ Малороссіи до конца прошлаго столѣтія дьячки выбирались изъ среды народа. Эти дьячки, съ теченіемъ времени, внесли въ церковное пѣніе множество мотивовъ изъ народныхъ пѣсенъ: есть херувимскія, причастны и под., составленныя исключительно на тему такой или иной пѣсни. Вольница старыхъ дьячковъ, въ этомъ отношеніи, доходила до большихъ крайностей. Какъ теперь, такъ особенно въ старину, нѣкоторые изъ прихожанъ, становясь на

¹⁾ Въ случаѣ еслибы на внушеніе духовенства о благоговѣіи въ храмѣ послѣдовало упорство, то, по требованіи гражданскаго закона, въ порядокъ обязана приводить полиція. Указываемъ на слѣдующій опытъ. 8 іюля 1892 г. въ Тамбовскомъ женскомъ монастырѣ, во время совершенія мѣстнымъ епископомъ литургіи, подполковница Панина, дозволившая себѣ стоять на солеѣ спиною къ иконостасу и обмахиваться краснымъ вѣеромъ, послѣ сдѣланнаго ей духовною властію напоминанія о непристойномъ поведеніи ея въ храмѣ, была призвана къ порядку полиціею, которая потомъ предъявила ей обвиненіе, а судъ приговорилъ Панину къ аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяць. (Моск. Вѣдомости 1893 г. № 111).

²⁾ Древне-церковное, одnogолосное пѣніе мы находимъ въ слѣдующихъ официальныхъ нотныхъ изданіяхъ Св. Синода: 1) сокращенный обиходъ; 2) учебный обиходъ; 3) церковный обиходъ; 4) октоихъ; 5) праздники; 6) вромологій нотные и 7) Тріоди постныя и цвѣтныя.

клиросѣ, помогали причетникамъ въ пѣніи. Обычай прекрасный. Но такъ какъ рѣдкіе изъ прихожанъ имѣли достаточное свѣдѣніе въ церковномъ пѣніи, то участіе ихъ дѣлало пѣніе шумливымъ, громогласнымъ. иногда слышенъ былъ рѣзкій крикъ, непріятно дѣйствующій. „Въ то время, говоритъ Е. П. Топчій, въ Харьковѣ пѣли на два клироса и было много охотниковъ до церковнаго пѣнія изъ разнаго званія людей¹⁾, пѣли громко, какъ-бы стараясь перекричать пѣвецъ пѣвца, одинъ клиросъ другой“²⁾. Въ то время уже были, не только въ городахъ, но въ нѣкоторыхъ селахъ хоры пѣвчихъ, употреблявшихъ партесное пѣніе. „Партесное“ пѣніе для нашихъ дьячковъ черезчуръ трудно, такъ какъ оно написано для исключительно сильныхъ красивыхъ голосовъ, а не для такихъ заурядныхъ, которые составляютъ между причетниками преобладающее большинство. Однако тогдашніе дьячки, съ своими малограмотными помощниками, подражая хорамъ, иногда пѣли по партесному пѣли большею частію съ голоса, по памяти, а гдѣ памяти не хватало, тамъ дополняли обыкновенно собственными вариациями. Отсюда выходило не пѣніе партесное, а пародія партеснаго пѣнія. Гораздо въ большей неприкосновенности хранилось древнее обычное церковное пѣніе; въ нашихъ сѣверовосточныхъ епархіяхъ оно было истинно церковное, чуждое увлеченію западнымъ піесамъ, но и здѣсь въ описываемое время уже начало быть искажаемо разными новшествами. На недостатки тогдашняго причетническаго пѣнія самъ Государь обратилъ вниманіе Св. Синода: „Государь Императоръ, говорится въ Синодальномъ указѣ, во время проѣзда по разнымъ губерніямъ, бывши въ церквахъ для слушанія службы Божіей, имѣлъ неудовольствіе слышать пѣніе церковнослужителей большею частію разнообразное, нестройное и произносимое съ непріятнымъ крикомъ“. Съ цѣлію ввести по всѣмъ церквамъ епархіи простое, но благопристойное службѣ Божіей пѣніе преосвященный Хри-

1) Изъ среды охотниковъ до церковнаго пѣнія, знавшихъ это искусство, въ имѣвшихъ голосъ, извѣстны въ то время: въ приходѣ Христорождественскомъ П. Топчій, въ Благовѣщенскомъ А. Скрыникъ, въ Троицкой П. Т. Ващенко, въ Михайловскомъ И. Г. Рѣшителько. (Укр. стар. 1866 г., стр. 297.)

2) Южный Край 1883 г. № 881.

стофоръ, согласно указу Св. Синода ¹⁾), предписалъ священникамъ внимательно слѣдить, чтобы: 1) на клиросѣ пѣли опредѣленные причетники, сообразно назначеннымъ на каждый день въ уставѣ, изданныхъ для сего нотныхъ книгахъ, гласомъ и напѣвомъ. 2) Хотя не возбраняется принимать участіе въ церковномъ пѣніи прихожанамъ имѣющимъ довольное свѣдѣніе въ церковномъ простомъ пѣніи, однако не иначе, какъ по известномъ объ нихъ томъ знаніи и съ согласія священника той церкви, гдѣ таковыя желающіе будутъ. 3) При наступленіи воскресныхъ, а особенно праздничныхъ дней причетники должны собираться и пропѣвать для согласія, положенныя на тѣ дни по уставу пѣсни. Изъ этихъ мѣръ особенно практична послѣдняя, которую смѣло можно рекомендовать и для настоящаго времени. Впрочемъ, какъ ни практичны эти мѣры сами по себѣ, онѣ могли быть полезны причетникамъ только при теоритическомъ изученіи и знаніи ими церковной ноты, т. е. при умѣнн пѣть по нотнымъ книгамъ. Но такое званіе пріобрѣтается исключительно чрезъ школу. Пресвященный Христофоръ, тогда же въ 1805 г., согласно предложенію Св. Синода, предписалъ духовенству епархіи, чтобы при духовныхъ правленіяхъ и благочинныхъ, подъ неослабномъ ихъ наблюденіи, немедленно были учреждены нотныя школы. Въ этихъ школахъ должны обучаться: а) причетники неискусные въ чтеніи и пѣніи; б) дѣти духовенства къ мѣстамъ не опредѣленные; в) уволенные изъ Коллегіума по бѣдности родителей или по неспособности продолжать ученіе и г) готовящіеся къ поступленію въ Коллегіумъ. При этомъ повелѣвалось не возбранять и поселянамъ, ежели бы кто изъ нихъ пожелалъ въ школу отдать для обученія своихъ дѣтей. Предметы обученія были слѣдующіе: чтеніе по церковной и гражданской печати, чистописаніе россійское, краткая священная исторія, катихизисъ, начало ариѳметики, простое и нотное пѣніе, церковный уставъ и нѣкоторыя искусства, какъ напр. иконописное. Церковное пѣніе и уставъ причетники, кромѣ обученія въ школѣ, обязаны были, подъ руководствомъ учителя, прак-

1) Указъ Св. Синода 22 декабря 1804 г. № 4892.

тически изучать, участвуя на клиросѣ приходскаго храма. Должность учителей при нотныхъ школахъ исполняли искусные діаконъ и причетники.

Христофоръ объявилъ духовенству, что діаконъ и дьячки, способные къ учительской должности, но по разнымъ причинамъ уклоняющіеся отъ оной, не будутъ имъ производимы въ высшіе чины, напротивъ, труждающіеся для общаго блага и отличившіе себя прилежнымъ и благоуспѣшнымъ прохожденіемъ должности учителя, по трехлѣтнемъ отправленіи сего званія, будутъ награждены первые посвященіемъ во іерея, вторые во діакона, съ переводомъ на выгоднѣйшія мѣста. При этомъ онъ дозволилъ учителямъ отъ имущественныхъ учениковъ взимать за свои труды награду, но только самую умѣренную. Помѣщенія для школъ должны были изыскивать духовныя правленія и благочинные. Благочинный г. Харькова протоіерей Іоаннъ Курасовскій въ 1805 году донесъ преосвященному Христофору, что дома для нотной школы въ Харьковѣ нѣтъ, и купить таковой, по причинѣ дороговизны на все пѣбдности причетниковъ, не за что. „Причетниковъ, пишетъ Христофоръ, кои нотному пѣнію не обучались, высылатъ помѣсячно въ пѣвческій классъ, существующій при архіерейскомъ хорѣ такъ: когда дьячки будутъ ходить обучаться въ пѣвческій классъ, въ тотъ мѣсяць пономари должны оставаться при церквахъ безотлучно, а когда окончатъ мѣсяць дьячки, тогда пономарямъ, кромѣ субботъ и недѣль и праздниковъ, являться въ классы. Протодіаконъ Александровъ имѣетъ наблюденіе за исполненіемъ“¹⁾. Въ уѣздныхъ городахъ для нотной школы, въ большинствѣ случаевъ, отводилась комната при духовномъ правленіи, а гдѣ таковой не находилось, тамъ нанимали комнату сосѣдняго дома съ правленіемъ. Такъ, въ г. Купянскѣ, до постройки школы, духовенство нанимало отдѣльный домъ съ двумя просторными комнатами и платило 2 руб. въ мѣсяць. При Сумскомъ духовномъ правленіи, для школы были отведены двѣ комнаты. Въ г. Ахтыркѣ нотная школа, или, какъ называли ее здѣсь „Рос-

¹⁾ Архивъ Харьк. Дух. Конс. 1806 г. № 164.

сійское Училище“, помѣщалась въ отдѣльномъ флигелѣ, находившемся въ оградѣ градскаго собора. Благочинный города Лебедина устроилъ на церковныя суммы домъ, купивъ деревенскій „гостиннаго дома“, принадлежавшаго упраздненному Сумскому двѣвчъему монастырю. Были примѣры, когда въ постройкѣ дома для школы участвовало всё духовенство уѣзда, посредствомъ добровольной складчины. Такъ, по приглашенію протоіерея Соколовскаго, духовенство Купянскаго уѣзда собрало 1.200 руб. асс., и на эти деньги, избраннымъ духовенствомъ благочинный Іаковъ Черняковъ, выстроилъ въ г. Купянскѣ домъ на каменномъ фундаментѣ о 8 покояхъ снабдивъ его всеми школьными принадлежностями, какъ-то: скамьями, досками и т. п. Благодаря неутомимой заботливости этого просвѣщеннаго и усерднаго протоіерея, нѣсколько сиротъ имѣли въ этой школѣ полное содержаніе, самое дѣло обученія поставлено было здѣсь настолько удовлетворительно, что Христофоръ ставилъ эту школу въ примѣръ духовенству всей епархіи ¹⁾. Известно, что коммиссія духовныхъ училищъ въ 1819 году открыла уѣздныя духовныя училища въ Купянскѣ и Ахтырскѣ. Тогдашній преосвященный Павелъ Саббатовскій указалъ коммиссіи на эти города, какъ занимающіе центральное положеніе, куда духовенство окрестныхъ уѣздовъ съ удобствомъ можетъ представлять своихъ дѣтей, и что въ этихъ городахъ уже находятся словесныя школы съ готовымъ помѣщеніемъ, обученіе въ коихъ идетъ правильно и благоуспѣшно. Нотныя школы по селамъ размѣстились въ церковныхъ домахъ, наемныхъ квартирахъ у крестьянъ, въ домахъ причетниковъ или священниковъ. При размѣщеніи нотныхъ школъ, оказалось, что въ одномъ Харьковскомъ уѣздѣ домовъ, принадлежащихъ на правахъ собственности церкви, считалось одиннадцать, изъ коихъ три дома были заняты подъ гражданское и приходское училище и одинъ домъ служилъ богадѣльней для бѣдныхъ. Въ Ахтырскомъ уѣздѣ было пять домовъ, столько же въ Зміевскомъ; въ Купянскомъ четыре дома. Были такія

¹⁾ Архивъ Харьк. Духов. Конс. 1806 г. № 27. 81

села, какъ напр. Ольшана, гдѣ находилось четыре дома, въ Лицахъ столько же; въ Деркачахъ три дома. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ имѣли по два, по три покоя и были довольно просторные; такъ въ слободѣ Кириковкѣ домъ имѣлъ длины 15 аршинъ, ширины 8, въ Злодѣевкѣ четыре покоя, длины 20 аршинъ, ширины 9 арш. ¹⁾. Дома эти вѣроятно остались за церквами еще съ прошлаго столѣтія. Извѣстно, что въ Слободской Украинѣ при многихъ городскихъ и сельскихъ церквахъ были дома не только для приходскихъ школъ, но были дома для *штиталей*, въ коихъ на счетъ церкви содержались нищіе, и такъ называемые *братскіе дома*, въ коихъ братчики собирались для совѣщанія о своихъ дѣлахъ братскихъ. Отъ этихъ домовъ, конечно, давно уже и слѣдовъ нѣтъ, даже самыя тѣ мѣста, гдѣ они стояли, давно затеряны. А какъ пригодились бы они въ настоящее время для церковно-приходскихъ школъ! Ученики нанимали квартиры въ крестьянскихъ избахъ, для стола родители ежемѣсячно доставляли хозяевамъ три мѣшка разной муки, три гарнца пшена и три фунта сала. Въ нѣкоторыхъ школахъ за обученіе взималась плата: платили деньгами или натурою, какъ-то: зерномъ, крупами, дровами и т. п. Численность учениковъ въ школахъ была не одинакова—въ иныхъ число простиралось до 30, въ другихъ около 10 и менѣе. Преобладающее число учениковъ дѣти, готовящіяся на должность причетниковъ. О числѣ крестьянскихъ мальчиковъ, обучавшихся въ школахъ, къ сожалѣнію, мы не нашли свѣдѣній,—но они были, хотя очень мало, а дѣвочекъ не только изъ крестьянъ, но и духовенства не было ни одной. Лѣта школьниковъ были неодинаковы. Между причетниками мы встрѣчаемъ лицъ въ возрастѣ отъ 15 до 40 и болѣе лѣтъ, между дѣтьми священно-церковно-служителей—отъ 6 до 18 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ учениковъ дѣлили на двѣ группы: старшая и младшая. Срокъ времени обученія въ школѣ не былъ точно опредѣленъ и зависѣлъ отъ степени усѣховъ и другихъ случайныхъ причинъ. Для причетниковъ бездарныхъ отъ природы, ученіе повидимому

¹⁾ Архивъ Харьк. Конс. 1806 г. № 39.

тянулось безъ конца. Нѣкоторые изъ нихъ оставались шею-
 ларями чуть не до сѣдыхъ волосъ, встрѣчая камень преткно-
 венія въ наукѣ пѣнія „на гласы“, „на подобны“, „догматики“
 и проч. Вотъ прошеніе Деркачевскаго дьячка Тимоѳея Го-
 ранскаго, который, пробывъ въ школѣ осьюмой годъ обратился
 къ своему благочинному Стефану Пономареву съ слѣдую-
 щимъ прошеніемъ: „въ 1805 году благочинный Полевскій
 опредѣлилъ меня для ученія въ Деркачевскую благочинничес-
 кую школу, въ коей и по нынѣшній 1813-й годъ состою.
 Но какъ я имѣю природную тупость понятія моего и не-
 молодые годы—42 года, а навпаче грудную болѣзнь, отъ
 коей я въ силу исправляю и дьячковскую должность, того
 ради прошу уволить меня отъ нотной школы“¹⁾. Успѣхи
 учениковъ въ нотныхъ школахъ, судя по нѣкоторымъ дан-
 нымъ, были не велики. Благочинный А. Ставровскій, въ вѣ-
 домости за 1811 годъ о школѣ въ сл. Перекопѣ, показалъ,
 что ученикъ Иванъ Будянскій, 16 лѣтъ, въ теченіи пяти
 лѣтъ обучился нѣсколько грамотѣ и живописному искусству,
 ученикъ Недригайловской школы Іоаннъ Давидовъ 11-ти лѣтъ,
 за два года пребыванія въ школѣ, въ чтеніи церковной и
 гражданской печати весьма мало успѣлъ, катехизисъ знаетъ,
 но не твердо, писать и по нотному пѣнію учится съ успѣ-
 хомъ средственнымъ. Изъ вѣдомости Зміевскаго духовнаго
 правленія за 1808 года видно, что дьячекъ г. Чугуева Иванъ
 Степурскій 20 лѣтъ въ теченіи года догматовъ 8 гласовъ и
 прмосовъ 3-й гласъ выучилъ, учить 4-й гласъ, знаетъ ариѳ-
 метики первую часть и весь катехизисъ. Свѣдѣнія „о при-
 лѣжаніи и понятіи“ благочинные въ вѣдомостяхъ о школѣ
 выражали словами: „похвальнаго“, „средняго“, „худого“. Встрѣ-
 чаются и такія отмѣтки: „понятія вовсе безнадежнаго“. Такъ
 отозвался благочинный о двухъ мальчикахъ—школьникахъ:
 одному было 10, а другому 8 лѣтъ. Въ графѣ „о поведеніи
 учениковъ“ читаемъ слѣдующія аттестаціи: „поведенія не ху-
 дого“, „похвальнаго“, „добродѣтельнаго“, „одаренъ добрыми
 правами“. Въ вѣдомости о Недригайловской школѣ за 1806 г.

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Консисторіи 1813 г., № 78.

благочинный показалъ, что сынъ діакона Воскресенской церкви села Терновъ, Литвинцовъ, въ поведеніи, за нерадѣніемъ, отца былъ предосудителенъ, но при руководствѣ учителя школы сдѣлался исправенъ и благонравенъ, дьячекъ Петръ Пономаревъ „при неослабномъ наблюденіи за нимъ въ школѣ учителя и его благочиннаго отъ прежней пьянственной страсти началъ воздерживаться“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что словесныя и нотныя школы приносили свою долю пользы духовенству, но справедливо и то, что эти школы страдали крупными недостатками. По мысли Христофора, нотныя школы должны были находиться при благочинныхъ. Но если въ селѣ, гдѣ жилъ благочинный, не было искуснаго діакона или дьячка, то консисторія, въ силу даннаго ей Христофоромъ права, на мѣсто неспособнаго учителя переводила туда изъ другаго села болѣе способнаго, не испрашивая на то его личного согласія. Въ этомъ распоряженіи была огромная ошибка. Переводъ способныхъ учителей, помимо ихъ согласія, особенно если этотъ переходъ былъ изъ болѣе богатаго въ довольно бѣдный приходъ, или изъ города въ село, разорялъ ихъ матеріальный бытъ, убивалъ ихъ нравственно и посеялъ отвращеніе къ школѣ. Добровольнаго же согласія на переходъ трудно было ожидать; кому захочется лишиться насиженнаго мѣста, гдѣ находился домъ и разныя хозяйственныя принадлежности, гдѣ приходъ, безъ труда по школѣ, даетъ средства къ жизни и идти въ другой приходъ на трудъ съ отвѣтственностью по службѣ и школѣ и при этомъ съ вознагражденіемъ меньшимъ или равнымъ. Вотъ почему мы находимъ не мало примѣровъ, когда искусные діаконы и дьячки отказывались отъ чести быть учителемъ и школы оставались безъ учителей. Были случаи, когда учителя, какъ бы боясь зарекомендовать себя съ отличной стороны въ веденіи дѣла по школѣ и не быть потомъ переведеннымъ на другое мѣсто, исполняли должность спустя рукава, неохотно и не радиво. Въ 1809 году Христофоръ перевелъ діакона села Удъ Емельяна Черняева, какъ способнаго къ учительской

¹⁾ Архивъ. Х. Дух. Конс. 1806 г., № 102.

должности къ Николаевской церкви сл. Деркачей. Черняевъ просилъ оставить его на мѣстѣ, ссылаясь на то, что онъ имѣеть въ сл. Уды собственный домъ, который онъ не можетъ продать, такъ какъ въ немъ живетъ его теща. Христофоръ, обѣщая современемъ возвестъ его въ санъ іерея, перевелъ вопреки его желанію, но не прошло и года, какъ онъ снова обратился съ просьбой возвратитъ ему прежнее мѣсто, указывая на то, что онъ лишился жены, а въ селѣ Уды живетъ его теща, которая могла бы присмотрѣть за малолѣтними его дѣтьми. Только теперь его просьба была уважена. Въ г. Купянскѣ соборный діаконъ Соболевъ, какъ неучившійся въ школѣ, оказался неспособнымъ быть учителемъ въ здѣшней вотивной школѣ. Преосвященный Христофоръ, согласно представленію прот. Соколовскаго, перевелъ изъ большаго Бурлука въ г. Купянскъ діакона Іоанна Маслова, воспитывавшагося въ Коллегіумѣ, а его мѣсто передалъ діакону Соболеву ¹⁾. Еще съ большею неохотой обучались причетники. Не говоримъ уже о томъ, что церкви и приходы лишались въ теченіи нерѣдко долгаго времени чтецовъ и цѣвцовъ, хотя и плохихъ. Причетники самовольно оставляли школы, Христофоръ каралъ таковыхъ поклонами въ 200, 300, 500, отсылалъ на работу въ Коллегіумъ, или въ монастырь, но эти мѣры оказывались безсильными. Свои отлучки изъ школы одни оправдывали тѣмъ, что они уходили домой для уборки сѣна или хлѣба, другіе ссылались на разныя домашнія нужды, какъ-то: приготовленіе для семьи пищи, дровъ и т. п., или указывали на болѣзнь жены, дѣтей и т. п. Убѣдясь въ основательности подобныхъ причинъ, Христофоръ предписалъ благочиннымъ увольнять причетниковъ на время полевыхъ работъ, въ праздники рождественскіе и пасхальныя, а такъ-же по поводу разныхъ семейныхъ нуждъ. Весьма частыя увольненія причетниковъ въ ихъ дома повлекли за собой значительное сокращеніе для нихъ программы. Если причетникъ, по отзыву благочиннаго, изучилъ впролойное пѣніе, какъ-то: начальную азбуку, догматы всѣхъ восьми гласовъ, впромсы воскресныя и праздничныя и пріоб-

¹⁾ Указъ Консисторіи отъ 25 мая 1805 года.

рѣль навикъ къ болѣе правильному чтенію по славянски, то консисторія увольняла и отсылала его на приходъ; увольняла и въ томъ случаѣ, если причетникъ былъ тупъ отъ природы и оказывался неимѣющимъ ни слуха, ни голоса, ни способности къ пѣнію. Нотныя школы были лишены надлежащаго контроля за ними. Самыми ближайшими и непосредственными блюстителями школъ были благочинные. Съ этою цѣлію школы учреждали преимущественно въ тѣхъ селахъ, гдѣ они жили. Но благочинные, будучи заняты кромѣ прихода и хозяйства, должностію, мало имѣли свободнаго времени для надзора за школами. Были благочинные, которые нисколько не интересовались школами и вовсе не радѣли объ ихъ процвѣтаніи. Нѣкоторые чуть не враждебно относились къ дѣлу образованія причетниковъ въ нотныхъ школахъ. Явленіе довольно странное, но мы не должны забывать тѣхъ условій, при которыхъ образовались причетники въ Слободской Украинѣ. Почти до конца прошлаго столѣтія, какъ мы уже говорили, причетники въ Малороссіи были нанимаемы громадою изъ вольныхъ лицъ, получая отъ нея жалованье, и были отъ ней въ полной зависимости, а равно отъ священника и въ особенности благочиннаго. Самый характеръ духовенства здѣшняго края, проникнутаго сознаниемъ своего *шляхетскаго достоинства*, не мало содѣйствовалъ къ закрѣпленію невыгоднаго положенія причетниковъ ¹⁾. Вотъ, напримѣръ, что писалъ въ своемъ прошеніи Христофору пономарь Чугуевской Успенской церкви Василій Каракуля. „Будучи круглымъ сиротой, я просился въ Коллегіумъ, но меня не приняли на казенное содержаніе. Тогда я принужденъ былъ поступить пономаремъ къ Чугуевской Успенской церкви, уповая, что при оной церкви я успѣю въ изученіи грамотъ, но и тутъ несчастіе меня постигло, ибо въ теченіи трехъ лѣтъ не токмо грамотъ не выучился, но и пономарской должности не исправлялъ, находясь безпрестанно въ работахъ и въ разныхъ посылкахъ благочиннаго отца

¹⁾ Въ настоящее время о самоправствѣ священниковъ и особенно благочинныхъ надъ псаломщиками и помину нѣтъ: оно давно уже вышло изъ употребленія, вслѣдствіе большого развитія священниковъ, и большого сознанія своихъ правъ причетниками.

протопопа Петра Столяревскаго, чрезъ что лишился и полученія за пономарскую должность принадлежащей миѣ части. Того ради прошу ваше преосвященство опредѣлить меня въ консисторію *штатнымъ сторожемъ*, гдѣ могу научиться книжеченію и рукописанію и тѣмъ снискивать себѣ ежечасное пропитаніе¹⁾. Просьба была уважена. Причетники ученики Золочевской потной школы вынуждены были обратиться съ просьбой къ преосвященному объ увольненіи ихъ изъ школы, на томъ основаніи, что ихъ тутъ вовсе не учили положеннымъ наукамъ. „Благочинный Кіановскій — пишуть они, заставляеть насъ жать хлѣбъ, пастъ гусей и индѣекъ, во время объѣзда его по благочинію мы по очереди служимъ за кучера, во дворѣ чистимъ конюшню и смотримъ за скотомъ его“. Преосвященный Христофоръ иногда подвергалъ школы ревизіямъ, чрезъ своего ключаря протоіерея Афанасія Могилевскаго, который по осмотру доносилъ ему объ ихъ состояніи, нуждахъ, недостаткахъ и т. п. Несомнѣнно подобная ревизія приносила дѣлу нѣкоторую долю пользы, но эта доля была весьма незначительна. Иною она и не могла быть уже по самому числу ревизій, коихъ за все время Христофора было не болѣе двухъ-трехъ и числу школъ подвергавшихся ревизіи. Всякій разъ было ревизуемо не болѣе 10—15 школъ, находившихся не вдали отъ Харькова. Эти ревизіи были поспѣшны, поверхностны, многіе существенные недостатки ускользали отъ глазъ ревизора и оставались незамѣченными. Для примѣра представляемъ слѣдующій отзывъ Могилевскаго о школѣ, бывшей въ слободѣ Деркачи Харьковскаго уѣзда: „потная школа, пишеть онъ, помѣщается въ церковномъ домѣ, домъ пристойный и помѣстительный, обучается въ этой школѣ 14 человекъ, усилъхи учениковъ вообще изрядны,

¹⁾ Дѣти священно-церковно-служителей, необучавшіяся въ школахъ, поступали на штатныя должности *звонарей* при соборахъ и *сторожей* при Консисторіи и духовныхъ правленіяхъ. Въ свободныя часы отъ своихъ прямыхъ обязанностей они занимались изученіемъ чтенія, рукописанія и церковнаго пѣнія и такимъ образомъ, нѣкоторые изъ нихъ приготавливали себя къ пономарской должности, каковую потомъ и получали. Нынѣ эти штатныя должности звонарей и сторожей упразднены.

нѣкоторые изъ нихъ въ короткое время успѣли достаточно — такъ напр. ученикъ Матѳей Васиютинскій въ теченіи трехъ лѣтъ обученъ чтенію по россійски и читаетъ по книгамъ посредственно, пишетъ по русски не худо, первую часть ариѳметики хорошо знаетъ, нотному пѣнію обучается и догматы по нотамъ поетъ исправно, дарованіе къ ученію имѣетъ хорошее¹⁾ и т. д. Впрочемъ для цѣли нашей важенъ собственно его отзывъ объ учителѣ. Вотъ онъ: „учитель, пишетъ прот. Могилевскій, діаконъ (мѣстной Рождество-Богородичной церкви) Феодоръ Туранскій, въ чтеніи по церковнымъ и гражданскимъ книгамъ искусенъ, въ простомъ и нотномъ пѣніи довольно знающъ, ариѳметикѣ и началамъ латинскаго языка обучать можетъ, поведенія весьма хорошаго и обучаетъ прилѣжно“.¹⁾ Но спустя лѣтъ пять послѣ этой ревизіи — ученики, въ числѣ осьми причетниковъ, подали въ Консисторіи жалобу и учитель Туранскій подвергся слѣдствію.²⁾

Въ показаніяхъ школьниковъ, данныхъ благочинному Пономареву, при производствѣ слѣдствія, видно, что учитель Туранскій нерадиво относился къ своимъ обязанностямъ по школѣ. Такъ пономарь Деркачевской Богородичной церкви Иванъ Прусскій показалъ, что учитель не показывалъ ему ни чтенія, ни пѣнія, и что всѣ прочіе ученики уходили изъ школы безъ всякихъ плодовъ ученія. Туранскій, по словамъ Прусскаго, болѣе занимался дѣтьми поселянъ, получая отъ ихъ отцовъ выгодную плату, дѣтей же духовенства, особенно бѣдныхъ, равно и причетниковъ не обучалъ, но презиралъ и угнеталъ. „Во время пребыванія моего въ Деркачевской школѣ, говоритъ пономарь Буткевичъ, я былъ у діакона Туранскаго во все лѣтнее время не ученикомъ, а работникомъ: засѣянный хлѣбъ въ полѣ лошадыю заволакивалъ, возилъ въ домъ снопы, жаль ячмень, пасъ лошадей, ѣздилъ въ лѣсъ, то за дровами на отопленіе дома, то за собираніемъ лѣсныхъ фруктовъ“. Отецъ его — священникъ села Полеваго, добавилъ, что зимой онъ нѣсколько разъ посѣщалъ сына и всегда находилъ

¹⁾ Архивъ. Хар. Дух. Конс. 1807 г. № 39.

²⁾ Дѣло 1813 г. № 113.

его, что онъ „въ саночкахъ“ возилъ по улицѣ малолѣтнихъ дѣтей учителя Туранскаго. Неудивительно послѣ этого, если въ теченіи года онъ не научился правильно даже читать по русски. А между тѣмъ, по словамъ свящ. Буткевича, за годовое содержаніе его сына въ домъ Туранскаго, онъ уплатилъ ему 60 руб. и доставилъ 15 возовъ дровъ и годованнаго кабана. Дьячекъ Малыхъ Проходовъ, Макарій Толмачевъ показалъ, что „по условію, заключенному съ діакономъ Туранскимъ, сынъ мой дьячокъ Петръ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ изучитъ ирмологій нотный, будетъ умѣть пѣть на всѣ гласы, изучитъ уставъ и весь кругъ церковный, за что обязанъ былъ ежемѣсячно уплатить ему 10 р. деньгами, и доставить четверть овса, пару курей и гуся. Туранскій увѣрилъ меня, что такъ-какъ я сына своего поставилъ на квартирѣ у него, то онъ будетъ обучать его не только въ дневное, но и въ ночное время. Прошло однако три мѣсяца: я увидѣлъ, что сынъ мой ничему не научился, почему я и взялъ его изъ школы. Дьячки Тишинскій и Лобковскій сдѣлали своему учителю сани“. Лобковскій употребилъ на нихъ свой лѣсъ (4 дуба, стоящіе каждый по 40 к.), но ни за труды, ни за дерево платы они не получили. При такой эксплуатаціи учениками, Туранскій въ тоже время жестоко обращался съ ними. За каждую ошибку своеручно билъ плетью безъ пощады, наносилъ удары палкой и рукой по лицу, почему у многихъ изъ учениковъ его подъ глазами были синіе большіе знаки. Рѣдко проходилъ день, чтобы кто-либо изъ нихъ не былъ наказанъ розгами и, въ большинствѣ случаевъ, за самыя ничтожныя проступки. Пономаря Григорія Лобковскаго наказалъ 30 ударами розогъ собственно за то, что онъ, не сказавши ему, самовольно ходилъ къ сапожнику для починки сапогъ. Особенно много терпѣлъ отъ Туранскаго пономарь Василевскій. Будучи сиротой, онъ попалъ въ полное его распоряженіе. Измученный до крайности сѣченіемъ розгами, чуть не каждый день, онъ задумалъ бѣжать въ сл. Черкасскую Лозовую къ благочинному, свящ. Стефану Пономареву, надѣясь найти въ немъ защитника, но замысль его не удался: Туранскій догналъ его на дорогѣ въ лѣсу версты за три отъ Деркачей. Возвращаясь

домой, онъ, не смотря на то, что день былъ морозный, снялъ съ него тулупъ и сапоги, привязалъ возлѣ лошади къ дугѣ и до самой слободы кнутомъ билъ его дорогой, точно лошадь. Засимъ дома, въ школѣ, послѣдовала настоящая расправа съ бѣглецомъ. Здѣсь, по показанію Василевскаго, учитель Туранскій „билъ его по вискамъ до упаденія со скамьи“, затѣмъ наказалъ розгами въ числѣ пятидесяти ударовъ и наконецъ посадилъ его на цѣпь, взятую въ волостномъ правленіи; шесть дней держалъ на цѣпи и по малой части давалъ хлѣба. Вскорѣ, за новый своевольный побѣгъ изъ школы, Василевскій былъ наказанъ 70 ударами розогъ. Одни изъ товарищей держали его, другіе сѣкли въ двѣ розги съ перемѣною розгъ, и сѣкли жестоко до крови. Онъ взнемогалъ дотого, что переставалъ кричать. Легко понять тотъ ужасъ и трепетъ, каковыми были постоянно охвачены ученики нотной Деркачевской школы. Естественными и правдивыми посему кажутся намъ показанія діакона слободы Черкаской Лозовой Григорія Николаевскаго, — опекуна Василевскаго, который показалъ, что когда у него почевалъ Василевскій, то ночью онъ схватывался съ постели и кричалъ: „отецъ діаконъ, не бейте меня, помилуйте меня“. Такъ сильны были впечатлѣнія, которыя, приходилось переживать Василевскому наяву! Чѣмъ окончилось это слѣдствіе — неизвѣстно. Факты, обрисовывающіе печальную картину положенія школьнаго дѣла въ Деркачевской школѣ, нельзя не признать ужасными и, конечно, они слишкомъ рѣзки и преступны, для заключенія по нимъ о состояніи всѣхъ тогдашнихъ нотныхъ школъ. Но все-же эти факты чрезвычайно характерны: они показываютъ до какихъ предѣловъ безчеловѣчія можетъ дойти суровый и грубый по природѣ педантъ-учитель, пользующійся, съ одной стороны, беззащитнымъ положеніемъ учениковъ, а съ другой, полною безконтрольностью надъ собою начальства. Недавно духовенство Высочайшею волею призвано на подвигъ учительства крестьянскихъ дѣтей въ открываемыхъ повсюду церковно-приходскихъ школахъ. Эту высокую миссію духовенства Св. Синодъ тогда-же оградилъ всестороннимъ контролемъ и обста-

виль всѣми необходимыми разъясненіями, руководствами и т. п. и между прочимъ предписалъ, чтобы дѣти не были подвергаемы въ школѣ безусловно никакимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Нельзя не привѣтствовать это распоряженіе Св. Синода—высокой степени гуманное.

При нѣкоторыхъ, впрочемъ рѣдкихъ, сельскихъ храмахъ были пѣвческіе хоры ихъ содержали помѣщики—любители церковнаго пѣнія. Изъ помѣщичьихъ хоровъ особенно былъ извѣстенъ хоръ помѣщика Дмитрія Андреевича Хрущова, который состоялъ при его великолѣпномъ храмѣ въ имѣніи сл. Рясномъ. Регентомъ здѣсь былъ Семенъ Синявинъ, перешедшій сюда изъ Кіева, гдѣ онъ состоялъ регентомъ при хорѣ графа Салтыкова, затѣмъ онъ былъ діакономъ при Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ. Были хоры при нѣкоторыхъ уѣздныхъ соборахъ. При Ахтырскомъ соборѣ хоръ состоялъ изъ 30 человѣкъ. Содержаніе его обходилось собору въ годъ болѣе двухъ тысячъ руб. асс. Хоръ этотъ находился въ ближайшемъ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, отъ воли котораго зависѣло назначеніе и увольненіе каждаго пѣвчаго. Завѣдывалъ имъ регентъ Степанъ Глобчастый ¹⁾. Онъ получалъ полное содержаніе отъ собора и жалованья 210 руб. въ годъ. Преосвященный Христофоръ любилъ церковное пѣніе; его хоръ обладалъ отличными голосами. Изъ пѣвчихъ, привезенныхъ Христофоромъ изъ Θεодоссійскаго его хора, пользовался извѣстностію по своему прекрасному голосу Иванъ Щербаковъ, Антонъ Морозовъ, Павелъ Андроновъ, Порфирій Басмановъ и Николай Мудровъ. Нѣкоторые изъ пѣвчихъ, принадлежавшихъ, по мѣсту своей родины, слободско-украинской епархіи, продолжали пѣть въ хорѣ бѣлгородскаго архіерея. Христофоръ, вскорѣ по поступленіи на епархію, просилъ пре-

¹⁾ Глобчастый—изъ казенныхъ харьковскихъ обывателей. Воспитаніе получилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Харьковскомъ казенномъ училищѣ на казенномъ иждивеніи; вокальной и инструментальной музыкѣ обучался здѣсь подъ руководствомъ учителя извѣстнаго украинскаго композитора Максима Прохоровича Ганцевича. Глобчастый оставилъ послѣ себя рукописныя нотныя сочиненія. Его осьмогласникъ, писанный его рукой въ двухъ книгахъ, находится въ библіотекѣ Харьковской Семинаріи.

освященнаго Теокиста уволить ихъ для его хора. Послѣдній такъ отвѣчалъ: „Епархіи вашего преосвященства Купянской священникъ Павелъ Любарскій и діаконъ Петръ Оранскій пріѣзжали въ Бѣлгородъ, въ небытность мою здѣсь, по повелѣнію вашего преосвященства, для взятія сыновей своихъ, при здѣшнемъ соборѣ въ штатѣ пѣвчихъ находящихся, альта Любарскаго и дишканта Оранскаго; а какъ на ихъ мѣсто другіе поступили, я оныхъ Любарскаго и Оранскаго симъ и увольняю для хора вашего преосвященства.“ Подносителъ же сего, Харьковскаго уѣзда слободы Одринки умершаго пономаря, сынъ, при здѣшнемъ соборѣ въ штатѣ пѣвчихъ состоящій, теноръ Алексѣй Одринскій, просилъ также увольненія въ хоръ вашего преосвященства. Ежели онъ благоугоденъ вамъ, я также и его симъ увольняю, и прочихъ пѣвчихъ, когда на ихъ мѣста сысканы будутъ другіе, увольняю въ епархію вашего преосвященства, но не иначе какъ по формальному вашему требованію. Семинаристовъ же пѣвчихъ я велѣлъ уволить всѣхъ, какъ своекоштныхъ, такъ и на казенномъ коштѣ находившихся, по сообщенію коллегіумскаго Харьковскаго правленія, въ Бѣлгородское семинарское правленіе“. ¹⁾ Въ 1800 году выбылъ изъ архіерейскаго хора студентъ Коллегіума Григорій Гнѣдичъ ²⁾, „Дабы, пишетъ Консисторіи Христофоръ, за выbytіемъ студента Григорія Гнѣдича, получившаго діаконское мѣсто при нашемъ кафедральномъ соборѣ, не послѣдовало въ пѣвческомъ хорѣ въ голосахъ недостатка, предписать духовнымъ правленіямъ и всѣмъ благочиннымъ прискать причетниковъ, имѣющихъ басистый голосъ и поведенія безпорочнаго и буде таковыя окажутся представило бы ихъ для надлежащаго испытанія въ Консисторію при рапортахъ, вмѣстѣ съ симъ предписать протодіакону Іакову Александрову, чтобы онъ учинилъ таковой же выборъ изъ студентовъ здѣшняго Коллегіума“. Въ 1802

¹⁾ Архивъ Покровскаго монастыря, дѣло отъ 13 авг. 1800 г.

²⁾ Гнѣдичъ въ 20 годахъ состоялъ въ должности протодіакона и своимъ сильнымъ и пріятнымъ голосомъ, а также своею красивою, величественною осанкой долго былъ памятенъ Харькову. Состоя затѣмъ протоіереемъ при Кафедральномъ соборѣ въ 1830 годахъ, онъ въ тоже время былъ ключаремъ, а въ 1840 годахъ настоятелемъ Николаевской церкви. Скончался въ 1854 г.

Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія (1795—1798 г.) Харьковскіе губернаторы Леванидовъ и Текловъ были извѣстны какъ любители церковнаго пѣнія; они имѣли при своихъ домахъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, Текловъ самъ былъ знатокъ музыки и превосходно игралъ на скрипкѣ. Во главѣ этихъ губернаторскихъ хоровъ пѣвчихъ стоялъ одинъ изъ даровитыхъ русскихъ церковныхъ композиторовъ, а именно Афанасій Лукьяновичъ Ведель, а въ числѣ пѣвчихъ былъ не менѣе извѣстный впоследствии композиторъ придворный протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ. А. Л. Ведель въ Харьковѣ былъ начальникомъ пѣвческаго хора казенныхъ классовъ, а Турчаниновъ, проходя въ оныхъ классахъ науки, въ тоже время занимался обученіемъ маленькихъ пѣвчихъ. Турчаниновъ, вспоминая пѣніе Веделя въ Харьковѣ, говоритъ, что онъ „съ такимъ вкусомъ и чувствомъ пѣлъ, что мы всѣ, а паче я поражались и восхищались его пѣніемъ. Когда Ведель пѣлъ, то самъ онъ и вся церковь обливались слезами. Наружность онъ имѣлъ прекрасную, благочестіе сіяло во всѣхъ его поступкахъ и въ глазахъ у него во время пѣнія отражалось что-то небесное, невыразимое“. . . ¹⁾ Въ пѣвческомъ классѣ, бывшемъ при Харьковскомъ архіерейскомъ хорѣ, регенты учили пѣвцовъ такъ называемой нотной музыкѣ и въ особенности концертовъ. Пѣвцы были знакомы съ правилами гармоніи и изучали скрипичную игру. При Христофоровскомъ хорѣ былъ полный инструментальный оркестръ, пріобрѣтенный исключительно на средства самаго преосвященнаго. Нѣкоторые изъ музыкальныхъ инструментовъ Христофоровскаго оркестра, напр. скрипки были въ употребленіи въ архіерейской пѣвческой еще въ 40 годахъ. Поэтому архіерейская пѣвческая въ официальныхъ бумагахъ называлась *Катедральною вокальною музыкою*, а завѣдывавшій хоромъ протодіаконъ назывался *директоромъ пѣвчихъ*. Тогда только еще начинали выходить въ свѣтъ музыкальныя сочиненія извѣстнаго церковнаго композитора Д. С. Бортнянскаго и архіерейскій хоръ выполнялъ его піэсы. Дмитрій Степановичъ Бортнянскій (1751—

¹⁾ Домашня Бесѣда 1863 г. № 2, стр. 50.

1825), получившій музыкальное образованіе въ иностранныхъ школахъ подъ руководствомъ западныхъ композиторовъ, въ своихъ произведеніяхъ не чуждъ былъ слабости подражанія Италіанскимъ композиторамъ, но въ тоже время онъ далеко не былъ такъ одностороненъ, какъ его предшественники. Зато провинціальныя исполнители пьесъ его и особенно его предшественниковъ Березовскаго, Галушны, Сарты и т. д. слишкомъ далеко заходили въ театральныхъ эффектахъ. Впрочемъ высшіе классы тогдашняго общества подъ вліяніемъ Запада увлеклись и полюбили это дѣйствительно прекрасное, хотя и чуждое русскому народу итальянское церковное пѣніе, которое такъ подкупаетъ насъ своею изящною внѣшностію и своего эффектною искусственностію ¹⁾. Приведемъ теперь нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній маленькаго пѣвчаго Г. Пѣхотинскаго ²⁾. Его рассказы прекрасно рисуютъ порядки и бытъ пѣвчихъ Христофоровскаго хора. „Въ городѣ умеръ, говоритъ Пѣхотинскій, одинъ изъ знатныхъ харьковскихъ гражданъ. Хоръ нашъ приглашенъ былъ пѣть погребеніе. Я былъ солистомъ. Всё шло какъ и всегда. Концерты: „Услыши Господи....“ и „Плачу и рыдаю....“ были пропѣты хорошо. Эти концерты всегда принимались харьковцами съ умиленіемъ и грустнымъ впечатлѣніемъ. Да и кто равно-

и мѣсяцъ въ Харьковѣ въ 1808 году. Пѣхотинскій—это былъ даровитый педагогъ и всей душой преданный дѣлу воспитатель. Своимъ питомцамъ онъ посвятилъ нѣсколько своихъ литературныхъ трудовъ, какъ напр. „книга для юныхъ читателей“ изд. въ 1842 г. Скон. въ 1857 году.

1) Однѣ изъ любителей итальянскаго пѣнія печатно высказалъ въ 1808 году свои восторги въ слѣдующихъ словахъ: „если судить о совершенствѣ вкуса до котораго достигла теперь наша пѣвческая музыка, то кажется она получила самой высшей степени своей изящности . . . . Такъ! Гармонія и на хладномъ сѣверѣ во всей своей силѣ владычествуетъ и здѣсь восхищаетъ она сердца, вливая въ нихъ сладостное утѣшеніе. . . . И въ такомъ расположеніи души чувства текутъ въ различныхъ извибахъ голоса и наконецъ во всей полнотѣ своей производятъ то, что мы называемъ восторгомъ . . . . Для сего и введена въ церковно-концертная симфонія поющихъ голосовъ, что-бы, по словамъ пророка Давида, имѣло *Богу разумно*. (Окасть вокальной или пѣвческой музыки въ Россіи Николая Горчакова. Москва, 1808 г.)

2) Григорій Семеновичъ Пѣхотинскій сынъ священника сл. Котѣльвы. По окончаніи курса въ Харьк. Коллегіумѣ былъ преподавателемъ и ректоромъ пансіона И. А. Сливцоваго, имѣвшаго права гимназій. Пѣхотинскій—это былъ даровитый педагогъ и всей душой преданный дѣлу воспитатель. Своимъ питомцамъ онъ посвятилъ нѣсколько своихъ литературныхъ трудовъ, какъ напр. „книга для юныхъ читателей“ изд. въ 1842 г. Скон. въ 1857 году.

душно можетъ слушать эти превосходныя и трогаящія душу творенія духовной музыки; особенно когда душа подъ вліяніемъ всей печальной обстановки и надгробныхъ пѣсней, естественно, предается унылому чувству. Но въ концертѣ „Плачу и рыдаю“ есть solo soprano: „О, чудесе, что сіе, еже о насъ бысть таинство?“ пропѣтое мною, можетъ быть, въ пятидесятый разъ, оно не могло быть испорчено, а вырвавшийся мгновенный вопль жены покойника, заглушилъ самое окончаніе моего соло. Но когда я завернулъ нотную книгу, вдругъ почувствовалъ въ ребрѣ своемъ присутствіе камертона, очень безжалостно запущеннаго туда регентомъ Лукой Степановичемъ Чижевскимъ. Я вскрикнулъ и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ; но вопли у гроба скрыли мой возгласъ и дозволили произнести Л. С. десятки фразъ, исполненныхъ угрозъ за мое соло.... Насталъ день субботы на 6-й недѣли Великаго поста и архіерейскій хоръ въ кафедральномъ соборѣ на заутреней пѣлъ акаѳистъ Божіей Матери. Кто бывалъ на служеніи пресвященнаго Христофора въ эту заутреню, тотъ знаетъ, сколько величія и благоговѣнія заключаетъ въ себѣ отправленіе акаѳиста и какъ прекрасно поютъ пѣснь: „О, всепѣтая Мати“. Тутъ пѣвческій хоръ раздѣленъ на двое: собственно хоръ и trio primo и secundo,—soprano и alto. Въ этомъ trio soprano соло состоитъ изъ нотъ высокихъ. Я всегда пѣлъ это primo. Въ тогдашнее время, продолжаетъ Г. Пѣхотинскій, ежегодно университетъ имѣлъ два торжества: день Тезоименитства Императора Александра 1-го, 30 Авг. совмѣстно съ празднованіемъ университетскаго акта, и день открытія университета 17 января. Къ этимъ обоимъ днямъ дѣлались особенныя приготовления и всегда давались ораторіи и концерты въ собраніи многочисленной публики. Университетскій учитель музыки В., считавшійся тогда однимъ изъ извѣстныхъ артистовъ композиторовъ, съ особенною заботою и умѣньемъ распоряжался составленіемъ оркестра, какъ инструментальнаго, такъ и вокальнаго. Нашъ пѣвческій хоръ заблаговременно приглашался, и втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы держали репетиціи. Успѣхъ ораторіи Гайдена „о сотвореніи міра“ былъ очень блестящъ. Хоръ нашъ заслужилъ полное одобреніе и меня,

не знаю впрочемъ за что, многіе хвалили и подзывали къ себѣ. Въ тетрадь моей нѣмецкій текстъ былъ написанъ латинскими буквами, и профессоръ А. училъ насъ произносить, а потому произносилъ и я тѣ слова правильно, которыя слѣдовали на мою долю. Но не могу забыть, что мнѣ очень приятно было стоять близь знатныхъ особъ, сидѣвшихъ на ближайшихъ мѣстахъ къ оркестру. Особенно я восхищался краснымъ мундиромъ съ золотомъ и голубою лентою графа Потоцкаго, тогдашняго попечителя университета. Подлѣ него сидѣлъ губернаторъ Бахтинъ. Еще болѣе помню мою радость и самодовольство, когда губернаторъ подзвалъ меня, взялъ мою тетрадь и показалъ ее графу Потоцкому, который, вѣроятно, любопытствовалъ знать, какъ написанъ текстъ. Отдавая мою тетрадь, губернаторъ спросилъ меня: „а ты учишься по нѣмецки?“ — Нѣтъ, отвѣчалъ я. „Совѣтую учиться“. Я поклонился ему. Въ тѣ годы, продолжались приготовленія къ войнамъ съ французами и когда дворянство производило свои выборы въ милиціонеры, въ Харьковѣ пріѣзжалъ графъ О. Губернаторъ давалъ большой обѣдъ, на которомъ присутвовало знатнѣйшее дворянство. Преосвященный былъ тутъ же. Нашъ хоръ приглашенъ былъ нѣтъ во время стола. Вообще во всѣ высокаторжественные дни, во время официальныхъ обѣдовъ, на кои всегда приглашаемъ былъ Владыка, архіерейскіе пѣвчіе пѣли концерты и канты“¹⁾.

Прот. *Н. Лашенковъ*.

(Окончаніе въ слѣдующемъ году)

¹⁾ Духовный Вѣстникъ, 1865 г. Т. XI, стр. 446—448.

СТОЛѢТІЕ

АХТЫРСКАГО УѢЗДНАГО УЧИЛИЩА.

(1790 г.—1890 г.)

Столѣтіе, прожитое Ахтырскимъ уѣзднымъ училищемъ съ 1790 по 1890 г., включаетъ въ себѣ слѣдующіе три періода: 1) періодъ малаго народнаго училища (съ 1790 по 1806 г.), 2) періодъ двухкласснаго уѣзднаго училища (съ 1806 по 1834 г.) и 3) періодъ трехкласснаго уѣзднаго училища (съ 1834 г.), закончившій одно столѣтіе и перешедшій въ новое. Въ чемъ состоитъ сходство и различіе названныхъ трехъ типовъ училища, это уяснится изъ сравненія ихъ, для чего предлагаемый очеркъ даетъ обильный матеріалъ. Въ официальныхъ бумагахъ училище стало именоваться уѣзднымъ съ перваго періода своего существованія и, въ сущности, было таковымъ съ самаго начала потому, что районъ, ему предназначенный, былъ—уѣздъ. Районъ, тяготѣвшій къ училищу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по открытіи его, былъ гораздо обширнѣе нынѣшняго Ахтырскаго уѣзда: кромѣ нынѣшнихъ поселеній послѣдняго, въ предѣлахъ этого района въ то время находились многія поселенія, изъ которыхъ впоследствии образовались уѣзды Богодуховскій и Лебединскій; кромѣ того, училищемъ былъ также заинтересованъ и сосѣдній съ Ахтырскимъ—Зѣньковскій уѣздъ, Полтавской губерніи, неимѣвшій тогда своего казеннаго училища.

Какъ самый ранній и притомъ—единственный почти въ теченіи четверти вѣка (до 1812 г.) регуляторъ народнаго образованія въ обслуживаемомъ краѣ, училище въ первые годы своего существованія естественно должно было стать въ болѣе или менѣе близкое соотношеніе съ режимомъ дореформенной мѣстной педагогикъ, тѣмъ болѣе, что оно было всесословное и, стало быть, такъ или иначе интересовало всѣ общественные слои населенія. Въ виду этого, приступая къ изученію училищнаго архива, даваго мнѣ матеріалы для настоящаго очерка, я рассчитывалъ найти въ архивныхъ рукописяхъ цѣнные факты по исторіи

старинной школы Ахтырскаго уѣзда, по крайней мѣрѣ за вторую половину XVIII в. и первые годы XIX. Къ сожалѣнію, моя надежда не оправдалась. Въ дѣлахъ архива попадаются лишь отрывочные матеріалы. Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, напр., видно, что въ Ахтыркѣ было много частныхъ школъ; что по поводу частныхъ педагоговъ смотрители училища неоднократно получали изъ Харькова напоминанія о законѣ 5 мая 1757 г., которымъ, какъ извѣстно, предполагалось ограничить произволъ безаттестатныхъ учителей—иностранцевъ, занимавшихся обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ и пансіонахъ; что смотрители, съ своей стороны, дѣлали иногда попытки примѣнить этотъ законъ къ мѣстнымъ частнымъ педагогамъ, русскимъ подданнымъ, но безуспѣшно и, очевидно, не безъ колебаній. Только одинъ разъ, въ 1804 году, смотритель М. Р. Мандрыка, несшій одновременно и должность городничаго, кажется, по личной инициативѣ, принялся было за это дѣло энергично: согласно его распоряженію, подвѣдомые ему чиновники, учитель II класса малаго народнаго училища, И. Е. Столбъ-Рапинскій, и частный приставъ, М. Астафьевъ, произвели въ г. Ахтыркѣ генеральную ревизію и экзамень всему грамотному юношеству школьнаго возраста, обучавшемуся наукамъ внѣ училища. Памятникомъ ихъ ревизіи остался „реэстръ“ (списокъ) проэкзаменованнаго юношества. Приводимъ его въ извлеченіи. По провѣркѣ, въ городѣ оказались школы у слѣдующихъ лицъ: 1) отставнаго гусара Ивана Березовскаго, съ 22 учениками, изъ коихъ 4 дворянина и 1 гусарскій сынъ отмѣчены „способными“ въ I классѣ, 3 дворянина—во II; 2) дѣвицы Авдотьи Садовской—съ 5 учениками, 1 годень былъ въ I классѣ, „но онъ—отмѣтилъ Столбъ-Рапинскій, есть крестьянской“; 3) дьячка Егорьевскаго прихода—съ 5 учениками, изъ нихъ 1 могъ быть въ I классѣ, „но онъ, по замѣчанію Столбъ-Рапинскаго, есть изъ церковныхъ дѣтей“; 4) обывателя Самойла Бойкова съ 3 учениками, 1 годился въ I классѣ; 5) дьячка Николаевской церкви, Степана Попова съ 7 учениками, познанія которыхъ не аттестованы; 6) дьячка Петро-Павловской церкви, Осина Красовскаго съ 2 учениками, изъ коихъ 1 могъ быть принятъ въ I классѣ; 7) дьячка Ефима Петровскаго съ 1 ученикомъ; „сіи три“—замѣчаетъ С. Р.—„за отдаленостію въ училище присылаемы быть не могутъ“.¹⁾ Въ присутственныхъ мѣстахъ города грамотнаго юношества обнаружено: 1) въ уѣздномъ судѣ 8, изъ коихъ 4 дворянина, 1 обыватель и 1 воспитанникъ (?) могли учиться во II классѣ, 1 цеховой и 1 приказный—въ I; 2) въ земскомъ судѣ 2 дворянина, годные во II классѣ, 1 обыватель въ I; 3) въ казначействѣ 2 обывателя, 1 въ I классѣ, 1 во II; 4) въ полиціи 1 обыватель и 1 мѣщанинъ, оба во II классѣ; 5) въ ратушѣ—3, званіе и познанія которыхъ не показаны.

1) Школы эти были очень живучи и преемственно переходили отъ родителей къ дѣтямъ, отъ мужа къ женѣ, и т. п. Подъ 1836 г. въ Ахтыркѣ онѣ значатся: у дьячка Успенской церкви, Андрея Гайдукова, дьячка Николаевской церкви Максима Котляревскаго и у вдовы—дьячихи Гергіевской церкви, коимъ обученіе дѣтей воспрещалось подъ угрозой штрафа въ 250 р. (на основ. VII гл. § 66 „Полож. о домашн. наставн.“).

Изъ отысканныхъ въ частныхъ домахъ могли быть приняты: 1 дворянинъ и 2 пех. въ 1 кл., 1 дворянинъ и 3 обывателя—во II-й. Цѣль ревизіи осталась не вполне выясненною. Столбъ-Рапинскій, представляя Мандрыкъ „реестръ“, въ своемъ рапортѣ писалъ: „Исполняя ваше приказаніе, я объявилъ, дабы они (содержатели школъ) своихъ учениковъ всякое воскресеніе и праздникъ, въ 9 часу по утру, присылали въ уѣздное училище къ объясненію Евангелія“. Изъ письма же директора училищъ, Ф. И. Кудрицкаго, на имя смотрителя Мандрыки видно нѣчто другое. Письмо это было отвѣтомъ на посланныя директору Столбъ-Рапинскимъ какія то „расположенія“. — „Не знаю, что побудило его къ составленію оныхъ“, говорится въ письмѣ директора по адресу Столбъ-Рапинскаго: „Не нужно было также ему переписывать по городу и по присутственнымъ мѣстамъ учениковъ и созывать родителей для отдачи дѣтей въ училище, вѣдая, что науки суть свободныя“.

Приведенный „реестръ“, во всякомъ случаѣ, характерный указатель того направленія, котораго старались держаться въ своей практикѣ тогдашніе частныя педагоги. Не безынтересно рядомъ съ нимъ сопоставить свидѣтельство проф. А. С. Лебедева о просвѣтительной дѣятельности въ XVIII стол. воспитанниковъ Харьковскаго коллегіума.

„Со всей Слободской Украины, говоритъ проф. Лебедевъ, и даже, можно сказать, со всего юга Россіи лица разныхъ общественныхъ положеній, дворяне, купцы, мѣщане, духовенство, обращались въ коллегіумъ съ просьбами объ отпускѣ въ ихъ дома изъ воспитанниковъ коллегіума учителей, и воспитанники высшихъ классовъ, философскаго и богословскаго, дѣйствительно въ значительномъ числѣ всегда жила на такъ называемыхъ кондиціяхъ, не только въ вакантное, но и въ учебное время... Приглашенія воспитанниковъ коллегіума въ дома для частнаго обученія бывали какъ отдѣльныя въ тотъ или другой домъ и особо, такъ и коллективныя, когда нѣсколько домовъ складывались, чтобы имѣть одного учителя“¹⁾. И не одни, конечно, воспитанники коллегіума, ѣздившіе на кондиціи, занимались частнымъ обученіемъ. Оканчившіе курсъ коллегіума и выбывшіе изъ него раньше окончанія курса также часто посвящали себя педагогической профессіи; участвовали въ ней несомнѣнно и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній, такъ или иначе заносимые судьбой на жительство въ Слободскую Украину, равно какъ иностранцы, осѣдавшіе въ ней срочно или на постоянное жительство. Какой $\frac{9}{10}$ изъ всѣхъ этихъ просвѣтителей края проникалъ тогда въ предѣлы Ахтырскаго у., сравнительно съ остальными уголками Слободской Украины, — для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ данныхъ подъ рукою. Для насъ, въ данномъ случаѣ, важно свидѣтельство, что дореформенные Слободско-Украинскіе педагоги не подходили подъ одинъ уровень съ малосвѣдущими мандрованными дьячками, которыхъ еще недавно считали ихъ прототипомъ. По этимъ свидѣтельствамъ, само собой, нельзя ориентироваться въ вопросѣ: на какія именно градациі подраздѣлялись частныя педагоги той эпохи, въ

1) Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. Вып. 1, стр. 27.

чемъ состояло и насколько велико было различіе между самими градаціями? Несомнѣнно лишь одно, именно, что дореформенные педагоги всѣ вообще постоянно брали себѣ за образецъ ту или другую официальную школу и, по мѣрѣ силъ, старались приурочиться къ ея программѣ.

По исторіи собственно училища въ нашемъ архивѣ тоже много проблемъ. „Историческія Записки“ объ училищѣ, ведшіяся, какъ видно по бумагамъ, съ первыхъ лѣтъ его основанія, сохранились только въ позднѣйшихъ тетрадяхъ—съ 1819 по 1845 г. включительно, а болѣе раннія исчезли безслѣдно. Не осталось и многихъ памятниковъ литературныхъ работъ чиновниковъ училища по исторіи, статистикѣ, этнографіи, метеорологіи, географіи, которыя были обязательны для нихъ и велись ежегодно. На сколько серьезно относились къ этимъ работамъ, можно судить по порученію директора училищъ, А. Н. Шредера, смотрителю П. И. Войновичу, въ 1813 г. касательно знаменитаго въ свое время „Землеописанія“ проф. Забловскаго. Войновичу предписывалось: всѣ статьи „Землеописанія“, относящіяся до Ахтырекаго уѣзда, „разсмотрѣть строго“ и „съ каждою сообразяся, что нужно, исправить и пополнить“. Участіе Войновича въ разработкѣ отечественной географіи было не единичное. Много лѣтъ спустя, учитель М. Н. Крамаревъ, на запросъ изъ Харькова, можетъ ли онъ сотрудничать въ „Журналѣ М. Н. П.“, категорически заявилъ: „Я въ свободное время составляю географію Россійскаго Государства для дѣтей, обучающихся въ уѣздномъ училищѣ, которую намѣренъ въ непродолжительномъ времени представить начальству на разсмотрѣніе. Если-жъ отъ сихъ занятій останется мнѣ и еще какое-либо время, я готовъ излагать свои мысли по историческимъ предметамъ на бумагѣ для помѣщенія ихъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“¹⁾. Печатались ли статьи Крамарева въ названномъ изданіи—не извѣстно. „Географію“ его смотритель М. С. Водяницкій въ 1837 г. отослалъ въ Харьковскій университетъ.

Исчезли изъ архива не одни литературные труды служившихъ въ училищѣ; время безслѣдно унесло изъ него немалое количество и официальныхъ бумагъ. Способъ утери ихъ въ достаточной степени уясняется законическою надписью на обложкѣ нѣкоторыхъ изъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ: „найдено на чердакѣ“. Изъ книгъ, потерявшихъ значеніе для злобы дня, но цѣнныхъ для исторіи училища (старыя руководства, журналы М. Н. П. и циркуляры по Харьковскому округу за прежніе годы, Уставъ 1786 г. и мн. др.), тоже многого не достаетъ.

Примирившись, въ виду вышензложеннаго, съ необходимостію замѣны желаемого возможнымъ, перехожу къ описанію пережитаго училищемъ за истекшее столѣтіе.

I.

„Малыя народныя училища суть тѣ учрежденія, въ коихъ обучается юношество на природномъ языкѣ учебнымъ предметамъ, преподава-

¹⁾ Дѣло о приглашеніи чиновниковъ къ сочиненіямъ“ (1836—1840 г.).

емымъ въ I и II классахъ главнаго“, — такъ формулируетъ Уставъ 5-го августа 1786 года типъ учебныхъ заведеній, которые, въ видѣ опыта на нѣкоторое время, предназначались по преимуществу для уѣздныхъ городовъ Россійской Имперіи въ царствованіе Екатерины II. Эти училища были, собственно говоря, параллельными отдѣленіями I и II классовъ главныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ нихъ не преподавались иностранные языки и введена была 2 часть ариѳметики. Что они могли въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи стать главными и что въ этомъ полагалась конечная ихъ цѣль, на это есть прямое указаніе въ 64 § Устава, которымъ власти генералъ-губернатора было предоставлено право разрѣшать открытіе при малыхъ народныхъ училищахъ III и IV классовъ, „когда есть довольные способы“.

Въ Слободско-Украинской губерніи для осуществленія этой широкой задачи „довольныхъ способовъ“, т. е. матеріальныхъ средствъ, у мѣстныхъ городскихъ обществъ, на обязанность которыхъ возлагалось содержаніе училищъ, не оказалось. Представилась возможность имѣть главное народное училище въ одномъ лишь Харьковѣ; въ остальныхъ же городахъ губерніи даже учрежденіе малыхъ народныхъ училищъ встрѣтило на первое время серіозныя препятствія.

Г. Ахтырка въ этомъ отношеніи не была счастливымъ исключеніемъ. Неизвѣстно, съ какого именно времени начались хлопоты объ открытіи въ г. Ахтыркѣ малаго народного училища; изъ уцѣлѣвшей въ нашемъ архивѣ переписки по этому поводу видно, что въ 1790 г. вопросъ объ училищѣ сильно еще тормозился. Подъ датой отъ 11 фев. 1790 г. губернаторъ Пашковъ прислалъ выбранному Ахтырскимъ обществомъ въ должность смотрителя училища, поручику Н. М. Криницкому, ордеръ, въ коемъ, между прочимъ, писалъ: „Приказъ общественнаго призрѣнія приуготовилъ вынѣ къ открытію народныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ г. Ахтыркѣ, а потому, проэкзаменованные при главномъ народномъ училищѣ въ учебномъ способѣ учителя, съ принадлежащими до малаго народного училища книгами при семъ въ Ахтырку отправляются. Вамъ рекомендую, по существу вашей должности, принимать стараніе въ приуготовленіи всего потребнаго къ открытію училища“¹⁾. А между тѣмъ, изъ письма къ Криницкому директора училищъ, И. А. Переверзева, отъ 1 числа того-же февраля, оказывается, что и въ Ахтыркѣ, и въ Харьковѣ не знали, какъ быть съ училищемъ. „Что жъ принадлежитъ до потребной суммы для приуготовленія нѣкоторыхъ вещей, къ открытію училища надобныхъ, — писалъ Переверзевъ, — то сумма, вырученная за книги, можетъ быть употреблена въ зачетъ суммы, изъ приказа общественнаго призрѣнія на уѣздная училища опредѣленной, которая немедленно вамъ доставлена быть имѣетъ“. Былъ присланъ только списокъ книгъ, въ коемъ значилось: для продажи 333 экз. на сумму 46 р. 66 коп., учителямъ 28 экз. на 11 р. 34 к. и для бесплатной раздачи ученикамъ 92 экз. на 9 р. 28 к.; но деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія не

1) См. приложение № 1.

были высланы, почему директоръ, оговариваясь въ цитиремомъ письмѣ, что „начальная погода воспрепятствовала открыть училище“, совѣтовалъ—„никакой суммы ни отъ какого правительства не требовать,—а въ случаѣ надобности требовать изъ городскихъ доходовъ городской думы заимообразно“.

Только въ іюнѣ мѣсяцѣ представилась, наконецъ, возможность, фактически открыть училище, о чемъ директоръ увѣдомилъ Криницкаго слѣдующимъ письмомъ отъ 10 іюня 1790 г.: „Уповаю, что все уже готово къ открытію училища. Въ Изюмѣ уже открыто, и г. правитель намѣстничества сдѣлалъ честь самоличнымъ присутствіемъ, Г. учителю Бондареву прошу подтвердить, чтобы рѣчь готова была къ открытію. Книги, рисовальныя трубочки и прочее: а также и жалованье учителямъ за генварскую треть съ собой привезу, какъ это сдѣлано мною и въ Изюмѣ. М. Р. (Мандрыкѣ) мое почтеніе. Прошу его пособить вамъ рабочими людьми касательно приуготовленія, т. е. привезть въ субботу передъ вечеромъ нѣсколько возовъ сосны и другихъ деревьевъ, въ виду перспективной аллеи для церемоніального шествія изъ соборной церкви къ училищу. Открытію положено быть 16 іюня въ воскресный день. Учителя должны имѣть на хорошей бумагѣ имянные списки учениковъ своего класса, каждый по алфавиту. О пѣвчихъ прошу приложить стараніе, а кантъ къ открытію, съ положеніемъ на ноты, пришлю“.

Ни церемоніала торжества открытія училища, ни канта, который въ честь этого событія пѣли пѣвчіе, къ сожалѣнію, въ архивѣ не сохранилось. Сохранились только краткія свѣдѣнія о томъ, что послѣ торжества у городничаго Мандрыки былъ парадный обѣдъ, на которомъ въ пользу училища состоялась подписка на сумму 445 руб., и что на другой день въ училищѣ, при многочисленномъ собраніи, начаты были первыя классныя занятія.

Подъ помѣщеніе училища городская дума отвела домъ бывшей приказной избы, выстроенный въ 1768 г. на землѣ помѣщицы Райковичевой. Это зданіе состояло изъ одного этажа, было крыто соломой и вмѣщало въ себѣ три жилыя комнаты, сѣни и чуланъ; изъ сѣней одинъ входъ велъ въ свѣтлицы, другой въ чуланъ, а выходъ—на рундукъ (крыльце) съ колонками. По Уставу, учителямъ полагались при училищѣ квартиры, каждому о 2 комнатахъ съ кухней и чуланомъ; но ни Бондаревъ, ни Тарановскій (присланные учителя) квартиръ натурой не получили; вѣроятно, въ виду этого, приказомъ общественнаго призрѣнія были измѣнены опредѣленные въ штатахъ нормы расходовъ по училищу. Согласно положеннымъ штатамъ, изъ 500 руб., которые дума ежегодно отпускала училищу изъ такъ-называемой винной суммы, слѣдовало выдавать: учителю II класса 150 р., учителю I класса 120 р., учителю рисованія 60 р., на содержаніе училища 170 руб.; въ дѣйствительности-же изъ этой суммы получали: Бондаревъ за II-й классъ 200 р., за рисованіе 75 р., Тарановскій за I классъ 130 р.; на прочіе расходы по училищу оставалось всего 95 р. Смотритель, какъ лицо выборное, служилъ изъ-за почета, безъ жалованья.

О внутренней обстановкѣ училища въ первые годы его существованія свѣдѣній въ архивѣ нѣтъ. Въ отношеніи порядка ученія, оно, по буквѣ Устава, должно было состоять только изъ 2 классовъ. Въ 1-мъ классѣ слѣдовало изучать: буквы и склады по таблицамъ, россійскій букварь, затѣмъ—краткій катехизисъ, св. исторію, правила для учащихся, начала грамматики, 1 ч. ариѳметики, чтеніе рукописей, писать буквы и цифры, потомъ изъ прописей; во II классѣ—пространный катехизисъ, безъ доказательствъ изъ св. Писанія, книгу „О должностяхъ челоуѣка и гражданина“, 2 ч. ариѳметики, изъ грамматики—по таблицамъ—правила о раздѣленіи складовъ, о чтеніи и правописаніи, чистописаніе и рисованіе. Какъ распредѣлялся этотъ учебный матеріалъ въ Ахтырскомъ училищѣ—неизвѣстно; есть только отрывочныя указанія, что въ училищѣ бывали уроки дообѣденные и послѣобѣденные и что 1 классъ его, смотря по удобству, группировался то на 2, то на 3 разряда.

Прерогативы власти смотрителя были довольно сложны: кромѣ административнаго надзора за училищемъ и непосредственнаго распоряженія въ немъ хозяйственною частію, ему ввѣрялось также наблюденіе и руководство и по части учебно-воспитательной. Онъ обязанъ былъ два раза въ недѣлю посѣщать училище, слѣдить за порядкомъ и ходомъ ученія, замѣнять учителей на урокахъ въ случаѣ ихъ болѣзни; какъ на попечителѣ училища, на немъ лежала забота объ его матеріальныхъ нуждахъ.

Криницкій оставался смотрителемъ училища по 1798 г. Въ чемъ выразилось его личное вліяніе на училище—осталось открытымъ вопросомъ. Его преемникъ, городничій Мандрыка, вступая въ должность смотрителя, получилъ отъ него по описи довольно скудный инвентарь училищнаго имущества, включавшій въ себѣ: 2 иконы, гербъ, указы съ 1790 г. по 5 сентября 1798 г., 31 учительскую книгу, 5 географическихъ ландкартъ, 4 стола, 2 стула, 7 скамей, 7 партъ, черную доску, сукно алаго цвѣта съ мишурнымъ галуномъ, прихода-расходную книгу, кадушку, 2 ведра и тоноръ.

Занимая два отвѣтственные поста, М. Р. Мандрыка только досугъ, оставшійся ему отъ заботъ по должности городничаго, могъ удѣлять активному надзору надъ учебно-воспитательною частію въ училищѣ. Полагать надо, что и такихъ досуговъ у него бывало немного, такъ какъ очень часто должность смотрителя онъ поручалъ исправлять кому либо изъ учителей, и рапорты ихъ о состояніи училища большею частію провѣрялъ на экзаменахъ, бывавшихъ два раза въ годъ, въ декабрѣ и іюнѣ, а также и въ дни торжественныхъ актовъ, которыми обыкновенно заканчивались академическіе годы.

Благосостояніе училища, такимъ образомъ, *de facto*, если не исключительно, то прежде всего лежало на отвѣтственности однихъ учителей. И первые учителя малаго народнаго училища съ достоинствомъ сумѣли справиться съ этою трудною обязанностію, случайно выпавшею на ихъ долю. Директоръ училищъ, Ф. И. Кудрицкій, ревизовавшій училище въ 1796 г., въ ордерѣ на имя Криницкаго, далъ о нихъ

такой дестный отзывъ: „я не могу скрыть здѣсь и той справедливости, которую заслуживаютъ гг. учителя. Они, способствуя своему долгу и званію не однимъ только наименованіемъ, но дѣломъ, благотѣльствуютъ юношеству какъ въ учебныхъ предметахъ, такъ и въ нравственномъ просвѣщеніи“. Ниже, въ подтвержденіе этого отзыва объ училищѣ, мы приведемъ письмо одного изъ самыхъ раннихъ его питомцевъ. Надо при этомъ замѣтить, что удовлетворительное состояніе училища далеко не обуславливалось благопріятнымъ стеченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Помимо плохого помещенія, въ училищѣ постоянно ощущался крайній недостатокъ учебныхъ пособій; безпрерывный приливъ и отливъ учащихся въ свою очередь сильно колебалъ и дисциплину, и порядокъ ученія. Съ особой силой, повидимому, это сказалось въ послѣдніе годы передъ реформой. „Усматриваю (изъ вѣдомостей), что время отъ времени число учащихся умалется, и вижу въ томъ малое стараніе учителей“, замѣтилъ однажды Мандрыкъ директоръ Кудрицкій. Но учителя были не властны предупредить это зло. Упомянутая въ предисловіи настоящей замѣтки ревизія учителя Столбъ-Рапинскаго наглядно выяснила причину неустойчивости контингента учащихся въ маломъ народномъ училищѣ. Репрессивныя мѣропріятія противъ нея, какъ мы уже знаемъ, оказались неудобными и не были одобрены; для того, чтобы осилить ее рационально, требовалось время.

При Мандрыкѣ малое народное училище исподволь начало переходить въ типъ двукласснаго уѣзднаго: въ 1804 году присланъ былъ въ Ахтырку третій учитель, — штабъ-ротмистръ Столбъ-Рапинскій, — специально для преподаванія во II классѣ катехизиса, св. исторіи и началъ всеобщей исторіи и географіи. Съ пріѣздомъ въ Ахтырку этого учителя, училище было раздѣлено на 3 класса — нижнее отдѣленіе, въ которомъ преподавалъ Тарановскій, I классъ, гдѣ обучали Бондаревъ и Тарановскій, и II классъ, въ которомъ предметы распределены были между Столбъ-Рапинскимъ и Бондаревымъ. Содержаніе учителей было увеличено: Столбъ-Рапинскій получалъ 325 р. жалованья и 60 руб. квартирныхъ; къ получаемому Бондаревымъ и Тарановскимъ жалованью были добавлены квартирныя деньги, каждому по 30 р. въ годъ. Съ 1805 г., сверхъ 500 р., ассигнуемыхъ городскою думой, казна ежегодно стала отпускать на училище по 1250 р. Этою постепенною подготовкой къ реформѣ сдѣлана была уступка обстоятельствамъ: предполагалось, что во времени полнаго преобразованія училища оно будетъ обезпечено собственной осядлостію; но предположеніе это не осуществилось, и училище въ новую фазу своего бытія вступило, 16 декабря 1806 г., на старой квартирѣ, въ домѣ бывшей приказной избы.

Для обнародованія Устава 5 ноября 1804 г., въ Ахтырку нарочито былъ командированъ училищнымъ комитетомъ учитель Слободско-Украинской гимназій, Туранскій. Какъ видно изъ церемоніала ¹⁾, реформа училища была встрѣчена въ Ахтыркѣ торжественно.

М. Р. Мандрыка вскорѣ затѣмъ, по прошенію, уволился отъ службы при училищѣ, уступивъ мѣсто смотрителя майору И. И. Войновичу, изъ

¹⁾ См. приложение 2.

мѣстныхъ помѣщиковъ, который принялъ отъ него въ свое вѣдѣніе: квартиру училища съ знакомой уже намъ обстановкой, училищную бібліотеку почти въ томъ же составѣ, какой значился по описи 1798 г., 918 р. 18¹/₂ в. деньгами и учебныхъ книгъ на сумму 184 р. 57 в.

II.

Уставъ 5 ноября 1804 г., по всей вѣроятности, ни въ одномъ изъ двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ Имперіи не былъ примѣненъ во всей своей полнотѣ. Въ училищахъ Слободско-Украинской губерніи тотчасъ же, по введеніи его въ дѣйствіе, пришлось дѣлать болѣе или менѣе существенныя уступки неотразимымъ доводамъ практики. Уставъ намѣчалъ двухкласснымъ уѣзднымъ училищамъ двойную цѣль: однихъ изъ учащихся въ нихъ готовить въ гимназію, другимъ — сообщать познанія, соотвѣтствующія ихъ званію, а также и состоянію промышленности въ мѣстѣ ихъ жительства. Соотвѣтственно такому назначенію училищъ, въ программу ихъ входили: 1) Законъ Божій (катехизисъ и изъясненіе Евангелія), 2) священная исторія, 3) „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина“, 4) русская грамматика, 5) правописаніе, 6) правила слога (риторика), 7) всеобщая географія и начальныя основанія математической, 8) географія Россійскаго Государства, 9) всеобщая исторія, 10) русская исторія, 11) ариметика, 12) начальныя правила геометріи, 13) начальныя правила физики и естественной исторіи, 14) начальныя правила технологіи (примѣнительно къ мѣсту и положенію промышленности), 15) чистописаніе, 16) рисованіе, 17) латинскій языкъ, 18) нѣмецкій языкъ.

Отъ поступающихъ въ 1 классъ двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ требовалась, такимъ образомъ, предварительная подготовка, — знаніе курса приходскихъ училищъ; но приходскія училища въ Слободско-Украинской губерніи не были открыты до 1812 г. По этому, согласно ходатайства попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа С. О. Потockаго, министръ народнаго просвѣщенія, графъ П. В. Завадовскій, разрѣшилъ по прежнему оставить при уѣздныхъ училищахъ нижнія отдѣленія, „дабы доставить дѣтямъ возможность заимствовать начальное воспитаніе“. Этимъ распоряженіемъ министръ народнаго просвѣщенія только узаконилъ самъ по себѣ установившійся режимъ. Уѣздныя училища, такимъ образомъ, оставлены были въ составѣ трехъ классовъ. На основаніи этого, въ Ахтырскомъ училищѣ Тарановскій именовался учителемъ нижняго отдѣленія, Бондаревъ — учителемъ I класса, Столбъ-Рапинскій — учителемъ II класса.

О степени научной подготовки учителей двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ въ Уставѣ говорится неопредѣленно: они могли быть учителями гимназій, и потому имъ вмѣнялось въ обязанность „стараться объ усовершенствованіи своихъ познаній въ учебныхъ предметахъ, въ гимназіяхъ преподаваемыхъ“. Изъ учителей Ахтырскаго училища одинъ Столбъ-Рапинскій былъ, повидимому, спеціально подготовленъ къ занятіямъ въ двухклассномъ уѣздномъ училищѣ; Бондаревъ и Тарановскій имѣли аттестаты на званіе учителя малаго народнаго училища и

въ двухклассное уѣздное перешли учителями, не подвергаясь никакому дополнительному экзамену. На сколько согласовалась научная эрудиція этихъ трехъ учителей со всею массой порученныхъ имъ предметовъ—нельзя, по этому, сказать ничего опредѣлительнаго; но что каждому изъ нихъ порознь и вѣсьмъ вообще нелегко было ориентироваться въ своемъ трудѣ—это очевидно. Съ 1806 г. къ 14 предметамъ, преподававшимся въ малыхъ народныхъ училищахъ, были добавлены 12 новыхъ—изъясненіе Евангелія, латинскій и нѣмецкій языки, риторика, физика, технологія, всеобщая исторія, русская исторія, географія всеобщая и географія Россіи, естественная исторія и геометрія. Въ общей сложности, имѣли въ недѣлю: Столбъ-Рапинскій 34 урока при 26 учебныхъ часахъ, 30 уроковъ при 32 учебныхъ часахъ, Тарановскій по 32 урока и учебныхъ часа. Продолжительность уроковъ была измѣнчива: для однихъ предметовъ она длилась 2 часа и 1 ч. 20 мин., для другихъ только 40 мин. и $\frac{1}{2}$ часа, часовыхъ же было меньше $\frac{1}{3}$ всего числа. Минимумъ учебнаго времени приходился на физику, технологію, исторію и географію. Вѣроятно, въ счетъ учебныхъ часовъ включались и рекреации между уроками, но онѣ въ табели почему то не обозначены.

При такомъ обиліи предметовъ, училище ощущало весьма серьезный недостатокъ въ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ. Въ годъ реформы тѣхъ и другихъ въ немъ числилось: старыхъ 19 экз., присланныхъ книжною лавкой училищнаго комитета 178 экз. Для однихъ предметовъ ихъ было меньше, чѣмъ надо, для другихъ совсѣмъ не доставало, были, наконецъ, между ними и такія произведенія печати, которыя не имѣли ничего общаго ни съ учебною программой двухклассныхъ училищъ, ни съ класснымъ преподаваніемъ вообще. („Описаніе минеральныхъ водъ“). Не взирая на такія очевидныя неудобства, въ училище не были приглашены ни законоучитель, ни особый учитель рисованія, хотя бюджетъ училища и штаты, для него положенные, позволяли это въ первый же годъ реформы; было только добавлено вѣсьмъ учителямъ по 30 руб. въ годъ квартирныхъ, да Тарановскому за уроки латинскаго языка 50 руб. Въ 1807 г. Столбъ-Рапинскій умеръ. На его мѣсто назначенъ былъ казенно-коштный студентъ Харьковского университета, Т. Д. Воскобойниковъ. Въ 1811 г. состоялось распоряженіе, чтобы оканчивающимъ курсъ уѣздныхъ училищъ преподавалось оспонрививаніе. Кто преподавалъ оспонрививаніе и было ли оно преподаваемо въ училищѣ—неизвѣстно.

Въ видахъ упорядоченія учебнаго времени, въ 1812 г. смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, въ томъ числѣ и Ахтырскому, поручено было распредѣлять предметы между учителями, „смотря по мѣстнымъ условіямъ и по числу учениковъ, но съ тѣмъ, чтобы не отступать отъ установленной формы“. Мѣра эта дала, повидимому, одни лишь отрицательные результаты. „До свѣдѣнія моего дошло, — говорится въ циркулярѣ исправляющаго должность директора, Любовскаго, отъ 1 октября 1814 г.,—что многіе учителя, соображаясь съ собственными выгодами, устанавливаютъ свои распоряженія часовъ, а посему Уставъ

учебныхъ заведеній остается въ забвеніи⁴. Но и смотрители, какъ видно, не могли учебныя часы распредѣлить согласно нормѣ Устава. Возвращая Войновичу составленную имъ таблицу учебныхъ занятій, Любовскій замѣтилъ, что „она не имѣетъ никакого порядка и несообразна съ § 95 Устава“. На основаніи § 95, полагалось въ каждомъ классѣ по 28 недѣльныхъ уроковъ—утромъ каждый день отъ 9 до 12 час., послѣ обѣда—по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 5 час., по вторникамъ и пятницамъ отъ 2 до 4 ч., по средамъ же и субботамъ время отъ 2 до 4 ч. назначалось исключительно для уроковъ рисованія.

Неся двойную роль—уѣзднаго двухкласснаго и приходскаго училища, Ахтырское училище восполняло еще и недостачу женскихъ пансіоновъ въ городѣ: въ немъ, по заведенному изетари обычаю, обучались также и дѣвочки, изъ коихъ нѣкоторыя доходили до II класса, не получая, однако, аттестата объ окончаніи курса, вѣроятно потому, что Уставъ, если не возбранялъ, то и не разрѣшалъ въ положительномъ смыслѣ обучать лицъ женскаго пола въ двухклассныхъ уѣздныхъ училищахъ.

Малыя народныя училища испытывали неудобство „отъ повсегдашнихъ вновь пріемовъ новыхъ учениковъ“, выражаясь языкомъ учителя Столбъ-Ранинскаго; новый уставъ стѣснялъ двухклассныя уѣздыя училища тѣмъ, что узаконялъ пріемъ поступающихъ въ училище только одинъ разъ въ годъ, по окончаніи открытыхъ испытаній. И тутъ пришлось уступить обстоятельствамъ: въ 1807 г. училищный комитетъ разрѣшилъ принимать учениковъ въ I классъ (и низшее отдѣленіе) два раза въ годъ, въ августѣ и декабрѣ, оставивъ, такимъ образомъ, въ своей силѣ положеніе Устава только для одного II класса.

Относительно должности смотрителя въ Ахтырскомъ училищѣ тоже сдѣлано было отступленіе отъ буквы Устава 1804 г. По Уставу при двухклассныхъ уѣздныхъ училищахъ полагался смотритель—чиновникъ IX класса, если выше чина не имѣлъ, опредѣляемый, по представленію директора, или непосредственно университетомъ и подчиненный по всемъ дѣламъ училища контролю директора; ему полагалось по штату жалованья 300 руб. въ годъ, при казенной квартирѣ Войновичъ, подчиняясь *de jure* новому Уставу, *de facto* предпочелъ пользоваться правами попечителя училища, по старому Уставу, которымъ должность смотрителя санкціонируется на выборномъ началѣ. Съ этою цѣлію онъ отказался отъ содержанія въ пользу училища, обусловивъ только, чтобы изъ причитающейся ему суммы выдавалось по 100 руб. ежегодно на пшца.

Войновичъ, подобно своему предшественнику, не былъ отвлекаемъ отъ училища никакою другою официальною службой; онъ, можно сказать, всецѣло принадлежалъ училищу въ служебномъ отношеніи; но и онъ, все-таки, менѣе, чѣмъ, быть можетъ, желалъ, могъ непосредственно слѣдить въ немъ за учебно-воспитательною частію. Его нерѣдко отвлекали отъ этого хлопоты о внѣшнемъ благоустроеніи училища, а также и хлопоты по собственному хозяйству, интересы котораго, впрочемъ, онъ, какъ увидимъ ниже, не отдѣлялъ отъ интересовъ училища. Сознавая это, онъ одно время едва было не отказался отъ должности

смотрителя. „Сколь не велико мое желаніе было и есть продолжать служеніе въ настоящемъ моемъ званіи, — писалъ онъ въ прошеніи на имя директора училищъ, — но обстоятельства дѣлъ моихъ, требующихъ отдаленной отлучки, принуждаютъ меня просить увольненіе“. Отставка его, однако, не состоялась: въ 1812 году онъ былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія въ должности почетнаго смотрителя и, по усиленной просьбѣ училищнаго комитета, изъявилъ желаніе временно остаться исполняющимъ обязанности штатнаго.

Должности почетнаго смотрителя въ Уставѣ 1804 г. не положено. Она — результатъ опыта, и поводъ къ учрежденію ея въ 1811 г. законъ мотивируетъ такъ: „Извѣстно, сколько предразсудки дѣйствуютъ еще въ малыхъ наипаче городахъ въ разсужденіи чиновниковъ, не имѣющихъ другого круга дѣятельности, кромѣ училища, и другой именитости, кромѣ въ ученomъ свѣтѣ. Смотрители весьма рѣдко привлекаютъ къ себѣ уваженіе, чрезъ что много терпятъ и самыя училища. Напротивъ, если бы смотрители избираемы были изъ помѣщиковъ, то сіе дало бы дворянамъ довѣріе къ симъ заведеніямъ и возбудило бы благорасположеніе къ нимъ публики относительно пособій. Но какъ съ таковымъ распоряженіемъ многіе учителя должны потерять единственную свою перспективу, въ званіи смотрительскомъ для нихъ остающуюся, и при томъ, не имѣя на мѣстѣ начальника, собственно отъ училищной части зависящаго, можно бы подвергнуться другимъ неудобствамъ, то... не отмѣняя штатныхъ смотрителей, утвердить начальниковъ въ званіи почетныхъ смотрителей“ (Сборн. распоряж. по М. Н. П. Т. I, ст. 71, стр. 197). Войновичъ, на пять лѣтъ предупредившій цитируемое узаконеніе, съ неуклонною ревностію поддерживалъ его до конца своей службы въ училищѣ. Тотчасъ же по вступленіи въ должность Войновича, по его настоянію, училище было переведено въ городской домъ, вмѣщавшій въ себѣ 5 жилыхъ покоевъ, съ условіемъ ежегодной платы за эту квартиру по 100 руб. Городская дума предполагала было навсегда приютить здѣсь училище, съ тѣмъ, чтобы домъ ремонтировать и пристроить къ нему флигель, для чего и ассигновала изъ городскихъ средствъ 1200 р.; но Войновичъ не согласился на этотъ компромиссъ. У училища имѣлась своя усадьба: въ 1807 г. маіоръ Лесевицкій подарилъ ему мѣсто въ центрѣ города, близъ Николаевской церкви, мѣрою болѣе $\frac{3}{4}$ дес.; но такъ какъ это мѣсто было спорное (по справкамъ оказалось, что оно „въ давнихъ годѣхъ отошло подъ постройки острожка и большихъ соляныхъ магазейновъ“), то Войновичъ въ томъ же году убѣдилъ маіора Розенберга уступить училищу, по дарственной записи, свой ветхій домъ и $1\frac{3}{4}$ дес. усадебной земли, въ Успенскомъ приходѣ, добавивъ отъ себя $1\frac{1}{2}$ десятины смежной усадьбы, которую въ 1809 г. приобрѣлъ по куплѣ. Дума, съ своей стороны, къ 1200 р. приассигновала еще 3500 р. „по маломѣрности другихъ доходовъ, изъ состоявшей въ приказѣ общественнаго призрѣнія на разныхъ заемщикахъ откупной суммы“.

По первоначальному плану рѣшено было строить каменный домъ въ два этажа, изъ коихъ нижній назначался собственно для училища, верхній — для учительскихъ квартиръ; но этотъ планъ, по ограничен-

чикомъ С. Шведомъ, причинявшимъ не мало хлопотъ градекой думѣ и Зеновьеву, чуть ли не до выѣзда послѣдняго изъ Ахтырки.

Въ старшихъ двухъ классахъ при Зеновьевѣ только въ 1817 году выбылъ учитель—Дмитрюковъ, который тотчасъ же былъ замѣщенъ казеннокоштнымъ студентомъ Харьковскаго университета С. М. Германомъ; въ нижнемъ отдѣленіи учителя мѣнялись чаще: по увольненіи Шиманова, съ 1817 по 1818 г. былъ учителемъ Ф. И. Юносовъ, послѣ Юносова—П. Звѣревъ—съ 1818 по 1819 г., послѣ Звѣрева—П. Н. Кирюхинъ. Послѣ Шиманова съ 1817 по 1819 г. рисованіе въ училищѣ вовсе не преподавалось; уже въ 1819 г., вслѣдствіе невозможности пригласить особаго учителя, рисованіе было поручено учителю Герману.

Хозяйственная часть въ училищѣ при Зеновьевѣ, очевидно, хромала: онъ не могъ распоряжаться ею такъ самостоятельно, какъ его предшественникъ, Войновичъ, имѣвшій возможность оказывать, въ случаѣ нужды, поддержку училищу и своими матеріальными средствами, и своею вліятельностію. Въ этомъ отношеніи явственно сказалась вся невыгода отсутствія почетнаго смотрителя. Но, при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, пережитыхъ училищемъ въ годы смотрительства Зеновьева, оно, подъ его руководствомъ во всякомъ случаѣ, сдѣлало замѣтные шаги впередъ по части учебно-воспитательной.

Раньше каждый учитель зналъ только свои предметы и свой классъ; все же остальное въ училищѣ было для него чуждо; общность интересовъ въ средѣ преподавателей сказывалась, да и то въ слабой степени, лишь во время экзаменовъ, да еще въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-либо изъ нихъ поручалось исправленіе должности смотрителя.

Зеновьевъ съ 1817 г. установилъ ежемѣсячныя собранія педагогическаго совѣта. При немъ въ теченіе трехъ лѣтъ было 24 засѣданія въ 1817 г.—10, въ 1818 г.—6, въ 1819 г.—8. Не всѣ они, конечно, въ одинаковой мѣрѣ цѣнны для исторіи училища; но нѣкоторыя изъ постановленій педагогическаго совѣта за тѣ годы несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что въ основу дѣятельности училища Зеновьевъ ставилъ серіозныя цѣли. Приводимъ на выдержку слѣдующія два постановленія совѣта. „Разсуждая—говорится въ протоколѣ 6 мая 1817 г.—объ изобрѣтеніи способа преподаванія, для бѣльшихъ въ ономъ успѣховъ, за нужное постановили: чтобы каждый учитель своего класса, послѣ объясненія самыми понятными словами значенія прочитанной статьи, смотря по времени, вопрошавъ изъ оной въ тоже время учениковъ, доводилъ ихъ до того, чтобы каждый могъ отвѣтить своими словами какъ тогда, такъ и при повтореніи“. Въ засѣданіи 7 декабря 1819 г. члены педагогическаго совѣта—„касались должной цѣли предмета педагогики, соображая возможность преподаванія учебныхъ предметовъ съ мѣрою дарованій учащихъ, сливали все сіе съ образованіемъ нравственности, основывая оную на истинныхъ правилахъ практической добродѣтели“.

Заботы Зеновьева объ упорядоченіи учебно-воспитательной части въ училищѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ бумагъ, не сразу увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: частыя перемѣны въ составѣ учителей, ихъ взгляды,

убѣжденія и привычки, несогласныя съ воззрѣніями Зеновьева, вызывали, случалось, осложненія, тормозили дѣло.

Зеновьевъ въ дѣлѣ воспитанія держался принциповъ гуманизма; сослуживцы его смотрѣли на этотъ вопросъ традиціонно, съ точки зрѣнія Домостроя; Зеновьевъ считалъ обязательнымъ для учителя знать основательно преподаваемый имъ предметъ; нѣкоторые учителя иногда не въ состояніи были удовлетворить этому требованію. За разногласіе по первому пункту А. П. Зеновьевъ отечески журилъ своихъ учителей, промахи ихъ въ преподаваніи—исправлялъ. Такъ, однажды, учитель Водяницкій на урокъ геометріи доказывалъ: „Центръ круга отыщется, когда отъ трехъ точекъ, взятыхъ произвольно, проведутся прямыя внутрь круга, то гдѣ онѣ пересѣкутся, тамъ и будетъ искомый центръ того круга“.—„Сію ошибку и ему истолковалъ иначе, съ добродушною проіеіей винился Зеновьевъ въ своемъ объясненіи на запросъ директора, которому Водяницкій съ товарищами принесъ на него жалобу. Одновременно съ этимъ объясненіемъ, послано было Зеновьевымъ одобреніе сочиненія Водяницкаго „О пользѣ присутствія атмосферическаго воздуха и о вліяніи его на тѣла“.

Въ результатѣ былъ безспорный выигрышъ: при Зеновьевѣ число желающихъ обучаться въ училищѣ увеличилось болѣе, чѣмъ на 70%, а число успѣвшихъ въ занятіяхъ, сравнительно съ годами смотрительства Войновича, возрасло свыше, чѣмъ на 200%; учителя Германъ и Водяницкій, начавшіе при Зеновьевѣ свою педагогическую практику и окрѣпшіе въ ней подъ его руководствомъ, были въ послѣдствіи выдающимися преподавателями; самое училище при немъ и въ первыя шесть лѣтъ послѣ него считалось однимъ изъ лучшихъ въ губерніи.

На основаніи циркулярнаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюня 1819 г., программа двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ была измѣнена: вмѣсто книги „О должностяхъ челоѣка и гражданина“, введено было чтеніе выбранныхъ мѣстъ изъ Новаго и Ветхаго Заѣта, правила слога были приспособлены „къ практическимъ упражненіямъ, употребительнѣйшимъ въ общежитіи, каковы письма и проч.“, начальныя правила естественной исторіи и технологіи—вовсе отмѣнены. Примѣнительно къ новой программѣ, въ Ахтырскомъ училищѣ преподавали: въ I классѣ—Водяницкій Законъ Божій (св. исторію и катехизизъ), ариѣметику и латинскій языкъ, Германъ—чтеніе изъ свящ. писанія, русскій, нѣмецкій и французскій языки, чистописаніе и рисованіе; во II классѣ Водяницкій—Законъ Божій, ариѣметику, геометрію, русскую исторію и географію, начала физики и латинскій языкъ, Германъ всеобщую исторію и географію, правила слога, языки французскій и нѣмецкій, чистописаніе и рисованіе; первый имѣлъ въ I классѣ 7, второй 11; во II классѣ—оба по 9 двухчасовыхъ уроковъ. Часы ученія продолжались: утромъ отъ 8 до 12, послѣ обѣда—отъ 2 до 4 ежедневно; въ дни воскресныя отъ 8 до 10 часовъ обоимъ классамъ изъяснялось Евангеліе. Преподаватели стали именоваться—учитель II класса, Водяницкій—учителемъ математическихъ наукъ, учитель I класса, Германъ—учителемъ историческихъ наукъ. Провѣрять резуль-

таты всѣхъ этихъ перемѣнъ привелось уже не Зеновьеву, а новымъ дѣателямъ.

Съ апрѣля 1819 г. училища Ахтырскаго уѣзда были подчинены вѣдѣнію Лебединскаго почетнаго смотрителя, А. А. Иваценка, а въ ноябрѣ этого же года состоялись перемѣщенія—Зеновьева штатнымъ смотрителемъ въ Курскъ, Тарановскаго, на его мѣсто, изъ Зѣнькова въ Ахтырку.

IV.

Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюня 1819 г., реформируя учебную программу средней и низшихъ общеобразовательныхъ школъ, имѣлъ въ виду разрѣшить два существеннѣйшіе вопроса—вопросъ о нравственномъ воспитаніи учащихся въ нихъ и другой—вопросъ о правильной установкѣ типа этихъ школъ. Краеугольнымъ камнемъ вводимой вновь воспитательной системы ставилось религиозное воспитаніе, основанное на божественныхъ поученіяхъ Спасителя, содержащихся въ Евангеліи. Съ этою цѣлю, взамѣнъ упраздненной книги „О должностяхъ человека и гражданина“, предположено было издать книгу „Чтенія изъ Евангелистовъ“ и большія таблицы съ извлеченіями „изъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Евангелій, Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, изъ псалмовъ, пророковъ и изъ тѣхъ книгъ священнаго писанія, кои содержатъ въ себѣ нравственныя поученія“. (Сборн. распор. по М. Н. П. т. I, ст. 174, стр. 386). Въ связи со вторымъ вопросомъ, по отношенію къ уѣзднымъ училищамъ, стояли, какъ выше сказано, изытаніе изъ ихъ учебной программы технологіи и естественной исторіи, сокращеніе риторикѣ, а равно и ограниченіе преподаванія въ нихъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ только желающимъ учиться въ гимназіи (*ibidem*, 388).

О примѣняемости означеннаго циркуляра къ практикѣ уѣздныхъ училищъ вообще нашъ архивъ, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ свѣдѣній. Въ Ахтырскомъ училищѣ примѣненіе его шло довольно туго. Изъ сравненія табелей учебныхъ часовъ за 1809 и 1819 гг., а также принимая въ счетъ добавленные въ 1815 г. 3 урока, оказывается, что въ училищѣ по Закону Божию въ годъ реформы число уроковъ и учебныхъ часовъ было уменьшено, причеиъ 3 урока были—сводные... Какъ видно изъ отчетовъ „о прохожденіи наукъ“, въ первые четыре года самое преподаваніе Закона Божія велось неудовлетворительно: ученики обоихъ основныхъ классовъ, прочитывая Новый Завѣтъ до Апокалипсиса а иной годъ и Апокалипсисъ, по катехизису и свящ. исторіи не оканчивали положеннаго курса, останавливаясь то на § 13 исторіи Ветхаго Завѣта, то на 6 или 9 членѣ Символа Бѣры—въ I классѣ, то на 6 заповѣди—во II. Вмеѣстѣ съ этимъ, по риторикѣ, которую циркуляръ низводилъ на степень практическаго письмовника, годичный курсъ, по старому, заканчивался то „разговоромъ“, то „фигурами“, или „хрѣями“. Упраздненіе технологіи и естественной исторіи, которыя и раньше фигурировали въ табели учебныхъ часовъ только номинально, было, такимъ образомъ, весьма слабымъ палатывомъ противъ хаоса классныхъ занятій, являвшася неизбежнымъ слѣдствіемъ много-предметности

курса уѣздныхъ училищъ вообще и крайне малаго числа преподавателей въ Ахтырскомъ училищѣ. Обѣ эти антипедагогическія причины, какъ увидимъ ниже, не были устранены, а напротивъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе осложнялись.

Принявъ въ свое вѣдѣніе Ахтырское училище, А. А. Иваненко и И. В. Тарановскій, обратили, прежде всего, тщательное вниманіе на неприглядную его внѣшность. Къ 1822 г. усадьба его не глядѣла уже, какъ встарь, пустошью — ее со всѣхъ сторонъ защищала досчатая ограда, совершенно законченная постройкой и выкрашенная въ желтый цвѣтъ, съ черными поясками; зданіе его было капитально реставрировано: на немъ, вмѣсто гонтовой, была уже желѣзная крыша съ фронтонами и карнизами, стѣны его были выштукатурены и побѣлены, окна, печи и трубы — заново передѣланы; кромѣ того, въ училищѣ имѣлись стѣнные часы и вѣстовой колокольчикъ, висѣвшій на столбѣ у казитки. Итогъ затратъ на ремонтъ дома, покупку часовъ и колокольчика составлялъ довольно крупную цифру — 5,160 руб., въ счетъ которой входили: 4,560 р., взятыя, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, изъ экономической суммы, 6 570 руб., сбереженныхъ при Зеновьевѣ, и 600 руб., пожертвованные почетнымъ смотрителемъ, А. А. Иваненкомъ въ 1820 и 1821 гг. Въ 1823 г. по какому то случаю ожидалась поѣздка графа Аракчеева по Слободско-Украинской губерніи. Директоръ Лосевъ, предупреждая объ этомъ Тарановскаго, писалъ ему, между прочимъ: „А какъ г-нъ почетный смотритель вашего училища находится въ отлучкѣ, то имѣете, по полученіи сего, всѣ скамьи выкрасить темнозеленою краскою... Сдѣлайте при этомъ надъ дверьми каждаго класса на дощечкѣ, окрашенной черной краской, надпись бѣлою краской, (сін дощечки должны быть въ длину 10 вершк., въ ширину 6 в.); на фронтонѣ крыльца прибить доску съ надписью „Ахтырское уѣзное училище“. И какъ скоро узнаете о пріѣздѣ его сіятельства, то постарайтесь соблюсти въ училищѣ совершенную чистоту... Впрочемъ, увѣренъ, что если е. с. посѣтитъ ваше училище, то онъ найдетъ во всемъ совершенную чистоту и порядокъ“.

Далеко не такъ могъ быть покоенъ директоръ насчетъ другихъ училищъ: были между ними и такія, которыя „ни мало не были похожи на святилища наукъ;“ нечистота и неопрятность въ нѣкоторыхъ доведены были до высшей степени: не только иные ученики были не умыты, не чесаны, въ оборванномъ платьѣ, но и сами учителя, по отзыву директора, были „одѣты самымъ неприличнымъ званію ихъ образомъ.“ „Отъ излишней экономіи нѣкоторыхъ смотрителей,“ классныя комваты такъ скудно отапливались, что ученики, „вмѣсто того, чтобы учиться, грѣлись“; въ другихъ училищахъ, по той же причинѣ, не выдавались даже „губки или чистой суконки для стиранія задачъ,“ и ученики стирали „они руками и ногами своего платья.“¹⁾

Очевидно, подъ вліяніемъ А. А. Иваненка сказалось и вниманіе мѣстнаго общества къ матеріальнымъ нуждамъ училища, хотя и въ

¹⁾ См. Приложение № 3.

болѣе уже слабой степени, чѣмъ при Войновичѣ: на актахъ 1821 и 1824 г.г. въ книгу пожертвованій было записано всего только 158 р.; сверхъ денегъ, привесены были въ даръ училищу: — портреты Императрицы Елизаветы Петровны и Императоровъ Александра I и Николая I и книги.

Инструкція попечителя Харьковскаго учебнаго округа, данная почетнымъ смотрителямъ 17 марта 1823 г., предписывала имъ: а) входить въ теченіе преподаваемыхъ наукъ, въ исправное исполненіе должностей учителями посредствомъ штатныхъ смотрителей, или непосредственно; б) свидѣтельствовать въ уѣздномъ казначействѣ, вмѣстѣ съ штатнымъ смотрителемъ и учителями, училищныя суммы; в) доносить попечителю въ случаѣ несообразнаго употребленія этихъ суммъ; г) представлять ему третныя вѣдомости съ объясненіемъ исправнаго исполненія должности подвѣдомыми имъ чиновниками; е) входить въ сношеніе съ училищнымъ начальствомъ тогда токмо, когда признаютъ они нужнымъ. „Штатные смотрители и прочіе чиновники въ уѣздныхъ училищахъ — добавляетъ инструкція — должны быть въ совершенномъ повиновеніи у почетныхъ смотрителей.“ Иваненко, какъ завѣдующій училищами двухъ уѣздовъ, находился въ исключительномъ положеніи. Онъ имѣлъ настоящую резиденцію въ г. Лебединѣ и Ахтырское училище навѣщалъ не часто — разъ, много — два въ годъ, въ качествѣ почетнаго гостя-ревизора. Тарановскій аккуратно посылалъ ему, для представленія попечителю округа, третныя вѣдомости о состояніи училища и, сверхъ того, по училищнымъ дѣламъ велъ съ нимъ офиціозную переписку при посредствѣ штатнаго смотрителя Лебединскаго училища, Галкина.

Тарановскій въ „Историческую записку“ за 1819—1825 годы занесъ, между прочимъ, что „библіотека состояла въ 1819 г. изъ 194 разнаго рода маловажныхъ сочиненій, въ послѣдствіи же она умножалась. Что же касается до ученическихъ книгъ, ученики въ нихъ недостатка никогда не имѣли, только многіе изъ обывательскаго званія не могли по бѣдности ихъ купить и выбывали изъ училища.“ Эта стереотипная фраза, съ несущественными вариациями, повторялась изъ года въ годъ. Въ 1835 г. въ библіотекѣ училища было всего 284 книги, т. е. въ теченіе 15 лѣтъ — съ 1819—1834 г. — прибавлялось въ ней среднимъ числомъ, по 6 книгъ.

Періодъ времени съ 1819 по 1826 г. включительно былъ, тѣмъ не менѣе, лучшею порой смотрительства Тарановскаго. Въ 1824 г. всѣ служащіе въ училищѣ получили благодарность отъ директора Лосева за отличныя усилія учащихся, причемъ Тарановскому ставилось на видъ, что Ахтырское училище какъ по познаніямъ учениковъ, такъ и по числу ихъ стоитъ выше Лебединскаго и Богодуховскаго; въ 1826 г. визитаторъ проф. Комлишинскій также изъявилъ признательность Тарановскому и Водяницкому. Заслуга въ преуспѣяніи училища, прежде всего, была на сторонѣ учителей Германа и Водяницкаго, научившихся бороться съ его недостатками еще при Зеновьевѣ. Судя по протоколамъ педагогическихъ засѣданій, Тарановскій, какъ педагогъ-иниціаторъ, врядъ ли могъ быть выдающимся: относительно наукъ онъ исклю-

чительно, повидимому, интересовался только предметами низшаго отдѣленія, въ которомъ самъ состоялъ преподавателемъ 24 г. (съ 1790 по 1814 г. включительно). Такъ въ протоколѣ 5 іюня 1823 г., между прочимъ, значится: „разсуждали о способахъ преподаванія учебныхъ предметовъ, особенно для I класса каждаго отдѣленія, для чего въ общемъ совѣтѣ положено, чтобы усилить чтеніе въ 3 разрядѣ въ §, или что назначается на урокъ изъ какой ни на есть науки, прочитавъ самому учителю нѣсколько разъ сначала; 2 разрядѣ въ сіе время занимается писаніемъ, а 1 читаетъ буквы и склады по таблицамъ церковнымъ и гражданскимъ и рукописной печати, какимъ послѣднимъ методомъ проходитъ весь букварь, т. е. по складамъ. Другіе часы слѣдующіе. Учитель перемѣняетъ свое занятіе съ разрядами, придерживаясь расположенія часовъ и наблюдая, чтобы дѣти все были заняты, посылая въ другіе разряды лучшаго ученика. Въ другихъ классахъ Законъ Божій съ объясненіемъ и выучиваніемъ доказательствъ, а преподаваніе другихъ предметовъ должно быть, какъ и прежде, съ объясненіемъ неоднократнымъ, спрашивая: „поняли сказанное?“ 5 октября 1820 г. въ совѣтѣ „положили, чтобы каждый учитель во время занятія учениковъ чистописаніемъ подходилъ бы къ каждому ученику и не только исправлялъ написанныя буквы, но даже самъ на той же тетради нѣсколько словъ прописывалъ.“ Общихъ педагогическихъ вопросовъ многочисленныя протоколы его времени (съ 1820 по 1824 г. включительно составлено было 47 прототоловъ) касаются лишь мимоходомъ и не принципиально, а въ видахъ принятія мѣръ исправительныхъ. 2 іюля 1822 г. по поводу вопроса, „о приученіи дѣтей къ опрятству въ одеждѣ и другихъ вещахъ“ было постановлено, „чтобы у учениковъ волосы всегда были подрѣзаны и причесаны, лицо умыто, обувь чистая, не наносящая сору въ классы, платье безъ малѣйшаго оборванія пуговицъ и протчаго“, съ добавленіемъ угрозы „деминуемаго взысканія.“ Вопросъ „объ образованіи юношества и о доставленіи ему видныхъ успѣховъ изъ наукъ“ также сводился къ угрозѣ—„удержать и малѣйшее поползновеніе къ порочному“ (прот. 2 марта 1821 г.).

Виднымъ подспорьемъ преуспѣванію въ наукахъ учащихся было еще, вѣроятно, и освобожденіе учителя Водяницкаго, по собственной его просьбѣ, отъ преподаванія Закона Божія и назначеніе, въ 1823 г., на его мѣсто священника К. И. Рубашевскаго „для преподаванія дѣтямъ въ систематическомъ порядкѣ христіанскаго ученія“. Косвенно благотворнымъ образомъ въ этомъ отношеніи могло, конечно, повліять на уѣздное училище открытое въ Ахтыркѣ 30 августа 1819 г. духовное училище; но о степени вліянія его мы ничего не можемъ сказать положительнаго, такъ какъ намъ не извѣстно, учились ли тогда въ послѣднемъ лица другихъ сословій, кромѣ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, которымъ и раньше, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 10 октября 1804 г., былъ закрытъ доступъ въ свѣтскія школы. Женскіе пансіоны—полковницы—иностранки Ланчъ, маіорши Коренковой, капитанши Калачевой и подполковницы Захаровой, явившіяся въ Ахтыркѣ въ началѣ 20-хъ гг. истекающаго столѣтія,—сильно вліяли на училище, только, къ несчастію, не въ его пользу. Водяниц-

кій, напр., сверхъ предметовъ, преподаваемыхъ имъ въ уѣздномъ училищѣ, обучалъ еще въ пансіонѣ Захаровой русскому языку, ариѳметикѣ, русской и всеобщей исторіи и географіи, въ пансіонѣ Калачевой — Закону Божию, изъясненію литургій, свящ. исторіи, географіи всеобщей и русской, чистописанію и французскому языку; Борщевскій, бывшій учителемъ историческихъ наукъ послѣ Германа (съ 1825 г.) также давалъ уроки въ пансіонѣ Калачевой по русскому языку, ариѳметикѣ, російской исторіи и чистописанію. Сверхъ классныхъ занятій въ училищѣ и пансіонахъ, учителя имѣли и собственныхъ пансіонеровъ, которыхъ подготавливали у себя на дому въ разныя учебныя заведенія.

Универсальность учебной практики преподавателей уѣзднаго училища не была, впрочемъ, привилегіей одной только Ахтырки — она была тогда повсемѣстная потому, что, съ одной стороны, требовалось, чтобы частнымъ обученіемъ занимались исключительно люди, подготовленные въ наукахъ и одобрительнаго поведенія, а съ другой — ощущался крайній недостатокъ въ педагогахъ — специалистахъ. Результаты не замедлили сказаться: въ 1827 г. официально былъ констатированъ фактъ, что ученики уѣздныхъ училищъ, поступаая въ гимназію, оказываются слабо подготовленными въ наукахъ: проходя всю 2 ч. ариѳметики, съ трудомъ могутъ объяснить, да и то не всё, „что 40 коп. = 0,4 рубля и почему 0,5 арш. = $\frac{2}{4}$ арш.“ Поэтому директоръ училищъ, Селивановъ, циркулярно предписалъ: на будущее время проходить — 1) російскую грамматику и разборъ сообразно книжицѣ, изданной г. Любовскимъ; 2) по ариѳметикѣ до смѣшенія, а „особливо существо дробей“, 3) по исторіи — только всеобщую, до римлянъ, „ибо знанія російской отъ поступающихъ почти совсѣмъ не спрашиваютъ“; 4) по географіи — математическую и главныя раздѣленія всеобщей, потомъ — европейскія горы, моря, раздѣленіе на государства, достопримѣчательныя столичные, торговые и приморскіе города; 5) по латинскому языку — склоненія именъ существительныхъ и прилагательныхъ, уравненія съ таблицами и спряженіе правильныхъ глаголовъ; 6) по нѣмецкому языку читать и писать. Въ гимназію не всё, однако, поступали. Для тѣхъ, кто заканчивалъ свое образованіе курсомъ уѣзднаго училища, предметы, непоименованные въ циркулярѣ директора, были, конечно, нужны. Опять возникало недоразумѣніе: какъ быть съ дуализмомъ, вносимымъ въ программу уѣздныхъ училищъ этимъ новымъ распоряженіемъ? Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ оканчивающимъ курсъ стали выдавать аттестаты, несоотвѣтствующіе ихъ познаніямъ. „Въ рѣшительное прекращеніе такого предосудительнаго злоупотребленія“, директоръ училищъ Шеншинъ, требуя „впредь возможную точность въ рекомендаціи“, строжайше предписывалъ, чтобы предметы въ уѣздныхъ училищахъ проходимы были безусловно въ совершенную сообразность съ Уставомъ. Поворота къ лучшему все-таки не было. Лѣтъ пять спустя, директоръ училищъ, В. Д. Фонъ-Метелеркамъ, вновь циркулярно подтверждалъ, что познанія поступающихъ въ гимназію „не соотвѣтствуютъ той степени, какой должно требовать отъ оканчивающихъ

курсъ въ уѣздномъ училищѣ“, и что „учители не проходятъ того, что положено, и не оканчиваютъ курса тѣмъ, что предписано.“

Ни „Историческія Записки“, ни другія рукописи архива не даютъ, въ сожалѣнію, прямыхъ указаній на мѣру бѣдствій, испытанныхъ Ахтырскимъ училищемъ въ эти тяжелые годы; видно только по вѣдомостямъ, что за періодъ съ 1826⁶/₇ по 1832²/₃ учеб. годъ число учащихся въ основныхъ его классахъ, сравнительно съ первымъ шестилѣтіемъ смотрительства Тарановскаго, убавилось, среднимъ числомъ, почти на 24⁰/₁₀₀.

Съ 1825 г. начались колебанія въ составѣ преподавателей училища, длившіяся, съ небольшими перерывами, вплоть до его реформы. Въ этомъ году выбылъ учитель Германъ; вмѣсто его былъ назначенъ учителемъ историческихъ наукъ казеннокоштный студентъ Харьковскаго университета Борщевскій, вмѣсто Борщевскаго, съ 1828 г., своекоштный студентъ того же университета Я. И. Оптовцевъ, вмѣсто Оптовцева, съ 1833 г., А. П. Грѣдичъ; учителями искусствъ были: съ 1825 по 1826 г.—Скопцовъ, съ 1826 по 1827 г.—Панюковъ, съ 1827 по 1834 г.—Юшкевичъ. Въ 1827 г. умеръ законоучитель о. Рубашевскій; его мѣсто заступилъ священникъ о. Максимъ Ливанскій, прослужившій въ училищѣ по 1832 г. и, въ свою очередь, смѣненный проторіеромъ о. Максымомъ Оптовцевымъ.

Параллельно съ этимъ, шли обновленія и въ учебной программѣ училища: вновь были введены—съ 1826 г. преподаваніе славянскаго языка по грамматикѣ Пенинскаго, въ 1833 г.—арифметика на счетахъ по методу Свободскаго; съ 1831 г. „книжица г. Любовскаго“ замѣнена была російскою грамматикою А. Х. Востокова.

Близилась уже вторая реформа уѣздныхъ училищъ, но съ самой реформой еще медлили. Этому было три причины: а) предполагалось возможно лучшее укомплектованіе состава преподавателей, в) подготовлялись учебники и с) изыскивались источники содержанія приходскихъ училищъ, которыя имѣли замѣнить существовавшія при уѣздныхъ нижнія отдѣленія. Первая изъ указанныхъ причинъ, повидимому, больше всего тормозила дѣло. Еще въ 1819 г. Высочайше дозволено было содержать при гимназіяхъ кандидатовъ на должности учителей въ уѣздныя училища, изъ оканчивающихъ курсъ гимназій или семинарій дѣтей бѣдныхъ родителей, полагая на каждого, сообразно возможности и средствамъ, отъ 100 до 200 руб. изъ штатной суммы тѣхъ училищъ, съ условіемъ, чтобы каждый кандидатъ имѣлъ известное названіе именно для того училища, въ которомъ не достаетъ учителя, и чтобы кандидаты, „по прохожденіи учебнаго курса, продолжали службу въ вѣдомствѣ училищнаго начальства не менѣе шести лѣтъ“; а между тѣмъ и въ самый годъ реформы не было полной увѣренности, что это дѣло увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. 15 февраля 1834 г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія предложилъ попечителямъ Кіевскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ преобразовать по новому уставу подвѣдомыя имъ уѣздныя училища „не вдругъ, а постепенно, оставивъ на службѣ изъ прежнихъ преподавателей только дѣйствительно способныхъ.“

Распоряженіе это, тѣмъ не менѣе, ускорило реформу уѣздныхъ училищъ Слободско-Украинской губерніи. Въ апрѣлѣ того же года директоръ училищъ, В. Д. фонъ Метелеркамъ, циркулярно сдѣлалъ штатнымъ смотрителямъ слѣдующіе запросы: а) возможно ли въ подвѣдѣмыхъ имъ училищныхъ зданіяхъ помѣстить трехклассныя уѣздныя училища? б) если помѣщеніе не достаточно, или не удобно, то какимъ образомъ можно исправить эти недостатки? с) кто изъ учителей можетъ остаться по преобразованіи? d) какіе затѣмъ еще нужны и по какимъ предметамъ? е) не имѣютъ ли они въ виду достойныхъ кандидатовъ? Сверхъ отвѣтовъ на эти запросы, штатнымъ смотрителямъ вмѣнялось въ особую обязанность, совмѣстно съ почетными смотрителями, склонить мѣстныя общества дать помѣщеніе и опредѣлить содержаніе будущимъ городскимъ приходскимъ училищамъ.

Копія отвѣтной бумаги Тарановскаго на эти запросы нами, къ сожалѣнію, не найдена. Сохранившіяся отъ того времени въ архивѣ рукописи рисуютъ состояніе училища наканунѣ реформы въ такомъ положеніи. А. А. Иваненко тогда уже не служилъ въ училищѣ за нимъ числилось недоимки съ $\frac{0}{10}$ 1736 р. 67 к.; его преемникъ (съ 1831 г.), полковникъ П. Д. Хрущовъ, жертвовавшій училищу ежегодно по 500 р., въ теченіе дѣлъ его вовсе не входилъ и вскорѣ затѣмъ уволился отъ должности. Училищный домъ могъ служить помѣщеніемъ для трехкласснаго училища, но онъ уже требовалъ солиднаго ремонта, а усадьба — новаго забора. Запасные ресурсы училища включали въ себѣ: 3,500 р. экономической суммы въ 2 банковыхъ билетахъ, 1000 руб., пожертвованныхъ почетнымъ смотрителемъ Хрущовымъ, 83 р. 95 к. благотворительныхъ и 448 р. 51 $\frac{1}{2}$ к. хозяйственной суммы; въ бібліотекѣ его, какъ выше сказано, числилось 284 книги „разнаго рода сочиненій“, а изъ учебныхъ пособій — географическія ландкарты и 1 экз. счетовъ по способу генераль-маіора Слободскаго. Что касается преподавателей, то изъ нихъ только два, законоучитель — протоіерей Оптовцевъ и учитель Водяницкій, остались при училищѣ; учителя же Гнѣдичъ и Юшкевичъ были уволены въ отставку, согласно прошенія, по болѣзни. 15 октября 1834 г. училище было преобразовано, по Уставу 8 декабря 1828 г., въ уѣздное трехклассное, какъ лаконически гласитъ его лѣтопись, „торжественнымъ актомъ“. Бывшее нижнее отдѣленіе его стало именоваться городскимъ приходскимъ училищемъ (Ландкастерскою школою) и временно заняло отдѣльное помѣщеніе въ городскомъ домѣ, весьма невыгодномъ и ветхомъ. Приходскому училищу, сверхъ 500 р., которые раньше были ассигнуемы городомъ на нижнее отдѣленіе уѣзднаго, градская дума изъявила согласіе добавлять еще по 300 р. въ годъ.

Въ 1831 году, по распоряженію В. Д. фонъ Метелеркамъ, училищныя дѣла въ Слободско-Украинской губерніи были поручены директору училищъ, В. Д. фонъ Метелеркамъ, который въ 1831 году, по распоряженію В. Д. фонъ Метелеркамъ, былъ назначенъ директоромъ училищъ въ Слободско-Украинской губерніи.

По дѣли назначенія, трехклассныя уѣздныя училища существенно разнятся какъ отъ малыхъ народныхъ училищъ, такъ и отъ двухклассныхъ уѣздныхъ. Оба послѣднія, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, должны были готовить учащихся въ среднюю общеобразовательную

школу, именно — малыя народныя училища — въ главное народное, двухклассныя уѣздныя — въ гимназію. Въ учебномъ уставѣ 8 декабря 1828 г. для уѣздныхъ училищъ проектировался другой планъ: оставаясь, какъ и до преобразованія въ трехклассныя, всеобщими, они „въ особенности предназначались для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и др. городскихъ сословій, вмѣстѣ со средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболее полезны“. Соответственно такому назначенію уѣздныхъ училищъ, учащіеся въ трехъ основныхъ ихъ классахъ должны были подготавливаться къ слушанію дополнительныхъ курсовъ, въ которые допускались также и постороннія лица. Учебная программа первыхъ включала въ себя: 1) Законъ Божій, священную и церковную исторію, 2) російскій языкъ, включая и высшую часть грамматики, 3) ариѳметику, 4) геометрію, до стереометріи, но безъ доказательствъ, 5) географію, 6) исторію Государства Россійскаго и всеобщую, но сокращенно, 7) чистописаніе, черченіе и рисованіе. Изъ дополнительныхъ курсовъ могли быть преподаваемы одинъ, два, или же всѣ, „смотря по нуждѣ, средствамъ и удобности“, слѣдующіе главнѣйшіе: 1) „общія понятія объ отечественныхъ узаконеніяхъ, порядкѣ и формахъ судопроизводства, особенно по дѣламъ, относящимся къ торговлѣ, 2) основанія коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи; 3) основанія механики, приложеніемъ оной къ обыкновеннѣйшимъ искусствамъ; основаніе технологіи; рисованіе приспособленное къ искусствамъ и ремесламъ, и важнѣйшія правила архитектуры, особенно же все, принадлежащее къ части каменнаго мастерства, и 4) сельское хозяйство и садоводство“.

При введеніи въ дѣйствіе Устава 1828 г., на первыхъ же порахъ выяснилось, что ни открытіе означенныхъ дополнительныхъ курсовъ, ни обособленіе уѣздныхъ училищъ отъ гимназій невозможно. За весь періодъ времени съ 1828 по 1890 г. включительно, въ одномъ только уѣздномъ училищѣ, Владимірскомъ въ Петербургѣ, по инициативѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, былъ открытъ, въ 1833 г., дополнительный курсъ коммерческихъ наукъ, на содержаніе котораго учредители обязались выдавать по 5000 руб. „изъ гражданскихъ ежегодныхъ доходовъ“. Стремленіе къ объединенію уѣздныхъ училищъ съ гимназіями, наоборотъ, было очень интенсивно. Въ числѣ первыхъ за него высказался попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ Ю. А. Головкинъ. Въ своемъ отчетѣ объ обзорѣнн Харьковскаго университета графъ Головкинъ, въ 1834 году, между прочимъ, писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Какъ, со введеніемъ въ дѣйствіе Устава учебныхъ заведеній, въ уѣздныхъ училищахъ прекращено преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ, между тѣмъ, какъ преподаваніе языковъ сихъ начинается съ I низшаго класса, то, чтобъ дѣтямъ, съ отличномъ успѣхомъ оканчивающимъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, доставить возможность поступать въ гимназію не въ I классъ, но также во II, III и IV, на основаніи § 150 Устава 1828 г., допустить въ нѣкоторыхъ у. у. преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ, назвавъ сін заведенія дворянскими, подобно тому, какъ названы уѣздна-

го училища Бѣлорусскаго округа“. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, соображаясь съ 46 §-мъ того-же устава, не согласился съ мнѣніемъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа относительно введенія въ уѣздныхъ училищахъ преподаванія латинскаго и нѣмецкаго языковъ и „не нашель удобства“ къ переименованію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дворянскія. Это разрѣшеніе во взглядахъ на статьи Устава 1828 г. не имѣло, однако, рѣшающаго вліянія на сущность возбужденнаго гр. Головкинымъ вопроса. Въ 1834 же году, министръ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи § 58 означеннаго Устава, разрѣшилъ, въ видѣ дополнительныхъ курсовъ, преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ при Ярославскомъ уѣздномъ училищѣ. И этотъ фактъ не остался изолированнымъ: почти ежегодно потомъ во всѣхъ учебныхъ округахъ при уѣздныхъ училищахъ были открываемы дополнительные курсы не только съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками, но также съ французскимъ, греческимъ, италіанскимъ и др. иностранными и областными языками, а въ иныхъ уѣздныхъ училищахъ, сверхъ того, добавлялись еще алгебра, бухгалтерія и даже физика, изученіе которой въ гимназій начиналось съ VI класса. Оставленъ былъ открытымъ только вопросъ о формальномъ переименованіи такихъ уѣздныхъ училищъ въ дворянскія.

Неудача съ дополнительными курсами, положенными по уставу 1828 г., не ослабила, впрочемъ, окончательно надежды на возможность примѣнить къ общеобразовательной школѣ профессиональныя науки. Въ 1836 г. изыскивались способы и средства къ открытію при гимназійхъ и уѣздныхъ училищахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, отдѣленій реальныхъ школъ, а въ университетскихъ, взаимѣвъ тѣхъ школъ, — публичныхъ лекцій при университетахъ¹⁾ не исключительно на средства обществъ и частныхъ лицъ, какъ требовалъ уставъ въ отношеніи дополнительныхъ курсовъ, а даже и въ томъ случаѣ, „если общественныя и частныя приношенія не представляютъ къ тому средствъ, но мѣстныя обстоятельства показываютъ дѣйствительную въ нихъ нужду.“ Затѣмъ по мысли тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, въ 1852 г., въ инстанціяхъ министерства Народнаго Просвѣщенія велась переписка объ открытіи при уѣздныхъ училищахъ дополнительныхъ курсовъ для подготовки дѣтей потомственныхъ и личныхъ дворянъ на службу въ присутственныя мѣста уѣздныхъ городовъ. Въ этихъ курсахъ полагалось преподавать судебный порядокъ, съ практическими упражненіями, и бухгалтерію. Министръ Государственныхъ имуществъ, съ своей стороны, признавалъ полезнымъ (въ 1860 г.) готовить при уѣздныхъ училищахъ къ должности волостныхъ писарей даровитыхъ мальчиковъ изъ крестьянъ и изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ, въ томъ соображеніи что подготовка таковыхъ въ приходскихъ училищахъ шла неудовлетворительно. Ковечнымъ итогомъ вопроса о типѣ дополнительныхъ курсовъ было изданіе законоположенія 15 мая 1870 г., которымъ, „въ виду повсемѣстнаго недостатка въ уѣздныхъ городахъ въ способахъ къ подготовленію дѣтей въ среднія учебныя заведенія“, констатированъ фактъ крайней необходимости дозволить открытіе при

¹⁾ См. приложение № 4.

уездныхъ училищахъ на средства обществъ и частныхъ лицъ дополнительныхъ курсовъ „соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ“.

Большинство уездныхъ училищъ, однако, или пользовалось дополнительными курсами этого типа урывочно, или осталось при однихъ основныхъ классахъ.

Ахтырское уездное училище, какъ увидимъ ниже, принадлежало къ категоріи первыхъ. Первое время по преобразованіи въ трехклассное, персоналъ служащихъ при немъ состоялъ изъ — штатнаго смотрителя Тарановскаго, законоучителя протоіерея Оптовцева и учителя ариметики и геометріи Водяницкаго; вновь назначены были: по предмету русскаго языка А. С. Соколовскій, по исторіи и географіи М. Н. Крамаревъ, оба — люди молодые, воспитывавшіеся въ Харьковскомъ коллегіумѣ, учителемъ чистописанія, черченія и рисованія — И. Г. Луценко, переведенный изъ Збѣнковскаго уезднаго училища, въ которомъ онъ занималъ эту должность съ 1819 г., по выбытіи раньше окончанія курса изъ Полтавской гимназіи. И. В. Тарановскій оставался на должности штатнаго смотрителя всего около 3 мѣсяцевъ: 12 января 1835 г. онъ, какъ значится въ лѣтописи училища, „по распоряженію начальства, за преклонностію лѣтъ“, былъ уволенъ въ отставку съ пенсіей и съ орденомъ св. Владиміра за тридцатипятилѣтнюю безпорочную службу. Мѣсто штатнаго смотрителя занялъ М. С. Водяницкій, а учителемъ ариметики и геометріи былъ послѣ него назначенъ Ф. В. Слассъ, вскорѣ затѣмъ помѣнявшійся мѣстомъ съ учителемъ Лебединскаго уезднаго училища М. И. Шароградскимъ, окончившимъ курсъ Харьковского университета со степенью дѣйствительнаго студента.

Трудъ перваго организатора Ахтырскаго уезднаго училища по новому уставу выпалъ, такимъ образомъ, на долю бывшаго его ученика, свыше 20 лѣтъ прослужившаго при немъ же и наставникомъ. Для училища такой фактъ не могъ не быть знаменателенъ тѣмъ болѣе, что Водяницкій не только былъ его ученикъ и учитель, но и талантливый педагогъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и почетомъ и въ учебномъ округѣ, и въ средѣ мѣстнаго общества. Его личность въ исторіи училища стоитъ, по этому, выше обычнаго уровня и сливается съ нею тѣснѣе, чѣмъ это бываетъ заурядно. Къ сожалѣнію, какъ училищный архивъ, такъ и изустныя преданія о Водяницкомъ дали намъ относительно-скудный матеріалъ для его біографіи и для исторіи училища за его время.

Біографія Водяницкаго, по архивнымъ документамъ, не сложна: сынъ мелкопомѣстнаго дворянина Ахтырскаго уѣзда; по окончаніи курса уезднаго училища, обучался казеннокоштнымъ пансіонеромъ въ Слободско-Украинской губернской гимназіи; былъ нѣкоторое время въ Харьковскомъ университетѣ, тоже на казенномъ счетѣ, но курса не окончилъ. Ставши, однако, учителемъ, Водяницкій сразу выдвинулся: домашній пансіонъ его, въ первые же годы своего существованія, сталъ популяренъ не только въ Ахтырскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ, но и въ другихъ губерніяхъ. Помѣщики, окрестные и дальніе, чиновники, ду-

ховенство и вообще люди сколько-нибудь зажиточные, охотно отдавали Водяницкому своихъ сыновей для подготовленія въ гимназію и другія учебныя заведенія, приче́мъ большинство ихъ, учась въ пансіонѣ, посѣщало вмѣстѣ съ тѣмъ и уѣздное училище. Быть въ пансіонѣ М. С. Водяницкаго въ Ахтыркѣ тогда значило почти тоже, что послѣдствіи быть въ Харьковѣ въ пансіонѣ И. А. Сливickaго, его же ученика. Открытый въ первый годъ службы Водяницкаго въ Ахтыркѣ, его пансіонъ продержался до глубокой старости своего основателя, нѣсколько лѣтъ уже по выходѣ его въ отставку. Самъ М. С. Водяницкій „гремѣлъ славой на весь округъ“, по выраженію близко знавшихъ его. Высокопоставленные лица, бывая въ Ахтыркѣ, всегда посѣщали уѣздное училище, а нерѣдко и собственный домъ его начальника въ качествѣ частныхъ гостей послѣдняго. Сохранилось свѣдѣніе въ архивѣ училища, что лѣтомъ 1842 г. гостилъ у Водяницкаго попечитель Харьковскаго учебнаго округа, гр. Ю. А. Головкинъ. Въ годы завѣдыванія училищемъ Водяницкаго было три почетныхъ смотрителя — П. Д. Хрущовъ (по 1835 г.), П. Н. Бразоль (съ 1835 по 1842 г.) и Д. Н. Райковичъ (съ 1843 г.), — и всѣ они стояли съ нимъ, какъ говорится, „на равной ногѣ“, чего не бывало ни до него, ни при его преемникахъ. Многие изъ его питомцевъ, занимая солидное положеніе на государственной службѣ и въ обществѣ, вели съ нимъ переписку изъ Петербурга и другихъ, дальнихъ отъ Ахтырки, мѣстъ Россіи, нарочито при случаѣ пріѣзжали въ Ахтырку повидаться со своимъ старымъ учителемъ, а когда онъ умеръ, — поклониться его могилѣ.... „Царство ему небесное, частенько угощаль насъ, покойникъ, березовою кашей!“ вспоминаютъ бывшіе при Водяницкомъ шалуны и охотники полѣниться, нынѣ сами уже убѣленные сѣдинами патриархи семействъ. Архивныя манускрипты не противорѣчатъ этимъ воспоминаніямъ: изъ нихъ также видно, что М. С. Водяницкій и единовластно, и по постановленію педагогическаго совѣта примѣнялъ къ учащимся ликурговскій методъ исправленія. Отношенія его на службѣ къ учителямъ до известной степени иллюстрируются его характеристиками годичной ихъ дѣятельности: „отправлялъ свою должность съ посредственнымъ успѣхомъ“, „съ достаточнымъ усердіемъ, но успѣхомъ слабымъ“, „съ заботливостью, но ученики въ его предметѣ имѣли успѣхи посредственные“; отмѣтка: „съ довольнымъ“ или „съ хорошимъ успѣхомъ“ значила у него самую высокую степень похвалы наставнику. Въ тѣхъ же „Историческихъ запискахъ“ (за 183⁴/₅—184⁴/₅ г.г.), откуда мы цитируемъ эти аттестаціи, значатся почти за каждый годъ похвальные отзывы, какъ объ успѣхахъ учащихся, такъ и объ устройствѣ училища и порядка въ немъ. Самая ранняя за время смотрительства Водяницкаго лѣтописная замѣтка, между прочимъ, гласитъ: „20 мая 1835 г. (посѣтилъ училище) его сиятельство Слободско-украинскій гражданскій губернаторъ, кн. Трубецкой, приче́мъ во всѣхъ классахъ ученики были спрашиваемы изъ разныхъ предметовъ и потомъ на бумагѣ отъ него изъявлена благодарность за порядокъ и успѣхи“. Вообще Ахтырское училище при Водяницкомъ считалось однимъ

тистико-историческое описаніе г. Ахтырки съ уѣздомъ; учителя Водяницкій, Шароградскій и Кулаковъ трудились надъ метеорологіей; учитель Симоновъ разрабатывалъ предназначенную ученымъ департаментомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ 1841 г., для конкурса тему „О травосѣяніи въ сѣверной и средней полосѣ Россіи.“ Инициатива большинства литературныхъ работъ принадлежала редакціи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“; темы ихъ обнимали почти все отрасли знаній. За печатный листъ плата была объявлена въ 50 р., за „статьи особой важности“—100 руб. отъ листа. Большая часть работъ сводилась, правда, къ писанію краткихъ монографій, предназначавшихся, повидимому, не для печати, а только для прочтенія на торжественномъ актѣ, но, какъ-бы ни было, эти работы все-же служили звеномъ умственного и нравственного общенія среди воспитателей юношества, оживляли свѣточемъ мысли и ее самое, и то общество, которому она готовила будущихъ дѣятелей. Сближали, конечно, служащихъ въ училищѣ и собранія педагогическаго совѣта, которыя при Водяницкомъ бывали довольно часты (съ 1835 по 1845 г. всѣхъ собраній было 106). Журналы этихъ собраній ничего не прибавляютъ новаго къ вышесказанному объ училищѣ, почему мы ограничиваемся только упоминаніемъ о нихъ, какъ о фактѣ служебной энергіи М. С. Водяницкаго, не приводя изъ нихъ цитаты.

Официально послѣ реформы по уставу 1828 г. Ахтырское уѣздное училище на первое время оставлено было только при трехъ основныхъ классахъ. Изъ дѣлъ архива не видно, чтобы мѣстное общество озабочивалось ходатайствомъ предъ Правительствомъ объ открытіи при училищѣ какихъ-либо дополнительныхъ курсовъ вплоть по 1854 г., въ которомъ, какъ извѣстно, чиновникамъ учебнаго вѣдомства было воспрещено держать у себя на дому пансіонеровъ. По всей вѣроятности, это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что подготовка желающихъ поступить въ гимназію въ пансіонѣ Водяницкаго и у другихъ мѣстныхъ педагоговъ исключала потребность въ особыхъ дополнительныхъ курсахъ при уѣздномъ училищѣ. На предложеніе училищнаго начальства открыть при этомъ училищѣ отдѣленіе реальной школы населеніе Ахтырки, какъ видно по журналу засѣданія Ахтырской городской думы 2 сентября 1836 г., отвѣтило отказомъ, мотивируя послѣдній недостаточностію средствъ и малочисленностію сословій. Есть, впрочемъ, въ дѣлахъ училищнаго архива свѣдѣніе, что это постановленіе не устранило для Ахтырки окончательно вопроса объ отдѣленіи реальной школы: въ 1837 г. учитель Шароградскій изъявилъ было желаніе читать при училищѣ сельское хозяйство; читалъ-ли—неизвѣстно.

Распредѣленіе преподаванія предметовъ, установленное для трехъ основныхъ классовъ уѣздныхъ училищъ въ 1832 году, удержалось въ основныхъ своихъ чертахъ понынѣ; произошли только урѣзки и добавленія въ нѣкоторыхъ его деталяхъ. Теперь, какъ извѣстно, въ уѣздныхъ училищахъ на урокахъ ариметики не преподается ни счисленіе на счетахъ, ни отдѣлъ о корняхъ, квадратныхъ и кубическихъ, полагавшійся во II классѣ. Этимъ и ограничивается серія урѣзокъ; добавленія, наоборотъ, танутся, съ перерывами на болѣе или менѣе продо-

жительный срокъ, до конца истекшаго столѣтiя, уѣздныхъ училищъ, то уступая мѣсто новымъ, то оставаясь безъ отмѣны. При Водяницкомъ, съ 1839 г., введено было преподаванiе на урокахъ исторiи хронологическихъ таблицъ Россiйской Имперiи, а въ 1841 г. — чтенiе на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Уставъ 8 декабря 1828 г., въ примѣненiи къ практикѣ, оказался менѣе устойчивъ не только въ отношенiи дополнительныхъ курсовъ, но и вообще. § 46 его, какъ извѣстно, открывалъ доступъ въ уѣздныя училища всѣмъ сословiямъ, по § 55, курсъ ученiя для всѣхъ сословiй былъ трехклассный; тѣмъ не менѣе, въ 1840 г. было установлено: мальчикамъ изъ государственныхъ крестьянъ, которые готовились къ должности волостныхъ писарей при приходскихъ училищахъ, если они окончатъ въ тѣхъ училищахъ курсъ прежде трехъ лѣтъ, дозволить „переходить въ I и II классы уѣздныхъ.. съ освобожденiемъ ихъ отъ наукъ, бесполезныхъ для ихъ быта, какъ то: высшихъ частей грамматики, геометрiи, географiи, исторiи и рисованiя.“ Кромѣ писарской должности, мальчики эти готовились также „къ должности бухгалтеровъ, сельскихъ архитекторовъ, народныхъ механиковъ“ и т. п. Ученикамъ уѣздныхъ училищъ, по окончанiи курса ученiя, если они по званiю своему имѣли право, дозволялось поступать на государственную службу безъ экзамена; съ 1836 г., однако, требовалось всѣхъ, окончивавшихъ курсъ уѣздныхъ училищъ въ теченiе трехъ первыхъ лѣтъ по выходѣ изъ училища экзаменовывать по всѣмъ предметамъ. О примѣняемости этой мѣры къ окончивающимъ курсъ уѣздныхъ училищъ вообще, въ нашемъ архивѣ мы не нашли никакихъ данныхъ; касательно же Ахтырскаго есть только разрозненныя экзаменацiонныя вѣдомости о немногихъ поступавшихъ на службу, вѣроятно, неимѣвшихъ выпускнаго изъ уѣзднаго училища свидѣтельства. Учитель чистописанiя, черченiя и рисованiя, былъ штатнымъ преподавателемъ; ему и какъ предметнымъ преподавателямъ, предоставлено было, между прочимъ, и право на полученiе пенсiи; но въ первые же годы послѣ реформы уѣздныхъ училищъ по Уставу 1828 г. обнаружился недостатокъ въ подготовленныхъ для этой должности учителяхъ. Состоялись по этому поводу сначала частныя по отдѣльнымъ округамъ, а затѣмъ и общее для всѣхъ учебныхъ округовъ распоряженiе министерства Народнаго Просвѣщенiя о раздѣленiи этой должности между двумя преподавателями, изъ коихъ одному было бы поручаемо обученiе рисованiю и черченiю, а другому чистописанiе, причемъ на службѣ долженъ былъ считаться только первый. Къ недостатку подготовленныхъ учителей присоединился еще и недостатокъ въ средствахъ содержанiя ихъ. Въ 1840 г. учителя чистописанiя, черченiя и рисованiя причислены были къ учителямъ искусствъ и лишены правъ на пенсiю. „Штатный смотритель всегда живетъ въ домѣ училища“, категорически гласитъ уставъ. Поэтому, штатному смотрителю, какъ и учителямъ, въ штатахъ не значатся квартирныя деньги; но замѣнить квартирныя деньги натурой въ большинствѣ уѣздныхъ училищъ не представилось возможности. Разрѣшалось по субботамъ послѣ обѣда обучать учениковъ уѣздныхъ училищъ церковному пѣнiю. Но это долгое время, какъ извѣстно, оставалось мертвою буквой.

Административная власть штатнаго смотрителя при Водяницкомъ до 1842 г. распространялась только на городскія учебныя заведенія, уѣздное городское и приходское училища и частный пансіонъ Захаровой, а съ этого года его вѣдѣнію были подчинены еще частный пансіонъ Е. Визлеръ, основанный въ 1842 г. въ г. Ахтыркѣ, и сельскія школы Ахтырскаго уѣзда, открытыя съ слоб. Котельвѣ, Боромлѣ, Краснопольѣ и Дерновой въ 1843 г. и затѣмъ въ 1844 г. въ сс. Верхопожнѣ, Пожнѣ, Печинахъ, Людѣ, Бѣлкѣ, Каменкѣ, Бранцовкѣ и въ городѣ Ахтыркѣ, въ 1845 г. въ Хухрѣ и Кириковкѣ.

Для городскихъ учебныхъ заведеній Водяницкій установилъ при уѣздномъ училищѣ регулярную продажу учебниковъ и учебныхъ пособій, ежегодная выручка за которые простиралась до 200 р. и выше; расширилъ бібліотеку послѣдняго до 406 названій и 1317 томовъ; ученическую привелъ въ лучшее, чѣмъ прежде, состояніе; она въ 1845 г. имѣла: 27 географическихъ картъ, нѣмыхъ 7, географическихъ атласовъ 10, историческихъ 3, школы рисованія 2, глобусы небесный и земной, геометрической наборъ, 2 счеты, 6 азбучныхъ таблицъ, 1 термометръ Реомюра. По части хозяйственной, для приходскаго училища онъ предполагалъ, какъ видно изъ „Историч. Записокъ“, построить на обширной училищной усадьбѣ особый флигель, но эта мысль была осуществлена уже послѣ него; при немъ же, въ 1837 г., было только израсходовано изъ экономической суммы 2570 р. ассигнованной на реставрацію заново дома и ограды уѣзднаго, а самая усадьба отдавалась съ торговъ въ аренду.

Въ 1839 г. Водяницкій, по выслугѣ пенсін за 25 л. (750 р.), былъ оставленъ на службѣ на новое пятилѣтіе. Выдающимися для училища событіями за это пятилѣтіе были: переложеніе, на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 1 іюля 1839 г., въ 1840 г., штатовъ съ ассигнацій на серебро, по расчету $3\frac{1}{2}$: 1, и распоряженіе о приглашеніи депутатовъ отъ духовнаго вѣдомства на экзамены по Закону Божію, въ 1842 г. Съ 1841 по 1845 г. включительно составъ преподавателей въ училищѣ мѣнялся ежегодно: въ 1841 г. выбылъ учитель исторіи и географіи М. Н. Крамаревъ; его замѣнилъ Ф. И. Симоновъ, Симонова, въ 1845 г., А. М. Кузьменко; въ 1842 г. умеръ С. И. Охрѣменко и выбылъ учитель русскаго языка Соколовскій; мѣсто послѣдняго при Водяницкомъ занимали: А. С. Рубенко (1842—1843 г.), бывший впоследствии директоромъ Харьковскихъ 3-й гимназій и затѣмъ реального училища, С. И. Котелевскій (1843—1844), В. П. Мартовецкій (1844 г.) и А. М. Толмачовъ, (съ 1844 г.), Охрѣменка—Матусевичъ (съ 1843 г.).

Оставленный на второе пятилѣтіе, М. С. Водяницкій прослужилъ, однако, при училищѣ только по 1845 г. Причинъ выхода его въ отставку изъ архивныхъ бумагъ не видно; но преклонность лѣтъ его, какъ Тарановскаго, во всякомъ случаѣ, не могла къ этому побудить: ему было всего только 51 г. и, кромѣ того, известно также, что, оставивъ государственную службу, онъ долго еще подвизался въ качествѣ воспитателя юношества въ собственномъ пансіонѣ.

Въ интересахъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Харьковской губерніи, весьма желательно было бы пополненіе пробѣловъ по біографіи

М. С. Водяницкаго, вкравшихся въ настоящій очеркъ, знавшими его лично и въ особенности бывшими его учениками. Водяницкій былъ популярнымъ дѣятелемъ на педагогическомъ поприщѣ въ эпоху разсвѣта официальной народной школы и достоинъ болѣе подробной біографіи.

VI.

Съ выходомъ Водяницкаго въ отставку, прервалась живая связь Ахтырскаго уѣзднаго училища съ традиціями протекшихъ его эпохъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣли симпатіи къ училищу мѣстнаго общества. Это обнаружилось на первыхъ же порахъ службы при немъ новаго штатнаго смотрителя, П. М. Гнилокишкова. Переведенный изъ г. Грайворона, гдѣ онъ прослужилъ 19 лѣтъ, Гнилокишковъ тяготился Ахтыркой, тосковалъ въ ней, какъ на чужбинѣ, по Курской губерніи и съ 1846 по 1849 г. хлопоталъ неустанно о переводѣ туда на службу передъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа и передъ директоромъ училищъ Курской губерніи. „Всегдашнимъ желаніемъ моимъ“—писалъ онъ послѣднему въ 1848 г.,—„было продолжать службу въ Курской дирекціи училищъ, и это желаніе теперь гораздо ошутительнѣе, когда я, противъ воли моей бывши опредѣленъ по другой дирекціи, совершенно усмотрѣлся во все, что можетъ быть хорошаго или дурнаго въ такой губерніи, отъ которой я и первоначально отказывался, желая лучше оставаться учителемъ въ Курской, нежели штатнымъ смотрителемъ въ Харьковской губерніи. Причиной нежеланія моего служить гдѣ-либо, кромѣ Курской губ., была и есть, во 1-хъ, что я имѣю осѣдлость въ сей послѣдней, а во 2-хъ, служа въ оной съ 1827 г., я усвоилъ въ лучшемъ видѣ порядокъ службы и самый характеръ народа“. Въ архивѣ мы не нашли объясненій, по какой именно причинѣ П. М. Гнилокишковъ былъ перемѣщенъ штатнымъ смотрителемъ изъ губерніи второго, по окладу жалованья, разряда, въ губернію третьяго разряда. По правамъ воспитанія, онъ, какъ окончившій курсъ Харьковскаго университета со степенью дѣйствительнаго студента, стоялъ по службѣ въ привилегированномъ положеніи (§ 51 учеб. Устава 1828 г.). Какъ бы ни было, служба въ Ахтыркѣ ему не посчастливилась: при немъ видимо пріуналъ и престижъ штатнаго смотрителя, и престижъ самого училища. Ревизовавшій послѣднее, по порученію управлявшаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ, въ 1847 г., Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ Богаевскій, далъ о немъ такой нелестный отзывъ: „вообще учителя дѣйствуютъ на одну память; грубые пріемы и излишняя боязливость доказываютъ, что о нравственномъ образованіи ихъ мало заботятся“. Лично Гнилокишковъ также получалъ нотации. Почетный смотритель, А. Н. Лосевъ въ томъ же году ставилъ ему на видъ собственныя его „недѣятельность и нерадѣніе“ по доставкѣ нужной для представленія попечителю округа отчетности о состояніи и дѣятельности училища за 1846 и 1847 г. г. Отсылая таковую, Гнилокишковъ, объяснивъ, что „въ срочностяхъ, оставшихся отъ бывшаго штатнаго смотрителя о сихъ предметахъ отчетности ничего не упоминается“, съ своей стороны тоже замѣтилъ Лосеву: „Вы не поставили себѣ за трудъ

какъ сослуживецъ, написать мнѣ о томъ чего я, по вышесказаннымъ причинамъ, не зналъ, а рѣшились, вопреки всѣхъ правъ, обижать меня такими выраженіями, которыя, въ теченіе 18-ти лѣтней моей службы, не слыхалъ я и отъ самого начальства^а.

На этомъ, впрочемъ, кажется, и покончилъ нелады штатнаго смотрителя съ почетнымъ Гораздо труднѣе было Гнилокишкову возстановить на лучшемъ счету училище. Еще за шесть лѣтъ до него началось усиленное передвиженіе учителей съ мѣста на мѣсто, въ видахъ большаго матеріальнаго обезпеченія, такъ какъ штатное содержаніе ихъ, по переложеніи съ ассигнацій на серебро, особенно для семейныхъ, оказалось очень скуднымъ для удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей жизни, цѣнность которыхъ, въ свою очередь постепенно перелажаемая на серебро, все болѣе и болѣе стала повышаться. Только полная невозможность перейти на вышій окладъ временно удерживала нѣкоторыхъ на службѣ при училищѣ. Такъ, между прочимъ, изъ „дѣла объ учителѣ искусствъ Г. С. Матусевичѣ“ видно, что этотъ учитель не могъ съ удобствомъ прожить не только на одно штатное жалованье (75 р. 18 к. с.), но и съ прибавкою къ нему 60 р. въ годъ^{*)}, и когда ему директоръ училищъ предложилъ перемѣститься въ землю Донскаго Войска, гдѣ окладъ учителя искусствъ былъ въ 142 р. 82 к., отказался и поѣхалъ только по вызову на Кавказъ. При Гнилокишковѣ, правда, колебанія въ составѣ учителей нѣсколько было поулеглись, но энергія ихъ, тѣмъ не менѣе, была, повидимому, пассивнѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Численность учащихся упала на 12⁰/₀ (сред. — 44 учен. въ годъ); цифра успѣшности хотя и повысилась болѣе, чѣмъ на 2⁰/₀ (сред. 11⁰/₀) въ сравненіи съ порой смотрительства Водяницкаго, но, въ виду упомянутой ревизіи Богаевского, надо полагать, путемъ искусственнымъ — пониженіемъ требованія знаній. Доказательствъ противнаго мы, по крайней мѣрѣ, ни нашли ни въ отзѣвахъ другихъ ревизоровъ, ни въ журналахъ засѣданій педагогическаго совѣта, въ свою очередь, малочисленныхъ и болѣею частью малосодержательныхъ. 1845 годомъ закончилось, кажется, надолго веденіе „Историческихъ записокъ“ объ училищѣ, да и вообще съ этого года свѣдѣнія о внутреннемъ его бытѣ и объ отношеніи къ нему мѣстнаго общества становятся какъ то скуднѣе и отрывочнѣе. Добавить къ сказанному уже объ училищѣ за время смотрительства Гнилокишкова мы, поэтому, можемъ лишь немногое. При немъ въ городѣ Ахтыркѣ открылись два пансіона — Н. Юшкевичъ, въ 1846 г., и М. М. Оптовцевой впоследствии — Эфтимовичъ) съ 1847 г.; въ уездѣ — въ слоб. Боромлѣ школа для дѣвочекъ; предполагалось еще къ открытію въ Ахтыркѣ второе приходское училище, для котораго, однако, у города не нашлось средствъ. О заботахъ почетнаго смотрителя А. Н. Лосева

^{*)} На основаніи положенія Комитета Министровъ, Высочайше утвержденаго 14 дек. 1837 г., учителямъ чистописанія, черченія и рисованія дозволялось прибавка къ жалованью до 85 р. с. въ годъ (сбор. пост. по М. Н. П. т. III (1855—1864 г.) прилож. стр. 111.)

объ училищѣ известно только, что онъ иногда его визитировалъ и ежегодно уплачивалъ ему по 150 р. сер., а въ 1849 г., вѣроятно, на публичномъ экзаменѣ, пожертвовалъ одновременно 6 руб.

Въ этомъ году осуществилось и давнишнее желаніе П. М. Гнилокишкова служить въ Курской губерніи: онъ былъ перемѣщенъ штатнымъ смотрителемъ въ Дмитріевъ на Свапѣ, а въ Ахтырку его замѣстителемъ былъ назначенъ изъ Бѣлгорода Н. Р. Эфтимовичъ, тоже окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента. Назначеніе Эфтимовича штатнымъ смотрителемъ въ Ахтырку сопровождалось весьма сочувственнымъ отзывомъ о немъ бывшего его начальника, штатнаго смотрителя Бѣлгородскаго уѣзднаго училища, Ольховскаго. Приводимъ этотъ отзывъ дословно. „Высшее начальство, признавая васъ за достойнаго чиновника, наградило васъ повышеніемъ должности штатнаго смотрителя. Я же, съ своей стороны, за ваше усердное прохожденіе учительской должности, благородную держимость, симъ имѣю честь вамъ, м. г., изъявить мою совершенную благодарность, съ полною увѣренностію, что ваше новое назначеніе еще болѣе опредѣлитъ ту степень образованія, которую вы имѣете“. Съ разрѣшенія министра Народнаго Просвѣщенія, новому штатному смотрителю назначены были квартирные деньги въ годъ по 75 р., съ 1850 г. Во мартѣ 1850 же года Лосева по должности почетнаго смотрителя смѣнилъ 20 лѣтній кандидатъ-юристъ Харьковскаго университета, помѣщикъ Лебединскаго уѣзда, Н. А. Визмитиновъ. Эти двѣ новыя, свѣжія силы, ставши ближайшими кормчими училища, сулили, казалось бы, надежду на лучшее будущее. Но вышло иначе. Служба Эфтимовича въ Ахтырскомъ училищѣ была все время сизифовой работой, гнетущей и неблагодарной. Рѣдкій годъ проходилъ при немъ безъ перетасовки въ составѣ служащихъ: въ 1850 г. Толмачева смѣнилъ В. П. Колчановскій, Гиршберга, заступившаго мѣсто Матусевича въ 1849 г. при Гнилокишковѣ, — М. И. Охрѣменко; въ 1853 г. — Кулакова — В. В. Бернатовичъ, бывший учитель гимназіи, кандидатъ Харьковскаго университета; въ 1854 г. — Кузьменка — І. фонъ-Юргилевскій, кандидатъ Харьковскаго университета, въ томъ же году переведенный учителемъ латинскаго языка въ Новочеркасскую гимназію. Также непостояненъ былъ и составъ учащихся, число которыхъ то поднималось выше установленной обычной нормы, то падало болѣе, чѣмъ на 40% ниже ея, уменьшившись, благодаря такимъ колебаніемъ, въ среднемъ выводѣ на 7%, при средней цифрѣ успѣшности — 13%. Параллельно съ этимъ усиливалась противъ училища и конкуренція извнѣ: учениковъ отъ него отвлекали размножавшіеся къ тому времени частныя пансіоны, въ которыхъ вмѣстѣ съ дѣвочками обучались также и мальчики и къ числу которыхъ при Эфтимовичѣ добавилось 3: въ 1850 г. г-жи Юшкевичъ, въ 1853 г. — Т. Ф. Корнѣенко и А. Даценко, и школы частныхъ педагоговъ, содержимыя большей частью священно и церковно-служителями, которымъ съ этого года Высочайше повелѣно было дозволить обученіе дѣтей у себя на-дому, безъ особаго на то разрѣшенія министерства Народнаго Просвѣщенія. Насколько ощутительна была для училища конкуренція послѣднихъ, можно наглядно судить

по цифрѣ учащихся за 1853/4 учеб. годъ, поднявшейся болѣе, чѣмъ на 46% выше средней въ тѣ годы нормы, главнымъ образомъ потому, что ученики изъ духовнаго званія въ этотъ годъ составляли безъ малата 1/5 всего числа учащихся, чего равнѣе не бывало и что впоследствии случалось не часто.

Неизвѣстно, какіе результаты дало бы Ахтырское уѣздное училище, если-бы къ нему примѣненъ былъ 4 § отдѣла, носившаго рубрику „Помѣщеніе училищъ“ въ „Проекѣ правилъ, относящихся къ дисциплинѣ училищъ Харьковскаго учебнаго округа“. Въ этомъ §-ѣ значилось: „Ежели бы желающихъ поступить было болѣе, чѣмъ можно помѣстить, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ принимать тѣхъ, которые на вступительномъ экзаменѣ оказались лучше приготовленными; при равенствѣ знаній, дать преимущество дѣтямъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, потомственныхъ гражданъ, кунцовъ и наконецъ—свободныхъ податныхъ сословій; при равенствѣ же и познаній и происхожденія слѣдуетъ принимать по жребію“.

За исключеніемъ цифровыхъ данныхъ объ учащихся, въ архивѣ отъ времени смотрительства Эфтимовича осталось одно только свѣдѣніе, относящееся къ учебно-воспитательной части училища, именно—свѣдѣніе о распоряженіи св. Синода за 1850 г.—о доставленіи Духовному Правленію протокола о результатахъ экзаменовъ по Закону Божію. Кроме того, есть краткое упоминаніе о посѣщеніи училища въ 1851 г. Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ С. А. Кокошкинымъ, полковникомъ жандармовъ Рындинымъ и директоромъ училищъ Е. С. Шоннымъ. Изъ общихъ распоряженій учебнаго начальства на состояніе того времени проливаютъ нѣкоторый свѣтъ два циркуляра управлявшаго тогда Харьковскимъ учебнымъ округомъ С. А. Кокошкина: одинъ—о недозволеніи учителямъ въ учебное время проситься въ отставку и другое, предписывавшее директорамъ народныхъ училищъ „соблюсти, чтобы въ училищахъ собирались педагогическіе совѣты въ виду того, что штатные смотрители ограничиваютъ свою дѣятельность только письменною и хозяйственною частію (9 октября 1854 г.)“. Поскольку послѣдній могъ относиться къ Ахтырскому училищу, неизвѣстно.

При Эфтимовичѣ была открыта только одна сельская школа въ с. Деревкахъ. Вязмитиновъ оставался почетнымъ смотрителемъ по 1855 г.; за нимъ съ этого года числилась недоимка въ 200 р. Съ новымъ почетнымъ смотрителемъ, Н. П. Бразолемъ, кандидатомъ Харьковскаго университета, Н. Р. Эфтимовичъ прослужилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Замѣстителемъ Эфтимовича былъ В. П. Колчановскій, студентъ Харьковскаго Коллегіума, послѣдній могиканъ типа педагоговъ добраго стараго времени. Про него въ Харьковскомъ округѣ сложилась даже шуточная поговорка: „Такъ много служить, какъ Колчановскій“. И дѣйствительно, В. П. Колчановскій служилъ долго: при назначеніи учителемъ въ Ахтырское уѣздное училище, онъ имѣлъ уже на петлицѣ пряжку за XV лѣтъ, которыя протекли для него большою частію на службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства (служилъ учителемъ низшаго отдѣленія Старобѣльскаго духовнаго училища,

въ Купянскѣ—учителемъ духовныхъ училищъ, приходскаго и уѣзднаго), потомъ былъ нѣкоторое время учителемъ русскаго языка въ свѣтскомъ уѣздномъ училищѣ въ Старобѣльскѣ. Въ Ахтырскомъ онъ преподавалъ русскій языкъ съ 1850 по 1855 г., штатнымъ смотрителемъ былъ съ 1855 по 1862 г., затѣмъ вторично учителемъ русскаго языка съ 1865 по 1874 г., послѣдній разъ—два года подъ начальствомъ бывшаго своего ученика, И. Л. Шиманова. Ставши штатнымъ смотрителемъ, В. П. Колчановскій, по условіямъ того времени, оцутился въ круговоротѣ кипучей дѣятельности, требовавшей сложнаго труда и энергіи. Его компетенціи подлежали заботы: а) о подвѣдомыхъ ему, какъ штатному смотрителю, учебныхъ заведенійхъ; б) объ устройствѣ при Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ публичной библіотеки; в) объ открытіи въ г. Ахтыркѣ воскресной школы; г) объ учрежденіи дворянскаго училища и, наконецъ, е) о командировкѣ учителей на педагогическіе сѣзды въ Харьковъ. Само собой, вниманіе Колчановскаго, главнымъ образомъ, сосредоточивалось на первой и прежде всего—на уѣздномъ училищѣ. Послѣднее находилось при немъ въ нѣсколько неопредѣленномъ положеніи. Съ одной стороны какъ бы намѣчался нѣкоторый поворотъ къ улучшенію: учительскія мѣста мѣнялись сравнительно рѣже, новый преподаватель русскаго языка, замѣтившій Колчановскаго, А. В. Воронцовъ, оставался при училищѣ во всѣ годы его смотрительства, и только лишь по предмету исторіи и географіи при немъ какъ-то дѣло не ладилось—слѣдовали одинъ за другимъ учителя Г. Р. Котляровъ (1855—1856 г.), М. Н. Крамаревъ (1856 г.), И. А. Степановъ (1857—1859 г.), послѣ котораго вакансія осталась свободною; колебанія состава учащихся, въ свою очередь, тоже нѣсколько поулеглись, средняя численность ихъ возрасла почти на 15⁰/_о, успѣшность, въ среднемъ выводѣ, составила 10⁰/_о; но, съ другой стороны, во первыхъ, трудно рѣшить, настолько эти факты зависѣли отъ благопріятныхъ для училища условій, или насколько они были случайны, а во вторыхъ, самъ Колчановскій, очевидно, неособенно на нихъ заспокаивался. Когда въ Харьковскомъ учебномъ округѣ наводились справки о возможности назначить плату за ученіе, и Колчановскому, въ числѣ другихъ, предложено было высказать объ этомъ предметѣ свое мнѣніе, онъ далъ такой уклончивый отвѣтъ: возможно взимать не свыше 3 руб., „но въ такомъ только случаѣ, когда начальство Ахтырскаго духовнаго училища получитъ отъ своего духовнаго начальства запрещеніе, чтобы отнюдь никого не принимать въ оное, кромѣ дѣтей духовнаго вѣдомства“. Ясно, что конкуренція духовнаго училища въ сильной степени его обезпокаивала. Внѣшняя обстановка училища при немъ оставалась по старому: домъ требовалъ подновленій внутри и снаружи; послѣ сломки въ 1859 г. ветхаго хворостяного, крытаго, для экономіи, битую соломой, сарайчика, продавнаго съ публичныхъ торговъ за 2 р., на обширной усадьбѣ училища не оставалось ровно никакихъ службъ; только нѣкоторая часть ея, близъ училищнаго зданія занята была фруктовымъ садомъ, который своими трудами и на свои средства развелъ учитель М. И. Охрѣменко. Почему было такъ?—архивныя бумаги не даютъ объясненій; но что это не зависело отъ недостаточности средствъ, тому противорѣчиетъ

служать два факта—заемъ изъ училищныхъ суммъ 2.834 р. 73 к. с. Лебединскому уѣздному училищу въ 1858 г. и отсылка въ 1860 г. накопившихся при Ахтырскомъ остатковъ экономической и др. суммъ въ размѣрѣ 2.515 р. 71½ к. сер. въ департаментъ министерства Народнаго Просвѣщенія—для приобщенія къ „общему экономическому капиталу гражданскихъ учебныхъ заведеній“.

При Колчановскомъ въ Ахтырскомъ уѣздѣ было открыто только одно сельское училище—женская школа въ сл. Котельвѣ; въ Ахтыркѣ же—4 частныя пансіона—въ 1856 г. г-жи Полницкой и жены почтмейстера Крицкой, урожденной Гусаковской; въ 1857 г. Иоганны Лютцау и въ 1861 г. г-жи Шевцовой. На разѣзды по осмотрамъ школъ въ уѣздѣ, штатному смотрителю, съ 1859 г., выдавалось по 57 р. 14 к. с. ежегодно.

Идея объ учрежденіи публичныхъ библіотекъ въ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа принадлежитъ бывшему попечителю этого округа, П. В. Зиновьеву. По проѣкту, утвержденному министромъ Народнаго Просвѣщенія, положено было употреблять 300 р. въ годъ изъ экономическихъ (библіотечной, главнымъ образомъ) суммъ ежегодно на приобрѣтеніе лучшихъ новѣйшихъ сочиненій; книги выдавать на домъ два или три раза въ недѣлю, по усмотрѣнію штатнаго смотрителя, какъ завѣдующаго библіотекой, или по довѣрію, или подъ поручительствомъ для служащихъ ихъ начальства, или подъ поручительствомъ и отвѣтственностію училищныхъ чиновниковъ, или наконецъ со взятіемъ залога въ 5 р., плату за чтеніе взымать за годъ 3 р., за ½ года—2 р., за 4 мѣсяца—1 р. 50 к. вмѣстѣ съ книгами, выписываемыми собственно для публичной библіотеки, должны были выдаваться желающимъ также и книги изъ фундаментальной библіотеки. Дальнѣйшее расширеніе дѣйствій публичной библіотеки предоставлялось инициативѣ частныхъ жертвователей. Подробныя свѣдѣнія о существовавшей при Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ публичной библіотеки въ архивѣ мы не отыскали.

Существовала ли воскресная школа при Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что командиру квартировавшей въ Ахтыркѣ № 3 батареи, въ Высочайшаго соизволенія, начальникъ дивизіи въ 1862 г. разрѣшилъ открыть такую при подвѣдомой ему батарее; но была ли она тамъ открыта, по архивныхъ бумагамъ тоже не видно. Упоминается только, что въ то время С. С. Марковъ пожертвовалъ было на воскресную школу единовременно 50 р. и что за неизрасходованіемъ этихъ денегъ жертвователь просилъ употребить ихъ на выписку книгъ въ библіотеку училища.

Объ открытіи въ Ахтыркѣ дворянскаго училища хлопоталъ въ 1860 г. предводитель дворянства Ахтырскаго уѣзда, генераль-маіоръ П. Л. Шрейдеръ. Оно, какъ видно изъ проѣкта педагогическаго совѣта Ахтырскаго уѣзднаго училища, долженствовало состоять изъ двухъ отдѣленій, мужскаго и женскаго. Подробно бюджета ихъ педагогическій совѣтъ не обсуждалъ, ограничивались только смѣтой по вознагражденію преподавателей за уроки. Это училище дальше проѣкта не пошло.

Вопросъ о педагогическихъ съѣздахъ учителей уѣздныхъ училищъ въ Харьковѣ для Ахтырскаго уѣзднаго училища тоже ограничился,

кажется, одною лишь перепискою по поводу его. По крайней мѣрѣ, въ архивѣ училища нѣтъ никакихъ указаній на фактическую командировку съ этою цѣлю Ахтырскихъ учителей въ Харьковъ.

Во времени смотрительства Колчановскаго относится введеніе въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ новыхъ штатовъ по возвышенному окладу. Мотивируя чрезвычайную необходимость этого мѣропріятія, министръ Народнаго Просвѣщенія въ „Пояснительной запискѣ къ проекту штатовъ гимназій и уѣздныхъ училищъ“, Высочайше утвержденному 17 апр. 1859 г., примѣнительно къ служащимъ въ уѣздныхъ училищахъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „никакія распоряженія и требованія правительства объ улучшеніи положенія учебныхъ заведеній не достигнуть желаемой цѣли ни въ учебномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, доколѣ не будутъ улучшены вещественные способы сихъ заведеній и въ особенности училищныхъ чиновниковъ, коимъ ввѣряется правительствомъ важная обязанность общественнаго образованія и воспитанія юношества. Новые штаты дали уѣзднымъ училищамъ губерній третьяго разряда бюджетъ въ 2225 р., въ коемъ итогъ всего оклада служащихъ составляетъ 1.650 р. Въ концѣ протекшаго вѣка уѣздныхъ училищъ, эти штаты пережили свыше трехъ десятилѣтій и давно уже опережены дороговизною жизни, прогрессирующею съ каждымъ годомъ. За годъ раньше ихъ введенія состоялось другое правительственное распоряженіе — о вознагражденіи полнымъ окладомъ жалованья учителей, исправляющихъ вакантныя преподавательскія должности.“

По инициативѣ бывшего инспектора 2 Харьковской гимназіи А. Ф. Сценуры, въ 1861 г., между учителями гимназій и уѣздныхъ училищъ Харьковской губерніи, состоялось соглашеніе отчислять изъ жалованья 1% для составленія капитала на воспитаніе дочерей недостаточныхъ преподавателей сихъ учебныхъ заведеній. Теперь сборъ на этотъ предметъ не существуетъ. Учители Ахтырскаго уѣзнаго училища при Колчановскомъ и нѣкоторое время послѣ него участвовали въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ.

Н. П. Бразоль служилъ почетнымъ смотрителемъ училища только по 1857 г. Послѣ него почетнымъ смотрителемъ былъ съ 1857 по 1862 г. И. Н. Ковалевскій, близкій родственникъ тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія, Е. И. Ковалевскаго.

Въ періодъ смотрительства преемника В. П. Колчановскаго, И. А. Степанова (1862—1869 г.) въ училищѣ было: 3 законоучителя-прот. А. А. Поповъ, свящ. Ф. И. Доброславскій (исправ. долж.) и свящ. В. А. Поповъ, 2 учителя русскаго языка—В. С. Гнилосыровъ (1862—1864 г.) и В. П. Колчановскій (съ 1865 г.), 3 учителя ариѳметики и геометріи—С. М. Неклюдовъ (1862—1866 г.), В. О. Бородаевскій (1866—1868 г.) и А. Л. Левшинъ (исправ. долж. съ 1868 г.) и 4 учителя исторіи и географіи—Н. П. Кошѣйчиковъ (1863—1864 г.), Ковалевскій (1864 г.), В. Болдыревъ (1865 г.) и И. Л. Шимановъ (съ 1865 г.).

Подъ 1866 и 1867 гг. при училищѣ упоминаются дополнительные курсы. Въ нихъ преподаватели тоже мѣнялись. Латинскому языку обучалъ въ 1866 г. прот. А. А. Поповъ, а въ 1867 г.—В. П. Колча-

вовскій, французскому въ 1866 г. И. Л. Шимановъ, а въ 1867 году И. А. Степановъ; одна лишь естественная исторія оба года оставалась за В. О. Бородаевскимъ. Уроковъ въ дополнительныхъ курсахъ было для II класса 3 въ недѣлю, для III—1 въ недѣлю. Вознаграждались уроки 100 руб. въ годъ каждому преподавателю, сверхъ того учитель М. И. Охрѣменко за обученіе латинской и французской каллиграфіи получалъ 50 р. въ годъ.

И. А. Степановъ возстановилъ порядокъ надзора за учащимися въ училищѣ и виѣ училища. Въ его время средняя цифра учащихся была 45, успѣшность ихъ въ наукахъ 12⁰/₀. Въ 1866 г. онъ хлопоталъ предъ городскимъ обществомъ объ учрежденіи въ Ахтыркѣ ремесленнаго училища, на городское общество отказалось дать средства училищу, и оно не было открыто. Въ уѣздѣ, при его участіи, открыто было 11 школъ: съ 1863 г. въ с. Тростянцѣ, Камянкѣ (вторично) и хут. Высокомъ, съ 1865 г. въ Лутищахъ, Журавномъ, Чернетчинѣ, Семеренькахъ, Пушкарномъ, съ 1866 г.—въ Млинкахъ, Покровскомъ, Самотоевкѣ; подъ 1866 г. упоминается еще частная школа дьячка Звѣрева въ сл. Боромлѣ. Въ городѣ также возрастало число пансіоновъ, было основано г-жею Иванѣвой четырехклассное дѣвичье училище, просуществовавшее, впрочемъ, въ этой фазѣ около 3 лѣтъ: въ 1868 г. Иванѣва просила разрѣшенія Ахтырскаго уѣзднаго училищнаго совѣта переименовать ея заведеніе въ приходское училище по той причинѣ, что программа языковъ „не вполне можетъ быть примѣнима къ дѣлу воспитанія и есть препятствія со стороны родителей, которые не желаютъ обучать дѣтей ни языкамъ, ни исторіи и географіи“. Почетными смотрителями послѣ И. Н. Ковалевскаго были при Степановѣ кн. В. В. Голицынъ (1862—1867 г.) и Ф. С. Романовъ (1867—1869 г.). Съ 1869 по 1872 г. штатнымъ смотрителемъ былъ В. О. Бородаевскій. Въ короткій срокъ его службы въ Ахтыркѣ, уѣздное училище замѣтно оправилось послѣ постигшихъ его съ 1845 г. передрыгъ: средняя цифра учащихся при немъ была 62, средней ⁰/₀ успѣховъ почти 15⁰/₀. При немъ было только двѣ смѣны въ составѣ преподавателей: законоучителемъ, вмѣсто о. В. Попова, былъ назначенъ, въ 1872 г., прот. А. А. Поповъ, вмѣсто Левшина, по предмету ариѳметики и геометріи И. О. Бородаевскій. Къ нуждамъ училища въ его время общество стало относиться болѣе чутко: помѣщикъ Сумскаго уѣзда Н. Д. Кондратьевъ, въ 1871 г. на своемъ иждивеніи содержалъ 4 учениковъ на квартирѣ у учителя М. И. Охрѣменка; другой помѣщикъ, Н. М. Кошура-Масальскій, платилъ за ученіе недостаточныхъ учениковъ по 7 р. 50 к. въ годъ. Стараніемъ В. О. Бородаевскаго, при городскомъ приходскомъ училищѣ въ Ахтыркѣ учреждена была должность почетнаго блюстителя, которую принялъ на себя купецъ З. И. Виноградовъ. Изъ частныхъ учебныхъ заведеній при Бородаевскомъ были открыты 2 пансіона—въ Ахтыркѣ В. И. Тарѣевой и въ уѣздѣ—въ с. Пожиѣ вдовой полковника М. Бѣлогородовой, оба съ 1870 г. Какъ въ Харьковѣ въ бывшее время, педагогическій совѣтъ Ахтырскаго уѣзднаго училища, по случаю немовѣрной гризи съ 18 по 22 ноября 1869 г. назначалъ „грязные каникулы“,—„дабы дать возможность ученикамъ обзавестись

въ теченіе этого времени, покрайней мѣрѣ, обувью“. Предположено было, ежели морозъ не скрѣпитъ почвы, продлить „каникулы“ и на болѣе продолжительный срокъ. Отмѣчаемъ этотъ, съ виду маловажный, фактъ, потому что въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ, какъ въ Ахтыркѣ, улицы на шоссированы, а тротуары земляные, онъ въ пору осенней распутицы и вообще подъ слякоть пріобрѣтаетъ грозное значеніе: не только неприятна и крайне убыточна для одежды и обуви ходьба тогда по улицамъ, но сопряжена и съ большою опасностію для здоровья отъ простуды и въ случаѣ увязанія въ глубокихъ топяхъ или паденія въ нихъ, особенно для дѣтей. Грязныя каникулы, по этому, едва-ли менѣе необходимы, чѣмъ роспуски учащихся на время морозовъ свыше 22° R.

Годы смотрительства И. Л. Шиманова были для Ахтырскаго уѣзднаго училища годами тяжелой борьбы съ неблагоприятными обстоятельствами, какихъ училище никогда, ни до него, ни послѣ не испытывало. Достаточно сказать, что при немъ было 17 смѣнъ учащаго персонала: по русскому языку 5: В. П. Колчановскій (по 1874 г.), А. Д. Твердохлѣбовъ (1874—1880 г.) П. Сикорскій (1881 г.) С. Чернышевъ (1881—1882 г.), Ф. Фоминъ (1882—1883 г.), по ариѳметикѣ и геометріи 6: И. О. Бородаевскій (по 1874 г.), А. И. Петренко (1874—1875 г., непр. д.), С. А. Сербиновъ (1875 г.), С. К. Степаненъ (1875—1879 г.), Я. А. Сукачевъ (1879—1881 г.), И. И. Чернишскій (съ 1881 г.), по исторіи и географіи 5: Матвѣевъ (1872 г.), П. Свирчевскій (1873—1874 г.) Д. И. Власовъ (1874—1875 г.)—все три—исправляли должность, М. К. Бурого-Троицкій (1875—1880 г.), П. М. Подпрятовъ (съ 1880 г.); въ 1875 г. выбылъ учитель искусствъ М. И. Охрѣменко и послѣ него мѣсто 15 лѣтъ остается вакантнымъ. Но этого мало. При немъ училище сильнѣе, чѣмъ когда либо, несло на себѣ гнетъ конкуренціи до 1874 г. съ духовнымъ училищемъ, куда, по причинѣ лучшей карьеры, впереди и одинаковой платы за ученіе, стремились многіе не только изъ духовнаго, но изъ другихъ званій; съ 1874 г.—со стороны мужской прогимназіи, которая отвлекала и продолжаетъ отвлекать отъ училища дѣтей достаточныхъ родителей, да и вообще дѣтей, мало-мальски способныхъ къ ученію, не говоря уже о надѣленныхъ выдающимися способностями. Рядомъ съ этимъ, отвлекающимъ образомъ на составъ учащихся стали дѣйствовать и продолжаютъ дѣйствовать ближайшія къ Ахтыркѣ профессиональныя школы, вліяніе которыхъ на уменьшеніе числа учениковъ въ школахъ общеобразовательныхъ со временемъ, надо думать, еще болѣе усилится. Естественны отсюда тѣ колебанія въ контингентѣ учащихся, которыя наблюдались въ училищѣ въ періодъ съ 1872 г. по 1882 г., а отчасти наблюдаются и теперь. При всемъ этомъ, среднія цифры за тотъ періодъ не были низки, среднее число учениковъ было 47, средней 0/о успѣшности 140/о. Въ 1876 г. введено было при училищѣ церковное пѣніе, первымъ преподавателемъ коего былъ учитель М. К. Бурого-Троицкій.

Нѣсколькими годами ранѣе И. Л. Шимановъ, при помощи учителей В. П. Колчановскаго и М. И. Охрѣменка, привелъ въ порядокъ училищныя бібліотеку и архивъ; надъ послѣднимъ особенно много было

труда, такъ какъ описи его были утеряны и пришлось заводить новыя, дѣла большею частію разрознены, а нѣкоторые даже валялись, какъ ненужный хламъ, въ чуланахъ и на чердакѣ. Домъ училища, частично подновлявшійся до 1880 г., въ этомъ году былъ капитально отремонтированъ внутри и снаружи; во дворѣ усадьбы заново выстроены необходимыя службы—изъ прочнаго матеріала, крытыя желѣзомъ. Сама усадьба, однако, значительно уменьшилась: большая половина ея, съ разрѣшенія министра Народнаго Просвѣщенія, гр. Д. А. Толстаго, въ 1874 г. была уступлена мужской прогимназіи. И. Л. Шимановъ былъ послѣдній штатный смотритель, вѣдавшій, кромѣ уѣзднаго училища, учебныя заведенія въ городѣ и въ уѣздѣ. Въ его время въ Ахтырѣ существовалъ частный пансіонъ Л. К. Залѣской, бывшей потомъ начальницей Ахтырской женской прогимназіи, открытой въ 1875 г. При В. О. Бородаевскомъ и И. Л. Шимановѣ почетнымъ смотрителемъ Ахтырскаго уѣзднаго училища состоялъ Е. С. Анненковъ.

Въ первые годы завѣдыванія училищемъ нынѣшняго штатнаго смотрителя, Е. Д. Пріймука, смѣнили: законоучителя прот. А. А. Попова свящ. В. П. Хижняковъ (съ 1883 г.), учителя русскаго языка Ѳомина—М. П. Боровиковъ, по ариметикѣ и геометріи было 3 учителя въ 1884 г.—И. И. Черницкій, А. Е. Кублицкій и И. Г. Ковалевскій служащій и въ настоящее время; въ 1886 г. выбылъ учитель исторіи и географіи П. М. Подпрятковъ. Его вакансію, равно какъ вакансію учителя чистописанія, черченія и рисованія теперь занимаетъ штатный смотритель. Кромѣ того, преподаютъ: церковное пѣніе—регентъ Николаевской церкви К. Т. Михайловъ, гимнастику—штабсъ-капитанъ А. Я. Криницкій, искусство барабаннаго боя—рядовой Бойко. Вознагражденіе за обученіе пѣнію, гимнастикѣ по 1¹/₂ руб. за урокъ, за обученіе барабанному бою—50 к. Каждый изъ обучающихся этимъ предметамъ даетъ въ недѣлю по 3 урока. Кромѣ классныхъ занятій, ученики аккуратно каждый день, до начала уроковъ, по очереди, читаютъ утреннія молитвы и поютъ хоромъ: „Достойно есть“, „Спаси, Господи, люди твоя“, тропарь Ахтырской иконѣ Богоматери и молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія. По особому распоряженію г. директора народныхъ училищъ Харьковской губерніи, Н. Г. Жаворонкова, передъ воскресными, праздничными и высоко-торжественными днями въ актовомъ залѣ законоучителемъ о. Василіемъ Хижняковымъ совершается всенощное бдѣніе при пѣніи хора учениковъ училища подъ управленіемъ регента. Необходимая обстановка для всенощнаго богослуженія, какъ-то: кіотъ съ изображеніемъ иконы Ахтырской Богоматери, богослужебныя книги, облаченіе священника, одежда аналоя и проч. частію сдѣланы на спеціальныя средства училища, частію на пожертвованія благотворителей. Почетнымъ смотрителемъ училища съ 1884 г. состоитъ докторъ медицины, Л. Е. Бразоль. Сверхъ ежегоднаго пожертвованія училищу въ 300 р., Л. Е. Бразоль израсходовалъ изъ своихъ средствъ 200 руб. на сооруженіе гимнастическихъ снарядовъ неподвижныхъ и подвижныхъ.

Средняя на годъ цифра учащихся за періодъ съ 1883 по 1890 г. включительно 43, средней 0/0 успевающихъ 140/0. Съ 1889 г. въ

аттестатовъ ученикамъ двухкласснаго уѣзднаго училища отъ нынѣшнихъ разиствуеть въ томъ, что въ нихъ не упоминается о правахъ прошедшихъ полный его курсъ на государственную службу. Форма свидѣтельствъ малаго народнаго училища въ архивѣ не сохранилась.

Объ источникахъ и размѣрѣ расходовъ на публичные экзамены тоже нѣтъ въ архивѣ свѣдѣній. Въ 1834 г. отмѣнено было взиманіе: 28 к. за похвальный листъ, 25 коп. за похвальную книгу и 2 коп. за пригласительный билетъ; по другому извѣстію, въ 1828 г. уплачивали за похвальный листъ 40 к., за пригласительный билетъ—10 к.; но куда шли эти сборы—неизвѣстно. Въ 1827 г. по уѣзднымъ училищамъ разосланъ былъ циркуляръ Харьковскаго училищнаго комитета—„чтобы при торжественныхъ собраніяхъ, бывающихъ въ училищахъ, вовсе не было употребляемо суммы училищной на угощеніе публики“; однако, министръ Народнаго Просвѣщенія въ 1833 г. разрѣшилъ расходовать на этотъ предметъ до 30 руб.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, средняя цифра окончивавшихъ курсъ въ училищѣ съ 1820 по 1890 г. включительно была 5,5. Колебанія числа учащихся и $\%$ успѣшности представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Г о д ы.	Число учащихся.		$\%$ успѣшности.	
		maxim.	minim.	maxim.	minim.
При Тарановскомъ	18 ¹⁹ / ₂₀ —183 ³ / ₄	58	34	34 ⁰ / ₀	7 ⁰ / ₀
„ Водяницкомъ	183 ⁴ / ₅ —184 ⁴ / ₅	66	39	16 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀
„ Гнилокишковѣ	184 ⁵ / ₆ —184 ⁸ / ₉	57	29	18 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀
„ Эфтимовичѣ	18 ⁴⁹ / ₅₀ —185 ⁴ / ₅	60	27	17 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀
„ Колчановск.	185 ⁵ / ₆ —186 ¹ / ₂	58	33	17 ⁰ / ₀	6 ⁰ / ₀
„ Степановѣ	186 ² / ₃ —186 ⁸ / ₉	57	38	16 ⁰ / ₀	7 ⁰ / ₀
„ Бородаевск.	186 ⁹ / ₁₀ —187 ¹ / ₂	69	57	17 ⁰ / ₀	13 ⁰ / ₀
„ Шимановѣ	187 ² / ₃ —188 ² / ₃	74	22	23 ⁰ / ₀	7 ⁰ / ₀
„ Пріймукѣ	188 ³ / ₄ —188 ⁹ / ₁₀	55	32	23 ⁰ / ₀	9 ⁰ / ₀

По сословіямъ учащіеся въ двухклассномъ уѣздномъ училищѣ распределяются такъ (съ 18¹⁹/₂₀ по 183³/₄ г.):

	Двор.	Купц.	Мѣщ.	Цехов.	Войск. об.	Пом. кр.	Солд. д.	Однодв.	Двѣоч.
Нижнее отдѣлен.	57 ⁰ / ₀	3 ⁰ / ₀	10 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀	11 ⁰ / ₀	0,1 ⁰ / ₀	10 ⁰ / ₀
I и II классы	68 ⁰ / ₀	3 ⁰ / ₀	13 ⁰ / ₀	0,4 ⁰ / ₀	12 ⁰ / ₀	1 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀	„	6 ⁰ / ₀

Въ трехклассномъ: дворянъ 38⁰/₀, город. сословіи 34⁰/₀, сельскихъ 23⁰/₀, духовныхъ 3⁰/₀, иностранцевъ 0,2⁰/₀.

Въ первые годы по преобразованіи училища въ трехклассное, жителей въ городѣ и уѣздѣ числилось обоюго пола 91.471 д., мужч. 45,156, женщ. 46,815; въ 1890 г. обоюго пола 124,217 д., мужч. 58,284, женщ. 65,933, что, круглымъ счетомъ, даетъ отношенія.

Въ 183⁴/₅ г. 188⁹/₁₀ г.

Къ числу всего населенія уѣзда 1: 153 1: 412

Къ числу мужскаго населенія 1: 73 1: 190

т. е. въ 1890 г. отношеніе цифры учениковъ училища къ цифрѣ населенія Ахтырскаго уѣзда почти въ 3 раза меньше, чѣмъ было въ 1835 году.

Перевѣсъ 1835 г. надъ 1890 г., впрочемъ, условный: съ одной стороны, неизвѣстно, сколько въ 1835 г. было въ училищѣ учениковъ, жителей Ахтырскаго уѣзда, сколько изъ сосѣднихъ уѣздовъ, а съ другой — нельзя также не брать въ расчетъ, что назадъ тому 55 лѣтъ въ районѣ Ахтырскаго уѣзда несравненно меньше было учебныхъ заведеній, отвлекающихъ учениковъ отъ училища, чѣмъ теперь.

Оканчивавшіе курсъ малаго народнаго училища болѣею частію переходили въ главное народное училище, а изъ двухкласснаго уѣзднаго въ гимназію; но не мало было и такихъ, которые, окончивъ курсъ, или выбывъ изъ училища до окончанія курса, если лѣта и права позволяли, шли на государственную службу, гражданскую и военную. Особенно много отвлекъ учениковъ отъ училища въ періодъ отечественной войны и въ послѣдующія нѣсколько лѣтъ вызовъ юношества въ кадетскіе корпуса по Высочайшему рескрипту 10 октяб. 1807 г. Изъ сословій, не пользующихся правами государственной службы, обанчивали курсъ сравнительно немногіе. Техника и сельское хозяйство прямо, кажется, не воспользовались ни однимъ ученикомъ училища, хотя въ томъ и настояла надобность. Въ архивѣ отъ 1798 г. случайно залежался манускриптъ, въ коемъ мы прочли: „Въ г. Ахтыркѣ и въ уѣздѣ жители занимаются: управленіемъ имѣній своихъ, винокурениемъ, куницы и мѣщане торговлею краснымъ, желѣзнымъ и др. мелкимъ товаромъ, цеховые — ремеслами, войсковые обыватели — хлѣбопашествомъ“. А между тѣмъ не только въ Ахтыркѣ съ уѣздомъ, но и въ цѣлой Слободско-Украинской губерніи въ 1807 г. не оказалось мастера, умѣющаго дѣлать печати, и Войновичъ таковую въ этомъ году вынесалъ для училища изъ Тулы отъ оружейнаго мастера Терентія Жилина, заплативъ за нее съ пересылкой 6 руб.

Во всѣ три эпохи роль училища была по преимуществу — общеобразовательная. Въ этомъ отношеніи оно принесло безспорныя выгоды отечеству: питомцы его явились впоследствии выдающимися дѣятелями на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной службы и въ жизни чисто практической. Многіе, пройдя потомъ гимназію и университетъ, получили извѣстность въ наукѣ и литературѣ. Профессора Бейеръ и Е. С. Гордѣнко начали свое ученіе въ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ.

Кромѣ дополнительныхъ курсовъ, упомянутыхъ выше, до 50 годовъ истекающаго XIX в. ученики подготовлялись въ среднія учебныя заведенія на дому у смотрителей и учителей уѣзднаго училища. Въ пору двухкласснаго училища пансіонеры давали солидное подспорье скуднему учительскому бюджету. У Тарановскаго, напр., какъ видно изъ переписки объ его пансіонѣ, 6 учениковъ приносили въ годъ 700 р. валоваго дохода — сумма, при тогдашней дешевизнѣ на всѣ предметы потребленія, довольно значительная. До 1814 г. съ учителей за пансіонеровъ взымалось въ казну по 5% съ рубля доходности. Въ этомъ году министръ народнаго просвѣщенія, гр. Г. К. Разумовскій разъяснилъ, что 5% не должны уплачивать: „1) учителя, которые получаютъ плату не за ученіе, а за квартиру только; 2) тѣ, кои сами живутъ съ учениками на квартирѣ и отъ нихъ получаютъ содержаніе и пла-

ту за присмотръ; 3) тѣ, кои живутъ у родителей въ домахъ для обученія дѣтей и за то получаютъ содержаніе или плату; 4) тѣ, кои сами ходятъ въ дома для ученія по часамъ, получая не деньги, а провизію; 5) смотрители, имѣющіе у себя пансіонеровъ“.

Въ число учащихся при училищѣ ивогда допускались и вольнослушатели. Одинъ изъ таковыхъ, Петръ Ковалевскій, значится въ спискахъ учениковъ за 1816 г. Въ предисловіи къ настоящему очерку мы назвали училище первымъ, по времени, регуляторомъ народнаго образованія въ Ахтырскомъ уѣздѣ. Оно было, кромѣ того, и единственною официальной школой въ этомъ районѣ по 1819 г., до открытія въ г. Ахтыркѣ духовнаго училища, такъ какъ сельскія школы, учрежденныя съ 1812 г. въ сл. Боромлѣ и Котельвѣ и затѣмъ въ Краснополѣ, носили только названіе правительственныхъ школъ, а въ сущности были просто приватными. Первенствующая роль уѣзднаго училища въ Ахтырскомъ уѣздѣ продолжалась до учрежденія въ Ахтыркѣ прогимназій. Съ того времени оно стало ступенью ниже. Опытъ, однако, убѣждаетъ, что живучесть его, не взирая на неблагопріятно слагавшіяся для него внѣшнія обстоятельства, не изсякла еще и что ему въ будущемъ предстоитъ производительный трудъ на мало разработанной еще нивѣ народнаго образованія.

Согласно устава 1786 г. въ административномъ отношеніи уѣзныя училища, наравнѣ съ другими учебными заведеніями, первоначально были подчинены вѣдѣнію Главнаго Правленія училищъ. Въ губерніяхъ ихъ вѣдали генераль-губернаторъ и Приказъ Общественнаго Призрѣнія, предѣвателемъ котораго былъ губернаторъ. Директоръ училищъ былъ членомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, какъ представитель собственно по учебной части. Приказъ Общественнаго Призрѣнія въ цѣлой губерніи, а городскія думы—по мѣсту нахождения уѣздныхъ училищъ—контролировали счетную ихъ часть. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 г., надзоръ за училищами въ учебныхъ округахъ переданъ былъ училищнымъ комитетамъ при университетахъ. Въ 1835 г. училищные комитеты были упразднены, и окружные инспекторы вмѣстѣ съ дирекціею училищъ были подчинены власти попечителей учебныхъ округовъ. Уѣзныя училища Харьковской губерніи изъяты изъ вѣдѣнія директора губернской гимназій и подчинены директору народныхъ училищъ въ 1874 г. Съ этого же года прекратилось и наблюденіе штатныхъ смотрителей надъ народными школами.

Слободско-Украинская дирекція училищъ переименована въ Харьковскую 17 января 1836 г.

А. Д. Твердохлѣбовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Ордеръ Слободско-Украинскаго губернатора Пашкова Криницкому отъ 11 февраля 1790 г.

„Приказъ общественнаго призрѣнія приуготовился вынѣ къ открытію народныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ г. Ахтыркѣ, а потому, на основаніи Высочайшаго народнымъ училищамъ Устава ст. 64, проэкзаменованные при главномъ народномъ училищѣ въ учебномъ способѣ учителя, съ принадлежащими до малаго народнаго училища книгами, при семъ въ Ахтырку отправляются. Вамъ рекомендую, по существу вашей должности, принимать стараніе въ приуготовленіи всего потребнаго къ открытію училища, о чемъ отъ учителей вамъ представлено будетъ. Учитель Леонтій Бондаревъ обучать будетъ всѣмъ предметамъ 2 класса, учитель Иванъ Тарановскій — всѣмъ предметамъ 1 класса, какъ въ данныхъ имъ отъ Приказа общественнаго призрѣнія аттестатахъ изображено. Касательно же обученія рисованію оба учителя попеременно, или одинъ другому спомоществуя, должны обучать классъ рисовальный, а потому, раздѣляя поровну труды, имѣютъ получать: Бондаревъ по 200 р., а Тарановскій по 130 р. въ годъ. Жалованье же производить имъ по третямъ года, начавъ съ сего февраля съ 11 числа“.

2. Церемоніаль торжества по случаю открытія въ г. Ахтыркѣ двух-класснаго уѣзднаго училища.

1) Торжественное открытіе сего училища совершится имѣть въ 16 день декабря 1806 г. Почетные чины приглашены будутъ чрезъ программы. 2) Въ назначенный день въ 8 ч. утра ученики и учителя собираются въ училищный домъ, гдѣ въ приличномъ мѣстѣ находится Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомымъ университетамъ. Отряженный для открытія училища членъ прочитываетъ приличные пункты изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, послѣ чего начинается, для выслушанія литургіи въ соборной церкви, при колокольномъ звонѣ, въ 9 ч. церемоніальное шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: учитель нижняго отдѣленія съ своими учениками по два въ рядъ, учитель I класса съ учениками, а также и учитель II класса отдѣльно одинъ отъ другаго, смотритель училища, членъ, отряженный къ открытію и его ассистентъ, учитель II класса. При входѣ въ церковь,

въ которую собрались чиновники присутственных мѣстъ, дворянскій уѣздный предводитель съ дворянствомъ, градской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ, протоіерей Яновскій, по силѣ даннаго отъ преосвященнаго Христофора, епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго и св. Анны I ст. кавалера, предписанія, окропляетъ ходъ св. водою и начинаетъ совершать литургію соборомъ; предъ окончаніемъ оной произносится слово, приличное празднеству, потомъ совершается молебень о здравіи и долгоденствіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго дома.

Начинается обратное шествіе въ училищный домъ при колокольномъ звонѣ:

1) вышеозначенный ходъ, 2) протоіерей съ духовенствомъ въ крестномъ ходѣ, 3) г. уѣздный судья съ градскими чиновниками, 4) уѣздной предводитель дворянства съ дворянами, 5) градской голова съ купцами и мѣщанствомъ и сопровождаетъ ихъ ходъ съ цеховыми ихъ значками, 6) по прибытіи въ училищный домъ читаетъ священникъ приличную рѣчь; 7) въ домѣ училищномъ совершается водоосвященіе и въ свое время смотритель, учителя и ученики подходятъ ко кресту, а наипаче во время пѣнія приличныхъ стиховъ, и назначенный отъ протоіерея священникъ окропляетъ училище святою водою; 8) произносится краткая рѣчь, приличная сему времени, прочитывается предписаніе объ учрежденіи уѣзднаго Ахтырскаго училища, а также о чинахъ, для онаго утвержденныхъ, и о цѣли его заведенія; 9) приглашаются I и II классовъ и нижняго отдѣленія учениковъ; потомъ учитель читаетъ рѣчь о воспитаніи и пользѣ наукъ; 10) діаконъ приглашаетъ многолѣтіе Царствующему Дому; 11) духовенство возвращается въ церковь съ ходомъ; 12) городничій, духовенство, дворянство и купечество угощаетъ обѣденнымъ столомъ. 13) На другой день въ училищѣ начинается ученіе въ присутствіи члена, отряженнаго отъ училищнаго комитета и многихъ разнаго званія посѣтителей.

3. Циркулярное предложеніе директора училищъ Слободско-Украинской губ. отъ 3 дек. 1822 г.

„Осматривая нѣкоторыя уѣздныя училища, я къ соображенію моему нашелъ оныя совершенно не въ томъ видѣ, въ коемъ имъ надлежитъ быть. Ревизуя оныя въ первый еще разъ я не хочу указывать именно, гдѣ таковыя безпорядки найдены мною, давая время исправить оныя, въ противномъ же случаѣ буде и за симъ найду училища не въ надлежащемъ устройствѣ, то не промину взыскать съ виновныхъ по всей строгости законовъ, опубликовавъ притомъ о таковыхъ ослушныхъ, лѣнивыхъ и нерадивыхъ по всей губерніи.

Главнѣйшіе неурядки и неурюстройства въ училищахъ сихъ суть слѣдующіе:

1) Неопрятность и нечистота въ училищныхъ классахъ найдена мною въ высшей степени: полы не только никогда не моются, но и комнаты не выметены, стѣны и потолки не выбѣлены, окна побиты и зачине- ны самымъ неопрятнымъ образомъ, печи въ иныхъ почти развалившіяся,

однимъ словомъ, классныя комнаты пришли до того состоянія, что нимаго не походи на святилище наукъ.

2) За приходящими въ классы учениками нѣтъ никакого надзору и взысканія, ибо замѣчено мною, что иные ученики не умыты, волосы не чесаны, платье оборвано, да и самые учителя, кои должны быть примѣромъ ученикамъ, одѣты самымъ неприличнымъ званію ихъ образомъ.

3) Всѣ сіи безпорядки происходятъ отъ небреженія о должности гг. штатныхъ смотрителей, почему я имъ приписываю настрожайше обратить вамъ на все сіе особенное вниманіе; въ противномъ случаѣ я взыщу со всею строгостію, ибо вы имѣете всѣ способы и средства содержать училища въ наилучшемъ порядкѣ; тѣ же изъ нихъ, кои не хотятъ, или не могутъ сего дѣлать пусть заблаговременно удаляются отъ самыхъ мѣстъ: я найду людей, кои поставятъ себѣ священнѣйшею обязанностію приложить все свое стараніе исполнять имъ порученное въ должномъ устройствѣ и порядкѣ.

4) Учителя къ смотрителямъ не имѣютъ должнаго уваженія послабляя, какъ видно, другъ другу въ своихъ обязанностяхъ, они совершенно искажаютъ благотворительныя сіи заведенія попечительнаго нашего правительства.

5) Ученики худо успѣваютъ во всѣхъ наукахъ вообще это, какъ видно, отъ того, что гг. учителя мало занимаются своею должностію, а смотрители часто на долго отлучаются — сего терпимо быть не должно, ибо обязанность смотрителя быть ежедневно въ классахъ и не только наблюдать, чтобы учителя всенепремѣнно были въ свои часы въ классѣ, но чтобы дѣйствительно занимались во время оныхъ преподаваніемъ предписанныхъ наукъ, а не забавлялись бы шалостями учениковъ, какъ я нѣкоторыхъ замѣтилъ.

6) Нѣкоторые изъ гг. смотрителей извинялись, что они меня не ожидали, то я симъ извѣщаю, чтобы меня ждали всегда, ибо я не намѣренъ увѣдомлять смотрителей о моемъ прибытіи. Училище же должно быть всегда въ такомъ видѣ, чтобы могли быть не стыдятся и не суетятся своего начальника, представить ему оное.

7. Въ нѣкоторыхъ училищахъ показываются въ наличности довольно значительныя суммы, почему и предписываю строжайше, чтобы ни при одномъ училищѣ болѣе 400 рублей не вмѣлось, а какъ скоро соберется ненужной для училища суммы 500 рублей, то немедленно высылать оныя въ приказъ общественнаго призрѣнія или въ государственннй заемный банкъ для приращенія о/о.

8. Отъ излишней экономіи нѣкоторыхъ смотрителей въ классахъ очень холодно, а ученики, вмѣсто того, чтобы заниматься науками грѣются.

9) Мальчики съ дѣвочками сидятъ попеременно на однихъ и тѣхъ же скамьяхъ; впредь отнюдь, чтобы сего не было, а учредить непременно для дѣвочекъ особыя скамьи.

4. Копія отношенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія къ е. с. г. Попечителю Харьковскаго учебнаго округа отъ 29 іюля 1836 г.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія объ изысканіи средствъ къ усилю и умноженію фабрикъ въ городахъ и развитію чрезъ сіе полезныхъ отраслей промышленности, для улучшенія состоянія городовъ, г. Министръ Финансовъ доводилъ до свѣдѣнія Государя Императора о соображеніяхъ по сему предмету нѣкоторыхъ гг. губернаторовъ и необходимости для успешнаго обращенія трудолюбива производительнаго класса къ промышленности мануфактурной распространить въ ономъ техническія познанія, сообразныхъ съ потребностью времени. Вслѣдствіе сего Его Императорское Величество, сверхъ другихъ общихъ распоряженій, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) При гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ университетовъ и мѣстныхъ обстоятельства востребуютъ, учредить отдѣленія реальныхъ училищъ, приспособленныхъ къ главной надобности того мѣста, съ направленіемъ ихъ къ мануфактурной промышленности или къ торговлѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ будутъ лекціи земледѣльческихъ наукъ, могутъ и онѣ присоединены быть къ симъ отдѣленіямъ.

2) Въ городахъ, гдѣ есть университеты, учредить публичныя лекціи, взамѣнъ вышеозначенныхъ отдѣленій.

Сообщая мнѣ о такой Высочайшей волѣ, г. Министръ Финансовъ проситъ меня составить проектъ положенія объ устройствѣ отдѣленій реальныхъ школъ. Касательно же учрежденія при университетахъ публичныхъ лекцій взамѣнъ означенныхъ отдѣленій, увѣдомить его, на какомъ основаніи и съ какого времени признаете возможнымъ открыть таковыя лекціи.

По раздѣляемому мною мнѣнію г. Министра Финансовъ, отдѣленія реальныхъ школъ должны состоять подъ начальствомъ директоровъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ. Въ самыхъ отдѣленіяхъ должны быть преподаваемы: практическая химія, практическая механика, рисованіе, черченіе, приоровленныя къ искусствамъ, техническія, торговое счетоводство, сельское хозяйство; гдѣ потребуется съ нѣкоторою прибавкою къ нынѣ полученному жалованью. Практическимъ химіи и механики и технологіи, въ гимназіяхъ, учителямъ физики, а въ уѣздныхъ училищахъ особымъ учителямъ; торговое счетоводство учителямъ математики; сельскаго хозяйства особымъ учителямъ.

Предполагая предметъ сей внести на разсужденіе Комитета устройства учебныхъ заведеній, мнѣ нужно имѣть предварительныя соображенія и мнѣніе по оному ближайшаго начальства учебныхъ округовъ, а потому покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство:

1) Увѣдомить меня, при какихъ именно гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ ввѣреннаго Вамъ округа считаете Вы нужнымъ и полезнымъ, соображалась съ народонаселеніемъ, степенью образованности онаго, родамъ занятій, географическимъ положеніемъ страны и физическими способами оной учредить отдѣленіе реальныхъ школъ, съ указаніемъ именно: въ какомъ мѣстѣ, какіе дополнительные предметы ученія мо-

туть быть нужны и полезны. При семъ Ваше Сіятельство не оставьте принять въ соображеніе и статьи о дополнительныхъ курсахъ по уставу учебныхъ заведеній 1828 года.

2) Опреѣливъ, гдѣ и что должно быть преподаваемо, войти въ соображеніе о возможности ввести дополнительное преподаваніе безъ нарушенія опредѣленнаго уставомъ 1828 г. числа часовъ преподаванія по каждому предмету, и сообщить, могутъ ли учителя гимназій, безъ вреда для настоящаго преподаванія, заняться еще обученіемъ предполагаемымъ предметомъ.

3) За сей прибавочный трудъ какое полагается дѣлать вознагражденіе учителямъ, которые для того употреблены будутъ, и какое примѣрно жалованье должно быть достаточно для предполагаемыхъ особыхъ учителей.

4) Принять благовременно мѣры къ присканію способныхъ учителей.

5) Представить соображеніе Вашего Сіятельства объ учрежденіи при ввѣренномъ Вамъ университетѣ публичныхъ лекцій взамѣнъ вышеозначенныхъ отдѣленій, присовокупивъ мнѣніе, на какомъ основаніи и съ какого времени признаете возможнымъ открыть таковыя лекціи.

На сей разъ ограничиваясь сими статьями, представляю В. С., войдя въ подробнѣйшее разсмотрѣніе способовъ къ приведенію въ скорое исполненіе Высочайшаго повелѣнія, дабы можно внести оное, вмѣстѣ съ мнѣніями г.г. попечителей, на разсужденіе комитета устройства учебныхъ заведеній и имѣя уже въ виду всѣ подробныя, полныя свѣдѣнія, приступитъ къ начертанію положенія и объ отдѣленіяхъ Реальныхъ училищъ. Подлинное подписали: М. Н. П. Сергѣй Уваровъ. Управляющій Департаментомъ кн. Ширинскій-Шахматовъ. Вѣрно съ подлиннымъ: писмоводитель Жуковъ. Вѣрно: въ должности секретаря Хижняковъ. Съ копіей вѣрно: писмоводитель Неклюдовъ.

ОЧЕРКИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПРИЛЕЖАЩИХ КЪ НЕЙ МѢСТНОСТЕЙ

Л. О. Павловича.

(Продолженіе).

Семейство 50-ое. Сложноцвѣтныя, Compositae.

Самое большое изъ сѣмянныхъ растений, семействъ Сложноцвѣтныхъ, имѣеть и въ нашей флорѣ многочисленныхъ представителей, около 200 видовъ, соединенныхъ въ 40 слишкомъ родовъ. Наши Сложноцвѣтныя—большею частию многолѣтнія травянистыя растенія—имѣють листья простые, часто надрѣзанные или разсѣченные, безъ прилистниковъ. Цвѣтки соединены въ головки, образующія какъ бы сложный цвѣтокъ, откуда и названіе всего семейства. По этимъ цвѣточнымъ головкамъ не трудно отличать растенія этого семейства отъ всѣхъ другихъ цвѣтковыхъ.—Обыкновенно цвѣточная головка состоитъ изъ нѣсколькихъ или многихъ маленькихъ цвѣтковъ, сидящихъ на общемъ цвѣтоложѣ, которое окружено снизу „покровомъ“, состоящимъ изъ малыхъ, расположенныхъ въ одинъ, или въ нѣсколько рядовъ листочковъ (покроволистиковъ). Покровъ имѣеть различныя формы, а цвѣтоложе бываетъ или голое или покрытое волосками, чешуйками (прицвѣтниками), между которыми сидятъ цвѣтки. Цвѣтки бываютъ тоже различной формы: трубчатые или язычковые; притомъ гермафродитны (обополовые), тычинковые (мужскіе), пестичные (женскіе) или безполовые; чаще всего и тѣ, и другіе вмѣстѣ въ одной головкѣ. Въ плодущихъ цвѣткахъ трубка чашечки обыкновенно срастается съ завязью и только край (отгибъ) ея выдается наружу или въ видѣ волосистаго кольца, *летушки*, или въ видѣ оторочки (коронки), иногда же и вовсе бываетъ не замѣтенъ. Тычинокъ 5, рѣже 4. Онѣ свободными нитями прикрѣплены къ трубкѣ вѣнчика, пыльниками же срастаются въ одну трубку, чрезъ которую проходитъ столбикъ, сидящій на верхушкѣ

завязи. Столбикъ на верху разщепленъ на два колѣнца (рыльца), коихъ форма различна, въ различныхъ группахъ этого семейства. Плодъ малый, сухой, неразверзающійся, называемый *сѣмянкою*, часто снабженъ бываетъ на верхушкѣ остающеюся летучкою или удлинениемъ въ видѣ клюва.

Сложноцвѣтныя, широко распространенныя по сѣверному полушарію земли, отъ полярныхъ странъ до тропическихъ и отъ низменностей до границы вѣчныхъ снѣговъ, представляютъ для человѣка много полезныхъ и интересныхъ растений. Нѣкоторыя изъ нихъ доставляютъ пищевыя вещества, красильные пигменты, жирныя масла, иныя давно извѣстны какъ лекарственныя средства, но самое значительное число ихъ разводится въ садахъ какъ украшающія растенія, ради красивыхъ формъ и многоразличныхъ оттѣнковъ цвѣта. Въ кормовомъ отношеніи для домашнихъ животныхъ они не имѣютъ большого значенія, хотя безвредны. Большихъ и колючихъ скотъ въ свѣжемъ видѣ не бѣтъ, но въ послѣднее время оказалось, что подготовленный силосованіемъ, они доставляютъ сочный и вкусный кормъ.

Опредѣленіе сложноцвѣтныхъ довольно легко. Многія изъ нихъ можно отличать по одному наружному виду и только нѣкоторые роды требуютъ болѣе внимательнаго изученія. Среди нашихъ отличаютъ 3 главныя группы: Щитконосныя, Будяковыя и Язычковыя.

I. Щитконосныя, Compositae. Цвѣточныя головки расположены б. или м. густымъ щиткомъ на верху растенія. Краевыя цвѣтки язычковые, срединныя — трубчатые.

Сѣдошъ, Eupatorium. Единственный видъ этого рода, *E. обыкновенный*, *E. cannabinum*, L., встрѣчается у насъ довольно часто. Высокое, многолѣтнее растеніе произрастаетъ обыкновенно на болотистыхъ мѣстахъ, по берегамъ, иногда на низменныхъ лѣсныхъ полянахъ. Узнать его легко, по прямымъ вѣтвистымъ стеблямъ, до 4 ф. и выше, супротивнымъ тройчато-раздѣльнымъ листьямъ съ ланцетными пальчатыми листочками, изъ коихъ средней длиннѣе. Особенно характерны небольшія цилиндрическія головки съ 5—6 трубчатыми блѣдно-розовыми цвѣтками, собранныя густымъ щиткомъ на верхушкахъ стеблей и вѣтокъ. — С. об. цвѣтетъ въ концѣ іюня и въ августѣ. Онъ содержитъ горькіе и острые соки. Свѣжая размятая зелень его употреблялась нѣкогда для леченія ранъ и нарывовъ. Въ стебляхъ находится волокно, сходное съ волокномъ конопли, но не столь прочное.

Вѣлокопытень, или такъ называемую въ народѣ „*Мать-Мачиху*“, *Tussilago Farfara*, L., можно встрѣтить цвѣтущимъ только въ началѣ весны, когда на немъ изъ подземнаго корневища развивается нѣсколько цвѣтосныхъ стеблей, несущихъ по одной головкѣ. Въ головкѣ всѣ цвѣтки желтые, многочисленныя краевыя нитевидныя образуютъ лучи. Прикорневые листья, большею частію два, на длинныхъ черешкахъ появляются только въ концѣ цвѣтенія. Пластинка ихъ имѣетъ въ очертаніи форму копыта, снизу бѣло-войлочная. М. м. встрѣчается у насъ довольно часто, на прибрежныхъ пескахъ, на днѣ и по суглинистымъ склонамъ овраговъ; растеть почти всегда общественно. Цвѣтки, листья и особенно корневище содержатъ горькія слизистыя вещества и издавна

употребляются какъ лекарственныя средства (Flores et folia Farfarae) отъ кашля (tussis), охриплости и другихъ болѣзней дыхательныхъ органовъ, особенно же для приготовленія груднаго чая (species ad infusum pectorale). Въ народной медицинѣ М. м. имѣеть тоже обширное примѣненіе въ грудныхъ болѣзняхъ, отъ кашля, удушья, водяной и золотухи, а снаружи прикладываютъ листья къ нарывамъ, ранамъ и опухлямъ.

Подбѣлъ, Petasites, подобно Мать-мачихѣ, раннее весеннее растеніе, зацвѣтающее прежде развитія корневыхъ листьевъ, легко отличается отъ ней толстымъ, полымъ цвѣтоноснымъ стеблемъ, несущимъ не одну, а много головокъ, расположенныхъ пучками, и широкими прикорневыми листьями. Отличаютъ три вида этого рода. У насъ обыкновеннымъ можно считать: *II. войлочный*, *P. tomentosus*, DC., кою широкіе, глубоко-сердцевидные, неравномерно-зубчатые листья снизу покрыты бѣло-войлочнымъ пушкомъ, и цвѣтки желтоватые. Онъ растетъ только въ тѣнистыхъ мѣстахъ по берегамъ ручейковъ и канавъ. Другой видъ *II. лекарственный* *P. officinalis*, L., съ блѣдно-пурпуровыми цвѣтками и такими же чешуями на стеблѣ встрѣчается у насъ очень рѣдко. Листья у него, хотя и сходны съ предыдущимъ, но нѣсколько меньше и лопасти сердцевиднаго основанія расходящіяся; корневище, обладающее сильнымъ ароматическимъ запахомъ долго считалось дѣйствительнымъ средствомъ противъ чумы рогаго скота (Pestwurz), но нынѣ оставлено. Въ Германіи крестьяне примѣшиваютъ сушеные листья къ нюхательному табаку, а молодая зелень можетъ быть употребляема для супа.—*II. снѣжный*, *P. niveus*, Bunge, тоже съ бурными чешуями на цвѣтоносномъ стеблѣ блѣдно-розовыми цвѣтками и снѣжно-бѣлыми снизу листьями, показанный ботаникомъ Горницкимъ для Курской губерніи, въ предѣлахъ нашей губерніи мнѣ не попадался.

Астры, *Aster*, отличаются небольшими головками, у коихъ лучевые язычковые цвѣтки иначе окрашены, чѣмъ срединные желтые. Къ обыкновеннымъ принадлежитъ у насъ только одинъ видъ: *Астра степная*, *A. amellus* L., зацвѣтающая въ началѣ августа. Тогда появляется она какъ бы внезапно на стенахъ, по окраинамъ полей и обрывовъ и по опушкамъ кустарниковъ, вообще на сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ. Узнать ее очень легко по характернымъ головкамъ, въ коихъ лучевые цвѣтки голубовато-лиловые, а внутренніе трубчатые-желтые. Стебель мало-вѣтвистый до 1½ ф., листья ланцетные цѣльнокрайніе или зубчатые. Астра эта, растущая въ сѣверной Италіи, поэтически описана была Виргиліемъ въ его Георгикахъ (*Georgica*, VI, 271) подъ названіемъ „*amellus*“, оттого нѣмецкіе ботаники называютъ ее „*виргиліевою*“.—*A. сѣдая*, *A. tripolium*, L., встрѣчается у насъ изрѣдка только на низменныхъ солонцеватыхъ почвахъ. Все растеніе сѣро-зеленое, стебель вѣтвистый листья линейно ланцетные, немного мясистые, головки дов. крупныя, съ голубовато-лиловыми, а иногда почти бѣлыми язычковыми цвѣтками.—*Астру жесткую*, *A. aser*, L. (*Galatella punctata*, Cass.) приходилось мнѣ встрѣчать только въ одичаломъ видѣ въ прежнихъ роскошныхъ паркахъ, какъ напр. въ Карачевкѣ, гдѣ онѣ и до сихъ поръ растутъ большими кустами.—Многочисленныя разно-

видности садовых астръ происходитъ отъ нѣсколькихъ сѣверо-американскихъ видовъ (*A. brumalis*, Nees., *A. Novae-Angliae*, L. и др.), но особенно отъ *Китайской астры*, *A. chinensis*, L. (*Callistephus chinensis*, Nees.), привезенной въ Европу изъ Китая въ 1732 году и вскоре сдѣлавшейся моднымъ цвѣткомъ. Съ тѣхъ поръ культура астръ постепенно расширялась. Образовалось множество весьма красивыхъ видоизмѣненій съ махровыми язычковыми цвѣтками различной величины и всѣхъ оттѣнковъ цвѣтовъ, начиная отъ бѣлаго до темно-пурпуроваго и фіолетоваго. Въ настоящее время въ Германіи, въ окрестностяхъ Эрфурта, астры разводятся на цѣлыхъ десятинахъ. Ихъ тамъ насчитываютъ до 280 сортовъ. Понятно, что для любителей садоводства астры, не требующія вообще большого ухода и цвѣтуція до поздней осени, являются весьма благодарными растеніями.

Ленокъ, *Lynosiris*, имѣетъ маленькія головки, собранныя на верхушкѣ стеблей густымъ щиткомъ; узкіе покроволистки не превышаютъ цвѣтковь. Всѣ цвѣтки трубчатые, золотисто-желтые. У насъ 2 вида: *L. обыкновенный*, *L. vulgaris*, Cass. (*Chrysocoma Lynosiris*, L.), коего стебли до 2—3 ф. высоты, невѣтвистые, голые, усажены линейными листьями, встрѣчается часто по опушкамъ лѣсовъ и кустарниковъ, цвѣтетъ въ концѣ іюля и въ августѣ. Другой видъ, *L. косматый*, *L. villosus*, DC, встрѣчается гораздо рѣже, по обрывамъ овраговъ и въ кустарникахъ. Онъ имѣетъ стебли вѣтвистые, сѣдые отъ прилегающихъ волосковъ и густо-усаженные ланцетными заостренными листьями. Головки какъ у предыдущаго, но покроволистки тупые.

Маргаритки, *Bellis perennis*, L., довольно обыкновенныя луговые растенія въ западномъ краѣ, съ розеткою лопатчатыхъ листьевъ при основаніи и безлиственными цвѣтоносными стеблями съ одиночными головками, въ дикомъ состояніи у насъ не встрѣчаются, но нерѣдко разводятся въ садахъ на рабаткахъ. Красивыя садовыя растенійца, б. ч. съ махрово-язычковыми цвѣтками розоваго-цвѣта, требуютъ глинистой почвы и частой поливки, но цвѣтутъ продолжительно, начиная съ мая до поздней осени.

Скороспѣлъ, *Erigeron*. Сорныя растенія, обыкновенныя на поляхъ, перелогохъ въ садахъ и огородахъ. *S. обыкновенный*, *E. acer*, L. Стебель до 1 ф. высоты, кверху развѣтвленный, жесткій отъ короткихъ волосковъ; листья линейные, нижніе опадаютъ до цвѣтенія. Головки маленькія, одиночныя на концахъ вѣтокъ, собраны короткимъ гроздомъ; цвѣтки нитевидные, краевые лиловые, едва выдаются изъ покрова. Растеніе это долго считалось дѣйствительнымъ средствомъ противъ „обглядыванія“ дѣтей, даже Греки и Римляне не были свободны отъ этого предразсудка. — *S. канадскій*, *E. canadensis*, L., гораздо выше предыдущаго, достигаетъ до 2 ф. Стебель прямой, листья узкіе, по краямъ рѣсничатые; головки многочисленныя крошечныя зеленныя, сидящія по бокамъ вѣтокъ, собраны въ длинную, пирамидальную облиствленную метелку. Краевые цвѣтки нитевидные, бѣлые, едва выдаются изъ покрова. — Сѣмена этого растенія, привезенныя случайно изъ Америки въ 1655 г. въ чучелѣ какой то птицы, нашли въ Европѣ столь благоприятныя условія для своего развитія, что растеніе это въ не-

продолжительное время распространилось по всей западной Европѣ и постепенно подвигалось къ востоку. Теперь оно встрѣчается у насъ въ изобиліи, какъ сорное на поляхъ и особенно въ садахъ и огородахъ, но такъ какъ оно однолѣтнее и размножается только сѣменами, то своевременнымъ полотьемъ избавиться отъ него легко. Имѣетъ горьковатый вкусъ и скотъ не охотно поѣдаетъ его.

Золотень (церк. слав.), *Solidago*. Родъ этотъ, богатый видами въ сѣверной Америкѣ, имѣетъ въ Европѣ, какъ и у насъ, одного только представителя: *З. обыкновенный*,—*S. Virgaurea*, L., крѣпкое, почти деревянистое растеніе, съ прямымъ, кверху метельчато-развѣтвленнымъ стеблемъ, до 2 ф. и выше. Нижніе листья обратно-яйцевидные черешчатые; стеблевые продолговато-ланцетные. Многочисленные небольшія, золотисто-желтыя головки расположены гроздовидно на вѣткахъ. Встрѣчается часто между кустарниками, въ рощахъ и зацвѣтаетъ въ концѣ іюля.—Изъ сѣверо-американскихъ видовъ, съ длинными, густыми, односторонними метелками, чаще другихъ разводится у насъ *З. канадскій*, *S. canadensis* L., растущій густыми высокими кустами и сходный съ нимъ—*S. longifolia*, Schrad. Оба даютъ прочную желтую краску.

Девясилъ, *Inula*. Обильный видами родъ этотъ имѣетъ и въ нашей флорѣ до 10 представителей. Ихъ не трудно отличать по довольно крупнымъ, лучистымъ, золотисто-желтымъ головкамъ. За исключеніемъ одного высокорослаго вида, всѣ остальные средняго роста, имѣютъ очередные продолговатые листья и летучку изъ однообразныхъ волосковъ.—*Д. настоящий*, *J. Helenium*, L. высокое, достигающее до 6 ф. растеніе съ широкими, неравномерно-зубчатыми, снизу бѣло-войлочными листьями и крупными, одиночными на концахъ вѣтокъ, головками. Длинные, линейные язычковые цвѣтки придаютъ головкамъ сходство съ подсолнечникомъ. *Д. н.* встрѣчается у насъ довольно часто въ тѣнистыхъ мѣстахъ, особенно возлѣ источниковъ, гдѣ растетъ обыкновенно группами. Толстое, мясистое корневище его содержитъ инулинъ (родъ крахмала), слизистыя и горькія смолистыя вещества, а также камфорное масло. Издревле употребляется въ медицинѣ (*Radix Helenii*) при леченіи легочныхъ и катаральныхъ болѣзней. Въ народной медицинѣ настой корня употребляется отъ лихорадки и ломоты. Свѣжіе листья мохнатого стороною прикладываются на раны, а отваромъ травы обмываютъ руки и тѣло, чтобы избавиться отъ чесотки.—Изъ среднерослыхъ видовъ къ самымъ обыкновеннымъ принадлежатъ: *Д. верболистный*, *J. salicina*, L., съ оттопыренными, голыми, яйцевидно-ланцетными листьями, изъ коихъ верхніе сердцевиднымъ основаніемъ объемлютъ стебель. Головки крупныя одиночныя, или не больше 5, золотисто-желтыя; сѣмянки голыя. Въ народной медицинѣ употребляютъ траву отъ венерическихъ болѣзней, отъ бородавокъ и на ванны отъ разныхъ недуговъ.—Столь-же часто встрѣчается и *Д. луговой*, *J. Britanica*, L., отличающійся отъ предыдущаго болѣе крупными головками и листьями, покрытыми снизу длинными волосками, покровъ у него изъ линейно-ланцетныхъ, равнодлинныхъ листочковъ; сѣмянки косматыя. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ по берегамъ и при канавахъ, вообще на сырыхъ мѣстахъ.—Изъ остальныхъ видовъ, встрѣчающихся

вообще гораздо рѣже, не трудно отличать: *Д. косматый*, *J. hirta* L., коего стебли и листья усажены оттопыренными волосками. Растетъ на степяхъ въ рощахъ и кустарникахъ.—*Д. мечелцетный*, *J. ensifolia* L. рѣзко различается отъ всѣхъ другихъ узкими линейно-ланцетными листьями съ выдающимися продольными жилками. Головки у него крупныя, чаще одиночныя, покровъ окруженъ снизу 3—6 листочками. Встрѣчается изрѣдка на степяхъ и по окраинамъ полей—*Д. жесткій*, *J. squarrosa*, L. (*J. Vulbonium*, Jacq.), имѣетъ жесткіе, бороздчатые стебли, листья продолговато-яйцевидные, округленнымъ основаніемъ сидячіе; головки небольшія оранжево-желтыя, собранныя густымъ щиткомъ, съ блѣдно-зелеными сильно-оттопоренными листочками покрова и малыми линейными язычковыми цвѣтками. Встрѣчается рѣдко по обрывамъ овраговъ.—*Д. золотистый*, *J. oculus-Christi*, L., имѣетъ 1—3 золотисто-желтыя головки, листья продолговато-ланцетные, покрытые шелковистыми волосками, нижніе суженные въ длинный черешокъ, верхніе сердцевиднымъ основаніемъ сидячіе; покроволистки линейныя; прижатые. Встрѣчался мнѣ не рѣдко въ рощахъ по Осколу въ окрестностяхъ Купянска.—Наконецъ *Д. германскій*, *J. germanica*, L., характеризуется многочисленными небольшими головками, собранными пучками въ общій щитокъ; въ нихъ язычковые цвѣтки только немного длиннѣе трубчатыхъ. Стебли коротко-пушистые; листья продолговато-ланцетные, снизу косматые, стеблевые при основаніи сердцевидные. Растетъ на сухихъ лугахъ, по суходольямъ и въ кустарникахъ. Какъ особую разновидность предыдущаго отличаютъ еще *Д. средній*, *J. medium*, MB., съ меньшимъ числомъ, но болѣе крупныхъ головокъ, у коихъ язычковые цвѣтки вдвое длиннѣе дисковыхъ и листья голые.—Всѣ средверослыя виды въ кормовомъ отношеніи не имѣютъ значенія, какъ сухія жесткія, содержащія горькія вещества растенія. Скотъ ихъ не ѣстъ развѣ только въ сѣнѣ вмѣстѣ съ другими травами, но всѣ они безвредны. Въ народной медицинѣ трава, листья, цвѣты употребляются и донынѣ, въ видѣ отвара или настоя отъ золотухи, кашля, охриплости и др. болѣзней.

Купалка, *Pulicaria*. Отличается отъ предыдущаго рода двойною летучкою изъ внутреннихъ длинныхъ и наружныхъ короткихъ, сросшихся при основаніи волосковъ, въ остальномъ сходенъ съ девясиломъ. *К. обыкновенная*, *P. vulgaris*, Gaertn. Небольшое сѣро-войлочное растеніе отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты, со стеблемъ отъ низу сильно развѣтвленнымъ и многочисленными малыми, грязно-желтыми головками, раскинутыми широкимъ щиткомъ. Листья линейно-ланцетные сидячіе, почти объемлющіе. Растетъ обильно на болотахъ, по низменнымъ выгонамъ, возлѣ канавъ; обладаетъ противнымъ запахомъ.—*К. лекарственная*, *P. dysenterica*, Gärtn., выше предыдущей, головки крупныя въ меньшемъ числѣ, цвѣтки желтыя, язычковые вдвое длиннѣе срединныхъ, листья широкимъ сердцевиднымъ основаніемъ объемлющіе стебель. Обыкновенная въ сѣверо-западномъ краѣ, у насъ стрѣчалась мнѣ очень рѣдко, на болотистыхъ мѣстахъ. Эта однолѣтняя трава прежде употреблялась въ медицинѣ при леченіи катарра кишекъ и др. болѣзней.

Георгина, *Georgina*. Садовыя растенія съ клубневидными корнями,